

91
Л 74

Ломинский С

Персия и персы

1902.

~~57233~~

ПЕРСІЯ И ПЕРСЫ

ЭСКИЗЫ И ОЧЕРКИ

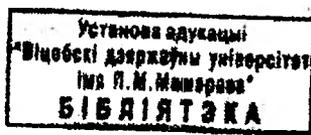
С. ЛОМНИЦКАГО (РЭДЖЭПЪ)

1898—1899—1900 гг.

44 РИСУНКАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ С. СУВОРИНА
1902

523978

Рисунки дозволени цензурою 4 октября 1901 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

Пограничная намъ Персія давно уже представляетъ собою широкое поприще для иностранной предприимчивости. Яркимъ примѣромъ данному положенію можетъ служить хотя бы, на примѣръ, то обстоятельство, что весь каменный уголь, потребляемый Тегераномъ, добывается иностранцами въ ближайшемъ къ столицѣ Персіи Эльбургскомъ хребтѣ.

До 1897 г. съ нашей стороны не существовало даже попытокъ развѣдать горныя богатства Персіи по ту сторону пограничной рѣки Аракса. Въ упомянутомъ году инициатива въ этомъ отношеніи горн. инженера Н. Н. Курмакова, энергически поддержанная инженерами А. М. Горяиновымъ и Ф. Е. Енакіевымъ, получила реальную форму: гг. Горяиновъ и Енакіевъ образовали горнопромышленное товарищество, которое направило Н. Н. Курмакова и меня для переговоровъ съ персидскимъ правительствомъ относительно эксплуатаціи рудныхъ богатствъ пограничной нашему Закавказью Азарбайджанской провинціи.

Воспользовавшись затѣмъ желаніемъ Н. Н. Курмакова обследовать горныя породы Мазандеранскаго берега, я совершилъ вмѣстѣ съ нимъ малоизвѣстный въ Россіи горный путь изъ Тегерана въ Мешедисеръ и далѣе моремъ — въ факторію Гязъ.

Персія, несмотря на всю свою близость къ намъ, является для насъ въ достаточной степени «terra incognita». Обстоятельство это, главнымъ образомъ, побудило меня набросать мои бѣглыя пестрыя замѣтки.

С. Ломницкій (Раджаѣ).

I.

Э н з е л и.

На морѣ свѣтаетъ. Нашъ маленькій узкій, какъ шука, пароходъ начинаетъ уменьшать ходъ; на горизонтѣ все яснѣе и яснѣе вырисовывается длинная узкая коса съ неясными очертаніями растущихъ на ней рѣдкихъ деревьевъ. На востокъ разсвѣтъ и сумерки очень коротки: не проходитъ и четверти часа, какъ изъ-за Талишскаго хребта появляются горячіе золотые лучи и, скользя по темносинимъ волнамъ, то слегка окрашиваютъ ихъ въ мѣдный цвѣтъ, то искрятся въ ихъ бѣлесовато-зеленыхъ гребняхъ. Пароходъ стопорить. Онъ долженъ остановиться за версту отъ города: берегъ мелкій съ вѣчными бурунами, среди которыхъ погибло много мелкихъ судовъ, гибли цѣлыя команды, пассажиры и лодочники, словомъ, здѣсь «много жертвъ погребено».

При появленіи парохода, отъ косы начинаютъ исподволь отдѣляться темныя продолговатыя щепки, которыя, приближаясь и мелькая по гребнямъ волнъ, постепенно увеличиваются, и глазъ начинаетъ различать длинныя, потемнѣвшія отъ времени, досчатыя лодки съ многочисленными гребцами.

— Отчаянный народъ, доложу вамъ, эти кѣржимшики (лодочники), утѣшаетъ пассажира помощникъ

капитана;—они готовы во всякую погоду возить пассажировъ. До парохода-то добраться въ бурунъ все же легче, а вотъ отсюда на берегъ—бѣда. А имъ что, плаваютъ они превосходно; чуть что плохо, онъ, какъ рыба, юркнулъ въ море и будетъ у берега, ну а пассажиръ со своимъ багажемъ — непременно ко дну.

— Говорятъ, здѣсь существуетъ паровой катеръ, который поддерживаетъ сообщеніе парохода съ берегомъ, обращается къ капитану одинъ изъ пассажировъ.

— Катеръ сущесфуэтъ, но на бурунъ нэ плифетъ, флегматично заявляетъ капитанъ изъ отзейскихъ нѣмцевъ.

— «Нэ плифетъ», передразниваетъ капитана какой-то бакинецъ,— потому что это не катеръ, а старая водовозная бочка. Ей-же стыдно обществу «Кавказъ и Меркурій» не имѣть здѣсь хорошаго плоскодоннаго катера. Вѣдь на вашей обязанности лежитъ доставить пассажира на берегъ, а вы сдаете его кѣржимщикамъ, которые если не потопятъ, то ужъ сорвутъ за провозъ что сами захотятъ.

Пока идутъ столь пріятныя разговоры, къ правому борту парохода подходятъ одинъ за другимъ большіе и малые персидскіе кѣржимы; они бѣшено пляшутъ на волнѣ и съ большими усиліями пристають къ борту.

Пассажиры и багажъ не безъ усилій скорѣ сваливаются, чѣмъ передаются на лодку, и начинается не то ныряніе, не то плаваніе къ берегу. Нужно отдать справедливость персидскимъ кѣржимщикамъ, ихъ силъ, ловкости и умѣнію справляться съ буруномъ. Здѣсь необходимо зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ волны и умѣть пользоваться каждою минутою. Посреди пути между пароходомъ и берегомъ подымается вверхъ непосредственно изъ буруна громадный черный крестъ. Послѣ первой минуты недоумѣнія начинаешь вглядываться ближе и замѣчаешь, что это уцѣлѣвшая мачта съ верхней перекладиной отъ погибшаго здѣсь судна.

Этотъ громадный черный крестъ среди высокихъ пѣнистыхъ волнъ словно простеръ свои объятія по направлению къ Энзели. Качаясь въ кѣржимѣ, я часто поглядываю на него, и мнѣ чудится нѣчто символическое въ этомъ своеобразномъ явленіи.

Минуть двадцать спустя, мы входимъ въ узкій проливъ, отдѣляющій громадное озеро, скорѣе—заливъ отъ моря. Кѣржимщики, вздохнувъ свободнѣе, гребутъ безъ напряженія; рулевой беззаботно садится на одинъ изъ нашихъ выюковъ.

По правой сторонѣ залива раскинулся городъ, по лѣвой нѣсколько зданій, въ томъ числѣ зданіе, гдѣ помѣщается агентство общества Кавказъ и Меркурій и громадный амбаръ, верхній этажъ котораго превращенъ какимъ-то греческимъ человѣкомъ въ «Европейскую Гостинницу», очень грязную, съ отвратительной обстановкою, но зато съ преискурантомъ, который сдѣлалъ бы честь первоклассной гостинницѣ Лондона.

Къ нашимъ номерамъ прилажено нѣчто въ родѣ балкона, откуда видѣнъ весь Энзели съ его окрестностями на далекое разстояніе. Мѣстность кругомъ ровная, поросшая мелкимъ кустарникомъ и камышемъ; имъ же до половины заросло громадное тихое озеро. Съ правой стороны помѣстился городъ, маленькій, грязный, но все же сравнительно бойкій, съ маленькими досчатыми пристанями, у которыхъ стоитъ масса лодокъ и даже нѣсколько мелкосидящихъ пароходовъ. Противоположная базару сторона вся тонетъ въ богатой зелени, сквозь которую бѣлѣютъ уютные домики съ высокими соломенными и камышевыми крышами, отражающимися въ сонныхъ водахъ озера. Чѣмъ-то тихимъ, убаюкивающимъ вѣетъ отъ этой картины. За этими невысокими плетнями, въ бѣлыхъ домикахъ живетъ, не мудрствуя лукаво, рабочій персидскій людъ: лодочники, рыболовы, гамалы (носильщики грузовъ),

здѣсь царство мускульной силы. Муллы не успѣли еще втолковать имъ, да никогда и не въ состояніи будутъ втолковать, что они, магометане, по выраженію корана, «лучшій народъ въ мірѣ». Ни кѣржимщикъ, ни гамаль никогда этому не повѣрятъ. Здѣсь, въ портовомъ городѣ, они такъ часто встрѣчаются съ ференги, по преимуществу съ урусами, они такъ часто привыкли видѣть проявленія человѣколюбія и справедливости со стороны кьяфыровъ (враговъ) и испытали столько жестокости и лихоимства отъ своихъ же бузургуновъ (помѣщиковъ, сильныхъ людей) и чиновниковъ, что сравнительная оцѣнка привела бѣдняка-кѣржимщика къ совершенно другимъ выводамъ.

Правда, большинство этихъ младенцевъ-правовѣрныхъ глубоко убѣждено въ томъ, что каждый ференги непомѣрно богатъ, и что съ него можно получить въ десять разъ больше, чѣмъ со своего перса-халатника; да притомъ ференги въ отношеніи бѣдняка никогда и не скупится—такъ отчего же и не взять. Кѣржимщикъ не знаетъ гарема; онъ любитъ свою единственную Сэдигѣ или Сарра и обожаетъ своихъ черноглазыхъ ребятишекъ.

Совершенная противоположность кѣржимщику — обитающій на противоположномъ берегу озера торгошъ. Тотъ уже глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ принадлежитъ «къ народу лучшему въ мірѣ». Еще болѣе убѣжденъ въ этомъ чиновникъ, а паче всѣхъ убѣжденъ полуграмотный мулла, поэтому-то для сихъ послѣднихъ ничего въ мірѣ нѣтъ святого, кромѣ собственной персоны.

Вьюки свалены въ одинъ номеръ, другой занимаемъ мы съ Н. Н. Курмаковымъ, и начинается торгъ съ кѣржимщиками. Кѣржимщикъ, конечно, по своему праву: разъ общество «Кавказъ и Меркурій» передало ему злополучнаго пассажира въ полное и безспорное владѣніе, то сей послѣдній понимаетъ сію передачу не

въ иномъ какомъ смыслѣ, какъ только въ смыслѣ передачи ему ференги на потокъ и разграбленіе.

— Какъ же вашъ мѣстный агентъ сообщается съ пароходомъ въ такой бурунъ? спрашиваю у содержателя гостинницы.

— Почту свозить кѣржимщикъ, отвѣчаетъ греческій человекъ,—а агентъ выйти не можетъ; онъ теперь съ пробитымъ дномъ, пошелъ въ Баку на починку.

— Ничего не понимаю... «Агентъ съ пробитымъ дномъ»...

— Нѣтъ, господинъ, катеръ... да, впрочемъ, это все равно; съ пробитымъ дномъ и безъ пробитаго дна катеръ старый, дрянной, рѣдко выходитъ; онъ не только волны, но даже и воды боится. Осенью рѣдкій рейсъ, что удается получить съ парохода не только грузы, но даже и почту. Придетъ пароходъ, постоитъ, посвищетъ, да такъ и уйдетъ; кѣржимщики ужъ на что народъ храбрый, а и тѣ боятся выйти; такъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не получаемъ ни писемъ, ни газетъ.

Содержатель гостинницы былъ правъ. Будь у общества хорошій, тысячъ въ шестьдесятъ, плоскодонный катеръ, тотъ, пожалуй, не страдалъ бы водобоязню.

Часъ спустя мнѣ пришлось случайно говорить на ту же тему съ однимъ изъ энзелійскихъ купцовъ.

— Вѣдь вотъ, какъ видите, говорилъ мой новый знакомый,—пристать пароходу негдѣ; разгрузка и выгрузка осенью и зимою почти невозможны; пассажиры, случается, дѣлаютъ по нѣсколько рейсовъ взадъ и впередъ, пока, наконецъ, удастся сойти на берегъ; а вѣдь сколько не то что милліоновъ, а десятковъ милліоновъ казенной субсидіи получило это общество за время своего существованія. Мало того, они даже не догадались пріобрѣсть здѣсь въ собственность кусокъ земли на прибрежной полосѣ для постройки своихъ зданій. Только теперь вотъ заметались, когда, вмѣсто преж-

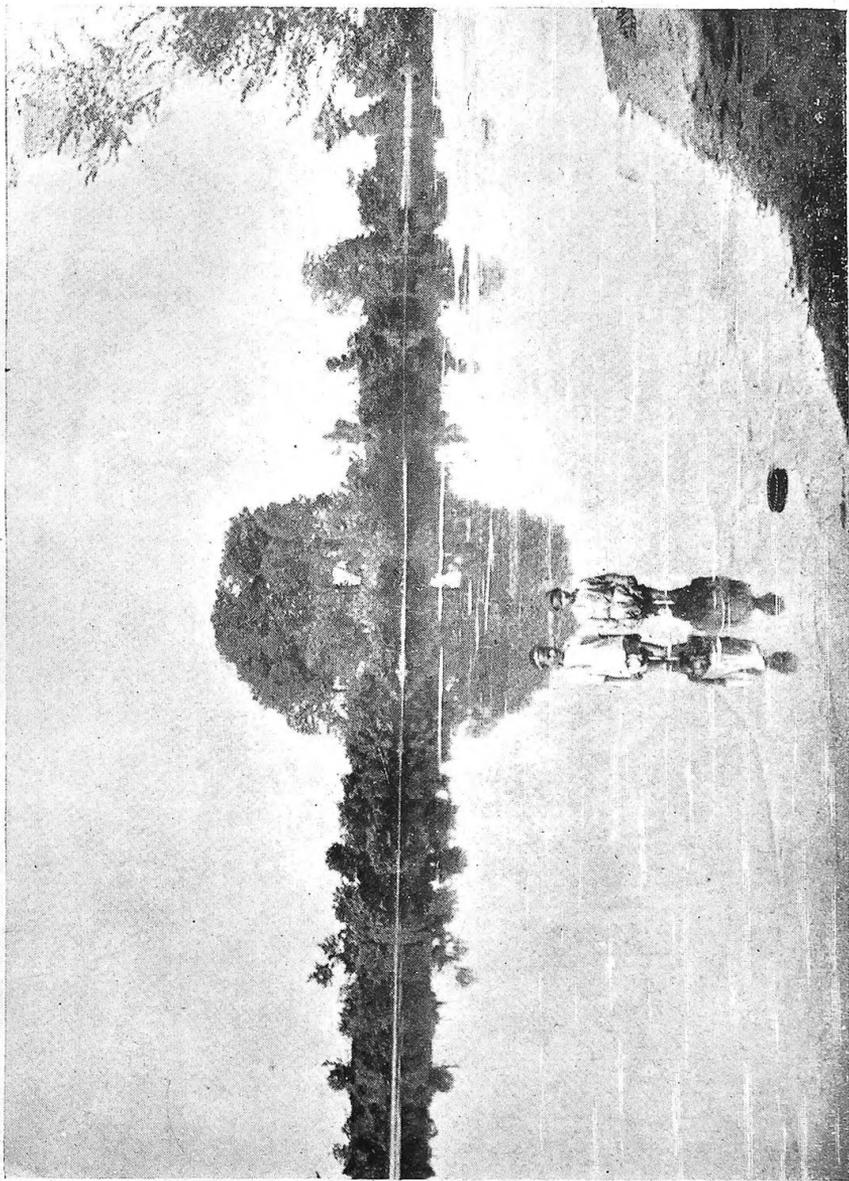
нихъ двухсотъ рублей, приходится за тотъ же участокъ платить десять тысячъ, да и то еще вопросъ— получишь ли. Нынѣ и персы поумѣе стали, страсть какъ дорожатъ каждымъ аршиномъ земли. Пустите-ка сюда людей съ настоящими коммерческими мозгами, то ли бы это было; а теперь вотъ посмотрите: богато субсидируемое общество не можетъ никакъ справиться съ частной конкуренціей; да и не удивительно; у нихъ даже не имѣется рейсовъ между Энзели и Мешедисеромъ. Чтобы попасть изъ Энзели въ Мешедисеръ, приходится идти сначала въ Баку, затѣмъ въ Красноводскъ и оттуда, окруживъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, все Каспійское море, вы попадаете въ Мешедисеръ. Обратное—та же процедура. Понятно, что торговый народъ предпочитаетъ круговые рейсы пароходовъ, принадлежащихъ Туманьянцу и разнымъ Бакинскимъ персамъ.

Во время этого разсказа мнѣ почему-то вспомнился одинъ изъ моихъ пріятелей, который, распекая своего провинившагося племянника, всегда обращался къ нему съ одной и той же стереотипной фразой: «Ахъ, милый Петя, гдѣ же твои мозги.» Ахъ, милые акціонеры общества «Кавказъ и Меркурій»... хочется воскликнуть при видѣ здѣшнихъ порядковъ.

Портъ Энзели могъ бы играть не послѣднюю роль въ нашей торговлѣ съ Персією, при условіи приспособленія этого порта къ безопасной стоянкѣ судовъ, что весьма не трудно сдѣлать, углубивъ проходъ и самое озеро Мордъ-Апъ (мертвая вода—въ переводѣ на нашъ языкъ).

Въ настоящее время озеро заносится иломъ, который даетъ въ изобиліи рѣка Пиръ-Базаръ. Если дѣло останется надолго въ томъ же положеніи, то все озеро современемъ превратится въ прибрежную полосу.

Говорятъ, что персидское правительство дало кому-то концессию на сооруженіе здѣсь порта. Если это

На Глинянскомъ берегу.

такъ, то желательно, чтобы концессія эта попала въ хорошія руки.

Доставляемые въ Энзели пароходами исключительно русскіе товары, направляются далѣе въ Рештѣ, Казвинъ и Тегеранъ.

Самъ по себѣ городъ, я не говорю о портѣ, не представляетъ пока большого интереса въ торговомъ отношеніи, такъ какъ складочнымъ пунктомъ для привозныхъ товаровъ является близлежащій Рештѣ, куда мы рѣшили направиться сегодня же. Но прежде чѣмъ усѣсться въ кѣржимы для дальнѣйшаго странствованія, мы съ товарищемъ отправились осмотрѣть шахскій садъ и многоэтажную восьмиугольную башню, которая служитъ помѣщеніемъ для прѣбывающихъ въ Энзели принцевъ царствующей династіи. Ни башня, ни садъ, не представляютъ собою большого интереса. Первая близка къ разрушенію, преимущественно же окружающія ее сверху до низу деревянныя перила. Что касается сада, то сотня небольшихъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревъ составляютъ все его украшеніе. Съ правой стороны отъ входа, у стѣны сада тянется длинный одноэтажный флигель—мѣстная тюрьма. Когда я вошелъ туда, моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: у противоположной отъ входа глухой стѣны сидѣло человѣкъ семь-восемь арестованныхъ. Правая нога каждаго изъ нихъ была продѣта въ одну общую длинную колодку — дубовый брусъ съ углубленіями для продѣтыхъ ногъ. Колодка запирается на замокъ. Трое изъ заключенныхъ были пойманы въ качествѣ воровъ съ поличнымъ; они ждали дня, когда губернаторъ прикажетъ каждому изъ нихъ отрубить правую руку, конечно, если они какъ-нибудь не откупятся. Два-три человѣка содержались за болѣе мелкіе проступки; среди послѣднихъ былъ двѣнадцатилѣтній мальчуганъ, провинившійся тѣмъ, что не дослужилъ срока у своего хозяина, у котораго онъ нанялся на службу.

Мальчуганъ съ плачемъ увѣрялъ, что онъ убѣжалъ отъ побоевъ и голоданія, которымъ подвергалъ его жестокій хозяинъ.

— Сколько времени онъ будетъ содержаться у васъ? спрашиваю тюремщика, онъ же и палачъ.

— До тѣхъ поръ, пока хозяинъ не проститъ его или его родные не возвратятъ хозяину два тумана (4 руб.), которые онъ долженъ былъ отработать.

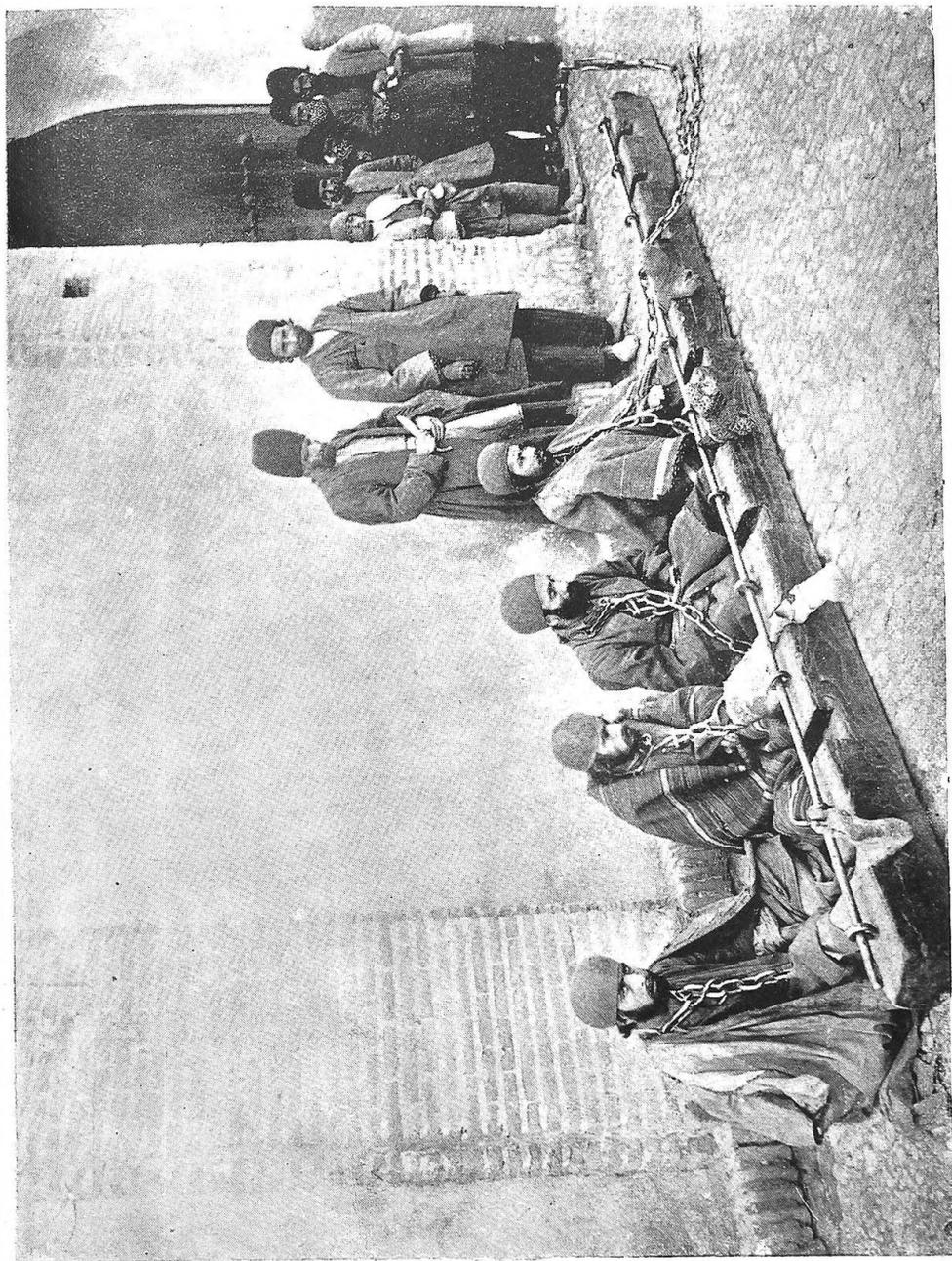
— А если онъ круглый сирота, кто же вступится за него?

— Это ужъ его дѣло.

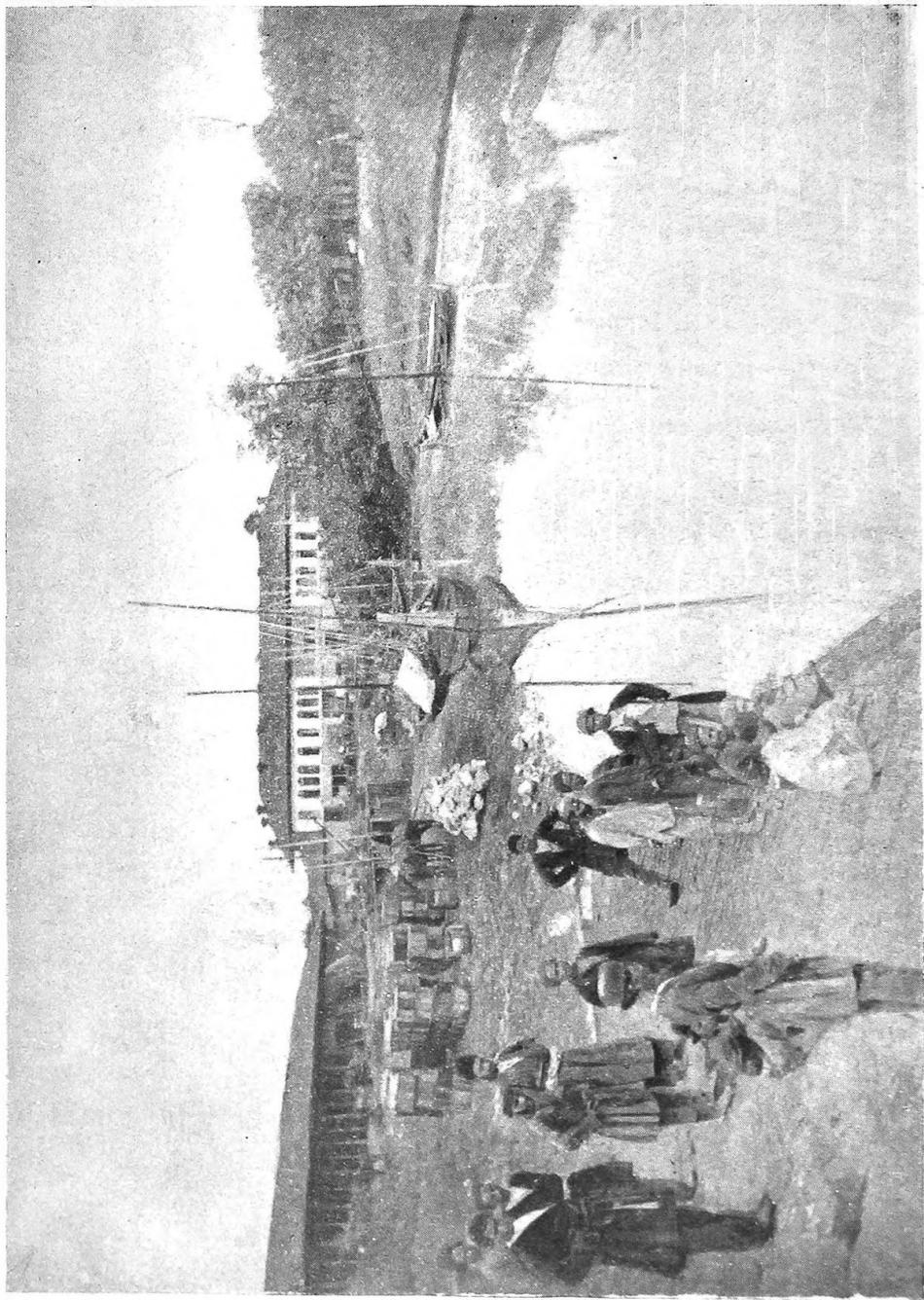
Мальчуганъ въ дѣйствительности оказался сиротою, и когда мы съ Н. Н. Курмаковымъ пожелали оказать ему помощь, то тюремщикъ-палачъ былъ изумленъ до крайности. Его выпученные глаза на сухомъ окаменѣвшемъ лицѣ, казалось, говорили, что пришелъ конецъ міру, если нечистые ференги, кьяфы (гьяуры), выручаютъ правовѣрнаго; дѣло, по его понятіямъ, невиданное и неслыханное.

Осмотръ Энзели мы заканчиваемъ посѣщеніемъ нашего консула и къ двумъ часамъ дня усаживаемся въ громадный кѣржимъ для слѣдованія далѣе въ Рештъ. Вначалѣ слабый вѣтеръ давалъ еще кое-какую возможность идти подъ парусами, но вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ весламъ, а при входѣ въ рѣку Пиръ-Базаръ весла здѣсь всегда замѣняются лямкою. Оказывается, что не одни только наши бурлаки знаютъ лямку; знаютъ ее хорошо и бѣдные персидскіе кѣржимщики.

Рѣка Пиръ-Базаръ, начинаясь у Талипскаго хребта, течетъ въ Мордъ-Апъ, неся въ своихъ водахъ массу ила. Ея теченіе, очень быстрое вначалѣ, становится все медленнѣе по мѣрѣ приближенія къ озеру. Оба берега рѣки отъ ея устья почти до самаго Решта опущены большимъ красивымъ кустарникомъ, за которымъ тянутся безконечныя туовыя плантаціи, рѣдкія усадьбы и пастбища. Какъ Мордъ-Апъ, такъ и Пиръ-Базаръ,

Персидская тюрьма. Арестанты, палач, и тюремный надзиратель.

Рынок в Панама-Баррако, провинция, и окрестности города.

что называется, кишать рыбою, преимущественно очень крупными золотистыми лещами, лососяною и громадными, величиною болѣе сажени, сомами.

Запрягшись въ лямку, лодочники тянутъ нашъ кѣржимъ вверхъ противъ теченія. Всѣ они средняго роста, смуглые съ крупными чертами и добродушнымъ выраженіемъ лица, большими, черными, блестящими глазами; все это народъ сильный, мускулистый, привыкшій къ веслу и лямкѣ. Въ самые трудные моменты работы, гдѣ нашъ бурлакъ затянетъ «Дубинушку», кѣржимщикъ-персъ беретъ болѣе живымъ темпомъ религіозное восклицаніе: «Я Али,—я Хуссейнъ!» Послѣ четырехчасового хода, мы высаживаемся въ мѣстечкѣ Пиръ-Базаръ, отъ котораго рѣка получила свое названіе. Отъ Пиръ-Базара до Решта 7—8 верстъ, дорога ровная, хорошая. Она все время тянется по густо-населенной мѣстности, среди рисовыхъ, туттовыхъ и табачныхъ плантацій. Повсюду высокія, самыхъ разнообразныхъ породъ, деревья, сочный кустарникъ, мѣстами гигантскій камышь.

Но вотъ усадьбы стали чаще, многія изъ нихъ подошли совсѣмъ близко къ дорогѣ, въ нѣкоторыхъ открыты пекарни и лавочки, повсюду чувствуется уже близость города. Еще четверть версты среди такой обстановки, и, проѣхавъ какой-то допотопный мостъ, мы вступаемъ въ Рештъ.

II.

Р е ш е н и е .

Солнце жжетъ нестерпимо — одолѣваетъ жажда; спрашиваю у перваго встрѣчнаго перса, гдѣ бы раздобыть сифонъ содовой или сельтерской воды; шерbetы уже надоѣли, да и вода съ сиропомъ не утоляетъ жажды.

— Вотъ тамъ лѣвѣе торгуетъ урусъ, тамъ найдете, вѣжливо отвѣчаетъ чалмоносецъ въ длинномъ черномъ халатѣ, зеленой чалмѣ и остроконечныхъ туфляхъ на босую ногу.

«Армянинъ или какой-нибудь инородецъ изъ русско-подданныхъ», думаю про себя, направляясь по указанію перса; о русскихъ купцахъ въ Персіи я что-то не слышалъ, да и читать о ихъ дѣятельности въ Персіи нигдѣ не приходилось.

Съ чувствомъ недовѣрчиваго любопытства открываю дверь небольшого магазина, и къ величайшему изумленію, вижу за прилавкомъ плотную фигуру съ очень симпатичнымъ славянскимъ лицомъ. Въ числѣ товаровъ оказалась даже Боржомская вода. Подали стаканъ, послали за льдомъ. Разговорились.

— Давно здѣсь торгуете? спрашиваю, обрадовавшись такой находкѣ.

— Будетъ, пожалуй, болѣе года.

— Какъ дѣла?

— Пока жаловаться не могу, посмотримъ; какъ будетъ дальше, хотя имѣются трудности и неудобства.

— Скажите, какъ вы ладите съ персами, притѣсненій вамъ не дѣлаютъ?

— Грѣшно было бы жаловаться. Торговля вообще не только здѣсь въ Рештѣ, но и во всей Персіи ничѣмъ не стѣснена: никакихъ гильдейскихъ и другихъ платежей никто не требуетъ, намъ иностранцамъ, даже незачѣмъ скрывать наши обороты.

— Развѣ персы считаютъ необходимымъ держать въ тайнѣ свои торговые дѣла?

— Иначе и нельзя. По здѣшнимъ порядкамъ какъ только персъ расторговался, да не сумѣлъ это хорошо скрыть, такъ сейчасъ же мѣстные чиновники ограбятъ его. Удастся ли персу хорошій оборотъ, заключена ли крупная сдѣлка — все это держится въ величайшей тайнѣ. Не приведи Богъ персу какъ-нибудь показать, что онъ заработалъ деньгу, сейчасъ же нищимъ станетъ.

— Оберутъ?

— Разорять окончательно. Провѣдалъ объ этомъ губернаторъ, подай ему, да по своей жадности, онъ заломитъ такую цифру бѣдному торговцу, какой тотъ никогда даже и во снѣ не видывалъ. Мало того, подай и секретарю губернатора — мирзѣ, который пишетъ ему все бумаги; вѣдь здѣшній губернаторъ совсѣмъ неграмотный, добавилъ мимоходомъ мой собесѣдникъ, словно сообщая о самомъ обыкновенномъ явленіи. — За мирзою, продолжалъ онъ, — пойдетъ и прочая мелкая чиновная челядь. Мало того, въ дѣло вмѣшаются даже муллы и сеиды, и тѣ его пощиплютъ. Вѣрите ли, не только разорятъ, но еще бѣдный персъ въ тюрьмѣ насидится, да палками по пятамъ получить. Губернаторъ и чиновники вѣдь не получаютъ ни гроша жалованья, а межъ тѣмъ каждый изъ нихъ,

заплативъ за свое назначеніе, долженъ ежегодно посылать въ Тегеранъ, смотря по должности, довольно крупную сумму; потому-то и жадность у нихъ неслышанная. Что же касается, напримѣръ, меня, русско-подданнаго, такъ это шалишь — руки коротки. Здѣсь, въ Рештѣ у насъ свой консулъ, въ Тегеранъ посланникъ, а въ Закавказьи сотня тысячъ штыковъ: персидскіе чиновники это хорошо понимаютъ. Здѣсь проживаютъ персы и армяне русско-подданные; такъ имъ все населеніе завидуетъ. Кажется всѣ персы, если бы могли, гуртомъ перешли бы въ русское подданство; многимъ мѣшаетъ только ихъ фанатизмъ: Россія-де все же держава христіанская. Каждый разъ, когда въ Тавризѣ случаются безпорядки, большая половина городскаго населенія является къ нашему консулу съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство.

— Большинство товаровъ выписывается изъ Россіи?

— Почти что все, но съ выпиской всегда трудности, лишніе накладные расходы да хлопоты: неисправность въ своевременной доставкѣ товара причиняетъ много убытка.

— Доставка товаровъ изъ Энзели въ Рештѣ—вѣдь, самое большое сутки, считая нагрузку и выгрузку, развѣ персы и здѣсь плошаютъ?

— Какое тамъ персы! Персы, долженъ вамъ замѣтить — народъ въ общемъ ненадежный и продувной, но что касается доставки товаровъ, то вы нигдѣ не найдете такого добросовѣстнаго народа, какъ персидскіе червадары (владѣльцы каравановъ). Червадару вы можете довѣрить самый цѣнный грузъ, и будьте увѣрены, что онъ доставитъ вамъ его въ цѣлости. А вотъ поручите-ка только доставку товаровъ до Энзели нашему богатому обществу «Кавказъ и Меркурій» — вѣдь безъ его услугъ обойтись невозможно — и тогда они изъ васъ всю душу вымотаютъ. Вы ждете товаръ черезъ двѣ недѣли, а получаете ровно черезъ ~~два~~ ~~недѣли~~; я не

преувеличиваю. Иначе и быть не может ~~быть так~~ как агенты общества, хотя народъ ~~братъ~~ почтенный, но бѣда въ томъ, что въ коммерціи они ~~что называется~~ ни въ зубъ. Вѣрите ли, слово «фактура» отъ «мануфактура» отличить не умѣютъ. Безпорядокъ у нихъ ужасный; товары залеживаются въ агентствахъ по три-четыре мѣсяца и получаютъ зачастую совсѣмъ испорченными. Большая часть товаровъ — каждый имѣетъ свой сезонъ. Подумайте, каково это купцу получить лѣтомъ товары, предназначенные для зимняго сезона. Вотъ въ выпрашиваніи субсидіи, незаслуженно получаемой отъ казны, они навѣрное не опаздываютъ. Въ такомъ, напримѣръ, центрѣ, какъ Баку, они даже не потрудились устроить у себя въ агентствѣ хотя бы маленькое приличное помѣщеніе для пассажировъ и ихъ ручного багажа, а поглядите-ка каковы пароходы, пускаемые въ персидскіе рейсы — что ни пароходъ, то нафабранный инвалидъ. Выходитъ, что не отъ персовъ терпимъ, а отъ своихъ же «субсидируемыхъ».

Въ самомъ дѣлѣ, если добавить къ этимъ словамъ моего новаго знакома непомѣрно высокую плату за провозъ товара, субсидированное, а потому монопольное положеніе общества, то легко понять, насколько это общество отвѣчаетъ своему прямому назначенію — способствовать развитію торговыхъ сношеній между Персією и Россією. Получая субсидію, такое общество должно бы блюсти и извѣстные политическіе интересы Россіи, но ему никакого дѣла нѣтъ ни въ торговыхъ и прочихъ интересахъ Россіи, когда ~~его единственная~~ забота направлена къ тому, чтобы выдать дѣлать пять процентовъ на номинальную стоимость акцій. Открыто было обществомъ агентствъ въ Ардабиджанѣ очевидно, для вящаго развитія нашей торговли съ Персією, агентство вскорѣ было закрыто. Въ Баку пассажирская билетная касса помѣщается въ конюшню, в которой ~~нетъ~~ ~~какого-нибудь~~ ~~зданія~~ для пасса-

жировъ, а что касается срочности доставки, то купцы-персы постоянно жалуются, что ихъ грузы жележиваются и портятся въ агентствахъ пресловутаго общества. Мало того, меня крайне поразило то обстоятельство, что изъ двадцати пароходовъ, принадлежащихъ обществу «Кавказъ и Меркурій», только шесть находятся подъ командою русскихъ капитановъ,—остальные четырнадцать капитановъ — всѣ нѣмцы, шведы и финляндцы. Равнымъ образомъ, почти всѣ старшіе механики на пароходахъ тоже шведы. «Заѣли они насъ», жаловался мнѣ одинъ изъ помощниковъ механика — машинистъ. «Сколько бы не открылось вакансій на механика, они сейчасъ же своего нѣмца или шведа пристроятъ, а намъ, русскимъ, никакого хода не даютъ.

Къ числу причинъ, тормозящихъ нашу торговлю съ Персією, слѣдуетъ отнести отсутствіе хорошихъ путей сообщенія въ Персіи, а также полную невозможность пересылки денегъ въ Россію. Персія не вошла во «Всемирный почтовый союзъ», и хотя персидская почта и приметъ отъ васъ деньги, но она не ручается, что деньги будутъ получены адресатомъ въ Россіи. Денежнаго перевода изъ наиболѣе торговыхъ центровъ Решта, Тавриза и Мешеда въ Россію тоже нѣтъ возможности сдѣлать, и хотя здѣсь и существуетъ отдѣленіе тегеранскаго англійскаго банка, но онъ совсѣмъ не даетъ переводовъ на Россію, а нашъ русскій ссудный банкъ не только не открылъ здѣсь своего отдѣленія, но, очевидно, пребываетъ въ блаженномъ невѣдѣніи торговыхъ дѣлъ Персіи. Говорятъ, что Петербургъ почему-то тормозитъ это дѣло¹⁾, и если это такъ, то правленіе дѣлаетъ большую ошибку, такъ какъ отдѣленіе ссуднаго банка въ Рештѣ могло бы превосходно работать. Въ Рештѣ за послѣднее время

¹⁾ Только спустя три года, т. е. въ настоящее время ссудный банкъ рѣшилъ открыть отдѣленія въ Рештѣ, Тавридѣ и Мешедѣ.

начались большія операціі по торговлѣ коконами. Шелкъ изъ окрестностей Решта считается едва ли не лучшимъ въ Европѣ. Въ позапрошломъ году появились здѣсь французы, начали скупать коконы, построили громадныя паровыя сушильни и въ этомъ году успѣли уже отправить въ Марсель очень большую партію сушеныхъ коконовъ. Цѣна на коконы въ Рештѣ сразу поднялась на двадцать процентовъ. И все это предъ-лывается, что называется, у насъ подъ носомъ, а Москва, нуждаясь въ коконахъ для своихъ многочисленныхъ фабрикъ, такъ-таки и не догадалась послать сюда своихъ агентовъ; пришли французы изъ-за тридевять земель и наживаютъ рубль на рубль. Богатые Гилянскіе и Мазандеранскіе лѣса варварски эксплоатируются какимъ-то грекомъ; рыбныя ловли на берегахъ Каспійскаго моря заарендованы купцомъ-армяниномъ, а мы словно дали зарокъ не касаться природныхъ богатствъ пограничной съ нами страны. Та-вризъ и Мешедъ, даже болѣе Решта, нуждаются въ открытіи въ нихъ отдѣленія ссуднаго банка; тамъ операціи крупнѣе и торговыя сношенія съ Россією чаще, но мы кажется дождемся того, что англійскій банкъ все возьметъ въ свои руки. Весь югъ Персіи давно уже въ рукахъ англичанъ: ихъ банки, миссіонеры, купцы и чиновники сознательно и энергично работаютъ въ пользу Англій, которая медленными, но вѣрными шагами подвигается къ сѣверу и сѣверо-западу, а мы иногда только случайно узнаемъ о захватѣ англичанами того или другого острова въ Персидскомъ заливѣ, съ досадою почешемъ затылокъ и опять успокоимся.

Шесть часовъ вечера; небо начинаетъ принимать свѣтло-золотистую пылающую окраску, которая зали-ваетъ собою всѣ зданія, улицы и многочисленные сады города. Толкотня на улицахъ Решта нѣсколько ути-хаеть, и хотя солнце близится къ закату, но его лучи,

почти параллельные горизонту, лѣзутъ въ глаза, ослѣпляютъ, проникаютъ въ поры кожи и производятъ въ лицѣ жгучій невыносимый зудъ. Надъ узкими кривыми улицами города вѣчно виситъ прозрачное облако тонкой пыли, подымаемой безконечно движущимися караванами. Невыразимый шумъ и звонъ персидскихъ бубенцовъ и колокольчиковъ, величиною отъ обыкновеннаго орѣха до небольшого ведра, нацѣпленныхъ на сбруѣ, по бокамъ и на шеяхъ животныхъ, наполняетъ воздухъ густымъ непрерывнымъ гуломъ минорнаго тона. Толпы народа все еще продолжаютъ сновать вдоль и поперекъ, постоянно раздаваясь, чтобы пропустить все новый и новый караванъ; женщины и дѣти жмутся къ пыльнымъ грязнымъ стѣнамъ въ ожиданіи, пока пройдутъ навьюченныя животныя, но черезъ нѣсколько минутъ появляется новый караванъ— и такъ безъ конца!

Трудно себѣ представить что-нибудь грязнѣе и отвратительнѣе персидскихъ улицъ и базаровъ вообще, но базару въ Рештѣ смѣло можно отдать въ этомъ отношеніи пальму первенства. Во всемъ Рештѣ трудно найти улицу шире трехъ аршинъ, а на базарѣ онѣ и того уже. Здѣсь всегда стоитъ горячій, спертый воздухъ, густой отъ пыли и отдающій всеми нечистотами, которыя постоянно разлагаются, такъ какъ климатъ Решта жаркій и сырой. Толпы черномазаго населенія въ халатахъ, съ выкрашенными въ ярко мѣдный цвѣтъ бородами, кричатъ и шумятъ безъ толку, поютъ и разговариваютъ во всю глотку. Въ галдящую толпу постоянно врѣзываются всадники, мужчины и женщины верхомъ на лошадяхъ, ослахъ и мулахъ, съ криками «хабарда» (берегись). Здѣсь же снуютъ жемчужины Востока въ видѣ безобразныхъ овальныхъ фигуръ, закутаныхъ въ черныя шелковыя или шерстяныя простыни съ бѣлыми покрывалами на лицахъ; онѣ пугливо ступаютъ и сторонятся къ стѣнѣ.

Въ Рештѣ больше лавокъ, чѣмъ жилыхъ помѣщеній, и кажется, что чуть ли не все населеніе города чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь торгуетъ. Современный персъ — прежде всего торгошъ, и идеаль его жизни не идетъ дальше выгодной торговли. Онъ не знаетъ бѣльшаго удовольствія, какъ съ утра до вѣчера сидѣть въ лавкѣ на коврѣ, поджавъ по-восточному ноги и, посапывая кальяномъ, блуждать безсмысленнымъ, Богъ вѣсть куда устремленнымъ, взоромъ, въ которомъ вы не найдете ни отблеска воспоминаній прошедшаго, ни искрящейся надежды на будущее. Въ лавкѣ, въ кофейнѣ, у себя дома или на службѣ персъ всегда одинъ и тотъ же. Блѣдный, нафанатизированный мулла, лавочникъ, мирно потягивающій свой кальянъ, сарбазъ (солдатъ), торгующій дынями, часовой у дворца или важный чиновникъ верхомъ на красивой лошади — общее впечатлѣніе все то же: васъ почему-то навязчиво преслѣдуетъ мысль о томъ, что персъ давно уже прочелъ отходную своей будущей культурѣ. Впослѣдствіи при ближайшемъ знакомствѣ съ персами, на всѣхъ ступеняхъ ихъ общественнаго положенія, вы убѣждаетесь, что первое впечатлѣніе не обмануло васъ. Вглядываясь ближе въ психическую сторону жизни этого народа, вы поневолѣ убѣждаетесь въ томъ, что его лѣнивая мысль словно повисла среди туманныхъ понятій, привитыхъ ему съ дѣтства религіею, преданіями и его древнею культурою. Изреченія корана замѣнили у него науку, а понятія о нуждахъ государственной и общественной жизни остались для него навсегда неразгаданной загадкой; сложность этихъ вопросовъ еще болѣе подавляетъ его неподвижную мысль и даетъ полный просторъ фантазіи, которую въ дѣтствѣ такъ тщательно культивировало въ немъ его гаремное воспитаніе, а впослѣдствіи въ юности объ этомъ позаботилось фанатическое духовенство. Вслѣдствіе такого преобладанія фантазіи персъ крайне легковѣренъ въ области всего того,

что не сводится къ интересамъ будничной жизни: онъ всегда готовъ вѣрить самой странной и дикой мысли, самымъ невозможнымъ сочетаніямъ вещей, подъ условіемъ лишь бы это не слишкомъ противорѣчило корану и народнымъ традиціямъ. Ни науки, ни искусства, ни литературы, за исключеніемъ древнихъ писателей-поэтовъ, въ Персіи почти не существуетъ. О техникахъ и промышленности и говорить нечего. Отсутствіе какихъ бы то ни было общественныхъ и духовныхъ интересовъ, крайняя нищета низшихъ классовъ, произволъ, взяточничество, а зачастую и явный грабежъ господствующихъ слоевъ породили въ населеніи страны крайній эгоизмъ и пассивное, безразличное отношеніе ко всему, что не касается рта и кармана. Изъ такого состоянія время отъ времени выводитъ перса его крайній фанатизмъ, всосанный имъ съ молокомъ матери и поддерживаемый вліяніемъ духовенства. Фанатиками являются по преимуществу низшіе и средніе классы населенія; высшіе классы, крайне разнузданные и лишены всяческихъ идеаловъ и даже понятій о благородствѣ и чести, въ большинствѣ лишь фарисеятуютъ въ видахъ личныхъ интересовъ. Любовь къ родинѣ въ болѣе обширномъ значеніи этого слова, преданность государственнымъ или общественнымъ интересамъ, умѣніе ставить ихъ выше подкупа, сознаніе святости долга, чувство справедливости, гуманности и чести индивидуальной или коллективной — все это забыто, затоптано въ грязь мелкихъ житейскихъ интересовъ и попирается на каждомъ шагу. Персія не имѣетъ ни закона, ни суда, и единственное право, практикуемое здѣсь съ успѣхомъ—право сильного. Никто ничѣмъ не гарантированъ ни въ своей жизни, ни въ имуществѣ: жизнь человѣка, какъ и все здѣсь, цѣнится на деньги, при чемъ цѣна ея крайне ничтожна: убилъ,—заплатилъ женѣ или родственникамъ убитаго, и — дѣло кончено. Кстати вспоминается случай, который ярко

рисуеть взглядъ персовъ на цѣнность человѣческой жизни.

Не дождавшись парового катера, плывемъ на маленькой кочермѣ изъ Энзели въ Пиръ-Базаръ. Поставленъ парусъ, вѣтеръ быстро гонитъ кочерму мимо камышей; собравшіеся у руля лодочники галдятъ и дополняютъ свою болтовню восточной рѣзкой мимикой. Отъ скуки начинаю пробовать дальнобойность новаго ружья, избирая цѣлью то ту, то другую цаплю, задумавшуюся среди низкаго камыша о судьбахъ лягушечьяго царства.

— Охота вамъ, саабъ (баринъ), пробовать такое хорошее ружье на птицѣ, обратился ко мнѣ лодочникъ,—возьмите-ка лучше на цѣль вонъ одного изъ тѣхъ людей, которые идутъ тамъ по берегу. Вѣдь вы, саабъ, человѣкъ богатый, можете убить кого пожелаете, можете заплатить. Лодочникъ говорилъ это вполне серьезно и, очевидно, не прочь былъ пострѣть, какъ маузеровская пуля беретъ такую живую цѣль на дальнемъ разстояніи. Персидскіе лодочники у южныхъ береговъ Каспійскаго моря—единственная часть населенія болѣе или менѣе трудолюбивая, храбрая, и то вся эта храбрость основывается больше на умѣнїи превосходно плавать.

Я не могу отрицать того обстоятельства, что среди персовъ имѣются люди гуманные, высокой честности и патріоты въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но, къ сожалѣнію, все это единичныя явленія среди общаго разложенія.

Населеніе Решта въ большей части чисто персидское съ небольшою примѣсью азарбайджанцевъ. Иностранцевъ въ городѣ сравнительно не много. Большинство изъ нихъ занимается торговлею, по преимуществу вывозомъ сырья.

Въ числѣ немногихъ европейскихъ предпріятій въ Рештѣ имѣется тоже и гостинница, если только можно

такъ назвать нѣсколько грязныхъ комнатъ, помѣщающихся во второмъ этажѣ персидскаго дома. Антрепренеры столь рискованнаго предпріятія въ Персіи — французская чета, они же владѣльцы маленькаго магазина съ залежавшимися дешевыми товарами варшавскаго производства; здѣсь же они производятъ и операціи по покупкѣ и продажѣ русскихъ денегъ.

Несмотря на ужасныя кирпичныя ступени, каждая не менѣе полуаршина высокою (такія ступени во всѣхъ персидскихъ домахъ), и грязную галлерею, куда выходятъ двери всѣхъ, съ позволенія сказать, номеровъ и прочія удобства въ томъ же родѣ, все же гостиница эта представляетъ собою верхъ чистоты, порядка и вообще комфорта въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ европейца въ его дальнѣйшихъ странствованіяхъ по Персіи. Только твердо рѣшивъ подражать св. Антонію въ образѣ принятія пищи, предоставивъ свое бренное тѣло на окончательное съѣденіе всевозможнаго рода насѣкомымъ и забывъ, что все же водятся на свѣтѣ хотя какіе-нибудь пути сообщенія, европейецъ можетъ рискнуть побывать въ странѣ Восходящаго солнца. Но съ какимъ бы запасомъ подобной рѣшимости онъ ни явился въ Персію, все же на первыхъ порахъ съ непривычки ему станетъ жутко: его будетъ коробить не только видъ никогда нечищеннаго и нелуженаго самовара, который подается въ Рештѣ въ «Европейской гостинницѣ», но и персоны счастливыхъ обладателей отеля могутъ привести его въ немалое смущеніе: у браваго «monsieur» на головѣ всѣ признаки неряшливой восточной болѣзни; «madame» и двое дѣтей поражены страшною гилинскою лихорадкою; ихъ зеленовато-желтыя лица и мутныя осовѣвшіе глаза производятъ удручающее впечатлѣніе. За два дня до нашего появленія въ гостинницѣ умеръ пятый членъ ихъ семьи, ребенокъ, отъ дефтерита. О дезинфекціи, конечно, не могло быть и рѣчи; такое по-

нѣтіе даже не существуетъ на Востокѣ; природнымъ дезинфекторомъ является здѣсь солнце, лучи котораго въ іюнѣ и іюлѣ накаляютъ почву до 62—63 град. по Реомюру.

Было бы, конечно, благоразумнѣе со стороны содержателей гостинницы умолчать объ инцидентѣ съ ребенкомъ, но желаніе излить свое горе, очевидно, взяло перевѣсъ. Я слушалъ ихъ, соболѣзновалъ ихъ горю и съ нѣкоторой грустью за себя и за своихъ товарищей подумывалъ о томъ, что тѣми же ложечками, которыми мы мѣшали нашъ чай, они, навѣрное, давали лекарство дифтеритному ребенку.

Къ девяти часамъ, по мѣстному обычаю, намъ подали обѣдъ, отвратительнѣе котораго, едва ли вѣдалъ кто-либо изъ смертныхъ. Усталость беретъ свое, и спустя часъ послѣ вѣды стремительно бросаешься въ постель; но не тутъ-то было: москиты начинаютъ одолѣвать, и въ результатѣ добрая часть ночи уходитъ въ ожесточенной войнѣ съ этимъ маленькимъ назойливымъ врагомъ. Москиты, какъ извѣстно, являлись составною частью «египетской казни», но я-то здѣсь при чемъ. Къ постройкѣ пирамидъ евреевъ я не принуждалъ, ихъ младенцевъ «мужска пола» я не избивалъ, и вдругъ такая напасть!

Москиты, наконецъ, выкурены; стараешься поудобнѣе примоститься на плохой кровати, и «благодѣтельный сонъ начинаетъ смыкать вѣжды», какъ вдругъ подъ окномъ на улицѣ слышится барабанный бой, который, все учащаясь, переходитъ въ мелкую дробь; къ этому присоединяется аккомпаниментъ завыванія какой-то іерихонской трубы, пронзительныя, протяжныя выкрикиванія человѣческихъ голосовъ и лай возбужденныхъ собакъ. Концертъ продолжается добрыхъ полчаса и затѣмъ постепенно смолкаетъ. Оказывается, это ночная стража дѣлаетъ въ полночь обходъ базара и проявляетъ свое усердіе столь страннымъ образомъ.

Ежедневно въ 8 ч. вечера обыватели Решта получаютъ почти такое же удовольствіе: около одного изъ шатровъ, который, повидимому, долженъ играть роль гауптвахты, играютъ зорю, т. е. одинъ сарбазъ въ теченіе получаса немилосердно колотитъ въ барабанъ, а другой въ это же время извлекаетъ монотонные, пронзительные звуки изъ маленькой свистульки; къ этому присоединяется повсемѣстный ревъ ословъ, лай собакъ и взвизгиванія уличныхъ мальчишекъ, которые толпою окружаютъ самодовольныхъ музыкантовъ. Зоря выходитъ вполне въ восточномъ вкусѣ.

Вся эта церемонія, конечно, продѣлывается больше «на страхъ врагамъ», такъ какъ всѣхъ войскъ въ Рештѣ, я говорю о наличности, наберется около сотни сарбазовъ, хотя на бумагѣ, вѣроятно, числится въ десять разъ больше. Но зато въ городѣ въ наличности имѣется не менѣе пятидесяти полковниковъ и генераловъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ весьма многія превосходительства сюсюкаютъ, слюнявятъ и стратегически ковыряютъ пальцемъ въ носу, но все это продѣлывается ими не въ силу древняго возраста сихъ чиновъ, а просто потому, что въ Персіи во многихъ случаяхъ генеральскій чинъ наследственный, и его носятъ трехлѣтніе карапузы съ подобающею этому возрасту важностью. Кромѣ перехода чиновъ по наследству, въ Персіи существуетъ еще переходъ пенсіи къ наследникамъ умершаго пенсионера, такъ что если кто-либо изъ персовъ получаетъ пенсію, то ее будетъ получать его сынъ, внукъ, правнукъ и такъ далѣе—до послѣдняго въ родѣ. Такое положеніе вещей очень сильно обременяетъ шахскую казну, которая, въ большинствѣ случаевъ, цѣлыми годами никому не выплачиваетъ никакой пенсіи. Не стѣсняется она также и съ тѣми, которые находятся въ данное время на службѣ. Случается часто, что цѣлый баталіонъ сарбазовъ бросаетъ ружья и расходится по домамъ, а

офицеры, забравъ свои самовары, переселяются въ садъ при домъ военнаго министра и пребываютъ здѣсь до полученія жалованья. Мнѣ лично пришлось однажды быть свидѣтелемъ такого своеобразнаго бунта. Такое злосчастное положеніе сарбазовъ заставляетъ ихъ заниматься торговлею, ростовщичествомъ, сапожнымъ ремесломъ, словомъ, чѣмъ угодно, но только не военнымъ ремесломъ. Мелкое ростовщичество и занятіе мѣнялы — излюбленная профессія тегеранскихъ солдатъ, и, несмотря на то, что коранъ строго воспрещаетъ ростовщичество, персидское населеніе и власти относятся къ нему очень толерантно. Да иначе и быть не можетъ: торговля Персіи ничтожна, промышленности почти никакой; имѣющіеся наличные капиталы тщательно спрятаны, а отсюда уже понятны отсутствіе денежной циркуляціи и высокій учетный процентъ. Учетъ векселя въ частной торговой конторѣ изъ 12% считается самымъ зауряднымъ; такіе проценты платило даже персидское правительство по своимъ частнымъ займамъ. Государственные бараты — приказы на платежи таможенными доходами были учитываемы правительствомъ изъ 12% годовыхъ.

Персія — государство своеобразное демократическое: здѣсь всѣ равны передъ произволомъ; черта эта рѣзко сказывается какъ въ гражданскомъ быту, такъ равно и въ арміи, и нерѣдко можно наблюдать, какъ палка ферраша (палача) безпрепятственно прогуливается по пяткамъ его превосходительства, облеченнаго въ генеральскую форму, но опрокинутаго вверхъ дномъ для вящаго исполненія сей щекотливой операціи. Форма такого наказанія существуетъ подъ названіемъ «чубъ-фелеке» и состоитъ въ томъ, что провинившагося привязываютъ къ перекладинѣ за ноги такимъ образомъ, что его пятки приподняты вверхъ, и спина упирается въ землю. Тогда два ферраша начинаютъ отсчитывать опредѣленное количество ударовъ по пяткамъ, при

чемъ орудіемъ наказанія служатъ длинныя гибкіе прутья или же особаго рода бичи. Не разъ случалось, что наказанный лишался ногъ на всю жизнь. Такіе пострадавшіе, въ большинствѣ случаевъ, бѣдняки, лишенные средствъ, чтобы умиловитъ палачей. Люди состоятельные откупаются, и тогда положенное число ударовъ отсчитывается, напримѣръ, такъ: 21, затѣмъ 31, далѣе 41 — пропускаются цѣлыя десятки. Кромѣ того, при такой оказіи палачи направляютъ всю свою свирѣпость на перекладину, по которой сыпятся сильныя удары, не касаясь пятокъ казнимаго, но тотъ обязанъ кричать во все горло, и чѣмъ сильнѣе бьютъ перекладину, тѣмъ должны быть рѣзче его крики.

Однажды, во время смотра войскъ на городской площади какой-то персидскій генералъ занялъ своимъ отрядомъ середину плаца и мѣшалъ прохожденію войскъ. Какъ ни просилъ его командиръ казачей бригады посторониться на время прохожденія войскъ, генералъ оказался глухимъ на всѣ доводы. Персидскій генералъ пылалъ очевиднымъ желаніемъ помѣшать маневрированіямъ бригады и насолить ея командиру. Послѣднему ничего болѣе не оставалось, какъ пожаловаться присутствовавшему здѣсь же шаху. Результатомъ этой жалобы было приказаніе шаха немедленно «всыпать» генералу пятьдесятъ палокъ, и когда его превосходительство былъ уже подвѣшенъ пятками вверхъ, шахъ, по просьбѣ того же командира бригады, простилъ «виновника сего торжества».

Поблѣднѣло небо на востокъ, потянулъ холодный вѣтеръ, и поднявшаяся высоко луна, словно мечтавъ въ пространствѣ, льетъ неопредѣленный белѣсоватый свѣтъ. Узенькая улица передъ нашей гостинницею запружена лошадьми и мулами; слышатся знакомые звуки гулкихъ колокольчиковъ: караванъ собрался въ путь; предстоитъ переходъ около двухсотъ верстъ отъ Решта до Казвина — все болѣе по горнымъ тропамъ, по

Наказаніє кнутомъ по пяткамъ, — чубукъ-фалѣке.

карнизамъ, обрываюмъ и узкимъ каменистымъ лощинамъ.

Выстроившись по порядку, караванъ медленно трогается въ путь, при крикахъ погонщиковъ и благосклонномъ галдѣннй зѣвающей публики; для послѣдней это—тамаша, т. е. представленіе. Здѣсь же снуютъ нищіе—мужчины и женщины, усиленно выпрашивая нѣсколько «шаги» («шаги» менѣе копѣйки).

Впереди нашего каравана важно ступаетъ жокакъ, бѣлая умная лошадь, вся увѣшанная бубенчиками и колокольчиками съ выюкомъ на своемъ широкомъ поланѣ (выючное сѣдло).

По обѣимъ сторонамъ полана висятъ нѣчто въ родѣ небольшихъ ведерцеъ изъ тонкой мѣди—это колокольчики, составляющіе привилегію жожака; языкъ въ такомъ колокольчикѣ замѣняется другимъ меньшимъ колокольчикомъ, и такая градація продолжается вплоть до самаго крохотнаго; вся эта пирамида издаетъ крайне своеобразное гудѣніе, совсѣмъ непревычное уху европейца.

За жожакомъ слѣдуетъ красивый рослый мулъ темной масти, затѣмъ еще нѣсколько лошадей и муловъ и четыре верховыя лошади для насъ. Вся эта процессія замыкается шествіемъ маленькаго ослика, на спину котораго нашъ черводаръ умудрился взгромоздить такой широкой поланъ, что осликъ сталъ совсѣмъ похожъ на большого таракана.

III.

Отъ Решта къ Тегерану.

Путь до первой станціи идетъ по долинѣ, богато орошаемой рѣкою Гиляръ и ея мелкими притоками. По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся рисовыя и табачныя плантаціи, сады и огороды. Громадные пространства заняты тузовыми рощами, здѣсь происходитъ **выкормка** шелковичныхъ червей. Гилянскій берегъ даетъ болѣе сорока тысячъ пудовъ шелковыхъ коконовъ. Одна французская компанія вывозитъ отсюда ежегодно отъ 25 до 26 тысячъ пудовъ, при чемъ способъ покупки коконовъ слѣдующій: французы, армяне и греки доставляютъ населенію грену (яички). Персъ, получившій грену, обязанъ въ уплату передать половину всего урожая коконовъ, другую половину онъ продаетъ за наличныя деньги, конечно, сравнительно дешево. Проѣзжая по этимъ мѣстамъ и наблюдая бытовые сцены, начинаешь понимать сущность стыдливости восточной женщины. Рисовыя плантаціи, какъ извѣстно, должны оставаться долго затопленными водою и въ то же время ихъ необходимо полоть и очищать отъ засоренія. Дѣломъ этимъ заняты цѣлыя толпы персіанокъ, одѣтыхъ въ домашніе легкіе чадуръ съ открытыми лицами. Странствуя по шиколки въ водѣ, онѣ приподымаютъ свои и безъ того коротенькія платья

чуть ли не до шеи, при чемъ присутствіе проѣзжихъ ференги, исконныхъ кьяфировъ (гяуръ), нисколько ихъ не смущаетъ. Онѣ приостанавливаютъ работу, приближаются къ проѣзжей дорогѣ и, провожая экипажъ любопытными глазами, хохочутъ и положительно хвастаютъ своимъ столь экстра-балетнымъ нарядомъ. Все это, конечно, продѣлывается только въ такомъ случаѣ, если гдѣ-нибудь вблизи нѣтъ мужчинъ-персовъ, въ противномъ случаѣ, лицо женщины закрывается моментально, но только лицо — все же остальное пребываетъ въ прежнемъ видѣ. Рештъ, впрочемъ, славится на всю Персію легкомысліемъ и невѣрностью своихъ красавицъ, такъ что обычай персовъ украшать калитки своихъ жилищъ оленьими рогами, вѣроятно, получилъ свое начало въ Рештъ.

Далѣе, за рисовыми плантаціями путь начинается подыматься въ гору, холмы становятся болѣе частыми, и мы постепенно приближаемся къ синѣющему горному хребту, смутныя очертанія котораго виднѣются еще съ борта парохода. Какъ холмы, такъ и горный кряжъ, окаймляющіе долину, покрыты богатѣйшими лѣсами самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ; на большихъ высотахъ преобладаютъ сосна и ель.

Несмотря на конецъ іюня, на нѣкоторыхъ вершинахъ замѣтно еще присутствіе снѣга, главнымъ образомъ въ рытвинахъ и оврагахъ, и его бѣлыя полосы рѣзко выдѣляются среди яркой зелени лѣсовъ и кустарниковъ. Въ долинѣ нагрѣтый солнцемъ влажный воздухъ образуетъ прозрачно-сизую дымку, сквозь которую виднѣются и убѣгающая къ морю быстрая рѣка, и сосѣдніе холмы, и неясныя очертанія дальнихъ зубчатыхъ хребтовъ. Густымъ высокимъ ковромъ выглядить долина, покрытая зеленою сочною травою, на свѣломъ фонѣ которой вкрапленъ темный кустарникъ, а яркіе полевые цвѣты дорисовываютъ подробности узора. Но среди этой богатой ласкающей обстановки,

отъ которой трудно оторвать глаза, царить страшная гиланская лихорадка, усиливаемая присутствіемъ рисовыхъ плантацій. По своему эффекту она даже сильнѣе пресловутой батумской, которая, кстати сказать, переходитъ уже въ область преданій, со времени расширенія города и постройки массы дачъ въ окрестностяхъ.

Чѣмъ ближе къ закату, тѣмъ воздухъ становится сырѣе и прохладнѣе. Достаточно только слегка продрогнуть, какъ на слѣдующій день появляется пароксизмъ.

Караванъ ушелъ впередъ и вмѣстѣ съ нимъ наши тѣлохранители—кавказскіе горцы. Мы съ Н. Н. остаемся вдвоемъ.

Долгое время мы молча куримъ и наблюдаемъ окрестности нашей дороги, наконецъ, кто-то первый прерываетъ молчаніе. Дѣлаются догадки и предположенія, которыя, заканчиваются единодушнымъ заключеніемъ: «будетъ такъ, какъ, Богъ дастъ»!

Солнце уже понизилось надъ горизонтомъ и золотитъ всю окрестность; лѣсъ и поляны начинаютъ сильно пахнуть свойственнымъ имъ, непередаваемымъ на словахъ, ароматомъ. По дорогѣ встрѣчаются персы; они несутъ коконы въ Рештъ на продажу. На плечѣ у каждаго изъ нихъ короткое гибкое коромысло, къ концамъ котораго привѣшены плетенныя камышевыя коробки, наполненныя снѣжно-бѣлыми коконами. Большинство изъ проходящихъ оглядываютъ насъ любопытнымъ взоромъ, въ которомъ такъ и кажется проглядываетъ вопросъ: «Зачѣмъ вы, ференги, затесались къ намъ»?

Привѣта вы здѣсь нигдѣ не услышите. Васъ приветствуютъ только тогда, когда полагаютъ, что отъ васъ можно что-либо получить или заработать.

Вечерѣтъ. Оранжево-золотистымъ свѣтомъ блестятъ базальтовыя скалы на вершинахъ хребтовъ, межъ тѣмъ какъ внизу прозрачныя сумерки быстро

окутываютъ долину; они такъ же быстро сгущаются, и ночь наступаетъ почти безъ промежутка. Въ лѣсной чащѣ по обѣимъ сторонамъ дороги, блистая всѣми переливами крупныхъ брилліантовъ, замелькали, засвѣтились фосфористые жуки; они то горятъ на листьяхъ придорожнаго кустарника, то виднѣются далеко въ глуби лѣса сквозь прозрачную чашу вѣтокъ, словно упавшія въ лѣсъ и повисшія на листьяхъ серебристыя звѣзды. Въ сторонѣ, правѣе—небольшой узкій пролѣсокъ; онъ весь блеститъ и переливается, словно дорожное ожерелье, утерянное пугливою лѣсною нимфою; иные искрящіеся камни этого ожерелья вдругъ оживаютъ, беззвучно поднимаются вверхъ и, исчезая въ чащѣ лѣса, оставляютъ за собою блестящую полосу бѣлаго яркаго свѣта.

Часа полтора мы продолжаемъ ѣхать среди лѣсной чащи, затѣмъ поворачиваемъ вправо, проходимъ небольшую поляну; нашъ экипажъ подкатываетъ, наконецъ, къ почтовой станціи «Имамъ-Зада-Гашимъ». Станція — грязное двухэтажное зданіе съ большимъ дворомъ, обнесеннымъ высокою глинобитною стѣною.

Намъ отводятъ комнату во второмъ этажѣ; четыре голыхъ стѣны, глиняный полъ и ни малѣйшаго намека на мебель. Существуетъ даже поговорка, что въ приемныхъ комнатахъ на Востокѣ мебель и женщины отсутствуютують. Мебель, по мнѣнію перса—выдумка нечестивыхъ ференги: правовѣрный въ данномъ случаѣ немедленно разстилаетъ гилимъ или коверъ, смотря по состоянію, усаживается по-восточному, поджавъ ноги, и начинаетъ обѣдать, т. е. пожираетъ неимовѣрное количество плова, запихивая послѣдній въ ротъ собственною грязною пятернею, и когда эта учащенная манипуляція приведетъ его животъ въ состояніе хорошо натянутаго барабана, онъ, «рижды рыгнувъ», какъ Кантемировскій «румяный Лука», тутъ же опрокидывается и засыпаетъ, если не сномъ праведника,

то, во всякомъ случаѣ, сномъ основательнаго обжоры. Его домашній образъ жизни и обстановка мало чѣмъ разнятся отъ описанной: какъ на мужской, такъ и на женской половинѣ (эндерунъ) вся почти мебель состоитъ изъ ковровъ и круглыхъ валиковъ-подушекъ. Персы у себя дома спятъ на полу на коврахъ или на тонкихъ матрацахъ, а дорогія кровати, какъ во дворцѣ, такъ и въ богатыхъ домахъ, играютъ роль красивой, но непригодной мебели; шкафъ и комодъ персамъ тоже неизвѣстны; весь домашній скарбъ и, главнымъ образомъ, женскія тряпки, помѣщаются въ небольшихъ кованныхъ, желѣзомъ сундукахъ нашего русскаго издѣлія. Десятки тысячъ такихъ сундуковъ привозятся ежегодно въ Персію и находятъ здѣсь превосходный сбытъ.

Въ пять часовъ утра намъ сѣдлають лошадей. Тихое теплое утро. Густые тѣни, затушевавшія долину и склоны горъ, становятся все прозрачнѣе и свѣтлѣе. Прорывающіеся сквозь темное ущелье солнечные лучи стелются по влажной травѣ и даютъ грандіозную зеленовато-золотистую полосу, взбрызнутую мириадами сверкающихъ росинокъ. Потянулась эта полоса къ близлежащему лѣсу, пронизала его темную чащу, позолотила густую разнообразную листву и, опускаясь все ниже и ниже, рассыпалась сверкающими блестками въ быстрей горной рѣкѣ. Лѣсъ, словно пробудившійся отъ дремоты, тихо зашевелилъ листьями, заговорилъ своими лѣсными голосами и сталъ дышать своимъ свѣжимъ дыханіемъ, умѣряющимъ быстро надвигающійся зной.

Послѣдующій путь приходится идти верхомъ вмѣстѣ съ караваномъ, который, вытянувшись длинною вереницею и гудя своими колокольчиками, двигается узенькой дорогой по опушкѣ лѣса. Впереди все тотъ же бѣлый вожакъ, которому всѣ животныя въ караванѣ оказываютъ безпрекословное повиновеніе: ни одна лошадь не

смѣть ни идти, ни стать впереди него или уклониться въ сторону, и если онъ на ходу почему-либо остановится, немедленно останавливается и весь караванъ. Одна изъ лошадей нашего каравана во время пути уклонилась въ сторону и начала щипать траву. Нашъ вожакъ, замѣтивъ такое нарушеніе дисциплины, со всего размаха погнался за виновницей и, поровнявшись съ нею, лягнулъ ее дважды, да такъ, что та чуть не опрокинулась на спину. Затѣмъ онъ сталъ загонять ее на мѣсто и не успокоился, пока она не стала въ ряду прочихъ лошадей.

Нашъ черводаръ, онъ же караванъ-баши (начальникъ карава), высокій, красивый мужчина, по типу скорѣе афганецъ, нежели персъ, уроженецъ одной изъ областей, пограничныхъ Афганистану.

Зеленый халатъ съ широкими рукавами и большая чалма придаютъ его фигурѣ внушительный видъ. Огромный поланъ, съ лѣвой стороны котораго прикрѣплена старинная кривая сабля, прикрываетъ его сѣрую, почтенную лѣтами лошадь. Въ караванъ имѣется тоже нѣсколько работниковъ, но все это замухрышки-персы; они въ пути чередуются другъ съ другомъ на поланѣ злополучнаго ослика, который иногда, отдохновенія ради, «возьметъ» да и ляжетъ посреди дороги; при такой оказіи сѣдокъ, конечно, кубаремъ летитъ съ полана и во всю длину растягивается на пыльной дорогѣ.

Но внушительная фигура караванъ-баши и его кривая сабля—все это меркнетъ передъ видомъ нашихъ двухъ кавказскихъ горцевъ. Вооруженные съ ногъ до головы, заломивъ папахи на бекрень, они молодецки сидятъ ни своихъ лошадкахъ, словно прикованные къ сѣдламъ, и ихъ воинственный видъ и дорогое оружіе возбуждаютъ общее удивленіе и похвалу персовъ. Оба горца представляютъ собою совершенную противоположность типовъ и характеровъ. Лезгинъ, состоящій

при моемъ товарищѣ, молодой, очень симпатичный парень, темный шатень, сосредоточенный, рассчитывающій не только свои движенія, но и слова, очень бережливый, толковый, умѣющій даже подчасъ и поворчать. Мой оруженосецъ—осетинъ; это блондинъ съ сѣрыми глазами, очень живой и впечатлительный: онъ любитъ принарядиться и щегольнуть своимъ оружіемъ, большою врагъ, расчетливости и приверженецъ женской красоты, ради чего онъ всегда готовъ на самыя рискованныя предпріятія. Оба они магометане, грамотные по-русски и вовсе не фанатики. Но противоположность типовъ и характеровъ зачастую создаетъ между ними мелкіе инциденты, которые, впрочемъ, всегда оканчиваются очень мирно. Однажды, ночью на караулѣ у нашихъ выюковъ осетинъ произвелъ выстрѣлъ изъ берданки. Было ли это сдѣлано лишь на страхъ врагамъ или караульному показалось, что кто-то подползъ къ нашему багажу, но во всякомъ случаѣ выстрѣлъ былъ сдѣланъ.

На слѣдующее утро, пока осетинъ сѣдлалъ мою лошадь, лезгинъ дѣлалъ ему формальный выговоръ, доказывая, что порядочный человѣкъ лишь тогда рѣшается выпустить патронъ, когда онъ можетъ уложить противника наповаль, и что извести патронъ наобумъ—это явное доказательство легкомыслія и расточительности.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи дорога поворачиваетъ направо и тянется дальше по громадной то песчаной, то покрытой мелкою галькою долинь, обрамленной красивыми, очень высокими горными цѣпями.

Разлившись на громадномъ пространствѣ этой долины, мѣняя часто русло и постоянно разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, быстро несется Сефидъ-Рудъ—бѣлая рѣка, въ переводѣ на нашъ языкъ. Въ сущности ее слѣдовало бы назвать мутною рѣкою. По быстротѣ теченія и мутности воды она во многомъ напоминаетъ

етъ нашъ Ріонъ, но Сефидъ-Рудъ больше Ріона, его окрестности разнообразнѣе и зачастую производятъ впечатлѣніе подавляющей грандіозности.

Не смотря на обиліе воды и лѣса, на хорошее качество почвы, населеніе здѣсь не густое; селенія и отдѣльные хутора попадаются крайне рѣдко, и вся страна въ общемъ носитъ характеръ запустѣнія. Очевидно, населеніе не имѣетъ особаго желанія обрабатывать почву въ пользу хановъ и чиновниковъ, а близость Россіи и преимущественно такого пункта, какъ Баку, даетъ возможность рабочему люду спокойно зарабатывать кусокъ хлѣба внѣ своей родины. Ежегодно персидскія власти выдаютъ не менѣе двухсотъ тысячъ заграничныхъ паспортовъ простому рабочему люду, который отправляется въ Россію на заработки. Остается только крайне сожалѣть, что персидскія консульства въ Россіи взимаютъ неслыханную таксу за явку паспортовъ при возвращеніи персовъ на родину, такъ что рабочій персъ оставляетъ въ консульствѣ едва ли не половину своего годичнаго заработка.

Персъ, побывавшій въ Россіи и впервые вкусившій возможность трудиться и накоплять заработанныя деньги безъ опасенія быть ограбленнымъ предержавшими властями, уноситъ съ собою на свою родину самое свѣтлое представленіе, уваженіе и часто даже любовь къ Россіи. Свободная, нормированная закономъ, жизнь, свободное распоряженіе имуществомъ, отсутствіе замкнутости и монотонности жизни, свойственной Востоку, безопасность жизни и имущества и, наконецъ, свобода женщины — все это производитъ на перса чарующее впечатлѣніе. Многіе интеллигентные персы, побывавъ однажды въ Россіи, всегда стремятся туда душой и тѣломъ. Получить мѣсто въ Европѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, въ посольствѣ или консульствѣ — это «*pia desideria*» каждаго цивилизованнаго перса. Персъ-купецъ, разъ побывавшій въ Нижнемъ на ярмаркѣ, пре-

вращается въ самага яраго сторонника Россіи и постоянного посѣтителя ярмарки.

Русское имя пользуется въ Персіи громаднымъ авторитетомъ, но мы сами, кажется, очень мало сдѣлали для того, чтобы усилить нашъ престижъ, а между тѣмъ это такъ легко и возможно въ виду такого близкаго сосѣдства не только по границамъ Закавказья и Каспійскаго моря, но и въ отношеніи самага центра Персіи—Тегерана. Впрочемъ, если мы такъ мало сдѣлали для нашего Закавказья, то что же говорить о пограничной странѣ.

Общеизвѣстный фактъ, что въ теченіе послѣднихъ 12—14 лѣтъ мы, кажется, ни разу не послали, хотя бы изъ простаго любопытства, ни единого военного судна въ Персидскій заливъ¹⁾, а между тѣмъ англичане хозяйничаютъ тамъ, какъ у себя дома, и еще недавно заняли одинъ изъ острововъ въ Персидскомъ заливѣ, о чемъ мы узнали случайно только спустя полгода. Современное положеніе дѣлъ въ Персіи очень благопріятно для насъ, и объ этомъ слѣдовало бы подумать серьезно, тѣмъ болѣе, что авторитетъ англичанъ сильно поколебленъ ихъ крайне неудачными попытками въ области различнаго рода промышленныхъ предпріятій, а главнымъ образомъ въ ихъ поползновеніи ввести въ Персіи табачную монополію. Дѣло это, какъ извѣстно, окончилось народнымъ бунтомъ и возбудило общее негодованіе противъ англичанъ, которое и понынѣ далеко еще не улеглось. Эта народная вспышка еще разъ доказала громадное вліяніе мусульманскаго духовенства на народъ, а равно и авторитетъ русскаго имени.

Персы только въ 1599 году познакомились съ употребленіемъ табаку, но тѣмъ не менѣе это самые завзя-

¹⁾ За послѣдніе 12 лѣтъ только въ прошломъ 1900 году туда заходила одна изъ нашихъ канонерскихъ лодокъ.

тые курильщики, какъ мужчины, такъ и женщины, и, несмотря на это, въ день объявленія табачной монополіи вся Персія перестала курить. Главное духовенство—муштеиды, пригрозили отлученіемъ отъ вѣры всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлился бы нарушить ихъ «veto», запрещавшее куреніе табаку; кромѣ того, табакъ въ рукахъ англичанъ былъ объявленъ Кербелайскимъ муштеидомъ «Неджисъ», т. е. оскверненнымъ.

Напрасно самъ покойный шахъ, получившій отъ англичанъ малую толику, курилъ въ назиданіе своимъ подданнымъ трубку за трубкой и приказывалъ курить придворнымъ и всѣмъ тѣмъ, кто являлся къ нему по какому бы то ни было дѣлу. Въ отвѣтъ на такое приказаніе почти всѣ заявляли, что они страдаютъ грудью, усиленно кашляли въ присутствіи шаха, задыхались, показывали даже рецепты врачей, но все же не осмѣли курить. Многіе обыватели сушили листья испитого чая и насыпали ихъ въ кальяны, но все же не рѣшались прикоснуться къ табаку до тѣхъ поръ, пока не было торжественно объявлено объ уничтоженіи ненавистной народу монополіи. Покойный шахъ долженъ былъ уступить духовенству и возмущившемуся народу. Англичанамъ были возвращены ихъ расходы, но монополія ускользнула изъ ихъ рукъ и конечно навсегда. Но прежде опубликованія декрета объ уничтоженіи табачной монополіи муштеиды потребовали, чтобы на декретѣ значилась поручительная подпись русскаго посланника въ томъ, что данный декретъ не будетъ отмѣненъ, и только въ соблюденіи этого условія духовенство видѣло гарантію дѣйствительности правительственнаго распоряженія. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и разъясненій, что нашъ посланникъ не согласится стать въ неловкое положеніе въ отношеніи шаха, и что подобный актъ со стороны нашего посланника могъ бы окончательно подорвать и безъ того слабый авторитетъ правительства, муштеиды и народъ согла-

сились на объявленіе требуемаго повелѣнія безъ такой поручительной подписи.

Построенное на Европейской улицѣ прекрасное зданіе, въ которомъ должно было помѣщаться правленіе табачной монополіи, а также громадныя подвалы для храненія табаку — все это приняло видъ запустѣнія и, три года спустя, было продано русскому ссудному банку за безцѣнокъ, а заготовленные во множествѣ книги и бланки стали достояніемъ мышей и крысъ. Въ Тегеранѣ еще и по настоящее время можно найти въ нѣсколькихъ лавкахъ разныя сорта папиросъ, изготовленные покойною монопольною фабрикою, при чемъ самыя дорогія папиросы въ два рубля сотня — все же очень плохи. Это зависитъ вообще отъ качества персидскаго табака. Персы цѣлыми столѣтіями культивируютъ табакъ, не мѣняя сѣмянъ, вслѣдствіе чего табакъ совершенно выродился и получилъ особый тяжелый вкусъ и запахъ. Болѣе другихъ сохранились Ширазскія плантаціи; онѣ даютъ особый сортъ табаку, употребляемаго для кальяновъ. Табакъ по персидски — тютюнэ; вѣроятно, отсюда получило начало малороссійское — тютюнъ. Девяносто процентовъ персовъ курятъ кальянъ. Куреніе папиросъ привилось мало; сигаръ Персія не производитъ. Персіанки курятъ чуть ли не поголовно, при чемъ видъ пожилой персіанки, сидячей на корточкахъ у кальяна и сосушей длинный чубукъ, далеко не привлекателенъ. За послѣднее время нѣкоторыя молодыя франтихи стали курить папиросы.

Около двадцати верстъ, начиная отъ станціи «Имамъ-Задэ-Гашимъ», тропа вѣтся по высокимъ откосамъ, покрытымъ богатымъ южнымъ лѣсомъ. Густая тѣнь его пахучей листвы защищаетъ отъ зноя и даетъ возможность свободно и легко дышать. Во многихъ мѣстахъ горныя ручьи прорѣзываютъ тропу и съ легкимъ шумомъ скатываются по крутому косогору. По мѣрѣ

удаленія отъ Имамъ-Задѣ-Гашимъ берега Сефидъ-Руда становятся все круче, лѣса попадаютъ рѣже, горные склоны и вся мѣстность становятся все болѣе и болѣе пустынными и принимаютъ неприятный мутно-коричневый оттѣнокъ. Только по берегамъ рѣки въ мѣстахъ, гдѣ горы спускаются къ рѣкѣ болѣе отлогими уступами, виднѣются маленькіе зеленѣющіе клочки полей, а еще ниже такіе же клочки полянъ, поросшихъ камышемъ; въ этихъ мѣстахъ изрѣдка попадаютъ своеобразныя персидскіе поселки; глинобитныя постройки и плоскія земляныя крыши дѣлаютъ ихъ едва замѣтными для глазъ, и, глядя издали, можно подумать, что это уступы холмовъ, изрытые весенними потоками. Каждые полчаса подъемъ смѣняется спускомъ. Глазамъ представляются все новыя, но болѣе безотрадныя картины.

Солнце уже почти въ зенитѣ и его лучи словно тончайшія иглы проникаютъ сквозь легкое платье и жгутъ немилосердно. Только теплая барашковая шапка, которую персы никогда не снимаютъ съ головы, большая чалма или англійская пробковая каска спасаютъ отъ солнечнаго удара.

Но вотъ и станція «Рустемъ-Аббадъ» — грязное глинобитное зданіе съ нѣсколькими конурками наверху, вся меблировка которыхъ состоитъ изъ поломаннаго запыленнаго стола и двухъ такихъ же стульевъ. Никогда нечищенный самоваръ съ мутнымъ кипяткомъ и нѣсколько яицъ въ смятку—это все, что могъ предложить намъ оборванный и до невозможности грязный смотритель или, скорѣе, арендаторъ станціи. Впослѣдствіи пришлось убѣдиться, что и такой комфортъ не вездѣ возможенъ въ Персіи. О классической грязи персидскихъ жилищъ и нечистоплотности населенія нельзя составить себѣ понятія иначе, какъ путемъ печальнаго опыта. Нѣсколько часовъ отдыха среди такой обстановки измучиваютъ васъ не менѣе, чѣмъ весь

пройденный путь. Поневоля приходишь къ убѣжденію, что куда удобнѣе дремать на сѣдлѣ, чѣмъ на грязномъ изломанномъ стулѣ, когда съ камышеваго дыряваго и закопченаго потолка сыплется на васъ, словно сквозь рѣшето, всякій мусоръ, среди котораго можетъ очутиться большой, какъ ракъ, черный скорпионъ, фаланга или маленькая ядовитая змѣйка, укушеніе которой смертельно. Змѣя эта существуетъ здѣсь подъ названіемъ «гюрза»; человѣкъ, укушенный ею, весь посинѣвъ, умираетъ въ судорогахъ, въ какія-нибудь двадцать минутъ.

Рустемъ - Аббадъ расположенъ въ широкой поперечной долинѣ вблизи одного изъ маленькихъ притоковъ Сефидъ-Руда, среди воздѣланныхъ полей. Противоположный берегъ рѣки, высокій и крутой, покрытъ вѣковыми лѣсами.

Берегъ Сефидъ-Руда, по которому мы двигаемся, то опускается до уровня рѣки, то сразу подымается до того круто, что караванъ идетъ узкою каменистою тропою надъ отвѣсными скалами на высотѣ въ нѣсколько десятковъ сажень надъ русломъ рѣки. Въ одномъ мѣстѣ поросшая травою плоская скала въ видѣ висячей крестообразной доски выдвигается на нѣсколько сажень надъ русломъ рѣки. Очевидно, много лѣтъ тому назадъ русло Сефидъ-Руда было выше; вода подмыла плоскую скалу, затѣмъ русло рѣки опустилось ниже, и скала повисла надъ водою.

Здѣсь мѣстность опять мѣняетъ свой колоритъ: крутые высокіе берега рѣки во многихъ мѣстахъ покрыты кустарниками, а повыше на хребтахъ горъ и по отлогостямъ зеленѣютъ вѣковые лѣса. Картина въ общемъ очень красивая, хотя нѣсколько суровая и даже подавляющая своею грандіозностью. Горная тропа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ становится шире; замѣчаются подготовительныя работы будущаго шоссе; въ другихъ она очень узка и вьется надъ пропастью.

Мы съ Джемаль-эдъ-диномъ ушли за версту впе-

редь отъ каравана. Хочется засвѣтло пройти самыя скверныя мѣста, но съ каждымъ шагомъ самыя скверныя мѣста становятся еще болѣе скверными и опасными, и такъ безъ конца; между тѣмъ незамѣтно нависаетъ ночь, и темень усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ лѣсистѣе становятся оба берега рѣки. Здѣсь широкое русло Сефидъ-Руда суживается и его берега представляютъ собою рѣзко и глубоко прорытый горный кряжъ. Бѣлесоватая каменистая тропа, протоптанная милліонами копытъ вьючныхъ животныхъ, зигзагами вьется по уступамъ скаль и едва виднѣется на темномъ фонѣ кустарника. Выше надъ головой уступы скаль покрыты густымъ лѣсомъ; тамъ все темно, тихо, ни одинъ листъ не шелохнется и щетинистые силуэты древесныхъ группъ словно замерли въ темномъ, мягкомъ недвижномъ воздухѣ. Шумъ сдавленной высокими скалами рѣки, постукиваніе лошадиныхъ копытъ о каменную почву, шуршаніе камешка, скатившагося куда-то въ глубокую пропасть, да рѣдкое посвистываніе маленькой лѣсной совы — единственные звуки, нарушающіе тишину чудной ночи. Теплый разрѣженный воздухъ, слегка пропитанный ароматомъ пахучихъ лѣсныхъ травъ, необыкновенно чистъ и прозраченъ. Величественнымъ куполомъ охватываетъ зубчатая горная цѣпи темный, почти черный сводъ неба съ ярко сверкающими на немъ крупными звѣздами. Такого яркаго блеска звѣздъ мы никогда не видимъ въ Европѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня медленно движется нашъ лезгинъ. Смутный силуэтъ его фигуры маячится передо мною только на поворотахъ, да временамъ на свѣтломъ фонѣ срѣзанной скалы.

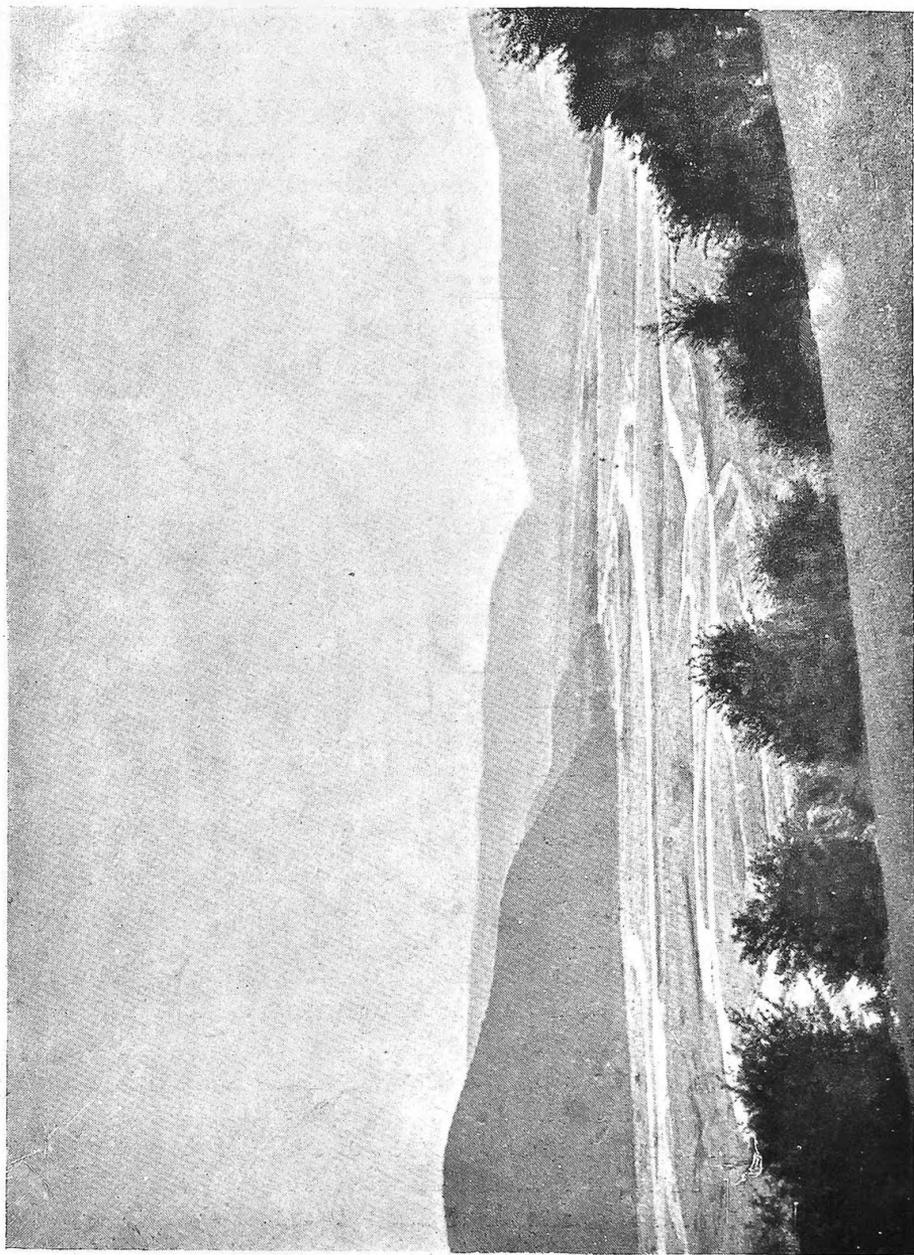
Справа, гдѣ-то очень высоко сквозь лѣсную чашу мигаетъ огонекъ: пастухи ли зажгли костеръ, или «караванъ-сарай» манитъ своими огоньками усталый караванъ. «Быть можетъ, черезъ полчаса подъема», думаю про себя, «можно будетъ присѣсть у этого огня и

напиться чаю». Въ виду такихъ пріятныхъ перспективъ, ускоряю шагъ лошади, но оказывается, что вмѣсто предполагаемаго подъема, тропа вдругъ круто спускается внизъ къ самому руслу рѣвки, по которому мы продолжаемъ нашъ путь. Черезъ четверть часа тропа сворачиваетъ вправо и мы вступаемъ въ густую маслячную рощу, крупныя развѣсистыя деревья которой словно вырастаютъ изъ сплошнаго бѣлаго каменистаго дна; подъ густою мелкою листвою становится душно отъ спертаго, пахучаго, нагрѣтаго воздуха; здѣсь потемки и тишина почти абсолютныя; зажигаю спички одна за другою: по желтовато-бѣлымъ плитамъ длинными прозрачными пасмами струится тонкій слой воды; ошупью шагъ за шагомъ подвигаемся впередъ. Въ такомъ мѣстѣ, заявляетъ мнѣ вполголоса лезгинъ, слѣдуетъ держать ружье на-готовѣ, и до моего уха ясно долетаетъ сухое шелканье взводимаго замка; слѣдуя примѣру опытнаго и бывалаго человѣка, я произвожу ту же манипуляцію.

Оливковая роща скоро кончается, и мы спускаемся въ очень широкое высохшее русло весенняго горнаго потока, усѣянное громадными булыжниками и крупною галькою; посреди этого русла, то суживаясь, то разливаясь вширь, шумить, словно затерявшійся, серебрястый ручей, страшный и грозный только весной или осенью. Появившаяся изъ-за горной цѣпи луна, уже на исходѣ, и ея слабый умирающій свѣтъ придаетъ всей картинѣ мертвенно блѣдный отпечатокъ.

Здѣсь у этого высохшаго русла теряются всякіе слѣды дороги. На минуту останавливаемся въ недоумѣніи и затѣмъ, съ общаго совѣта, рѣшаемъ повернуть обратно къ тому мѣсту, откуда тропа направляется въ ту же оливковую каменистую рощу, и ждать здѣсь приближенія каравана. И вотъ спустя полчаса мы опять на томъ же мѣстѣ, у русла ворчливаго Сефидъ-Руда.

Противоположный страшно крутой берегъ весь въ

Рѣка Сѣфидь-рудъ въ лѣтнее время.

тѣни; лунное освѣщеніе охватываетъ только теченіе рѣки и упирается въ цѣпь горъ, у подошвы которыхъ мы стоимъ и, отъ нечего дѣлать, куримъ одну папиросу за другой. Уже конецъ іюня и Сефидъ-Рудъ сузился, оставивъ на мѣстахъ своего разлива тонкій слой песку; песокъ этотъ стелется по свѣтло-коричневому фону наноснаго ила такимъ рисункомъ, что даже днемъ непривычному глазу издали кажется, что въ этомъ мѣстѣ вѣтеръ рябитъ тонкій слой быстро текущей воды. При лунномъ освѣщеніи иллюзія еще сильнѣе, недостаетъ только бликовъ, которые играютъ на сварливомъ Сефидъ-Рудѣ, какъ отблескъ зеркальныхъ осколковъ.

— Глупый персъ, столько воды и нигдѣ мельницы не построилъ, замѣчаетъ флегматично мой спутникъ, отряхивая золу съ папирасы.

— Да ему здѣсь и молоть-то нечего, что онъ будетъ сѣять на этихъ скалахъ?

— А почему онъ не ловитъ рыбы; рѣка рыбная, да вотъ кругомъ сколько лѣсу, лѣсъ хорошій: пальма есть, букъ есть, орѣхъ есть; армянинъ рубитъ, за границу везетъ, а персъ здѣсь ни одного лѣсопильного завода не имѣетъ. Нѣтъ, персъ дуракъ! безповоротно рѣшаетъ лезгинъ.

— Если сегодня персъ построитъ лѣсопильный заводъ, то завтра же сосѣдній ханъ не только отыметъ у него заводъ, но и самого въ тюрьму посадить. Кому же охота заниматься здѣсь какимъ бы то ни было промышленнымъ дѣломъ, если онъ не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

Лезгинъ на минуту задумывается и затѣмъ рѣшительно произноситъ:

— Здѣсь русскій губернаторъ нуженъ.

Послышавшійся издали гулъ колокольчиковъ прерываетъ наши политико-экономическія разсужденія, и черезъ десять минутъ, гудя и сухо стуча копытами,

показывается изъ-за поворота нашъ бѣлый вожакъ; онъ спокойно направляется по той же дорогѣ, по которой мы только что возвратились, ведетъ караванъ черезъ ту же каменистую оливковую рощу, затѣмъ направляется вкось по широкому высохшему руслу, подымается на холмъ, и мы вступаемъ въ персидскую деревушку, бѣдную, грязную съ единственною узенькою улицею, по которой можетъ пройти только одна навьюченная лошадь. По обѣимъ сторонамъ этого узкаго съ высокими стѣнами коридора виднѣются открытыя ворота въ просторные грязные загоны: это и есть «караванъ-сарай». Черводары обыкновенно здѣсь развьючиваютъ и кормятъ лошадей, и съ разсвѣтомъ ихъ караванъ направляется въ Менджиль, но мы не останавливаемся; караванъ, гудя и подымая неимоверную пыль, гуськомъ проходитъ по узкому коридору; мы отстаемъ на десять минутъ, чтобы проглотить по стакану сквернаго персидскаго чая, и затѣмъ догоняемъ караванъ, остановившійся у одного изъ очень крутыхъ подъемовъ.

Караванъ начинаетъ взбираться вверхъ по страшно крутой каменистой горѣ съ выдолбленными слѣдами для копытъ; медленно ступаютъ навьюченные животныя, взбираясь вверхъ и поминутно останавливаясь, чтобы перевести духъ; то и дѣло слышатся частыя громкія понуканія черводаровъ и сухой жесткій стукъ копытъ по гладкому, словно отполированному камню; по временамъ виднѣются брызгающія изъ-подъ копытъ искры. Бѣлою стѣною стоитъ предъ нами освѣщенная луною скала, по которой мы взбираемся все выше и выше; слѣва, глубоко въ пропасти слышится гулкій шумъ рѣки, гдѣ надъ самымъ обрывомъ словно повисла заснувшая персидская деревушка. Со стороны нашъ караванъ имѣетъ видъ небольшой кучки муравьевъ, которые, нагрузившись припасами, лѣзутъ по отвѣсной скалѣ. Наконецъ, сдѣлавъ много зигза-

говъ, мы направляемся узкою тропою по карнизу съ почти отвѣснымъ уступомъ, высотой въ нѣсколько десятковъ сажень; внизу едва виднѣется сверкающая подвижная полоса Сефидъ-Руда, но шумъ его теченія уже не достигаетъ уха.

Зазубренный, рѣзко выдающійся на темномъ небѣ сегментъ луны опускается все ниже на небосклонѣ и, словно угасающая лампада, даетъ смутный, мертвящій свѣтъ.

Съ непривычки становится жутко; зорко вглядываешься въ блѣсоватую тропу, чаще жмешься къ стѣнкѣ, образуемой скалою; по временамъ екаетъ въ груди. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ высокія горы противоположнаго берега бросаютъ длинныя тѣни, перестаешь различать, гдѣ кончается ширина тропы и начинается обрывъ. Несмотря на усталость лошадей, мы съ лезгиномъ идемъ въ двухъ верстахъ впереди каравана, и я охотно слушаю его рассказы объ образѣ жизни его племени, ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и преданіяхъ. Среди этихъ разговоровъ мы вдругъ замѣчаемъ, что изъ-за выступа скалы показывается встрѣчный караванъ. Необходимо остановиться, чтобы, прижавшись къ скалѣ, пропустить мимо нѣсколько десятковъ навьюченныхъ животныхъ; но встрѣчный караванъ уже занялъ наше мѣсто и отъснилъ насъ къ краю пропасти. Приходится стоять въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ края почти-что перпендикулярнаго обрыва и слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ своей лошади, за движеніемъ встрѣчныхъ животныхъ съ ихъ громадными вьюками, подъ постояннымъ опасеніемъ, что вотъ-вотъ задѣнутъ васъ тюкомъ и неминуемо свалятъ въ пропасть. Въ то же самое время сзади насъ слышится знакомый гулъ нашего каравана, который врѣзывается въ середину встрѣчнаго; происходитъ невообразимая суматоха: всѣхъ, и людей и животныхъ, охватываетъ одно желаніе—поскорѣе разминуться и пройти опасное

мѣсто: слышится все чаще и чаще пронзительный крикъ, брань и понуканія погонщиковъ, гудѣніе колокольчиковъ, раздаются нещадные удары палки по спинамъ животныхъ, и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ подымается облако тонкой прозрачной пыли. Уже четыре часа ночи. Слабый свѣтъ луны и едва-едва просвѣтлѣвшее небо на востокъ образуютъ странныя полупрозрачныя сумерки, которыя застилаютъ даль, давая возможность хорошо различать предметы вблизи. Въ двухъ шагахъ отъ меня мой спутникъ лезгинъ; онъ зорко слѣдитъ за движеніемъ встрѣчнаго каравана, и свирѣпо бьетъ каждого напирющаго на насъ лошака.

Желая загородить дорогу одному упрямому мулу, который совсѣмъ оттиралъ насъ къ пропасти, лезгинъ старается стать діагонально къ тропѣ; съ большимъ трудомъ онъ дѣлаетъ полуоборотъ, при чемъ его лошадь упирается задними копытами въ самые крайніе камни надъ обрывомъ: но камни эти, не выдержавъ тяжести, обрушиваются, и лошадь съ сѣдокомъ летятъ вверхъ ногами въ пропасть. Папаха лезгина и копыта лошади мелькнули въ воздухѣ, взвился столбъ пыли, и только слышатся попеременно глухіе удары отъ паденія тяжелаго мягкаго тѣла. Каждый такой ударъ мучительно отзывается во всѣхъ фибрахъ моего существа; невыразимый ужасъ овладѣваетъ мною, но двинуться съ мѣста или позвать кого-либо изъ погонщиковъ нѣтъ физической возможности; мимо меня тянется безконечный рядъ тяжело навьюченныхъ муловъ, и одинъ изъ нихъ, желая по свойственной имъ привычкѣ, идти по самому краю обрыва, начинаетъ отталкивать меня къ тому мѣсту, откуда за минуту сорвался мой несчастный спутникъ. Со всего размаха я наношу мулу ударъ тупымъ концомъ револьвера по ноздрямъ, и онъ рѣшаетъ оставить меня въ покоѣ. Въ это же время возлѣ меня появляется длинная фигура приказчика нашего черводара; я употребляю всѣ

усилія остановить его, прошу и предлагаю деньги, но онъ продолжаетъ усердно колотить своего осла и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова; выведенный изъ терпѣнія, я хватаю его за волосы и подымаю нагайку, но онъ вырывается изъ моихъ рукъ и стремительно направляется къ своему ослу: очевидно вся забота погонщика направлена на то, чтобы его осель какъ-нибудь не свалился въ пропасть или не запутался среди встрѣчнаго каравана, а тамъ хоть десятокъ «ференги» провались въ пропасть—это совсѣмъ не его дѣло. Такое равнодушіе и безучастіе къ чужому горю и страданію можно наблюдать лишь у китайцевъ. Такое отношеніе къ ближнему—явный и главный признакъ вырождающагося и разлагающагося народа.

Суматоха и невозможность двинуться съ мѣста продолжаются около двадцати минутъ; наконецъ, тропа становится болѣе свободною, и я спускаюсь внизъ къ мосту, отыскивая нашего осетина; вмѣстѣ съ нимъ мы догоняемъ ускокавшаго впередъ Н. Н. Курмакова; онъ опроретью спускается къ руслу рѣки и, идя по направленію мѣста катастрофы, находитъ нашего лезгина. Изрядно оцарапанный, онъ стоялъ, опершись о скалу, и караулилъ нашу кассу, которая была привязана къ его сѣдлу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него валялась въ пыли въ предсмертныхъ судорогахъ его лошадь, тутъ же были разбросаны щепки отъ его крѣпкаго казачьяго сѣдла; одну изъ такихъ щепокъ онъ взялъ съ собою на память объ этомъ печальномъ случаѣ. Оказалось, что Джемаль-эд-динъ превзошелъ своею ловкостью всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною акробатовъ. Падая вмѣстѣ съ лошадыю, онъ все же успѣлъ освободить ноги изъ стремянъ, броситься въ сторону отъ лошади и, уцѣпившись за какое-то подобіе уклона сползти внизъ или скатиться.

Часъ спустя злополучный лезгинъ, котораго я въ
персія и персы.

душѣ оплакивалъ, какъ мертваго, явился на станцію съ нѣсколькими щепками въ рукахъ, которыя остались у него въ качествѣ вещественнаго воспоминанія о любимомъ сѣдлѣ; черезъ полчаса онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже возился съ самоваромъ и распаковывалъ ব্যюки съ дорожными припасами. Правда, въ послѣдствіи онъ насчитывалъ не одинъ десятокъ ссадинъ и синяковъ и втихомолку благодарилъ Бога за чудесное спасеніе. И это чувство благодарности должно было усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, свалившись съ такой высоты, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что съ правой стороны возлѣ него лежала мертвая, наканунѣ сорвавшаяся на томъ же мѣстѣ, лошадь, а съ лѣвой—несчастный осель, три дня тому назадъ подвергшійся той же печальной участи. Часъ спустя пришлось уплатить черводару пятьдесятъ рублей за его погибшую лошадь, которую онъ вначалѣ оцѣнилъ было чуть ли не втрое, разсчитывая, авось глупые ференги заплатятъ безпрекословно. Чтобы усилить значеніе своей клятвы, простой народъ въ Персіи обыкновенно беретъ кусокъ хлѣба въ руки и клянется на хлѣбѣ. Нашъ черводаръ клялся такимъ же образомъ въ томъ, что его лошадь стоитъ сто рублей, хотя по мѣстнымъ цѣнамъ, она не могла стоить больше 35 рублей.

Менджиль, возлѣ котораго случился этотъ печальный казусъ, цѣлое мѣстечко, конечно, съ точки зрѣнія персовъ. Въ дѣйствительности это—десятокъ глинобитныхъ лацугъ, образующихъ два-три азіатскихъ переулка, грязныхъ, вонючихъ, съ маленькой канавкой проточной воды, въ которой персы моются, стираютъ бѣлье, спускаютъ всѣ нечистоты и преспокойно пьютъ ту же воду.

Въ отношеніи чистоты и опрятности персы едвали уступитъ пальму первенства китайцу; грязнѣе и неряшливѣе народа, кажется, трудно найти подъ луною,

Старый мездрильський мостъ.

но въ то же время, по мнѣнію персовъ, всѣ ференги — народъ нечистый, не только нравственно, но главнымъ образомъ физически; а происходитъ это потому, что ференги не дѣлають ежедневно троекратнаго омовенія, предписаннаго кораномъ. Въ дѣйствительности омовеніе у перса только формальность, и тѣ двѣ капли воды, которыя онъ размазываетъ на себѣ въ жидкую грязь, только усиливають его нечистоплотность.

Чувство брезгливости совсѣмъ не знакомо персу: я не разъ наблюдалъ, какъ персъ спокойно пилъ воду изъ канавки, въ то время, какъ другой въ двухъ шагахъ отъ него вверхъ по теченію мылъ ноги и продолѣывалъ вещи и похуже; но его сосѣдъ нисколько этимъ не смущался; очевидно, онъ считалъ это въ порядкѣ вещей.

Необходимо отдать справедливость и хорошимъ чертамъ персовъ. Въ общемъ, всѣ персы, къ какому бы сословію они не принадлежали, въ большинствѣ народъ довольно даровитый, вѣжливый, выдержанный и умѣренный въ своихъ потребностяхъ; множество недостатковъ въ ихъ характерѣ объясняется крайней нищетою ограбленнаго населенія, отдаленностью отъ Европы и выработанною вѣками замкнутостью жизни на Востокѣ. Нищета, произволь сильнѣйшаго и замкнутость жизни породили крайній эгоизмъ, сухость, черствость характера и равнодушіе къ страданіямъ ближняго, а фанатизмъ духовенства только увеличилъ отчужденность населенія и сталъ помѣхою сближенію его съ другими народами, закрывъ доступъ наукъ и вообще культурѣ.

Прежняя воинственность персидскаго населенія, занесенная кровавыми буквами на скрижали міровой исторіи, исчезла безслѣдно, и нынѣшній природный персъ — только чиновникъ или же мелкій торговецъ.

Несмотря на всю свою незначительность, Менджиль извѣстенъ всему міру своимъ періодическимъ вѣтромъ.

Начиная съ 12-ти час. дня до 6-ти час. утра ежедневно въ Менджильскомъ ущельѣ дуетъ до того сильный вѣтеръ, что случается опрокидываетъ навьюченныхъ животныхъ. Когда строился новый Менджильскій мостъ, то рабочіе могли работать только съ 6-ти час. утра до 12-ти час. дня, и затѣмъ работа прекращалась, такъ какъ вѣтеръ сносилъ людей и матеріалы.

Въ два часа ночи выступаемъ изъ Менджилия. Здѣсь мѣстность принимаетъ характеръ нагорной пустыни: — прозрачный воздухъ прохладенъ, на темномъ небѣ ни одного облака, убывающая луна рѣзко бѣлѣтъ на темно-синемъ фонѣ небосклона и также рѣзко освѣщаетъ не только дорогу, но и каждый камешекъ; все время ступаемъ по очень крупной галькѣ, среди горъ, давно уже потерявшихъ причудливость своихъ очертаній. Нигдѣ что называется ни былинки; даже небольшіе признаки весенней растительности сожжены солнцемъ и давно уже превращены въ пыль; мѣстами только замѣтны низенькіе щетинистые высохшіе стебельки какихъ-то растений, Богъ вѣсть, какъ уцѣлѣвшихъ. Высотомѣръ показываетъ около 2,000 футъ; нагрѣтый воздухъ рѣдокъ и недвижимъ. Мертвая тишь, и только изрѣдка зашуршитъ быстро скользящая змѣя или ящерица, выползшая на ночную добычу.

Въ теченіе пятичасового пути мѣстность не мѣняется, и только при спускѣ къ деревушкѣ Починаръ встрѣчается небольшая рѣчка того же имени. Населенные пункты крайне рѣдки, и природная недоступность нѣкоторыхъ деревень усилена искусственно самими сельчанами въ цѣляхъ охраны отъ наѣзда правительственныхъ чиновниковъ, по преимуществу же во время такъ называемыхъ губернаторскихъ ревизій. По такой искусственно заваленной глыбами камня дорогѣ губернаторъ никакъ не проѣдетъ, да и посланный имъ чиновникъ туда не доберется.

Поближе къ Менджилю, среди горныхъ лощинъ,

находятся деревушки, о существованіи которыхъ персидское правительство даже и не подозреваетъ. Неприступность дороги къ такому селенію составляетъ немаловажную защиту его жителей; сами же они появляются въ ближайшихъ торговыхъ центрахъ крайне рѣдко и то тайкомъ для покупки такихъ продуктовъ, которыхъ ихъ деревня не производитъ. Горную тропу къ такой деревушкѣ сами же сельчане заваливаютъ каменными глыбами и вообще всякими искусственными преградами, такъ что еслибъ чиновная челядь и догадывалась о существованіи человѣческихъ жилищъ за такими барьерами, то опасеніе получить пулю въ лобъ, вмѣсто ожидаемой взятки, удерживаетъ разгорѣвшійся аппетитъ персидскаго держиморды. Въ двадцати верстахъ отъ Менджиля къ сѣверо-западу имѣются прекрасные лѣса; въ той же мѣстности находятся пока мало изслѣдованныя мѣсторожденія различныхъ минераловъ. Мѣстное населеніе, зная, въ какихъ мѣстахъ находятся рудныя богатства, не желаетъ давать никакихъ указаній иностранцамъ, опасаясь возбудить противъ себя мѣстныхъ хановъ. Въ то же время эти бѣдняки, различные пастухи и крестьяне, никакъ не могутъ устоять передъ желаніемъ получить пять руб. за такую услугу.

— Знаешь ли саабъ, какъ мы поступимъ, чтобы я могъ показать тебѣ рудники? Вотъ видишь ли, я не имѣю права сопровождать тебя и дѣлать указанія, но ты можешь заставитьъ меня силою сдѣлать это; пусть твои казаки ведутъ меня подъ руки, а если мы будемъ встрѣчать по дорогѣ людей, то пусть они дѣлаютъ видъ, что очень сильно бьютъ меня; я буду страшно кричать.

На слѣдующій день комедія была разыграна превосходно, и при встрѣчѣ съ односельцами казаки дѣлали видъ, что колютъ перса, а тотъ, конечно, кричалъ благимъ матомъ и затѣмъ добросовѣстно показывалъ

всѣ рудныя мѣсторожденія. Воображаю, сколько было въ мѣстныхъ селеніяхъ разговоровъ послѣ этого событія. Можно поручиться, что всѣ мѣстные крестьяне долго говорили о варварствѣ русскихъ казаковъ, и еслибъ любая англійская газета узнала объ этихъ разговорахъ, то подняла бы шумъ на весь міръ и, въ числѣ прочихъ, привела бы и данный фактъ, какъ несомнѣнное доказательство нашего варварскаго обхожденія съ нашими сосѣдями персами.

Починаръ—въ переводѣ значитъ мѣсто чинаровыхъ лѣсовъ. Когда-то давно здѣсь былъ цѣлый лѣсъ чинаровъ, но въ настоящее время лишь уныло торчатъ два—три дерева, да и то не чинары, а какая-то верба, да шахъ-туты—родъ тутовыхъ деревьевъ съ большими блестящими темно-зелеными листьями. Деревья эти приносятъ громадныя темно-красныя, необыкновенно сочныя и нѣжныя кисловатыя ягоды, которыхъ, впрочемъ, никто въ Персіи не ѣстъ, такъ какъ, по мнѣнію населенія, эти ягоды производятъ лихорадку. На противоположной сторонѣ рѣки, противъ нашихъ оконъ, размѣстился многочисленный караванъ верблюдовъ, и развьюченныя животныя уныло бродятъ по берегу, отыскивая уцѣлѣвшіе остатки изсушенной солнцемъ травы.

Къ четыремъ часамъ дня появляется нашъ черводаръ и категорически заявляетъ, что онъ остается ночевать въ Починарѣ и ни подъ какимъ видомъ не рѣшится къ ночи идти въ Каразань.

— Переходъ очень тяжелъ, поясняетъ онъ, — лошади и люди приустали, да кромѣ того дорога и окружающія горы изобилуютъ ядовитыми змѣями, которыя къ вечеру выползаютъ за добычею и жалятъ людей и скотъ; не приму грѣха на душу за жизнь людей и не могу рисковать своими животными.

На эту тираду онъ получаетъ отъ насъ не менѣе категорическій отвѣтъ, что черезъ часъ онъ пойдетъ

со своимъ караваномъ въ Каразань, а если заупрямится, то наши горцы навьючатъ животныхъ, и караванъ пойдетъ безъ него. Онъ уже хотѣлъ было что-то возразить, но появленіе нашего Джемаль-эд-дина ментально уняло его краснорѣчіе.

Пасмурный черводаръ плетется позади каравана, который переходитъ рѣчку вбродъ и начинаетъ круто подыматься вверхъ по камнямъ. Слѣдовъ дороги или даже тропы нигдѣ не видно, поэтому, очутившись впереди, мы должны были ждать нашего бѣлаго вожака, который, выдвинувшись впередъ, ступая важно и гулко, указалъ путь всему каравану. Дорога начинаетъ обозначаться только версты за двѣ отъ Починаръ и идетъ все вверхъ; подъемы становятся все круче и извилистѣе; кругомъ все пустынно, все выжжено, нигдѣ ни капли воды, ни признаковъ растительности. Только бурья скалы чередуются съ темно-коричневыми холмами, составляющими верхній покровъ этого грандіознаго разрушающагося горнаго хребта; на каждомъ шагу виднѣются слѣды еще свѣжихъ обваловъ; громадныя каменныя глыбы, сорвавшіяся со страшной высоты и наполовину зарывшіяся въ землю, глядятъ голыми, холодными безформенными массами, хаотически разбросанными то по отлогимъ, то по крутымъ уступамъ горнаго хребта. Возлѣ одной изъ такихъ глыбъ, на высотѣ около 7,000 футъ, въ самомъ трудномъ мѣстѣ перевала какимъ-то чудомъ выросло маленькое корявое деревцо въ видѣ кустарника; всѣ его тонкія, колючія вѣтки увѣшаны лоскутками разноцвѣтныхъ тряпокъ: здѣсь, очевидно, штабъ-квартира страшнаго и грознаго горнаго духа, котораго необходимо умилоствитъ и благодарить за благополучный переходъ.

Трудно себѣ представить картину, которая могла бы дать лучшее понятіе о грандіозномъ хаосѣ и внушить такое тяжелое чувство подавляющей тоски, какъ видъ, открывающійся съ того мѣста, гдѣ выросъ этотъ

своеобразный жертвенникъ во славу горнаго духа! На протяженіи десятковъ верстъ съ огромной высоты сверху внизъ протянулись беспорядочно разбросанные обрывы, скалы и холмы желто-бураго цвѣта, голые, безформенные и безобразные, безъ малѣйшихъ признаковъ воды и растительности. Разрѣженный, чистый прозрачный воздухъ даетъ возможность глазу слѣдить, какъ эти страшныя громады, эти груды скалъ и холмовъ, постепенно понижаясь, подходятъ къ громадному ущелью, по которому, въ видѣ узкой темно-синей ленты прихотливо вьется Сефидъ-Рудъ. За рѣкою мѣстность поднимается сразу круто вверхъ, а затѣмъ весь видимый горизонтъ заканчивается высокою зубчатою горною цѣпью.

Тамъ, въ этой дали, сквозь тонкую пелену висящихъ надъ рѣкою легкихъ паровъ, едва замѣтно виднѣется то мѣсто, гдѣ сутки тому назадъ сорвался въ кручу нашъ лезгинъ; но тамъ уже поздній вечеръ. Это только на той высотѣ, съ которой видна вся эта картина, солнце, хотя близкое къ закату, продолжаетъ все еще свѣтить, упирая свои золотистые лучи въ бурья скалы и желтые глинистые обрывы, среди которыхъ бредетъ нашъ караванъ. Высоко надъ нашими головами мѣдно-краснымъ свѣтомъ горятъ уступы скалъ, которыя своими вершинами словно упираются въ темно-синее небо. Кажется, что если бы Данте могъ наблюдать эту картину, у него навѣрное нашлось бы болѣе мрачныхъ красокъ, болѣе устрашающихъ образовъ для изображенія своего ада. Отъ мѣста, гдѣ наблюдается эта картина, до вершины горнаго хребта еще цѣлыхъ полторы тысячи футъ.

Далѣе по пути на нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточнаго склона хребта, на высотѣ около шести тысячъ футъ, начинаютъ появляться маленькіе клочки обработанной земли съ посѣвами ячменя, и недалеко въ лощинѣ притаился крохотный хуторокъ — единствен-

ное человеческое жилье среди этой горной пустыни. Караванъ продолжаетъ медленно подниматься вверхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ животныя не идутъ, а положительно карабкаются вверхъ, останавливаясь поминутно, чтобы перевести дыханіе. Еще два часа такого хода и уже среди ночи мы начинаемъ спускаться къ маленькой, на высотѣ около шести тысячъ футъ, деревушкѣ «Хоразанъ» или «Коразанъ», какъ ее титулуютъ на географическихъ картахъ. Десятки другой скверныхъ, персидскихъ домишекъ, почтовый «караванъ-сарай», такъ-называемый «чапаръ-ханэ», затѣмъ второй частный похуже — вотъ и вся Каразанъ.

Послѣ всяческихъ мытарствъ, мы находимъ единственное помѣщеніе подъ навѣсомъ въ воротахъ «караванъ-сарая»; гдѣ прислуга ставитъ наши походныя кровати. Закутавшись въ резиновые плащи и нахлобучивъ на головы капюшоны, укладываемся на ночлегъ. Несмотря на сильную усталость, я еще долго ворочаюсь и наблюдаю, какъ каждый мулъ и лошадь, при входѣ и выходѣ изъ «караванъ-сарая», считаютъ своимъ долгомъ остановиться возлѣ кровати и внимательно оглядѣть и обнюхать каждого изъ насъ: чуть ли не каждыя пять минутъ надъ моей головой наклоняется симпатичная лошадиная морда, и на меня задумчиво глядятъ ея большіе умные и добрые глаза. Но, несмотря на всю затѣйливость такой обстановки, усталость беретъ свое, и засыпаешь сномъ праведника: пятьдесятъ верстъ въ сѣдлѣ при странномъ зноѣ и пыли даютъ въ результатѣ хорошій сонъ. Нѣсколько минутъ до моего уха долетаетъ мѣрный шумъ отъ пережевываемаго лошадьми ячменя, повременамъ слышится фырканье, а затѣмъ всѣ звуки смѣшиваются и уходятъ куда-то далеко—наступаетъ глубокій сонъ.

Чуть свѣтъ мы уже опять въ сѣдлахъ и начинаемъ спускаться къ деревушкѣ Ага-Баба. Здѣсь мѣстность болѣе оживленная: въ лощинахъ бѣгутъ быстрые гор-

ные ручьи, склоны горъ во многихъ мѣстахъ вспаханы и засѣяны; среди долинъ разбиты большіе шатры кочевыхъ, главнымъ образомъ курдскихъ племень, а поближе къ деревушкѣ Ага-Баба на холмахъ виднѣются шатры казвинскихъ персовъ: это дачное пребываніе болѣе богатыхъ классовъ. Персъ въ душѣ кочевникъ, и любимое его жилище, шатеръ, въ которомъ онъ проводитъ большую часть года. Всѣ большіе города лѣтомъ пустѣютъ, и все состоятельное населеніе выѣзжаетъ на кочевку, начиная съ повелителя Ирана и кончая мелкимъ чиновникомъ и бузургуномъ (помѣщикомъ).

Всѣ окрестности большихъ городовъ имѣютъ видъ большихъ лагерныхъ стоянокъ; онѣ на большомъ разстояніи покрыты шатрами. Дома въ дачныхъ мѣстахъ и въ окрестностяхъ Тегерана—только второстепенная принадлежность хозяйства, и такъ и кажется, что постройка ихъ вошла въ обыкновеніе въ сравнительно недавнее время; всю весну, лѣто и осень персъ проводитъ въ шатрѣ: здѣсь онъ спитъ, обѣдаетъ, принимаетъ гостей и дѣлаетъ дѣла; канцеляріи министровъ и ихъ приѣмныя помѣщаются на ихъ дачахъ, въ шатрахъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что шатры состоятельныхъ персовъ гораздо комфортабельнѣе и богаче убраны и меблированы, чѣмъ ихъ дома. Персидскій домъ вообще, а дачный въ особенности, это нѣчто совсѣмъ невысказанное съ точки зрѣнія европейца. Не говоря уже о невозможномъ расположеніи комнатъ, крайне маломъ ихъ количествѣ и полуаршинныхъ ступеняхъ лѣстницъ, достаточно сказать, что сквозь камышевыя циновки нештукатуренныхъ потолковъ всю зиму протекаетъ дождь и льются потоки воды, скопляющіеся на плоской крышѣ. Плоская, покрытая довольно толстымъ слоемъ глины крыша, лежитъ на тонкихъ тополевыхъ балкахъ; между слоемъ глины и балками помѣщается толстая камышевая циновка, которая

Дѣвушка племени курдовъ.

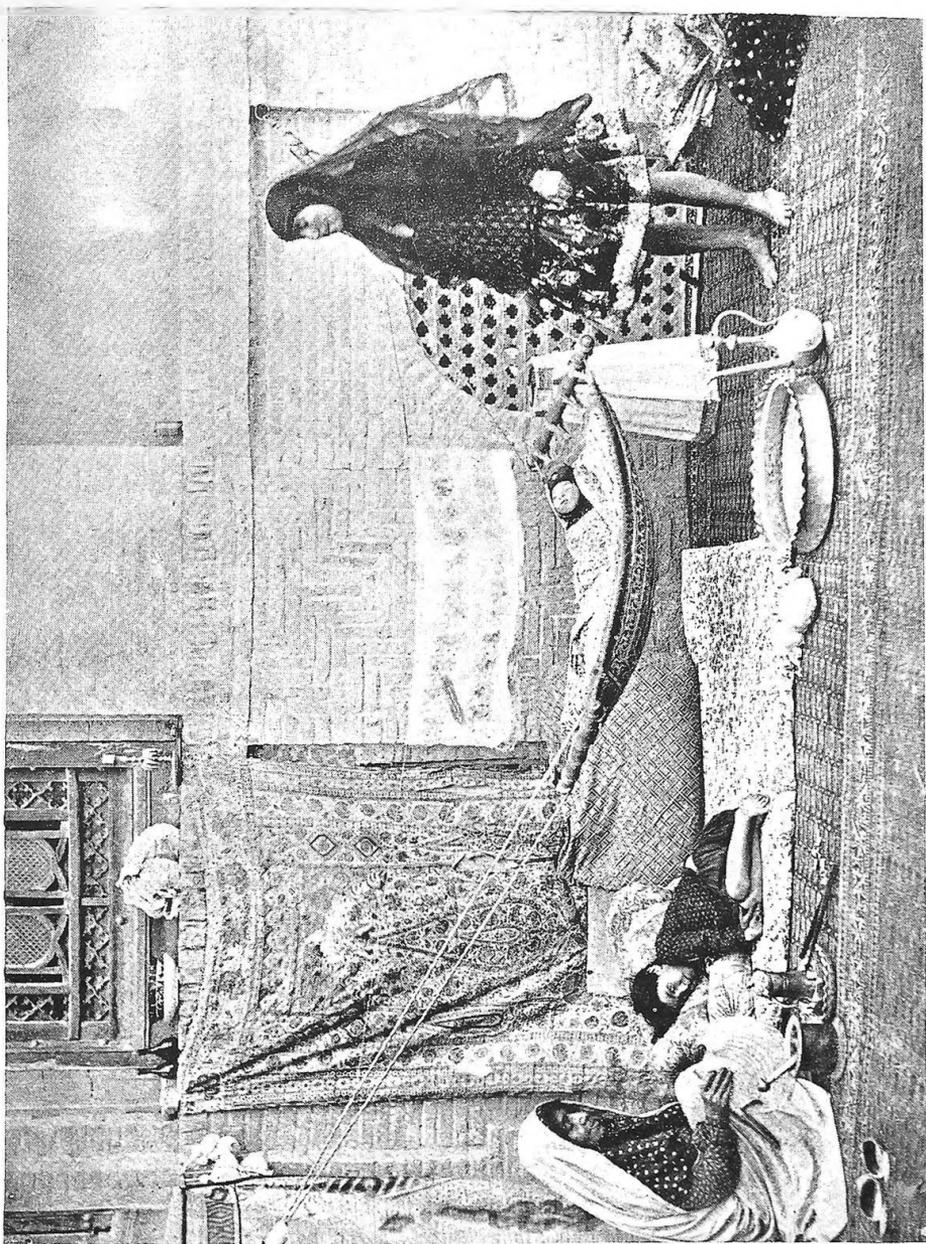
Женщина племени курдовъ.

служить украшеніемъ потолка, и каждый разъ, когда она прорывается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ, въ комнату сыплется масса сухой глины, а иногда, въ видѣ сюрприза, падаетъ вмѣстѣ съ глиною черный скорпионъ или фаланга; во время дождя черезъ крышу, словно сквозь рѣшето, льются потоки грязной воды; одинъ изъ моихъ знакомыхъ всегда во время сильнаго дождя выставлялъ свою мебель въ садъ, говоря, что хотя она и промокнетъ тамъ, но зато на нее будетъ литься чистая вода, тогда какъ въ комнатѣ она также промокнетъ, съ той только разницей, что вода, прошедшая сквозь крышу, будетъ грязная. Необходимо добавить, что тополевыя балки рѣдко выдерживаютъ два года; осенняя и зимняя сырость, а также черви уничтожаютъ ихъ очень быстро; далеко не рѣдкость видѣть, какъ въ томъ или другомъ домѣ проваливаются потолки, и еслибы въ Тегеранѣ существовала статистика такихъ оказій, то смѣло можно поручиться за десять такихъ случаевъ въ сутки, несмотря на то, что во всемъ городѣ едва ли наберется семь тысячъ домовъ. Полы во всѣхъ комнатахъ кирпичныя или же каменныя всегда покрыты коврами, цѣнность которыхъ зависитъ отъ состоятельности хозяина дома. Въ одной изъ очень большихъ залъ въ домѣ знакомаго мнѣ богатаго купца перса полы были устланы частью шелковыми, частью шерстяными коврами, стоимость которыхъ равнялась нѣсколькимъ тысячамъ рублей. Персидскіе ковры хорошаго качества сохраняются очень долго; такому сохраненію ихъ способствуетъ то обстоятельство, что персы у себя дома ходятъ въ носкахъ, а персіанки въ чулкахъ; туфли всегда стоятъ у порога комнаты и надѣваются, когда приходится кому-либо пройти черезъ переднюю или же черезъ дворъ. Мужская обувь въ Персіи—желтые или красные остроконечныя туфли—безобразна.

Небольшая комната, въ которой я пишу эти строки, имѣетъ въ трехъ своихъ стѣнахъ восемь оконъ и двое

дверей, а четвертая стѣна, выходящая въ садъ, представляетъ собою одно громадное сплошное окно; кромѣ того, подъ самымъ потолкомъ имѣется во всѣхъ четырехъ стѣнахъ рядъ маленькихъ застекленныхъ оконъ съ очень густыми рамами. Можно смѣло утверждать, что каждый чисто персидскій домъ состоитъ только изъ оконъ и дверей; такой домъ, въ своемъ родѣ полукочевой шатеръ. Нѣкоторые богатые персы, побывавшіе въ Европѣ, построили дома отчасти на европейскій ладъ, но такіе дома составляютъ пока рѣдкое исключеніе. Каждый обнесенный стѣною дворъ почти всегда имѣетъ два дома: одинъ впереди и другой сзади. Первый домъ состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ двухъ-трехъ комнатъ, въ которыхъ хозяинъ дома принимаетъ своихъ гостей и дѣлаетъ дѣла. Передній домъ — вообще дѣловое помѣщеніе и гостиная, но это не жилой домъ; здѣсь все только на показъ. Настоящій жилой домъ, это домъ слѣдующій за первымъ, такъ называемый «эндерунъ». Здѣсь помѣщаются жены, дѣти и женская прислуга; здѣсь протекаетъ семейная жизнь перса. Зачастую эндерунъ дѣлится на два-три отдѣльныхъ помѣщенія, смотря по числу женъ перса. Входъ въ эндерунъ воспрещенъ каждому постороннему мужчине и даже дальнимъ родственникамъ мужчинамъ. Женщины, рабы и вообще домашняя прислуга могутъ входить сюда безпрепятственно. Несмотря на то, что рабство «de jure» отмѣнено въ Персіи, тѣмъ не менѣе, оно существуетъ и по настоящее время. Рабами и рабынями являются по преимуществу негры и негритянки. Мои пріятели — персы имѣли своихъ рабовъ и не скрывали этого предо мною.

Если изъ этого описанія кто-либо пожелалъ бы вывести заключеніе, что каждый прохожій можетъ наблюдать всю внутреннюю обстановку и даже домашній бытъ перса, то онъ разочаруется; свои дома персы строятъ всегда посреди сада или двора и окружаютъ

Въ эндерунъ.

Въ андерунѣ.

ихъ со всѣхъ сторонъ высокими глинобитными стѣнами, такъ что улица въ персидскомъ городѣ всегда представляетъ собою узкій отвратительный коридоръ съ высокими грязными стѣнами по обѣимъ сторонамъ; каждый персидскій городъ и деревня подавляютъ свѣжаго человѣка своимъ своеобразнымъ противнымъ запахомъ, свойственнымъ только Востоку и однообразнымъ, унылымъ видомъ.

Такой же видъ имѣеть и деревня или мѣстечко Ага-Баба, гдѣ нашъ усталый караванъ засвѣтло останавливается на ночлегъ. Правда, Ага-Баба—это рай въ сравненіи со всѣми другими мѣстами предшествовавшихъ остановокъ, но все же это персидскій рай съ мириадами москитовъ, клоповъ и многихъ «тому подобныхъ» удовольствій. Ага-Баба все же одна изъ лучшихъ мѣстностей, окружающихъ съ сѣвера Иранское плоскогоріе. Высокое положеніе мѣстности, обиліе воды, урожайность почвы, масса лучшихъ виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ—все это прославило деревушку на всю Персію.

Мѣстный ханъ, онъ же содержатель почтовой станціи, присосѣдился къ нашему завтраку и не безъ удовольствія выпилъ два стакана чаю съ коньякомъ, до котораго онъ не хотѣлъ дотронуться до тѣхъ поръ, пока мы не заявили ему, формы ради, что коньякъ—лучшее средство противъ лихорадки; затѣмъ спустя часа два онъ опять пожаловалъ къ намъ и тоже не побрезгалъ шербетомъ изъ вишневаго сиропа съ изряднымъ количествомъ того же противулихорадочнаго средства; но подъ конецъ правовѣрный не выдержалъ: онъ юркнулъ въ свою комнату и вынесъ оттуда громадный штофъ прескверной персидской водки, съ просьбою закрасить ее вишневымъ сиропомъ, «а то», какъ объяснилъ онъ, «пить чистую водку неудобно; крашенная, она уже является шербетомъ, а употребленіе шербета не запрещено кораномъ, да кромѣ того и окру-

жающая публика будетъ думать, что онъ пьетъ шер-бетъ». Признаюсь, я не безъ нѣкотораго умиленія выслушалъ такое чистосердечное объясненіе правовѣрнаго и исполнилъ его просьбу.

Вся разница между пьющимъ персомъ и европейцемъ заключается лишь въ томъ, что европейецъ, не фарисействуя лукаво, пьетъ при каждомъ удобномъ случаѣ—днемъ и ночью и во всякое время года; между тѣмъ, какъ персы пьютъ только по ночамъ, больше въ одиночку или же въ обществѣ самыхъ интимныхъ друзей. Кромѣ того, для многихъ европейцевъ, на-примѣръ, французовъ, вино является предметомъ необходимости въ домашнемъ обиходѣ; здѣсь всѣ пьютъ вино, но никто не напивается, между тѣмъ какъ персы, разъ онъ присѣлъ къ бутылкѣ, непременно напьется.

Ни въ городахъ, ни въ деревнѣ мнѣ никогда не приходилось видѣть на улицѣ пьянаго или даже подвыпившаго перса; если разъ въ годъ, въ такомъ центрѣ, какъ Тегеранъ, и бываетъ такой выдающійся случай, то мѣстный губернаторъ, для успокоенія совѣсти правовѣрныхъ, отправляетъ виновника сего торжества въ отвратительное подземелье, именуемое здѣсь тюрьмою, а затѣмъ, предоставивъ ему нѣкоторое время всесторонне обдумать въ семъ скромномъ уединеніи всю мерзость и соблазнъ его поступка, приказываетъ всенародно и торжественно бить его палками по пяткамъ, при чемъ сила наказанія всегда сообразуется съ количествомъ мзды, полученной начальствомъ и феррашами. Въ сущности, и наказуемый, и наказующіе хорошо сознаютъ, что сіе возмездіе снисходитъ съ высотъ начальственнаго усмотрѣнія не за пьянство, ибо само начальство тоже прикосновенно къ сему пороку, а за то, что виновный осмѣлился появиться на улицѣ, будучи уже въ объятіяхъ зеленого змія.

Нашъ поваръ персы—горькій пьяница, но онъ напивается каждый день только послѣ десяти часовъ

вечера; повременамъ онъ пьетъ въ обществѣ двухъ нашихъ лакеевъ персовъ, но все это продѣлывается поздно ночью въ саду, въ нашемъ большомъ шатрѣ, отдаленномъ отъ дома шаговъ на сто.

Еще недавно въ Тегеранѣ былъ битъ по пяткамъ за пьянство какой-то бродяга-нѣмецъ. Желая создать себѣ карьеру, сей предприимчивый германецъ принялъ магометанство и персидское подданство. По совершеніи надъ нимъ муллами извѣстнаго болѣзненно-шекотливаго обряда, онъ по возвращеніи домой на радостяхъ или, быть можетъ, желая подавить въ себѣ угрызения совѣсти, счелъ за лучшее напитокъ до полного озвѣренія, а затѣмъ велъ себя на улицѣ столь громко, что полиціймейстеръ счелъ долгомъ доложить объ этомъ брату шаха Наибъ-Султане. Послѣдній поступилъ съ новообращеннымъ, какъ съ правовѣрнымъ и своимъ подданнымъ, и злополучный нѣмецъ впервые отвѣдалъ персидскаго «чубъ-фелеке» (наказаніе палками по пяткамъ).

Въ то время какъ простой народъ куритъ опиумъ и напивается отвратительной персидской водкою, съ примѣсью одурманивающихъ веществъ, высшіе классы пьютъ по ночамъ коньякъ и шампанское. Куреніе опиума среди-высшихъ классовъ населенія развито мало, но среди простонародья эта страсть распространяется все больше и больше и доходитъ до того, что на нѣкоторыхъ улицахъ Тегерана иногда чувствуется особый тяжелый отвратительный запахъ—дымъ отъ куренія опиума.

При закатѣ солнца изъ комнаты хана послышалось вначалѣ неясное бормотаніе, а затѣмъ отчетливая монотонная рѣчь. Проходя мимо, я увидѣлъ, какъ ханъ, стоя на колѣняхъ на небольшомъ коврикѣ, усердно клалъ земные поклоны и молился вслухъ: онъ творилъ вечерній намазъ. При молитвѣ персъ всегда становится на колѣни на маленькомъ коврикѣ, лицомъ по

направленію къ Меккѣ, затѣмъ вынимаетъ хранящійся у него за рубахой на груди маленькій плоскій кирпичъ, выдѣланный изъ обожженной земли, взятой у гробницы Магомета или съ мѣста, обогрѣннаго кровью потомковъ пророка Али и, воздѣвая руки къ небу, творя земные поклоны, ясно и отчетливо произноситъ слова молитвы, каждый разъ касаясь лбомъ священнаго камешка. Богатый персъ употребляетъ много времени на молитву, бѣдняки оканчиваютъ ее очень скоро. Женщины молятся почти такъ же, какъ и мужчины, но обязательно съ покрытою головою и лицомъ. Иногда намазъ дополняется пѣніемъ стиховъ корана или молитвъ. Было бы величайшею ошибкою полагать, что персъ понимаетъ слова произносимой имъ молитвы. Дѣло въ томъ, что арабы, завоевавъ Персію, навязали странѣ мусульманство. Но такъ какъ коранъ написанъ на арабскомъ языкѣ, то каждый правовѣрный въ видѣ молитвы обязанъ произнести нѣсколько стиховъ изъ корана и не иначе, какъ по-арабски. Между тѣмъ не только бѣдные, но даже богатые и очень интеллигентные персы совсѣмъ не знаютъ арабскаго языка. Мало того, едва одинъ изъ сотни муллъ кое-что понимаетъ по-арабски. Судьба арабскаго языка въ магометанскомъ богослуженіи во многомъ схожа съ судьбой латинскаго языка въ богослуженіи католическомъ. Даже историческія судьбы имѣютъ здѣсь громадное сходство. Въ средніе и послѣдующіе за ними вѣка латынь была знакома всему интеллигентному міру. Образованные люди говорили, на латинскомъ языкѣ. Такое же значеніе имѣлъ арабскій языкъ въ Персіи спустя два вѣка послѣ завоеванія ея арабами. Считалось позоромъ для образованнаго перса незнаніе арабскаго языка. Въ настоящее время въ Европѣ латынь, а въ Азіи арабскій языкъ вывѣтрились; ихъ мало кто знаетъ, а между тѣмъ языки эти остались въ богослуженіи, какъ древніе забытки, мертвые

ничего не говоряще ни уму, ни сердцу современнаго чловѣка.

Какъ въ средніе вѣка католическое духовенство противилось переводамъ всякихъ священныхъ книгъ съ латинскаго языка на новѣйшіе, такъ же точно и мусульманское духовенство противилось переводу корана на персидскій языкъ. И только за послѣднее время разрѣшенъ такой переводъ корана, но и то только подстрочный. Такой переводъ выгядитъ крайне курьезно и не только зачастую измѣняетъ конструкцію персидскаго языка и затемняетъ смыслъ даннаго изреченія, но въ большинствѣ случаевъ искажаетъ его содержаніе. Мало того, всѣ шіиты (персы) убѣждены, что подлинный коранъ затерялся во время смутъ. Подлиннымъ кораномъ владѣла семья пророка Али, и съ насильственною гибелью этой семьи подлинный коранъ погибъ навсегда.

Отъ мѣстечка Ага-Баба идетъ пологій спускъ къ одной изъ величайшихъ равнинъ, представляющей собою Иранское плоскогоріе, высоту въ четыре тысячи футъ. Плоскогоріе это, суженное вначалѣ двумя горными цѣпями, постепенно расширяется къ юго-востоку, образуя далѣе на югъ отъ Тегерана такъ называемую Соляную степь, въ сущности, одну изъ самыхъ безотрадныхъ пустынь съ солончаковою почвою и почти полнымъ отсутствіемъ влаги въ воздухѣ. Персы назвали ее «Пустыней отчаянія». Постепенно понижаясь въ юго-восточномъ направленіи и мѣняя названіе, она захватываетъ часть юго-восточной Персіи по направленію къ Белуджистану и оканчивается небольшимъ горнымъ хребтомъ, восточная сторона котораго обращена къ устьямъ Инда. Въ томъ же направленіи пустыня эта въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорѣзывается нѣсколькими небольшими горными цѣпями.

При спускѣ съ возвышенностей, на которыхъ расположена деревушка Ага - Баба, глазамъ предста-

вляется неизмѣримая равнина, окаймленная съ двухъ сторонъ величественными цѣпями горъ, постепенно раздвигающихся по направленію къ юго-востоку. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ къ востоку и юго-востоку отъ Казвина почва равнины очень плодородна, такъ какъ состоитъ изъ лёса, наносимаго съ горъ обильными весенними водами; затѣмъ далѣе, преимущественно къ востоку, начинаются солончаки, которые южнѣе переходятъ въ пустыню. Несмотря на богатство почвы, отсутствіе дождей въ теченіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ превращаетъ лѣтомъ и эту плодородную часть равнины въ пыльную, выжженую солнцемъ степь, по которой зелеными пятнами разбросаны деревушки; онѣ имѣютъ видъ оазисовъ среди сѣрой раскаленной равнины, по которой вѣчно разгуливаютъ поднимающіеся къ небу пыльные песчаные смерчи. Къ этимъ оазисамъ проведена вода изъ самыхъ отдаленныхъ горъ, за нѣсколько десятковъ верстъ. Маленькіе каналы холодной прозрачной воды быстро текутъ по бокамъ дороги; они то ныряютъ подъ землю, то опять черезъ нѣсколько верстъ появляются наружу. Въ мѣстахъ, гдѣ часть канавы отведена для орошенія земли, очень быстро появляется необыкновенно богатая растительность. «Кто оживилъ землю, тому и его потомкамъ она должна вѣчно принадлежать», гласитъ шаріатъ. Оживить землю по шаріату — значитъ оросить ее.

На такой оживленной землѣ расположенъ довольно значительный городъ Казвинъ, весь утопающій въ зелени своихъ садовъ. Въ общемъ этотъ городъ, какъ и прочіе азіатскіе города, носитъ извѣстный шаблонный характеръ: тотъ же ровъ или высокія желтыя стѣны вокругъ города, тѣ же высокія, иногда даже красивыя городскія ворота, тѣ же пыльныя узкія улицы съ мелькими лавчонками по сторонамъ.

Большая четырехъугольная площадь занимаетъ сре-

дину города; на противоположныхъ сторонахъ ея—съ одной стороны красуется губернаторскій домъ, скорѣе похожій на крѣпость, съ другой—большое двухэтажное зданіе почтовой станціи.

Къ величайшему нашему удивленію, зданіе это оказалось сравнительно чисто содержимымъ, съ прилично меблированными номерами. Злые языки утверждаютъ, что здѣсь сказалось вліяніе мѣстнаго губернатора, который содержитъ эти номера, конечно, на чужое имя, а управляетъ ими человѣкъ довольно страннаго типа—не то армянинъ, не то еврей, одѣтый въ европейскій костюмъ, съ широчайшею золотою цѣпью у часовъ на разноцвѣтномъ жилетѣ и съ фізіономіею стараго павіана. Неизвѣстно, контролируетъ ли настоящій хозяинъ счета, преподносимые пріѣзжимъ, но во всякомъ случаѣ они таковы, что могли бы привести въ большое смущеніе даже самаго расточительнаго человѣка.

Черезъ площадку отъ почтовой станціи видны ворота, ведущія въ одну изъ самыхъ древнихъ мечетей Персіи. Персы насчитываютъ ей болѣе тысячи лѣтъ. Къ сожалѣнію, фанатизмъ среди населенія такъ силенъ, что доступъ въ мечеть воспрещенъ всѣмъ ино-вѣрцамъ, и нарушившій это запрещеніе рискуетъ быть убитымъ фанатиками. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, медикъ, пожелалъ было снять фотографію съ наружной стороны мечети. Но едва онъ успѣлъ войти во дворъ, какъ былъ сброшенъ на землю какимъ-то фанатикомъ и долженъ былъ поспѣшно удалиться со двора мечети. Еще двѣсти лѣтъ назадъ персы далеко не такъ относились къ посѣщенію иностранцами ихъ мечетей и мѣстъ, почитаемыхъ священными.

Такъ, Адамъ Олеарій, описывая свое путешествіе въ Персію въ 1636—1638 гг., говоритъ, что онъ не однажды посѣщалъ мечети, священныя мѣста и гробницы различныхъ святыхъ мужей, чтимыхъ повсюду въ странѣ. Мало того, въ одной изъ старинныхъ ме-

четей ученый мулла ежедневно въ свободные часы преподавалъ Олеарію персидскій языкъ. Равнымъ образомъ, прежняя Персія, дѣятельная и храбрая, совершенно не знала понятія «нѣджисъ», т. е. нечистый, оскверняющій. Понятіе это появилось только впоследствии, какъ результатъ далеко не мудрой политики персидскаго правительства. Опасаясь сближенія персовъ съ армянами и халдеями, живущими на персидской территоріи, и ихъ вліянія на обычаи, нравы и религіозныя воззрѣнія народа, персидское правительство и духовенство, а главнымъ образомъ послѣднее, начало внушать народу, что общеніе правовѣрнаго съ иновѣрцемъ оскверняетъ перваго; съ теченіемъ времени принципъ этотъ постепенно распространился не только на личность иновѣрца, но и на всѣ вещи, принадлежащія иновѣрцамъ, преимущественно же на пищу и посуду. Однако современная жизнь Персіи все чаще и чаще сталкиваетъ ея населеніе съ европейцами, и персамъ поневолѣ приходится часто измѣнять своимъ обычаямъ. Болѣе образованные персы давно уже вывели у себя примѣненіе понятія «нѣджисъ»; они даже стыдятся произносить это выраженіе въ отношеніи иностранцевъ. Средніе классы, которымъ, въ силу служебныхъ или торговыхъ интересовъ, приходится часто бывать у европейцевъ, и послѣднимъ у персовъ и пользоваться взаимнымъ гостепріимствомъ, тоже исподволь отвыкаютъ отъ мысли, что весь обиходъ европейца оскверненъ. Купцы-персы, угостивъ у себя европейца, зачастую послѣ этого долго моютъ свою посуду, а иные держатъ для такихъ случаевъ совершенно особую. Строгое соблюденіе «нѣджисъ» практикуется только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди деревенскихъ крестьянъ и по преимуществу крестьянокъ, которыя въ большинствѣ фанатичнѣе мужчинъ. Вопросъ о «нѣджисъ» служилъ вѣчнымъ поводомъ издѣвательства нашего лезгина надъ персами;

онъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказывалъ имъ, что его сѣдло чище, чѣмъ ихъ физиономіи, и что вслѣдствіе вкоренившейся среди персовъ неряшливости, они фактически «нѣджисъ» въ сравненіи съ европейцами, а такъ какъ свои доводы онъ могъ подкрѣпить при всякомъ удобномъ случаѣ казачьей плетью, то персы скрѣпя сердце смотрѣли, какъ онъ бралъ руками ихъ посуду. Впрочемъ, въ деревняхъ и мѣстечкахъ ближе къ нашей границѣ у мѣстныхъ жителей начинается вырабатываться понятіе о томъ, что слово «нѣджисъ» относится ко всѣмъ прочимъ иностранцамъ, исключая русскихъ. За послѣднее время даже общее выраженіе «ференги» не примѣняется въ отношеніи русскихъ. Насъ въ Персіи называютъ урусамы и отличаютъ отъ прочихъ иностранцевъ.

Провинція повсюду болѣе консервативна, чѣмъ столица; то же повторяется и въ Персіи: Казвинъ консервативнѣе Тегерана, жители Казвина нѣсколько устойчивѣе и храбрѣе тегеранцевъ, что сказалось года два тому назадъ, когда въ Казвинъ былъ назначенъ новый губернаторъ. Онъ былъ извѣстенъ своею кровожадностью, взяточничествомъ и стремленіемъ угнетать народъ. Когда этотъ персидскій помпадуръ появился у воротъ Казвина, то жители встрѣтили его крикомъ «марахасъ», т. е. убирайся во свояси, и такъ и не допустили въ городъ. Опасаясь за свою голову, сей администраторъ счелъ за лучшее повернуть вспять, хотя вѣроятно долго еще потомъ облизывался, такъ какъ Казвинъ могъ бы представить собою обширное поприще для его «благодетельной» дѣятельности. Исторія кончилась тѣмъ, что казвинцамъ послали другого помпадуръ, который пришелся имъ болѣе по сердцу, и хотя и тотъ, не получая отъ правительства содержания, скребетъ карманы казвинцевъ, но дѣлаетъ это въ мѣру, а что касается щекотливаго обычая обрѣзыванія ушей, отрубыванія рукъ и ногъ, и нещаднаго

біенія по пяткамъ, то сему подвергаются только особо провинившіеся казвинцы и не успѣвшіе откупиться или убѣжать въ «бѣстъ»—священное мѣсто, гдѣ каждый убѣжавшій становится неприкосновеннымъ.

При деспотизмѣ и взяточничествѣ чиновниковъ и отсутствіи правильно устроенныхъ судовъ, «бѣстъ» въ Персіи является благодѣтельнымъ учрежденіемъ. Главнымъ, такъ сказать, основнымъ бѣстомъ считается всегда какой-либо особо чтимый храмъ. Затѣмъ въ послѣдствіи это понятіе распространилось и на нѣкоторыя другія мѣста; такъ, напримѣръ, бѣстомъ считается помѣщеніе русскаго посольства, ограда возлѣ одной старинной пушки на площади Тегерана и, наконецъ, даже дворъ командующаго персидской казачьей бригадою, В. А. Коссаговскаго.

Если принять во вниманіе скоропалительность персидскаго судопроизводства, а тѣмъ болѣе случай, когда бѣдняку персу нечѣмъ откупиться, то отсюда становится понятнымъ, что бѣгство въ такое мѣсто, откуда никакія силы, даже самъ шахъ, не посмѣютъ извлечь убѣжавшаго, является предохранительнымъ клапаномъ противъ взрыва дикаго произвола. Пока подсудимый, онъ же и обвиняемый, сидитъ въ бѣстѣ, его друзья и родственники начинаютъ хлопотать у держащихъ властей. Очень часто случается, что вся деревня или околодокъ собираютъ свои крохи и несутъ ихъ для умиловленія начальства. Дѣло, въ большинствѣ случаевъ, оканчивается тѣмъ, что раба Божьяго отпускаютъ на всѣ четыре стороны. При этомъ если имѣется лицо, потерпѣвшее отъ проступка или преступленія, то предварительно удовлетворяютъ и задабриваютъ его насколько это возможно.

Проходя по одной изъ площадей Тегерана, можно иногда наблюдать за желѣзною рѣшеткою старинной пушки какого-нибудь злосчастнаго халатника, который, провинившись, успѣлъ прыгнуть за рѣшетку. Про-

ходящая публика обыкновенно довольно сочувственно относится къ такимъ несчастнымъ и подаетъ имъ сквозь рѣшетку хлѣбъ, воду и мелкую мѣдную монету. При этомъ ни полиція, ни стоящій у рѣшетки оборванный часовой никогда никому не препятствуютъ заниматься такою благотворительностью; каждый изъ нихъ знаетъ, что завтра самъ можетъ очутиться въ «бѣстѣ».

Находясь на пути между Рештомъ и Тегераномъ, Казвинъ уже по своему географическому положенію не можетъ имѣть большого торговаго значенія, вслѣдствіе чего наше правительство и не сочло нужнымъ имѣть здѣсь своего консула. Мѣстная торговля ограничивается сбытомъ окрестному населенію плохихъ русскихъ товаровъ, какъ-то: ситца, сахара, посуды и разныхъ мелкихъ вещей.

Казвинъ чище и опрятнѣе Решта, онъ окруженъ садами и виноградниками и, будь персы лучшими садоводами, окрестности Казвина по своему климату и условіямъ почвы могли бы производить лучшіе въ мірѣ плоды. Но не только въ садоводствѣ, но и во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства и управленія странною рутинна и неподвижность одолѣваютъ все и вся.

Кромѣ винограда, абрикосовъ, персиковъ и инжира, сады Казвина даютъ массу фисташекъ, которыми переполнены мелкія фруктовыя лавки. Персы, какъ и греки, поджариваютъ ихъ на сковородахъ, обсыпая солью; въ такомъ видѣ онѣ очень вкусны и легко отшелушиваются; за 40 копѣекъ на Казвинскомъ базарѣ можно получить чуть ли не полный мѣшокъ жареныхъ фисташекъ.

Табакъ здѣсь производится въ очень небольшомъ количествѣ и не отличается хорошимъ качествомъ. Лучшимъ табакомъ въ Персіи считается рештскій табакъ, но и тотъ отличается такимъ своеобразнымъ

вкусомъ и запахомъ, что къ нему необходимо привыкнуть; это очень жирный табакъ, крайне густой въ куреніи и сильно дѣйствующій на нервы. Всѣ сорта табаку вообще продаются очень дешево, и лучший изъ нихъ стоитъ не болѣе 50 коп. за фунтъ.

Населеніе Казвина выгладитъ зажиточнѣе и опрятнѣе населенія другихъ персидскихъ городовъ: даже нищихъ на улицахъ встрѣчается менѣе, но зато здѣсь впервые мнѣ пришлось увидѣть нищихъ прокаженныхъ. На главной городской площади ко мнѣ подошла высокая, очень худошавая женщина, одѣтая въ истрепанный коленкоровый чадуръ, и протянула руку за милостынею. При этомъ движеніи ея чадуръ немного распахнулся, открылось лицо, и я въ ужасѣ замеръ на мѣстѣ: вмѣсто носа и лица—одна общая язва, покрытая бѣлыми струпьями; на лѣвой рукѣ, которой она старалась придержать раздвинувшійся чадуръ, тѣ же страшныя бѣлыя глубокія язвы. Эта несчастная собирала милостыню въ маленькую деревянную чашечку, которую держала въ рукѣ: очевидно, прокаженнымъ запрещено непосредственное соприкосновеніе съ прочими людьми.

— Да помилуетъ тебя Всевышній, добрый саабъ, произнесла бѣдная женщина едва внятнымъ голосомъ, увидѣвъ опущенную мною въ чашку монету.

Когда ея высокая худошавая фигура стала медленно удаляться отъ меня, мнѣ почему-то вспомнилось что-то знакомое, но давно забытое; и я невольно сталъ вспоминать... да, именно такую я представлялъ себѣ смерть въ дѣтствѣ... странно, сколько должно было пройти времени, пока я, наконецъ, увидѣлъ этотъ образъ въ дѣйствительности.

Отъ Казвина до Тегерана около ста пятидесяти верстъ, дорога все степная, ровная, что называется безъ сучка и задоринки; почтовые лошади порядочныя, ямщики болѣею частью толковыя и трезвыя; боль-

шія чапарханэ болѣ опрятны и почти всѣ имѣютъ возлѣ зданій небольшіе садики, гдѣ, въ ожиданіи перепряжки, можно укрыться подъ тѣнью липы или широколистаго чинара и выпить стаканъ сквернаго персидскаго чаю; часть помѣщенія на каждой станціи занята чайханэ (чайная комната, въ буквальномъ переводѣ).

Иногда случается, что на станціи къ двумъ плохимъ замореннымъ лошаденкамъ въ вашу коляску впрягаютъ двѣ сильныя молодыя лошади, почти что небывавшія еще въ запряжкѣ; тогда начинается бѣшеная, головоломная ѣзда съ попаданіемъ въ рытвины, опрокидываніемъ экипажа и прочими сему подобными удовольствіями. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Персію какъ-то ночью запрягли въ экипажъ четверку совершенно дикихъ лошадей, которыхъ два конюха вывели за уздцы за городскія ворота, и здѣсь предоставили насъ, меня и моего товарища, на волю судьбы. Дѣло было весною; съ горъ то и дѣло сползали грозныя тучи и поили сухую жаждущую землю обильными дождями. На бѣду случилась сильная гроза съ особыми короткими сухими раскатами грома, которые свойственны только большимъ высотамъ, при очень разрѣженномъ и сухомъ воздухѣ. Дорога была степная, ровная, и за ея небольшими канавами тянулись безконечныя равнины, усыпанныя мѣстами очень крупнымъ булыжникомъ и обломками скалъ.

Дикія лошади рванули сразу вскачь; нашъ возница лихой азарбейджанецъ только сильнѣе нахлобучилъ свою высокую остроконечную шапку, изъ подъ которой развѣвались пряди его длинныхъ волосъ, и, намотавъ возжи на руки, уперся ногами въ передокъ коляски, чтобъ не слетѣть съ козелъ. Въ теченіе полчаса лошади несли насъ бѣшено. До станціи было болѣе тридцати верстъ, и въ концѣ концовъ они умялись бы изрядно. Но вдругъ вблизи насъ съ лѣвой

стороны ударилъ громъ. Лѣвая лошадь шарахнулась вправо, налегла на остальныхъ, и тѣ, свернувъ съ дороги, понесли насъ въ степь. Черезъ десять минутъ мы очутились во рву. Только какимъ-то чудомъ перевернувшійся экипажъ уцѣлѣлъ и лошади не переломали себѣ ногъ. Дѣлать нечего, поднимаемъ экипажъ и кое-какъ потихоньку выводимъ лошадей опять на дорогу. Здѣсь нашъ возница опять садится на козлы, опять упирается ногами въ передокъ, мы вскакиваемъ въ экипажъ, и опять начинается бѣшеная скачка вплотную до самой станціи.

IV.

Тегеранъ.

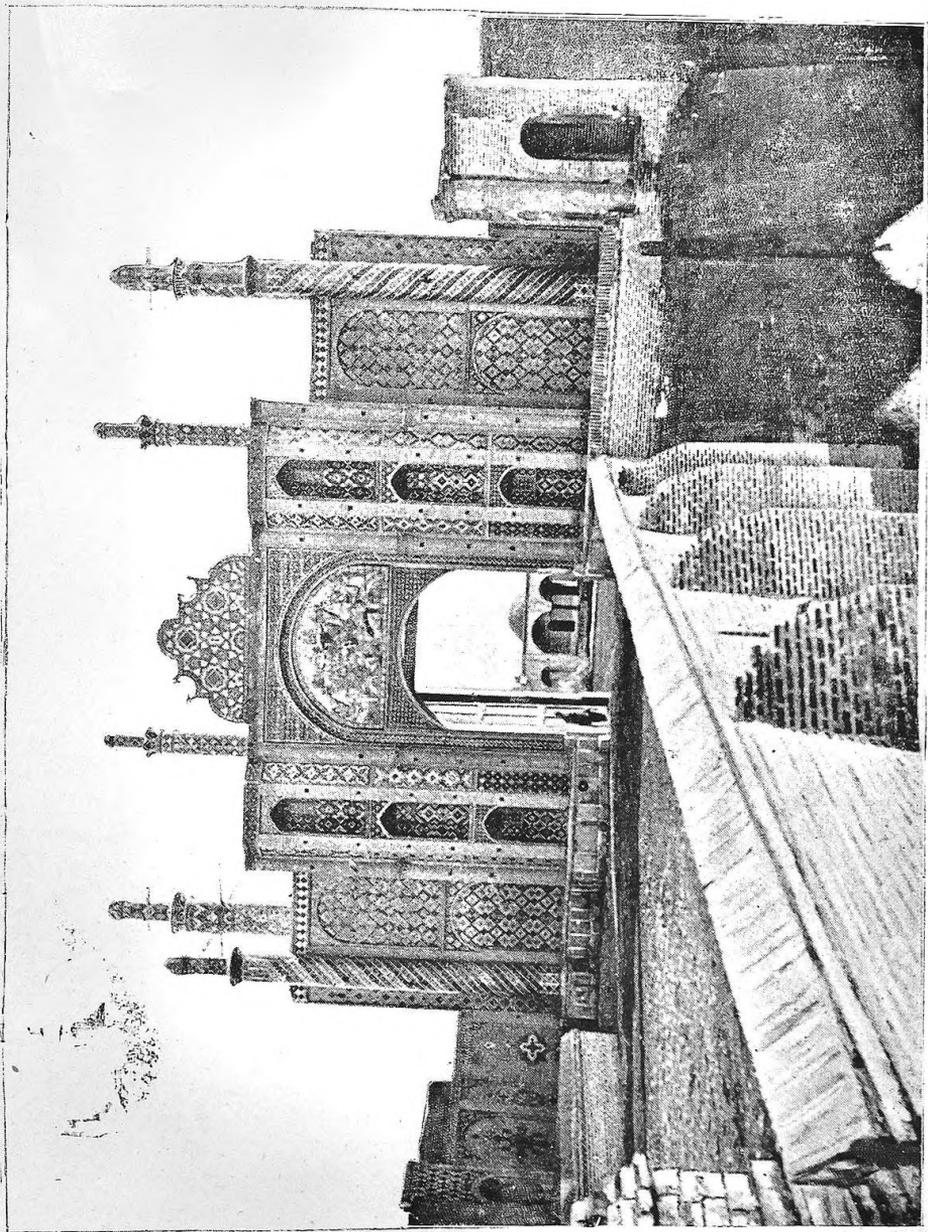
Одинъ изъ европейцевъ, впервые побывавшій въ Персіи, рассказывалъ мнѣ, что, проѣхавъ добрую половину Тегерана, онъ обратился къ ямщику съ вопросомъ: «гдѣ же, наконецъ, городъ?» И въ самомъ дѣлѣ, исключая базара и центральной площади, такъ называемой Топъ-Ханэ, вы нигдѣ болѣе въ Тегеранѣ не видите города; повсюду только узкіе или широкіе коридоры, обрамленные по обѣимъ сторонамъ высокими, не менѣе двухъ сажень глинобитными стѣнами съ небольшими выемками для воротъ. Сотня-двѣ такихъ коридоровъ, вотъ и весь Тегеранъ. На двухъ-трехъ улицахъ попадается иногда домъ, фасадомъ на улицу, — это уже, конечно, домъ обжившагося въ Тегеранѣ европейца или же принадлежащій любому европейскому учрежденію, напримѣръ, какому-нибудь банку.

Дома свои персы всегда строятъ внутри очень высокой глинобитной ограды, стѣны которой и составляютъ улицу. Причиной такой постройки домовъ служитъ древняя привычка охранять свое жилище отъ нападенія врага; въ тѣ времена каждый домъ представлялъ собою маленькую крѣпость. Кромѣ того, у каждаго правовѣрнаго существуетъ опасеніе, какъ бы посторонній глазъ не проникъ въ его эндерумъ (женскую половину).

Не только отдѣльные дома на Востокѣ, но и всѣ города обнесены глубокими рвами или стѣнами, причемъ для сообщенія съ остальнымъ міромъ имѣются одни и рѣдко нѣсколько воротъ, которыя на ночь запираются. Въ послѣднее время, съ покореніемъ нами туркменовъ, персы стали храбрѣе въ смыслѣ ночного пропуска въ городскія ворота; прежде бывали случаи, что туркмены врывались въ очень многолюдные города, безнаказанно грабили персовъ и уводили въ плѣнъ злополучныхъ трусливыхъ обитателей этихъ воображаемыхъ твердынь.

Всѣ эти высокія стѣны и рвы, окружающіе персидскіе города, имѣютъ жалкій и смѣшной видъ. Любая полевая батарея двумя залпами можетъ превратить въ пыль всѣ эти мнимыя твердыни.

Безпрепятственнымъ пропускомъ ночью въ городскія ворота въ настоящее время пользуются только европейцы и персидскіе сановники. Сторожу городскихъ воротъ крайне неудобно дѣлать затрудненія европейцу, такъ какъ тотъ никогда не оставитъ такой дерзости безнаказанно, а пойдетъ съ жалобой къ своему послу, посоль сдѣлаетъ представленіе губернатору, и слишкомъ ретивый стражъ можетъ на слѣдующій день получить «чубукъ-фелеке», проще сказать, палкою по пяткамъ; да притомъ такому кустодіусу совсѣмъ невыгодно ссориться съ европейцами, а тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ образовалась привычка, при ночномъ въѣздѣ или выѣздѣ изъ городскихъ воротъ, снабжать сего бдителя городской безопасности однимъ или двумя кранами (20—40 коп.) на чай, а потому онъ не только не учиняетъ европейцу ни малѣйшихъ затрудненій, но все время прохожденія ференги стоитъ выпрямившись и дѣлаетъ подъ козырекъ. Что же? Туркменовъ теперь нечего бояться, а опасности отъ нашествія всякихъ «ференги» онъ, бѣдный, не понимаетъ, да никогда и не пойметъ. Пойми только персы

Городскія ворта въ Тегеранѣ.

эту дѣйствительную и грозную опасность, они немедленно стали бы строить желѣзныя дороги, завели бы флотъ и армію и перевѣшали бы добрую половину своихъ муллъ и муштаидовъ. Но достаточно только стать ближе къ персидскому населенію, взглядѣться въ его нравственный строй, какъ вы убѣждаетесь, что на всемъ населеніи лежитъ какой-то отпечатокъ усталости его соціальной и политической жизни. Чуть ли не каждый персъ сознаетъ, что такъ дальше продолжаться не можетъ, но зато никто ума не приложитъ, да и не умѣетъ, и не желаетъ приложить, чтобы измѣнить общее положеніе вещей; повсюду царитъ какая-то общая, поголовная протрація. Можно положительно утверждать, что все населеніе Персіи ждетъ такого измѣненія извнѣ, и по всѣмъ даннымъ я глубоко убѣдился, что взоры всего населенія Персіи обращены на Россію.

— Я знаю, что вы христіане вѣрите въ Бога и ваша религія требуетъ отъ васъ любви къ ближнему, говорилъ мнѣ одинъ изъ очень крупныхъ представителей персидскаго духовенства,—но вотъ что меня удивляетъ, продолжалъ онъ,—какъ же это вы, русскіе, такой могущественный христіанскій народъ, можете хладнокровно смотрѣть на бѣдствія нашего народа. Изъ разговоровъ съ вами я убѣдился, что вы хорошо понимаете современное положеніе дѣлъ въ Персіи, вы понимаете бѣдствія персидскаго народа. Какъ же это такъ? Вѣдь ваша религія, какъ и наша, учитъ васъ, что каждый человѣкъ, независимо отъ его національности и религіи, есть созданіе Божіе и братъ вашъ. И вы оставляете вашего брата страдать, не вступитесь за него.

Такіе и въ томъ же родѣ разговоры я сотни разъ слышалъ отъ персовъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній.

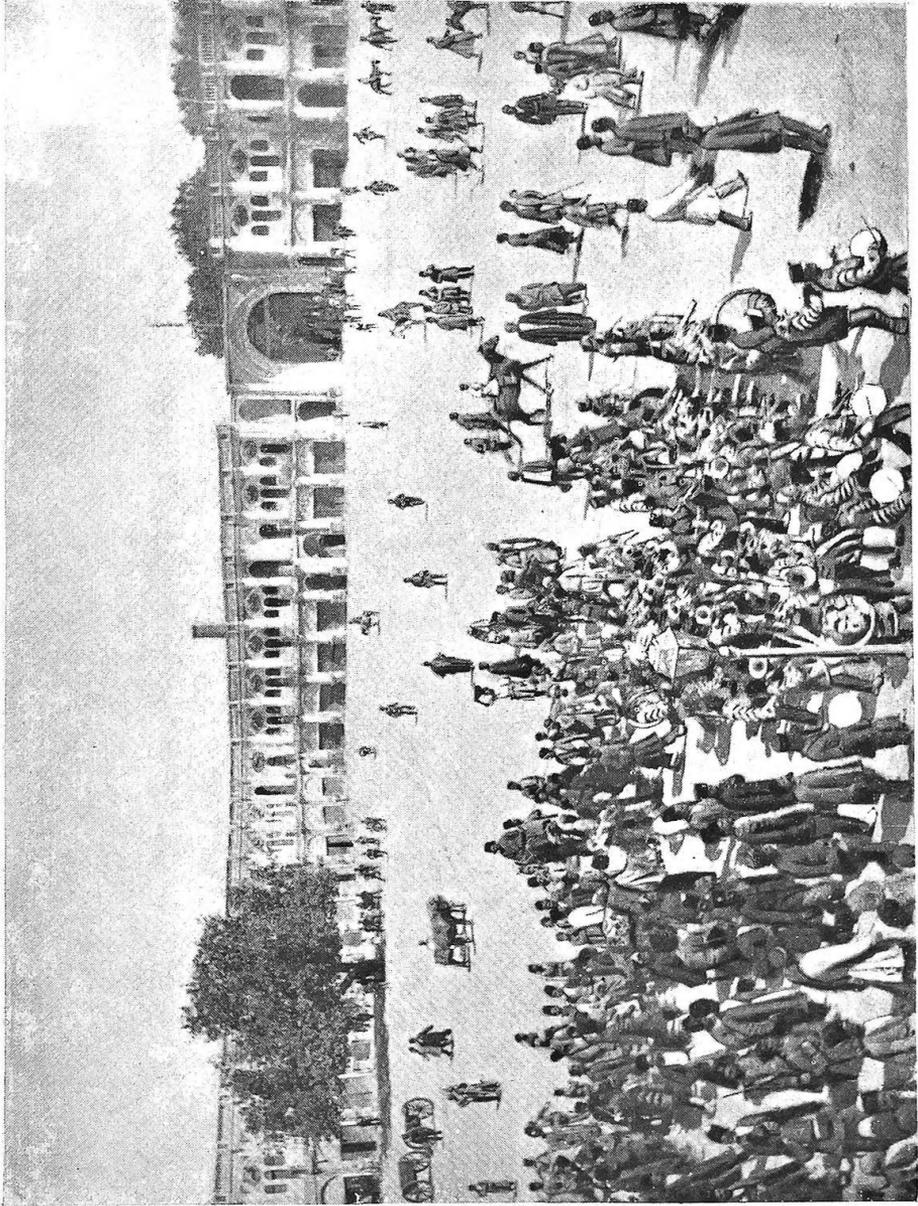
Городскія ворота въ большихъ персидскихъ горо-

дахъ имѣютъ обыкновенно видъ громадной арки съ украшениями въ видѣ высокихъ бапенокъ. Какъ арка, такъ и ея придаточныя украшенія облицованы разноцвѣтными персидскими кафелями, а на фронтонѣ арки красуется обыкновенно изразцовая картина, сюжетомъ которой служить тотъ или другой подвигъ любимаго эпическаго героя—Рустема (нашъ Илья Муромецъ) или любой эпизодъ исторической жизни народа. Живопись, конечно, дѣтская и во многомъ напоминаетъ собою художественныя произведенія нашихъ пятилѣтнихъ маэстро или того гоголевскаго живописца, который употреблялъ много скверной краски, чтобы досадить чорту и нарисовать его какъ можно хуже.

Здѣсь же въ воротахъ взимается обыкновенно и входная пошлина (гумрекъ) съ товаровъ, привозимыхъ въ городъ, въ томъ числѣ и съ багажа пассажировъ, при чемъ послѣдняя всегда непосредственно попадетъ въ карманъ блюстителя воротъ въ видѣ «анама» (пачка на чай).

За городскою стѣною и валомъ тянется вокругъ широкая улица, отъ которой широкими радіусами идутъ пересѣкаемыя переулками улицы къ главному центру, какимъ является площадь «Топъ-Ханэ». Такова приблизительная схема распланированія Тегерана, хотя, на примѣръ, базаръ, находящійся къ югу отъ Топъ-Ханэ, представляетъ собою лабиринтъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Семь улицъ радіусами сходятся къ главной городской площади «Топъ-Ханэ»; площадь эта окружена военными двухэтажными казармами, размалеванными въ персидскомъ вкусѣ, при чемъ надъ каждымъ окномъ верхняго этажа охочій живописецъ изобразилъ широкою кистью, понимая это выраженіе въ буквальномъ значеніи, крайне незамысловатые пейзажи, которые, вѣроятно, привели бы въ немалый восторгъ

Площадь Тонг-хамгэ въ Терепанѣ.

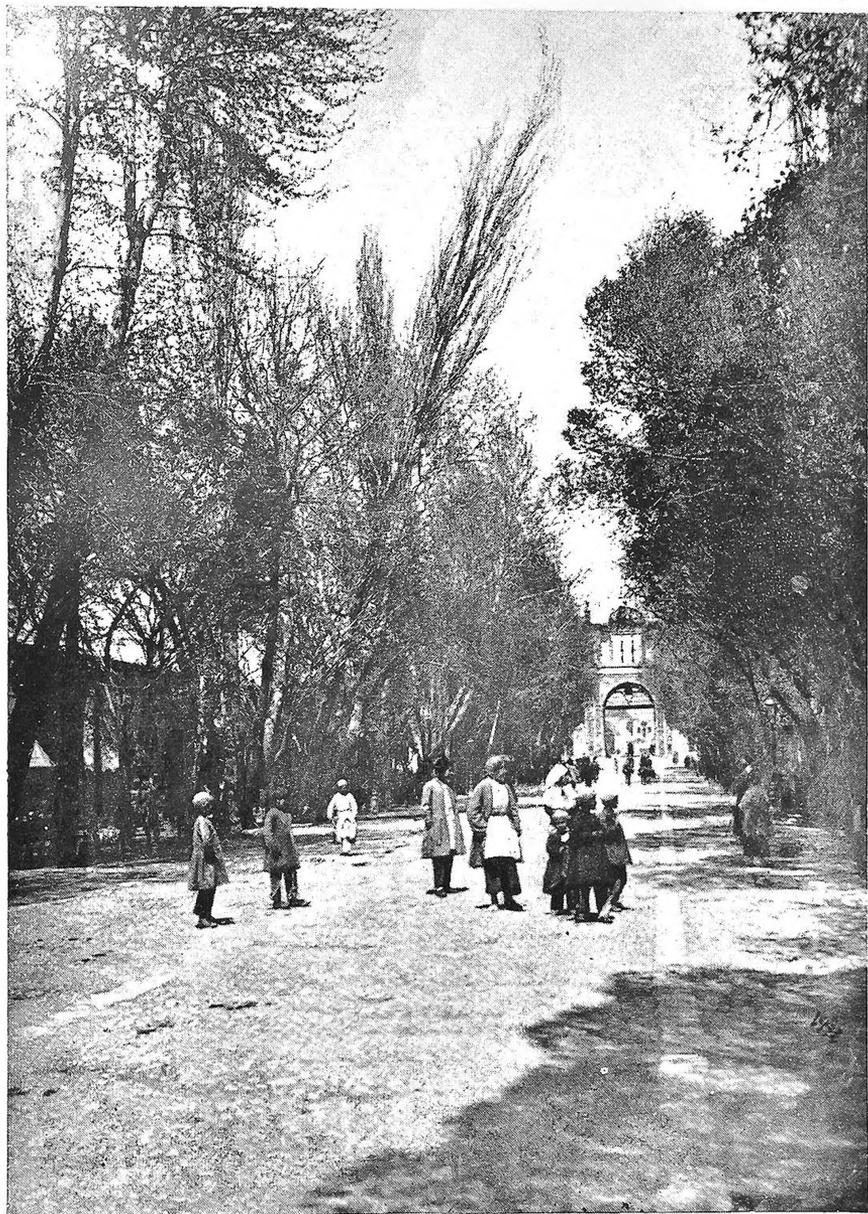
кузнеца Вакулу. Посреди площади устроено нѣчто въ родѣ сквера съ большимъ четырехугольнымъ бассейномъ. По угламъ сквера красуются четыре необыкновенной величины и длины пушки, принесенныя, какъ говорятъ, въ даръ (не помню какому) шаху однимъ изъ индѣйскихъ владѣтельныхъ принцевъ. Но растительность скверика мизерная, бассейнъ всегда сухой, а колеса и лафеты подѣ громадными пушками потрескались, покосились, и такъ и кажется, что вотъ-вотъ громадная пушка грохнется о землю. Съ правой стороны возлѣ сквера расположены въ два ряда десятка два бронзовыхъ пушекъ различнаго калибра; ихъ зарядные ящики, дышла, колеса и лафеты представляютъ собою печальную картину разрушенія. Съ правой стороны двухэтажное зданіе англійскаго банка, который только по недоразумѣнію носитъ названіе «Персидскаго государственнаго банка»; здѣсь же рядомъ почтамтъ, бюро остъ-индскаго телеграфа и гауптвахта.

Площадь вымощена очень скверно, да притомъ пресквернымъ крупнымъ булыжникомъ. Зимніе дожди и отсутствіе всякаго ремонта образовали цѣлыя ямы, рытвины и колдобины, такъ, что проѣзжая ночью по этой площади, всегда рискуешь поломать экипажъ. Въ общемъ ночная ѣзда въ Тегеранѣ.— явленіе довольно рѣдкое. Послѣ восьми часовъ пыльные улицы Тегерана совершенно пустѣютъ, и ѣзда, и безъ того рѣдкая, совершенно прекращается. Изрѣдка только въ болѣе богатой части города проѣдетъ экипажъ какого-нибудь знатнаго перса, сопровождаемый двумя-тремя человекѣми конной прислуги, голодной и оборванной, на росинандахъ, истыхъ потомкахъ донкихотовскаго одра. Въ настоящее время исподволь сталъ выводиться у персовъ обычай ѣздить и ходить въ сопровожденіи массы мужской прислуги. Еще не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатый персъ выходилъ изъ дому

не иначе, какъ въ сопровожденіи десяти-двадцати чело-
вѣкъ всяческой челяди; немедленно за нимъ слѣ-
довалъ всегда его писецъ, съ громаднѣйшимъ калям-
даномъ ¹⁾ у пояса, и рядомъ съ нимъ тутъ же шество-
валъ дворецкій. За ними странствовалъ носильщикъ
платья; онъ торжественно несъ господскую шубу, хо-
тя на солнцѣ Реомюръ показывалъ 60°, рядомъ съ
хранителемъ шубы важно выступалъ фанусчи (фо-
нарщикъ); въ его рукѣ болтался бумажный фонарь,
величиною въ сорока-ведерную бочку; далѣе процес-
сія дополнялась кальянчи—хранителемъ барскаго калья-
на и т. д., словомъ, здѣсь каждая отрасль домаш-
няго хозяйства имѣла своего представителя. Про-
цессія всегда замыкалась нѣсколькими нукерами (при-
служниками) и феррашами (посыльными). Когда ны-
нѣшній Садръ-Азамъ сталъ ѣздить по Тегерану въ со-
провожденіи только одного или двухъ конныхъ ла-
кеевъ и выходилъ изъ дому почти безъ многолюдной
свиты, то чиновные персы вначалѣ сочли это за боль-
шую ересь, но затѣмъ исподволь стали ему подра-
жать—многіе только изъ-за обезьянничества, но были
и такіе, въ числѣ ихъ и одинъ изъ моихъ знакомыхъ,
которые и ранѣе сознавали всю глупость стариннаго
обычая и теперь сердечно радовались, что этотъ обы-
чай сталъ выходить изъ моды.

Двѣ улицы, выходящія на Топъ-Ханэ, въ проме-
жуткѣ которыхъ находятся дворцовыя зданія, окан-
чиваются у площади довольно красивыми арками од-
ного типа съ арками прочихъ городскихъ воротъ. Из-
дали сквозь очень высокія арки тѣхъ воротъ, кото-
рыя ведутъ къ базару и къ дворцовымъ зданіямъ, вид-
нѣются длинныя ровныя аллеи, обрамленныя высо-

¹⁾ Родъ большого пэнала, гдѣ помѣщаются перья, черниль-
ница съ тушью, ножикъ, карандашъ и всякія письменныя при-
надлежности.

Улица въ Тегеранѣ, ведущая къ главнымъ присутственнымъ мѣстамъ.

кими и вѣтвистыми карагачами и тополями, но достаточно только проникнуть за эти ворота, какъ иллюзія исчезаетъ: карагачи и тополи растутъ своимъ порядкомъ, а грязь, пыль и вонь, особая вонь, присущая всему Востоку—своимъ порядкомъ. Обѣ аллеи, чѣмъ дальше отъ площади, тѣмъ становятся все грязнѣе и упираются въ улицу, которая проходитъ во всю ширину базара; часть промежутка между ними ограждена очень высокими стѣнами, внутри которыхъ помѣщается дворецъ съ его многочисленными дополнительными постройками. Изъ-за этихъ высокихъ стѣнъ виднѣются верхнія облицованныя кафелемъ части дворца и его тонкія красивыя башенки. Что касается шахскаго дворца, то онъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчателенъ. Здѣсь, какъ и въ каждомъ богатомъ персидскомъ домѣ, имѣются свой бирунъ, т. е. внѣшняя часть дома для пріемовъ и затѣмъ эндерунъ, въ сущности гаремъ, гдѣ прозябаетъ два десятка шахскихъ женъ и около ста женщинъ прислуги. Здѣсь тоже, какъ и у всѣхъ богатыхъ людей, каждая жена имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе и свою прислугу. Главною женою считается обыкновенно жена изъ принцессъ царской крови, т. е. какая-нибудь троюродная сестра или очень дальняя родственница шаха; остальные затѣмъ жены, хотя онѣ считаются законными, но дѣти ихъ не имѣютъ права на престолонаслѣдіе. Ранѣе, вопросъ о престолонаслѣдіи всегда являлся поводомъ къ страшнымъ междоусобицамъ, и новый шахъ вступалъ на престолъ по трупамъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Но съ 1828 г. каждый шахъ, въ силу Туркманчайскаго договора, при жизни своей обязанъ объявить своимъ наслѣдникомъ одного изъ своихъ сыновей, рожденныхъ отъ принцессы, котораго затѣмъ Россія обязалась поддерживать при вступленіи на престолъ. Съ 1828 года Персія, благодаря Россіи, не

знаеть смуть при восшествіи на престоль наслѣдниковъ трона.

Каждая жена шаха является къ нему по очереди и остается у него въ спальнѣ. При прежнемъ шахѣ, обладателѣ трехсотъ женъ, очередь каждой жены приходилась только однажды въ годъ, при чемъ очень часто право быть на очереди дорого покупалось одною женою у другой. Въдѣ во время пребыванія въ спальнѣ шаха мимолетная жена его всегда могла выпросить или назначеніе своего родственника на хлѣбную должность или повышение его въ чинѣ. Кромѣ того, она могла выхлопотать прощеніе для осужденнаго богача, который платилъ ей за это очень дорого. Наконецъ, при ея хотя и кратковременной протекціи любой купецъ могъ получить придворный подрядъ или очень дешево шахскую землю въ аренду. Случалось, что жена шаха спасала провинившагося губернатора или свергала его съ должности, если объ этомъ хлопотала вся провинція, да наконецъ, и сама она кое-что могла выпросить и для себя лично, а въдѣ едвали другая женщина въ мірѣ умѣетъ такъ попросить, какъ прилипушка-персіанка, съ ея крохотнымъ ротомъ и большими миндалевидными лучистыми глазами. При видѣ такой красавицы, шахское сердце всегда таяло, и онъ, не колеблясь, подписывалъ свое «са-хі-е», т. е. быть по сему. У покаяннаго шаха были и свои излюбленныя жены; такова, напримеръ, извѣстная всей Персіи красавица Джерамъханумъ (мадамъ-газель). Она была изъ простой крестьянской семьи, изъ окрестностей Тегерана. Мѣстность эта славится своими тузовыми деревьями, а потому злые языки иногда называли ее тузовницею, хотя всѣ губернаторы и чиновники всегда дрожали предъ мыслью, какъ она будетъ аттестовать предъ шахомъ того или другого изъ нихъ. Красивая и умная тузовница вывела въ люди всю свою родню. Тузовница

прожила, впрочемъ, не долго; она скончалась въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ. Чѣмъ старше становился покойный шахъ, тѣмъ болѣе въ немъ проявлялась страсть, общая всѣмъ старымъ персамъ, брать очень молодыхъ женъ—не старше десяти-одиннадцати лѣтъ.

Въ ту часть дворца, которая служитъ для приемовъ, жены шаха никогда не появляются. Эта внѣшняя часть дворца двухэтажная, образуетъ четырехугольникъ съ площадью по срединѣ, занятою громадными бассейнами, въ которыхъ бьютъ фонтаны. Площадь вымощена плитами, и кругомъ ея проведены широкіе каналы, которые наполняются водою изъ бассейновъ. Сторона дворца, обращенная къ югу, имѣетъ посреди громадный залъ въ два свѣта, при чемъ съ внѣшней стороны, вмѣсто стѣны, имѣются высокія витыя колонны, на которыхъ опирается крайняя часть потолка. Посреди зала большой бѣлый мраморный тронъ, гдѣ возсѣдаетъ шахъ во время большихъ праздничныхъ приемовъ. Лѣвѣе этого зала, во второмъ этажѣ помѣщается нѣчто въ родѣ музея, гдѣ рядомъ съ очень древними произведеніями искусства и античными работами изъ золота и бронзы, старинными вазами и оружіемъ, вы найдете десятокъ очень посредственныхъ дамскихъ вѣеровъ, поющую механическую райскую птицу, ликерный приборъ съ музыкою и т. п. Въ числѣ замѣчательныхъ вещей можно назвать хранящіяся въ музеѣ ковры, преимущественно такъ называемые ковры тонкой стрижки; толщина такого ковра не превышаетъ толщину сюртучнаго трико. Такіе ковры стоятъ очень дорого, и европейскіе рынки ихъ не знаютъ. Лѣвую сторону отъ выхода въ центральный залъ занимаютъ помѣщенія канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ сущности, это восточныя клѣтушки, гдѣ сидятъ на коврахъ секретари и писцы и вычерчиваютъ тростниковыми перьями арабскія буквы. Въ полдень всѣхъ ихъ кормятъ пловомъ и поятъ

шербетамн. Правая сторона дворца — жилия комнаты если такъ можно назвать тѣ комнаты, гдѣ чаще всего пребываетъ шахъ. Жилыми комнатами можно назвать только его эндерунъ, гдѣ онъ и пребываетъ большую часть дня. Комнаты, о которыхъ я говорю, похожи на складъ случайной мебели. Здѣсь, на ряду съ хорошею мебелью и порядочными картинами, можно найти вещи и мебель, которыя нельзя помѣстить даже и въ прихожей. Покойный шахъ видѣлъ въ западной Европѣ картинныя галлерей и задумалъ устроить у себя во дворцѣ нѣчто подобное. Здѣсь, въ числѣ трехсотъ картинъ самаго разнокалибернаго свойства, я лично видѣлъ вставленное въ раму иллюстрированное изображеніе одной крахмальной фирмы. Картина эта изображаетъ маленькую дѣвочку, играющею носовымъ платкомъ съ большимъ датскимъ догомъ. Въ числѣ другихъ имѣются и такія произведенія живописи, при видѣ которыхъ даже гоголевская баба не замедлила бы воскликнуть «яка кака намалевана!» Среди зданій дворца имѣется нѣчто въ родѣ зимняго сада съ высокими померанцевыми и лимонными деревьями. Въ одномъ уголку за проволочную сѣткою цѣлыя стада уморительныхъ горныхъ курочекъ, фазановъ и куропатокъ. Всѣ дворцовыя зданія окружены очень высокою грязною стѣною.

Одна изъ двухъ улицъ, выходящая на площадь съ сѣверо-восточной стороны, носитъ названіе Европейской: это, пожалуй, лучшая улица въ Тегеранѣ.

Европейской она названа, вѣроятно, потому, что большею частью улица эта заселена европейцами; здѣсь же главнымъ образомъ помѣщаются ихъ дома и учрежденія. Цѣлый большой кварталъ этой улицы занятъ англійскимъ посольствомъ, которое оградило свое зданіе такою же высокою стѣною, какою ограждены и всѣ персидскія дома, съ тою только разницею, что стѣны англійскаго посольства построены очень прочно и изъ

хорошаго камня; сдѣлано это, вѣроятно, въ предвидѣніи того, что возмущенные беззастѣнчивою эксплоатаціею и территоріальными захватами англичанъ персы въ одинъ прекрасный день могутъ возмутиться и совершить нападеніе на это прибѣжище расхитителей Востока.

Года три тому назадъ, когда столь блестяще провалилась табачная монополія, изобрѣтенная англичанами для полнаго закабаленія Персіи, никто изъ членовъ англійской миссіи не смѣлъ изъ-за этихъ высокихъ стѣнъ показать носа на улицу въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль. Изъ-за непомѣрнаго аппетита этихъ господъ чуть было не пострадали всѣ европейцы, такъ какъ простой народъ въ большинствѣ случаевъ не различаетъ національностей, для него всѣ европейцы—ференги и всѣ они кьяфыры.

По Европейской улицѣ далѣе, по направленію отъ Топъ-Ханэ, помѣстился русскій «ссудный банкъ». Принадлежащій ему красивый домъ съ порядочнымъ фасадомъ на улицу и громаднымъ зданіемъ для кладовыхъ во дворѣ приобрѣтенъ банкомъ отъ покойной англійской табачной монополіи; при домѣ громадный садъ, скорѣе цѣлый паркъ съ тѣнистыми аллеями, бассейнами и клумбами. Мѣсто это, благодаря усиліямъ г. Борового, управляющаго отдѣленіемъ банка, приобрѣтено за баснословно-дешевую цѣну; потребовалась только внутренняя передѣлка зданія для приспособленія подъ такое учрежденіе. Далѣе, еще два-три дома въ европейскомъ стилѣ, а тамъ уже рядъ мелкихъ персидскихъ лавокъ. Противъ ссуднаго банка выходитъ фасадомъ на улицу небольшое двухэтажное зданіе «Клубъ иностранцевъ», а затѣмъ англійская гостиница Райта, съ десяткомъ очень плохихъ недорогихъ номеровъ для прѣзжающихъ и сравнительно недорогимъ, но очень однообразнымъ табль-дотомъ.

Небольшой, крайне узкій и пыльный переулокъ

отдѣляетъ гостинницу Райта отъ высокой ограды, гдѣ помѣщается маленькая католическая церковь и школа, содержимая католическимъ духовенствомъ для дѣтей армянъ и халдеевъ.

Церковь и школа обнесены высокою оградой; съ улицы онѣ не видны. Настоятель церкви, онъ же заведующій школою, монахъ, по происхожденію эльзасецъ, очень любезно показалъ мнѣ школу, гдѣ за партами сидѣло около пятнадцати мальчиковъ, не старше двѣнадцатилѣтняго возраста; мальчуганы большою частью красивые, хотя очень смуглые. При нашемъ появленіи они всѣ встали и привѣтствовали насъ поклономъ.

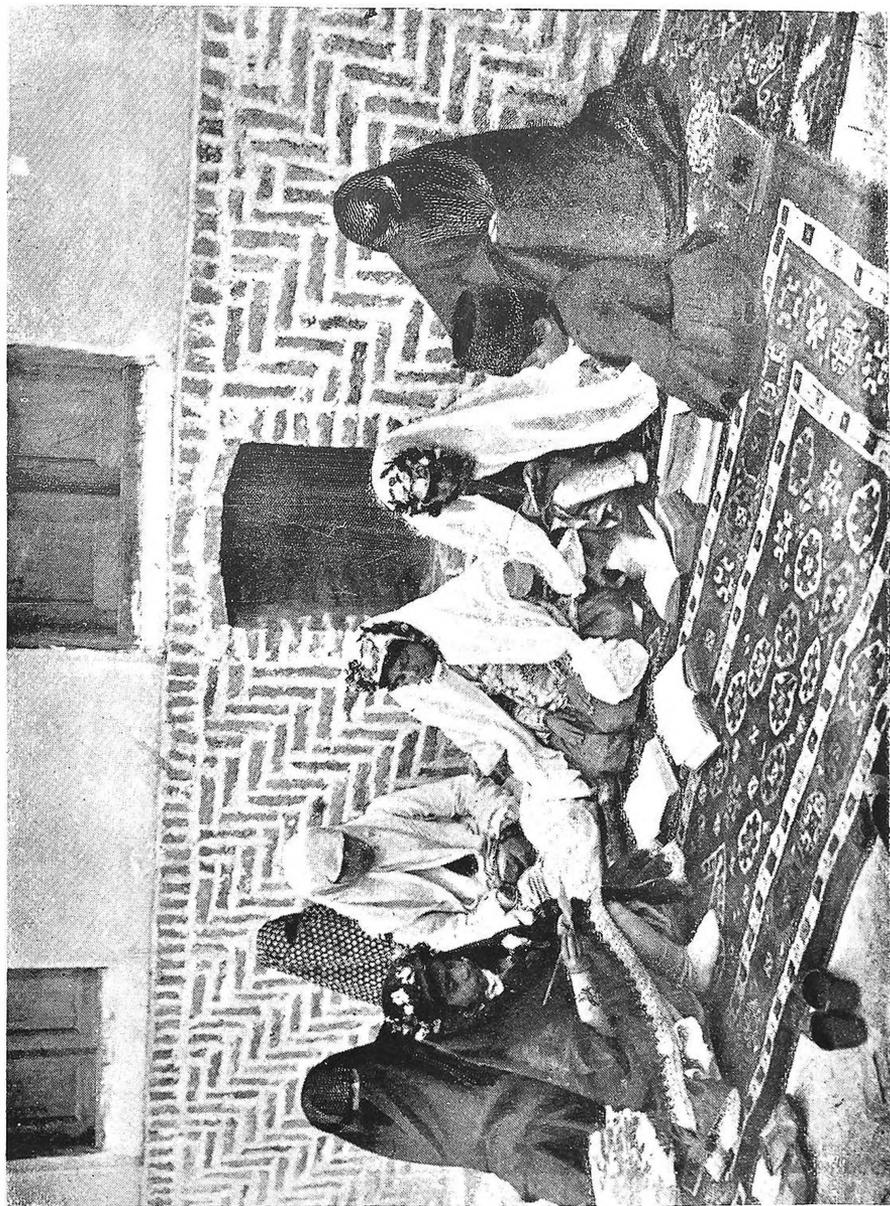
Церковь маленькая; въ ней едва можетъ помѣститься сотня человѣкъ. Построена она по образцу и планамъ всѣхъ католическихъ церквей, даже съ маленькими хорами, но безъ органа.

Среди чуждаго еввропейцу, а подчасъ непріязненнаго и замкнутаго въ себѣ мусульманскаго населенія; среди подавляющаго зноя и мертвыхъ пыльныхъ улицъ вы вдругъ вступаете въ маленькій храмъ, высокія готическія окна котораго, застекленныя разноцвѣтными изображеніями святыхъ, даютъ таинственность и прохладу: знакомые образы, образы другой высшей культуры, вливаютъ въ вашу душу долю спокойствія и самоувѣренности, и вы выходите оттуда, освѣжившись мыслию, бодрѣе духомъ.

Рядомъ, за слѣдующей оградой, находится отдѣленіе монастыря «*Sacre coeur*», гдѣ монахини этого ордена содержатъ школу для дѣвочекъ.

Здѣсь, въ стѣнахъ монастыря, на каждомъ шагѣ сказывается та же высшая культура: чистота и опрятность помѣщеній; необкновенная тишина; спокойныя безстрастныя лица монахинь съ привѣтливой улыбкою на устахъ и въ то же время чинность и порядокъ.

Еслибъ, напримѣръ, у насъ въ Петербургѣ былъ

Тегеранъ. Мусульманская школа для дѣвочекъ.

Халдейка.

буддійскій или любого вѣроисповѣданія монастырь, мы охотно посѣщали бы его даже изъ любопытства, а тѣмъ болѣе, если бы тамъ жили люди высшей культуры. Между тѣмъ населеніе Тегерана, подъ опасеніемъ провиниться передъ муллами, никогда даже не заглянетъ хотя бы просто посмотрѣть, что тамъ творится у ференги.

Здѣсь же помѣщается небольшой госпиталь, въ которомъ можетъ найти помощь каждый иностранецъ, независимо отъ его національности и вѣроисповѣданія,

Персы въ послѣднее время стали охотно посылать своихъ дѣтей въ Россію, Англію и Францію въ учебныя заведенія, но въ Тегеранѣ, вслѣдствіе фанатизма духовенства, ни одинъ персъ не посмѣетъ послать своего сына въ школу ференги, кѣмъ бы она ни содержалась. Для дѣтей халдеевъ и армянъ существуетъ также школа, содержимая англійскими миссіонерами; словомъ, злосчастныхъ армянъ и халдеевъ, что называется, рветъ на части духовенство различныхъ вѣроисповѣданій; вѣдь другого матеріала для обработки подъ рукою не имѣется, такъ какъ персы, простой народъ, во-первыхъ, слишкомъ преданы мусульманству и запуганы духовенствомъ и, во-вторыхъ, переходъ перса въ христіанство воспрещенъ подъ страхомъ смертной казни.

Если до настоящаго времени въ Персіи не было ни одного случая перехода перса въ христіанство, то зато здѣсь переходъ христіанъ цѣлыми семействами въ мусульманство—вещь совершенно обыкновенная, и такихъ случаевъ въ Тегеранѣ насчитывается слишкомъ много. Переходятъ въ мусульманство по преимуществу женщины, попавшія въ гаремы богатыхъ персовъ. Главный контингентъ женщинъ-христіанокъ поставляется нашими торговцами живымъ товаромъ въ Турцію, а оттуда онѣ уже легко попадаютъ въ Персію.

Наша сухопутная и морская граница съ Персіею слишкомъ удалена отъ такихъ центровъ, какъ Одесса и Варшава, для того, чтобы Персія могла получать живой товаръ непосредственно оттуда. Если женщина-христіанка, повавшая въ гаремъ, оставляетъ его почему-либо, то, смотря по числу лѣтъ, которыя она тамъ провела, она пользуется небольшою пенсіею отъ правительства. Бываютъ случаи перехода христіанъ въ мусульманство ради спасенія своей жизни и жизни своей подруги-персіанки, когда ихъ сожителство станетъ извѣстнымъ всему городу.

Принимаютъ также мусульманство наши бѣглые солдаты-преступники, ускользнувшіе за границу, и бѣдняки, случайно попавшіе въ Персію и оказавшіеся въ безвыходномъ положеніи: «Благодарю васъ, баринъ, что спасли, а то пришлось бы идти въ мухоѣданство», говорилъ моему товарищу по путешествію злосчастный молоканъ, попавшій въ Персію въ качествѣ рабочаго съ татаринкомъ-барышникомъ. Татаринъ, какъ водится, денегъ не заплатилъ и бросилъ молокана на произволь судьбы.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизни встрѣчаются всякія тяжелья и даже невыносимыя положенія. Но я не знаю болѣе пошлаго положенія, чѣмъ положеніе въ Персіи христіанина, принявшаго мусульманство. Я говорю это не съ точки зрѣнія религіознаго фанатизма и нетерпимости. Здѣсь факты говорятъ сами за себя. Мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько такихъ субъектовъ и, признаюсь, я вынесъ самое неотрадное впечатлѣніе.

Прежде всего коранъ навсегда останется чуждымъ европейцу, какъ вслѣдствіе полнаго различія въ европейской и арабской культурахъ, такъ и вслѣдствіе самой высоты европейской гуманитарной культуры въ сравненіи съ полудикою арабскою. Европейецъ уже по складу своего ума никакъ не можетъ согласиться, чтобы, согласно 30-й гл. стихъ 59 корана, женщины

ходили чучелами, закутанными въ чадурѣ и рубандѣ. Какъ можетъ образованный европеецъ сочувствовать XLVII главѣ ст. 4-й корана, которая гласитъ: «Когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ до того, чтобы произвести большую рѣзню, и крѣпко сжимайте путы (кандалы) плѣнниковъ. Далѣе, достаточно только быть въ здоровомъ умѣ, чтобы почтить снисходительною улыбкою изреченіе гл. III ст. 106 корана: «Вы народъ превосходнѣйшій изъ всѣхъ, какой когда-либо появлялся среди людей; вы приказываете то, что благо и запрещаете то, что дурно и вѣруете въ Бога». Достаточно только взглянуть на разбойничьи племена арабовъ, на полное разложеніе социальное, экономическое и умственное персовъ и вообще магометанъ средней Азіи, на тупость и застой ихъ умственной жизни, безсердечіе и дикость нравовъ, вы невольно убѣждаетесь, что никто изъ этихъ народовъ, а тѣмъ болѣе арабы, далеко не превосходнѣйшій народъ изъ всѣхъ, какой когда-либо появлялся среди людей. Какое, на примѣръ, можетъ имѣть религиозное значеніе одинъ изъ стиховъ корана, гдѣ Магометъ говоритъ о томъ, что онъ зналъ путемъ откровенія, о чемъ будетъ говорить съ нимъ его жена, съ которою онъ спалъ эту ночь; изъ того же стиха явствуетъ, что дѣло касалось какой-то мелкой домашней сплетни. Не менѣе странною покажется каждому образованному человѣку 30-я гл. ст. 37 корана, которою Магометъ оправдываетъ себя въ содержаніи большого гарема и обладаній массою невольниковъ. Стихъ этотъ разрѣшаетъ пророку имѣть столько женъ и невольниковъ, сколько онъ пожелаетъ.

Оставляя, наконецъ, въ сторонѣ все противорѣчіе корана съ основными принципами культурной жизни европейца, спрашивается, можетъ ли, на примѣръ, европейская женщина, привыкшая къ свободѣ, примириться съ положеніемъ рабыни или же третьей-четвертой

жены въ гаремѣ тупого грязнаго и лишеннаго всякихъ принциповъ халатника-супруга.

Наши женщины болѣею частью изъ простаго словія, попавшіе въ персидскіе гаремы, развращаются тамъ окончательно и, по выходѣ изъ гарема, превращаются въ низко-пробныхъ проституттокъ. Мужчины, принявшіе исламъ въ Персіи тупѣютъ и разлагаются быстро. Положеніе семьи, принявшей исламъ становится очень тяжелымъ. Какъ духовенство, подъ непосредственнымъ надзоромъ котораго находится такая семья, такъ и всѣ окружающіе персы, относятся съ большимъ недоверіемъ къ новообращеннымъ. Малѣйшая сохранившаяся привычка въ одеждѣ и образѣ жизни даетъ поводъ къ упрекамъ въ измѣнѣ мусульманству, и надзоръ фанатическаго тупого и жаднаго духовенства становится невыносимымъ. Мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько такихъ семействъ. Одно изъ нихъ, доведенное до крайности нишетою, приняло исламъ въ надеждѣ на помощь, которую ему обѣщали персы. Помощи они, по своей привычкѣ обманывать, не оказали, а гнетъ духовенства сталъ до того тяжелымъ, что семья при помощи добрыхъ людей ночью бѣжала изъ Персіи на свою родину, Францію. Другая семья пѣмцевъ, бѣдняковъ аристократическаго происхожденія, представитель которой служилъ въ Персіи, занимая довольно приличный постъ, приняла исламъ, соблазнившись возможностью пріобрѣсти богатство и значеніе. Главными виновницами перемѣны религіи явились мать и старшая дочь; при ихъ посредствѣ были обращены въ магометанство трое дѣтей — мальчики. Все это было сдѣлано во время кратковременнаго отсутствія главы семьи. Возвратившись и увидя такой нравственный погромъ, онъ не могъ уже возвратить свою семью въ христіанство: муллы наложили на нее свои руки. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, отецъ семьи уѣхалъ на родину и вскорѣ умеръ. Обѣ его дочери

вышли замужъ за персовъ и погибають гдѣ-то въ гаремахъ; выросшіе сыновья, опустившіеся и отупѣвшіе, нищенствуютъ въ Персіи, получая отъ правительства ничтожную пенсію за подвигъ, совершенный ихъ матерью, которая нынѣ глубоко раскаивается.

Въ случаѣ принятія ислама, персидское духовенство и населеніе не только требуютъ отъ васъ, чтобы вы носили, не снимая, баранью шапку и длиннополый сюртукъ или халатъ, перемѣнили образъ жизни и ваши привычки; отъ васъ требуютъ, во чтобы ни стало, чтобы вы смотрѣли на все ихъ затуманенными лѣнью и тупостью глазами, чтобы вы такъ же, какъ они, исподволь погружаясь въ тину восточной жизни, медленно разлагались, какъ и они разлагаются. А что это въ дѣйствительности такъ, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ голые факты. Никто, на примѣръ, изъ христіанъ, принявшихъ исламъ въ Персіи, никогда не выдвинулся ни въ области военной, ни административной, ни даже въ промышленной; всѣ они оказались заживопогребенными.

Однажды разговоръ зашелъ объ одномъ такомъ ренегатѣ. Мой собесѣдникъ, очень умный мулла, замѣтилъ съ досадою:

— Этотъ падаръ — сухтэ (сынъ сожженнаго отца) вздумалъ принять исламъ, въ то время какъ всѣ мы, персы, желали бы жить, работать и думать, такъ, какъ живете и работаете вы, ференги.

О случаяхъ насильственнаго обращенія христіанъ въ мусульманство я не слыхалъ, да таковыхъ въ настоящее время въ Персіи и не бываетъ. Современное положеніе страны таково, что мысль о самохраненіи не допускаетъ ни малѣйшей возможности насильничать въ чемъ бы то ни было. Нашъ Туркманчайскій договоръ посбавилъ восточное самонѣніе и совершилъ полный переломъ во взглядахъ персовъ на ихъ политическое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ

отношенія къ иностранцамъ и христіанамъ вообще. Персы пока довольны уже тѣмъ, что могутъ существовать, какъ самостоятельное государство и окончательно свыклись съ тою мыслью, что всѣ иностранцы изъяты изъ юрисдикціи ихъ правительственныхъ и духовныхъ органовъ. Персидское правительство не смѣетъ ни судить, ни наказывать европейца за совершенное имъ въ Персіи преступленіе; оно обязано только арестовать подозрѣваемаго или совершившаго преступленіе и передать его неприкосновеннымъ послу или уполномоченному данной державы. Въ настоящее время, благодаря полному разгрому, который мы нанесли Персіи въ 1828 году, и послѣдовавшему Туркманчайскому договору, стали совсѣмъ невыносимы такіе случаи, очевидцемъ которыхъ былъ Адамъ Олеарій, совершившій въ 1636—1638 годахъ путешествіе въ Персію черезъ Россію. Правдивость и даже точность веденаго имъ дневника не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Картина персидскаго суда и расправы надъ европейцемъ столь интересна и въ тоже время возмутительна, что я не могу пройти ее молчаніемъ.

«Швейцарецъ - часовщикъ Іоаннъ Рудольфъ Стадлеръ, говоритъ Олеарій (страница 670), прослужилъ у шаха Сефи пять лѣтъ и просилъ увольненія; но шахъ предложилъ ему вознагражденіе 400 рейхсталеровъ, если онъ останется у него еще два года. Но, къ несчастію, въ это время къ нему забрался воръ. Увидѣвъ вора, часовщикъ поймалъ его, нѣсколько времени боролся съ нимъ, наконецъ одолѣлъ его, нанесъ ему нѣсколько ранъ и вытолкалъ его изъ дома. Но подъ вліяніемъ гнѣва, считая, что еще мало наказалъ вора, онъ выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ на улицу и выстрѣлилъ изъ пистолета, положивъ его на мѣстѣ. Увидѣвъ это, пріятели убитаго (хорошъ убитый и его пріятели!) тотчасъ же побѣжали къ духовному судѣ

съ жалобой, что нѣмецкій часовщикъ, будучи невѣрнымъ, убилъ правовѣрнаго, почему и требуютъ, чтобы виновный былъ приговоренъ къ смерти и выданъ имъ. На другой день, въ то время, когда часовщикъ этотъ, по обыкновенію своему, ѣхалъ на службу ко двору, его схватили на улицѣ, бросили въ темницу, набили ему на шею и руку колоду (по-персидски «паленкъ») и содержали его вообще самымъ сквернымъ образомъ.

«Хотя посланники наши (герцога Фридриха Шлезвигъ - Голштинскаго) нѣсколько разъ просили за несчастнаго Стадлера, но все-таки по неотступнымъ жалобамъ близкихъ убитаго и по требованію седдера или главнаго духовнаго судьи (котораго турки называютъ муфтій) онъ былъ осужденъ на смерть съ такою впрочемъ милостью шаха, что если онъ совершитъ надъ собою обрѣзаніе и приметъ персидскую вѣру, то ему будетъ дарована жизнь. Но Рудольфъ избралъ лучше смерть.

«Вслѣдствіе такого рѣшенія его, ханы и другіе знатные вельможи, охотно желавшіе сохранить ему жизнь, ради нужды въ его искусствѣ, тоже убѣдительно уговаривали его согласиться на предложенную ему великую милость шахскую, обѣщая ему почести и богатства, если онъ хотя не отъ сердца, но для того только, чтобы сдѣлать угодное шаху, совершитъ надъ собою обрѣзаніе; но и эти убѣжденія ихъ были безуспѣшны. Твердый въ вѣрѣ, Рудольфъ отвѣчалъ имъ, что за шахскую милость онъ не желаетъ продавать милости Христа. Тѣло, которое онъ отдавалъ на службу шаху, можетъ достаться шаху, но душа нѣтъ. Душа же его отойдетъ ко Христу, который искупилъ ее своею кровью, и которому онъ, Рудольфъ, въ непоколебимой вѣрѣ своей, хочетъ принести ее въ жертву пролитіемъ своей крови. Послѣ этого его дважды выводили за ворота замка къ мѣсту казни и снова уводили въ темницу, полагая, что, вслѣдствіе этого зрѣлища, онъ пообду-

маетъ свое рѣшеніе толковѣе и можетъ быть изъ страха измѣнить его.

«Между тѣмъ католическіе монахи также старательно утѣшали и уговаривали его перейти въ ихъ исповѣданіе. Но Рудолфъ былъ твердъ и не хотѣлъ пошатнуться ни на правую, ни на лѣвую сторону.

«Наконецъ, когда персіяне увидали, что они ничего не дождутся отъ Рудолфа, и когда къ тому же посланникъ Бругманъ, въ гнѣвѣ на произнесенный приговоръ, заявилъ себя довольно неистово и приказалъ даже передать двору свои гнѣвные слова, Стадлеръ, по обычаю персовъ, выданъ былъ друзьямъ убитаго, которые прежде всего нанесли ему четыре сабельныхъ удара: одинъ въ затылокъ, другой въ лобъ и два остальныхъ въ самое лицо. Весело и бодро Рудольфъ принялъ смерть и, падая на колѣни, сказалъ: «Рубите только смѣлѣе во имя Христа». Послѣ этого одинъ изъ персіанъ, подскочивъ съ озлобленіемъ и желая ударить несчастнаго саблей, далъ промахъ и поранилъ въ ногу своего сосѣда; другой ударилъ саблей по колѣнкѣ, которая какъ ярмо была надѣта на шею Рудольфа. Наконецъ, третій ударъ попалъ въ шею несчастнаго, послѣ чего онъ упалъ и тутъ же на него посыпались сабельные удары. «Такимъ-то образомъ, заканчиваетъ свое повѣствованіе Олеарій, добрый швейцарецъ испустилъ духъ съ твердою непоколебимою вѣрою во Христа».

Будь только Персія сильна, картины описанной расправы надъ христіанами попадались бы очень часто и въ настоящее время. Да и нынѣ въ захолустьяхъ персидское населеніе, по наущенію духовенства, любитъ творить самосудъ надъ христіанскимъ населеніемъ, по преимуществу, когда христіанинъ попадаетъ въ сожителствѣ съ персіанкой. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно цѣлое населеніе деревни или города, руководимое муллами, врывается въ домъ злополучнаго хри-

стіанина и, предавъ его всевозможнымъ истязаніямъ, замучиваетъ, а трупъ выбрасываетъ на улицу на поруганіе и съѣденіе собакамъ. Еще недавно такой случай имѣлъ мѣсто въ одной деревнѣ близъ Энзели: связавъ ноги армянину, персы тащили его по камнямъ нѣсколько верстъ, а затѣмъ трупъ бросили въ рѣку они убили также и женщину, съ которой былъ близокъ армянинъ. Лѣтъ шесть назадъ въ Рештѣ толпа облила керосиномъ и сожгла на площади армянина, заподозрѣннаго въ сожительство съ персіанкой. Въ такомъ сравнительно цивилизованномъ пунктѣ, какъ Тегеранъ, дѣло это обстоитъ нѣсколько иначе. Въ случаѣ такой оказіи гдѣ-нибудь въ глухой части города, уличная толпа непременно убьетъ христіанина; въ болѣе центральныхъ частяхъ города дѣло оканчивается тѣмъ, что полиція вламывается въ домъ, производитъ обыскъ, и если находитъ персіанку, то арестуетъ ее и избиваетъ до полусмерти, если бѣдная женщина не имѣетъ чѣмъ откупиться, а иностранцу предлагаютъ выѣхать изъ Персіи въ двадцать четыре часа. Такія послѣдствія, конечно, возможны лишь тогда, когда дѣло, такъ или иначе, стало извѣстнымъ всей полиціи; если же объ этомъ узнали два-три полицейскихъ стража, то вся исторія оканчивается тѣмъ, что блюстители порядка, получивъ приличную мзду, остаются караулить домъ, чтобы какъ-нибудь объ этомъ не узнали прочіе ихъ собратья и не надѣлали непріятностей счастливому поклоннику жемчужины Востока. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ дипломатовъ Западной Европы, только что прибывшій въ Тегеранъ, пожелалъ повидать ближе одну изъ розъ Тегерана; любопытство его, конечно, было удовлетворено, но пришлось заплатить за это слишкомъ дорого: полиція окружила его домъ, до полусмерти избивала бѣдную женщину, и злополучный дипломатъ долженъ былъ оставить Тегеранъ на второй же день; объ этомъ

подробно рассказывалъ мнѣ съ улыбкой удовольствія одинъ плутоватый господинъ, воспользовавшійся такимъ плачевнымъ положеніемъ пострадавшаго и скупившій всю его обстановку за четвертую часть ея стоимости. Виновниками печальнаго исхода подобныхъ предпріятій оказываются всегда лакеи-персы; они доносятъ полиціи не въ силу фанатизма, а лишь въ надеждѣ получить отъ полицейскаго часть его заработка; лакей бѣжитъ въ полицію и доноситъ на своего господина, отъ котораго онъ ранѣе уже получилъ «пешкешъ» за молчаніе или даже за содѣйствіе.

— Представьте, каковъ каналья, жаловался мнѣ одинъ иностранецъ,— получилъ отъ меня десять рублей и затѣмъ втихомолку побѣжалъ къ полицейскому и привелъ его; пришлось и этому канальѣ дать десять тумановъ; конечно, они подѣлились, но лакей плохо разсчиталъ: на второй же день я его прогналъ, но предвзвительно избилъ до того, что онъ промечилъ весь свой заработокъ.

Въ мое присутствіе въ Тегеранѣ, въ ближайшемъ къ Тегерану городѣ Казвинѣ, произошелъ шулукъ, (безпорядки) изъ-за женщины. Пронесся слухъ, что видѣли, какъ какая-то персіанка выходила изъ дома холостого армянина. Кромѣ того, наканунѣ этого событія была армянская свадьба, и на свадьбѣ за обѣдомъ присутствовалъ очень бѣдный голодающій сеидъ—потомокъ пророка. Сеидъ былъ очень старъ, бѣденъ и вѣчно голоденъ. На слѣдующій день послѣ свадьбы сеидъ отправился на лоно отца Авраама, вслѣдствіе ли своей старости и худосочія или попросту потому, что, будучи вѣчно голоднымъ, онъ сразу поѣлъ слишкомъ много. Въ его смерти Казвинское духовенство усмотрѣло наказаніе, ниспосланное Аллахомъ сеиду за его нечестивый поступокъ, состоявшій въ томъ, что онъ отважился побывать на свадьбѣ у христіанина. Болѣе фанатичные муллы пустили слухъ, что будто бы по-

койный былъ отравленъ на свадьбѣ и стали возбуждать населеніе къ самосуду надъ армянами.

Въ результатъ собравшаяся нафанатизированная толпа разрушила домъ того армянина, который былъ заподозрѣнъ въ сожительство съ персіанкою и до смерти избила нѣсколько армянъ. Интересно то, что виновникъ столь не «не радостнаго событія» скрылся въ-время, и толпа избила другого, очень похожаго на него армянина. Вотъ ужъ по истинѣ: «Кузнецъ согрѣшилъ, а слѣсаря повѣсили». Такъ какъ въ числѣ пострадавшихъ были и армяне русско-подданные, то нашъ посланникъ настоялъ на немедленномъ прекращеніи безпорядковъ и вознагражденіи потерпѣвшихъ, при чемъ непрѣмнымъ условіемъ было постановлено наказаніе, какъ виновныхъ въ насиліяхъ, такъ и зачинщиковъ. Но въ виду того, что главными зачинщиками были духовныя лица—муллы, то, къ величайшему смущенію всѣхъ правовѣрныхъ и даже къ ихъ ужасу, наша миссія настояла на томъ, чтобы преподобные отцы получили малую толику палокъ по пяткамъ, что было неукоснительно исполнено къ величайшей радости пострадавшихъ армянъ. Кромѣ того, пострадавшіе должны были получить вознагражденіе въ размѣрѣ 20,000 тумановъ т. е. 40,000 руб. А такъ какъ въ Персіи за всѣ безпорядки матеріальную отвѣтственность несутъ держащія власти, то означенные 20,000 тумановъ должны были внести Казвинскій губернаторъ.

Казалось бы, что взысканіе съ губернатора такой суммы, должно было бы нанести ему громадный матеріальный ущербъ, пожалуй даже полное разореніе; такъ, по крайней мѣрѣ, можетъ полагать каждый европеецъ. Но въ Азіи наложеніе такого штрафа на губернатора приносить ему полное благоденствіе, такъ какъ уплаченные губернаторомъ деньги немедленно взыскиваются со всего населенія съ весьма изрядными процентами.

Такой же принципъ практикуется и тегеранскою полиціею. Если васъ обокрали, то вся забота ваша должна состоять въ томъ, чтобы доказать полиціи, что вы дѣйствительно обокрадены и на такую-то сумму. Затѣмъ, если въ теченіе недѣли полиція не отыскала покражи, то она уплачиваетъ вамъ сполна, всю стоимость пропажи. Такимъ образомъ, полиція всегда непосредственно заинтересована въ скорѣйшемъ разысканіи какъ виновниковъ кражи, такъ и украденныхъ вещей. Въ дѣйствительности, въ Тегеранѣ болѣе или менѣе крупныя кражи очень рѣдкое явленіе. Полиція платитъ собственнику пропавшихъ вещей, но зато она жестоко раздѣляется съ попавшимися въ ея руки ворами, подвергая ихъ всевозможнымъ и самымъ ужаснымъ пыткамъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ—медикъ, нанявшій квартиру рядомъ съ Тегеранскимъ полицейскимъ управленіемъ, долженъ былъ вскорѣ оставить свое помѣщеніе: онъ не могъ переносить раздававшихся изъ полицейской тюрьмы криковъ и стопа истязуемыхъ.

Часто случается, что европеецъ, желающій вполнѣ обезпечить себя въ своихъ походахъ, заводитъ знакомство съ евнухомъ, и тогда сей свирѣпый черберъ, подъ вліяніемъ пешкешей, самымъ усерднымъ образомъ оберегаетъ своего новаго пріятеля и всячески устраиваетъ его благополучіе. Старо, какъ свѣтъ, мнѣніе, что чѣмъ болѣе женщина заперта, тѣмъ менѣе можно полагаться на ея нравственность, и эта мысль находитъ себѣ полное оправданіе на Востокѣ. Одинъ европеецъ-вагабондъ, чтобы не сказать болѣе, занимая административный постъ въ Тегеранѣ, создалъ себѣ большое состояніе только вслѣдствіе легкости нравовъ тегеранскихъ дамъ. Подвластные ему чины только тѣмъ и занимались, что выслѣживали амурныя походы персидскихъ матронъ, и, застигнутыя врасплохъ, онѣ откупались, оставляя зачастую въ рукахъ администратора всѣ свои золотыя вещи и

драгоценности. Провинціальныя дамы здѣсь, въ Персіи, какъ и повсюду, болѣе консервативны; тавризскія, кромѣ того, отличаются большой силой, храбростью и ловкостью, и когда въ 1828 году наши войска занимали Тавризь, то окупаціонный отрядъ не досчитался многихъ своихъ солдатиковъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Случаи такого исчезновенія объяснялись тѣмъ, что когда любой изъ нихъ приставалъ съ ухаживаніями къ персіанкѣ, та обыкновенно заманивала его къ себѣ и отправляла на тотъ свѣтъ. Обстоятельство это подтвердили мнѣ вполне заслуживающіе довѣрія коренные тавризцы.

V.

Положеніе женщины въ Персіи.

Объ образованіи и воспитаніи женщины въ Персіи никто не заботится; множество женщинъ даже средняго круга неграмотны. Магометъ одной рѣзкой фразой навѣки поставилъ женщину въ мусульманскомъ мірѣ въ положеніе рабыни: «Женщины—это ваша пашня, обсемяняйте ее какъ знаете», обращается онъ къ мужчинамъ. Женщина поэтому воспитывается только какъ будущая наложница, и съ наступленіемъ двѣнадцати лѣтъ ее выдаютъ замужъ, преподавъ ей предварительно все искусство держать мужчину подъ обаяніемъ своихъ чисто-физическихъ прелестей. Въ десять лѣтъ дѣвушка въ Персіи—совсѣмъ сформировавшаяся женщина, и если ея родители люди состоятельные, она можетъ рассчитывать стать законной женой человѣка своего круга. Красивая и бѣдная дѣвушка въ большинствѣ случаевъ попадаетъ въ гаремъ богатаго человѣка на второстепенныя роли. Въ послѣднее время персы стали обучать своихъ дочерей чтенію и письму. Въ нѣкоторыхъ школахъ дѣвушки обучаются вмѣстѣ съ мальчиками, въ другихъ—отдѣльно. Совмѣстное обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ въ одной школѣ практикуется больше въ провинціи. Въ Тегеранѣ такія смѣшанныя школы рѣдки.

Дама изъ состоятельной семьи.

Кромѣ обычнаго брака персы знаютъ еще установленный обычаемъ бракъ—«сигэ»—это институтъ временнаго гражданскаго брака, заключаемаго при всякомъ удобномъ случаѣ. Ъдетъ ли персъ на богомолье, съ товарами или даже на охоту, онъ можетъ во время своихъ временныхъ остановокъ заключать такіе браки. Продолжительность подобнаго брака вполне зависитъ отъ продолжительности остановки перса на мѣстѣ или условій договора. Случается, что «сигэ» остается на всю жизнь владычицею сердца своего временнаго супруга. Возвращаясь съ богомолья или съ торговой поѣздки, даже съ охоты, персъ иногда привозитъ съ собою новую «сигэ» къ величайшему огорченію и досадѣ прочихъ своихъ женъ, но въ данномъ случаѣ онъ произноситъ всерѣшающую фразу: «Sic volo sic jubeo», и возмущенному эндеруну остается только повиноваться и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вести съ новою наложницею скрытую подпольную борьбу. Въ очень многихъ случаяхъ институтъ «сигэ» прикрываетъ собою заурядную проституцію, при чемъ мулла зачастую играетъ печальную роль сводника; онъ же вѣнчаетъ и расторгаетъ эти кратковременные браки. Въ брачномъ договорѣ, заключаемомъ съ «сигэ», всегда имѣется условіе объ обезпеченіи ребенка на случай его рожденія. Такое обезпеченіе обыкновенно сводится къ уплатѣ въ пользу матери извѣстной, весьма впрочемъ небольшой, суммы денегъ, и этимъ оканчиваются всякія обязанности временнаго мужа, какъ въ отношеніи своей временной жены, такъ и ея потомства. Что же касается такой разведенной жены, то согласно правиламъ религіи, разведенная «сигэ» должна выждать небольшой опредѣленный срокъ до новаго вступленія въ бракъ. Срокъ этотъ имѣетъ въ виду разрѣшеніе вопроса о беремености.

Въ нѣкоторыхъ, менѣе культурныхъ углахъ Персіи, женихъ уплачиваетъ за невѣсту нѣчто въ родѣ калыма,

такой обычай практикуется главнымъ образомъ среди кочевыхъ племенъ. Въ сѣверной Персіи нѣсколько восторонѣ отъ дороги изъ Тегерана въ Тавризъ находится мѣстечко Міамъ-ду-Абъ; оно извѣстно тѣмъ, что въ базарные дни туда привозятъ окрестные крестьяне своихъ дочерей якобы для выдачи ихъ замужъ, въ дѣйствительности же для продажи. За двадцать-тридцать тумановъ (40—50 руб.) каждый персъ можетъ приобрести себѣ въ базарный день жену или «сигә», смотря по желанію.

При проѣздѣ или остановкѣ въ деревнѣ знатнаго чиновнаго перса, деревня часто преподноситъ ему въ даръ «сигә»—самую красивую дѣвушку. Эндерунъ покойнаго шаха Насръ-Эддина представлялъ изъ себя цѣлый музей такихъ подарковъ, не перестававшій, впрочемъ, пополняться все новыми и новыми экземплярами. Даже наканунѣ убійства шахъ получилъ изъ одного изъ уголковъ Персіи какой-то рѣдкій экземпляръ и въ день выѣзда на богомолье принималъ поздравленія въ качествѣ новобрачнаго.

Мужъ дома, среди своихъ женъ—высшій властелинъ и безъ всякихъ затрудненій можетъ развестись съ женою, не указавъ даже повода къ разводу. При разводѣ дѣти всегда остаются при отцѣ. Въ одномъ только случаѣ персъ не только шадитъ жену, но зачастую играетъ въ домашней жизни роль стараго помела, когда жена принадлежитъ къ знатной и сильной семьѣ или же имѣетъ сестру въ шахскомъ эндерумѣ. При такомъ положеніи вещей увѣсистая туфля супруги слишкомъ уже часто соприкасается съ ланитами злополучнаго супруга. Покойная «Тутовница», о которой я сообщалъ выше, пристроила всѣхъ своихъ сестеръ и ближайшихъ родственницъ замужъ за небогатыхъ людей, которыхъ она затѣмъ исподволь выводила въ люди. Многіе изъ этихъ искателей карьеры сильно натерпѣлись отъ своихъ некрасивыхъ, ста-

рыхъ и неуживчивыхъ женъ. Въ Тегеранѣ и по настоящее время живы воспоминанія о злословіяхъ свояковъ красивой и умной «Тутовницы».

Случается и такъ, что жены, столковавшись между собою, задаютъ сильную трепку своему кутящему супругу. Еще недавно пострадалъ отъ такого инцидента одинъ многоженецъ, крупный администраторъ, извѣстный всему Тегерану; пришлось даже пригласить медика. Очень часто случается, что совмѣстная жизнь съ нѣсколькими неуживчивыми, крикливыми и сплетничающими другъ на друга женами до того надоѣдаетъ персу, что только ради отдохновенія отъ прелестей такой семейной жизни, онъ предпринимаетъ путешествіе въ святыя мѣста и на годъ или два гарантируетъ себѣ душевное спокойствіе. При такихъ случаяхъ мнѣ всегда приходилъ на память одинъ изъ моихъ пріятелей, который поступалъ нѣсколько иначе. Онъ ради своего собственнаго здоровья ежегодно отправлялъ свою сварливую жену на воды.

Близкіе друзья персы при встрѣчѣ иногда спрашиваютъ другъ друга: «сколько туфель ты съѣлъ сегодня отъ жены?» Тѣмъ не менѣе, несмотря даже на такую воинственность, женщины играютъ въ семейной жизни очень печальную роль; ихъ мужья обращаются съ ними, какъ съ животными, и персъ бѣднякъ всегда оплакиваетъ болѣе своего павшаго осла, чѣмъ умершую супругу. Паль осель—это зачастую потеря всего состоянія; умерла жена—на ея мѣсто цѣлый десятокъ найдется; было бы лишь чѣмъ кормить ихъ, а заключеніе брака обойдется всего-то нѣсколько крановъ. Въ случаѣ, если бы такой вдовецъ не пожелалъ обзавестись постоянной супругой, то къ его услугамъ есть всегда «сигэ» на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Когда однажды мнѣ пришлось заговорить съ однимъ изъ образованныхъ магометанъ о тяжеломъ положеніи

женщины на Востока, онъ возразилъ мнѣ, что какъ ни на есть, а все же магометанскій міръ не знаетъ ни проституціи, ни домовъ терпимости. Мнѣ не хотѣлось только обидѣть моего симпатичнаго собесѣдника указаніемъ на то, что разъ въ домѣ имѣется нѣсколько женъ, то такой домъ уже на половину публичный домъ, а интриги, взаимная ненависть женъ и легкость, съ которою онѣ измѣняютъ мужу безъ разбора, съ кѣмъ угодно, и главнымъ образомъ со своею прислугою—все это только подтверждаетъ мое мнѣніе. При такомъ состояніи семьи, воспитаніе дѣтей, конечно, становится невысказаннымъ.

Что же касается института «сигэ», то это родъ узаконенной проституціи. Многіе персы говорили мнѣ, что такіе временные браки часто ведутъ къ печальному кровосмѣшенію. Персъ, временно остановившійся въ какомъ городѣ и оставившій тамъ «сигэ» беременною, не заботится далѣе о судьбѣ ребенка; только впоследствии оказывается, что единокровные братъ и сестра или даже отецъ и дочь, не зная другъ друга, вступаютъ въ бракъ, и только много позже выясняется весь ужасъ даннаго положенія. Нельзя тоже сказать, чтобы въ Персіи не существовало проституціи; она существуетъ, конечно тайно, при чемъ тегеранскій базаръ въ извѣстные часы является мѣстомъ прогулки этихъ павшихъ розъ Востока. Нѣтъ также недостатка и въ домахъ терпимости, тайно содержимыхъ персами, но не всегда доступныхъ европейцамъ. Два года назадъ, когда Персію постигъ неурожай и начался голодъ, множество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ искали въ проституціи спасенія отъ голодной смерти. По вечерамъ нѣкоторыя улицы Тегерана походили на любой парижскій бульваръ или на нашъ Невскій проспектъ.

Мусульмане не знаютъ среди своихъ женщинъ старыхъ дѣвъ; имъ также незнакомы завѣдомо пошлыя европейскія понятія: каковы: «мезальянсъ», «незакон-

ное сожителство», «незаконнорожденныя дѣти»; женщина, по корану, не можетъ оставаться незамужнею; такъ или иначе, она должна считаться чьей-либо женою, а каждая замужняя женщина по предписанію пророка, должна одинъ разъ въ недѣлю, а именно, съ четверга на пятницу имѣть брачное ложе. «Когда юноша спитъ одинъ, то земля жалуется небу и вопіетъ о мщеніи» — такъ утверждаетъ мусульманское духовенство. Въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, религія стремится обнять и нормировать чуть ли не всѣ стороны семейной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но кромѣ корана обычай, преданія, древняя культура Востока вообще, а главное комментаріи къ корану, созданные духовенствомъ, поставили персидскую женщину въ невозможныя условія. Дѣло доходитъ до того, что мужъ, встрѣтивъ на улицѣ свою жену, не смѣетъ подойти къ ней. Заговорить на улицѣ со своею женою, сестрою или даже матерью считается неприличнымъ, и смыслъ этого неприличія заключается въ томъ, что женщина — это такое ничтожество, такая нечистая, презрѣнная тварь, что всѣ отношенія къ ней должны быть всегда тщательно скрываемы. Гдѣ же тутъ выработаться сыновнему уваженію и преданности къ матери, когда мать, все же женщина и, по мнѣнію перса, оскверняющее и только терпимое существо; таковы же въ большинствѣ случаевъ его отношенія къ сестрѣ, а затѣмъ и къ его женѣ.

Многоженство, узаконенное кораномъ, находитъ себѣ противовѣсъ и ограниченіе отчасти въ экономическихъ условіяхъ жизни народа, отчасти же въ современной этикѣ образованныхъ классовъ. Чтобы имѣть нѣсколько женъ, нужно быть болѣе или менѣе состоятельнымъ человѣкомъ: содержаніе эндеруна (гарема) стоитъ не дешево. Кромѣ того, каждому разумному персу знакомы тѣ печальныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою одновременное пребываніе нѣ-

сколькихъ женъ въ домъ. Такой домъ въ большинствѣ случаевъ превращается въ настоящій адъ, гдѣ женщины, на почвѣ конкуренціи стать ближе или вполне овладѣть любовью и матеріальными средствами ихъ общаго супруга, считаютъ всѣ средства дозволенными и нерѣдко прибѣгаютъ даже къ помощи яда. Кромѣ, такъ сказать, личнаго соревнованія изъ-за расположенія мужа, изъ-за денегъ и нарядовъ, чуть ли не самый сильный антагонизмъ является изъ-за дѣтей. Персы, какъ женщины, такъ и мужчины, въ общемъ очень чадолюбивы, и борьба въ эндерунѣ изъ-за обезпеченія дѣтей и большаго или меньшаго вниманія къ нимъ отца принимаетъ нерѣдко чудовищный характеръ. Каждая жена со своими дѣтьми—это вражескій лагерь въ отношеніи другой жены и ея потомства. Каждую жену и дѣтей ея тѣсно сплочиваетъ одно общее чувство ненависти къ другой женѣ и ея потомству.

— Насъ двое братьевъ и сестра, говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель персъ, съ которымъ мы вмѣстѣ выбирали въ магазинѣ подарокъ, который онъ предназначалъ своей сестрѣ;—въ общемъ насъ много, но остальные—все это дѣти отъ другихъ женъ; ихъ судьба меня никогда не интересовала; мы никогда не любили другъ друга. При многоженствѣ это постоянное явленіе, добавилъ мой пріятель.

Сестра даннаго моего пріятели замужемъ за однимъ изъ очень видныхъ персовъ, человѣкомъ умнымъ и въ высшей степени порядочнымъ; она была его единственною женою, вела толкомъ домашнее хозяйство, и ея три сына находились въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: одинъ въ Россіи, два другіе во Франціи. Мой пріятель имѣлъ тоже только одну жену, къ которой онъ былъ очень привязанъ и которую сосватала ему его сестра.

Здѣсь, кстати, вспомнился мнѣ одинъ изъ многочисленныхъ разсказовъ, которые приходилось выслу-

шивать отъ персовъ относительно прелестей ихъ семейной жизни.

Одинъ мулла, проповѣдуя въ мечети о необходимости взаимной любви, мира и спокойствія въ отношеніяхъ супруговъ, закончилъ свою проповѣдь предложеніемъ присутствовавшимъ мужьямъ употребить все свое вліяніе на ихъ женъ въ случаѣ какихъ бы то ни было неурядицъ въ ихъ семейной жизни.

— Кто почему-либо недоволенъ своею женою, пусть встанетъ, сказалъ мулла.

Къ немалому смущенію проповѣдника, поднялись всѣ мужчины, какъ одинъ человѣкъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составилъ только одинъ прихожанинъ, извѣстный пастырю за человѣка очень мирнаго и благочестиваго.

— Это очень грустное явленіе, продолжалъ ораторъ,— и если бы меня не порадовалъ Хаджи-Гуссейнъ, онъ указалъ глазами за сидѣвшаго, семейную жизнь котораго я всегда считалъ образцовою, я могъ бы прійти въ отчаяніе.

— Я охотно привсталъ бы, ваше преподобіе, скромно заявилъ среди общей тишины Хаджи-Гуссейнъ,—но я не въ состояніи приподняться: моя жена сегодня перебила мнѣ ногу.

Въ рѣдкихъ случаяхъ двѣ-три жены уживаются вмѣстѣ. Случается даже, что бездѣтная жена привязывается къ дѣтямъ отъ другой жены. Мнѣ самому приходилось наблюдать подобный случай. Но подобныя явленія въ общемъ очень рѣдки.

Въ андерунѣ cadaго перса соблюдается между женами та же очередь, что и въ шахскомъ. Очередная супруга принимаетъ въ свои руки въ данный день бразды правленія: она распоряжается хозяйствомъ, посылаетъ прислугу на базаръ, подъ ея наблюденіемъ готовится обѣдъ, и въ ея помѣщеніи мужъ остается до слѣдующаго утра. Затѣмъ наступаетъ очередь слѣдующей

жены и т. д. Хотя коранъ и предписываетъ мужу одинаково любить всѣхъ своихъ женъ, тѣмъ не менѣе жизненный опытъ показываетъ, что подобная идиллія не осуществима и какъ бы строго ни соблюдалась между женами очередь, все же всегда находится одна изъ нихъ болѣе любимая.

— Мнѣ неловко стало за мою жену, когда, проходя по двору, вы поклонились ей, сказали мнѣ одинъ очень почтенный персъ,—она не поняла вашей вѣжливости—это старая фанатичка, животное. Вотъ та вторая, которая вчера попалась вамъ навстрѣчу, та женщина образованная, приличная. По выраженію лица моего пріятеля было видно, что, изъ двухъ его женъ, онъ любилъ именно эту образованную, приличную. За послѣднее время нѣкоторые персы, проживавшіе за границею, имѣли возможность дать своимъ дочерямъ европейское образованіе, и въ тѣхъ случаяхъ, когда такая семья возвращалась въ Тегеранъ, положеніе ея дочерей среди мѣстнаго населенія было очень тяжело.

При заключеніи браковъ, роль свахи чаще всего играетъ мать, сестра или одна изъ близкихъ родственницъ; она устраиваетъ молодымъ людямъ возможность видѣть другъ друга, конечно, украдкою и на приличной дистанціи, напримѣръ, на, замѣняющихъ здѣсь балконы, крышахъ двухъ сосѣднихъ домовъ. Въ глубокой провинціи даже и подобные кошачіе романы не разрѣшаются. Тамъ мужъ впервые видитъ свою жену лишь послѣ вѣнчанія.

Въ общемъ, женщины Востока очень тяготятся обычаемъ закрывать свои лица. Не говоря уже о томъ, что отъ этого сильно страдаютъ глаза и при знойномъ климатѣ женщина положительно задыхается подъ этимъ покровомъ, обычай этотъ лишаетъ женщину чуть ли не главной основной черты ея существованія—возможности производить впечатлѣніе на окружающихъ мужчинъ. Поэтому при всякомъ удобномъ слу-

Billet-doux.

чаѣ персіанка старается нарушить этотъ обычай, и если только на улицѣ въ данный моментъ нѣтъ мужчинъ-персовъ, она почти всегда отвѣтитъ вамъ на ваше привѣтствіе и, поднявъ покрывало, кокетливо улыбнется.

Требованіемъ корана, закрывать свои лица въ присутствіи постороннихъ мужчинъ, женщины Востока всецѣло обязаны красавицѣ Айшѣ, женѣ Магомета. Если прослѣдить хронологически появленіе этого дикаго правила, то оказывается, что оно появилось послѣ того, какъ Магометъ заподозрилъ свою красавицу-жену въ измѣнѣ. Если прекрасная Елена послужила поводомъ гибели Трои, то прекрасная Айша навсегда набросила на лицо восточной женщины безобразное покрывало.

Нигдѣ на улицѣ или въ лобомъ общественномъ мѣстѣ на Востокѣ вы не встрѣтите вмѣстѣ мужа съ женою, брата съ сестрою или отца съ дочерью. Даже случайно встрѣтившись, они дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ другъ друга. Неприлично, чтобы посторонніе могли видѣть, что женщина, даже въ общественныхъ мѣстахъ, отвлекаетъ ваше вниманіе и мѣшаетъ серьезности вашихъ глубокихъ думъ и высшихъ соображеній. Каковы эти глубокія думы и высшія соображенія — это вполне доказываетъ экономическій, социальный и государственный строй жизни восточныхъ народовъ и преимущественно Персіи.

Несмотря на такое печальное положеніе женщинъ въ Персіи, онѣ въ извѣстныхъ случаяхъ играютъ далеко немаловажную роль и главнымъ образомъ во время народныхъ смутъ. Здѣсь всегда впереди — бабы. Согласно магометанскому каноническому праву, женщину нельзя судить; никто не смѣетъ не только ударить ее, но даже толкнуть на улицѣ; отсюда понятно главное преимущество женщины во время всякихъ шулуковъ (бунтовъ); оно прежде всего заключается въ томъ, что женщина закрыта, и тутъ самъ чортъ ногу сломастъ

при желаніи узнать, какая баба участвовала въ бунтѣ. Сорвать ея чадуръ или приподнять рубандѣ — святогатаство, за которое дерзновенный немедленно пошлагился бы жизнью: онъ тутъ же на мѣстѣ былъ бы растерзанъ толпою. Поэтому извѣстные своею храбростію сыны Ирана при всякихъ такихъ оказіяхъ всегда выдвигаютъ бабъ на первый флангъ, и тѣ съ необыкновенною и несвойственною прекрасному полу яростію слѣпо лѣзутъ на приступъ; за ними изнодтишка, прячась за широкіе чадурь, медленно подвигается рать храбрецовъ, и когда врагъ оттѣсненъ и сбитъ съ позиціи такъ, что ничего уже видѣть и наблюдать не можетъ, то у храбрецовъ мужчинъ является увѣренность за цѣлость своихъ пятокъ; и они съ крикомъ и шумомъ доканчиваютъ пораженіе врага.

Когда лѣтъ пять тому назадъ поѣздъ игрушечной девяти-верстной желѣзной дороги раздавилъ перса по его же винѣ, толпа разрушила вокзалъ и учинила настоящій бунтъ, при чемъ главными дѣйствующими лицами были женщины, которыя, въ количествѣ около двухъ тысячъ, собрались на главную тегеранскую площадь возлѣ дворца и стали требовать избіенія всѣхъ европейцевъ.

На этотъ разъ дѣло для злополучныхъ бунтовщицъ кончилось очень плохо. Изъ шахскаго дворца появилось десятка два здоровыхъ феррашей съ предлинными бичами и этимъ незамысловатымъ орудіемъ они произвели полное укрощеніе строптивыхъ бабъ, которыя при обратномъ бѣгствѣ обнаружили болѣе характера въ ногахъ, чѣмъ храбрости при первоначальномъ натискѣ.

Бываютъ рѣдкіе случаи, когда персіанки сами срываютъ свои покрывала — это признакъ высокой степени отчаянія. Случилось это, на примѣръ, во время голодовки въ Тегеранѣ, когда нѣсколько сотъ женщинъ собрались на базаръ возлѣ нашей миссіи и, срывая

Перегъна костюма для выхода на улицу.

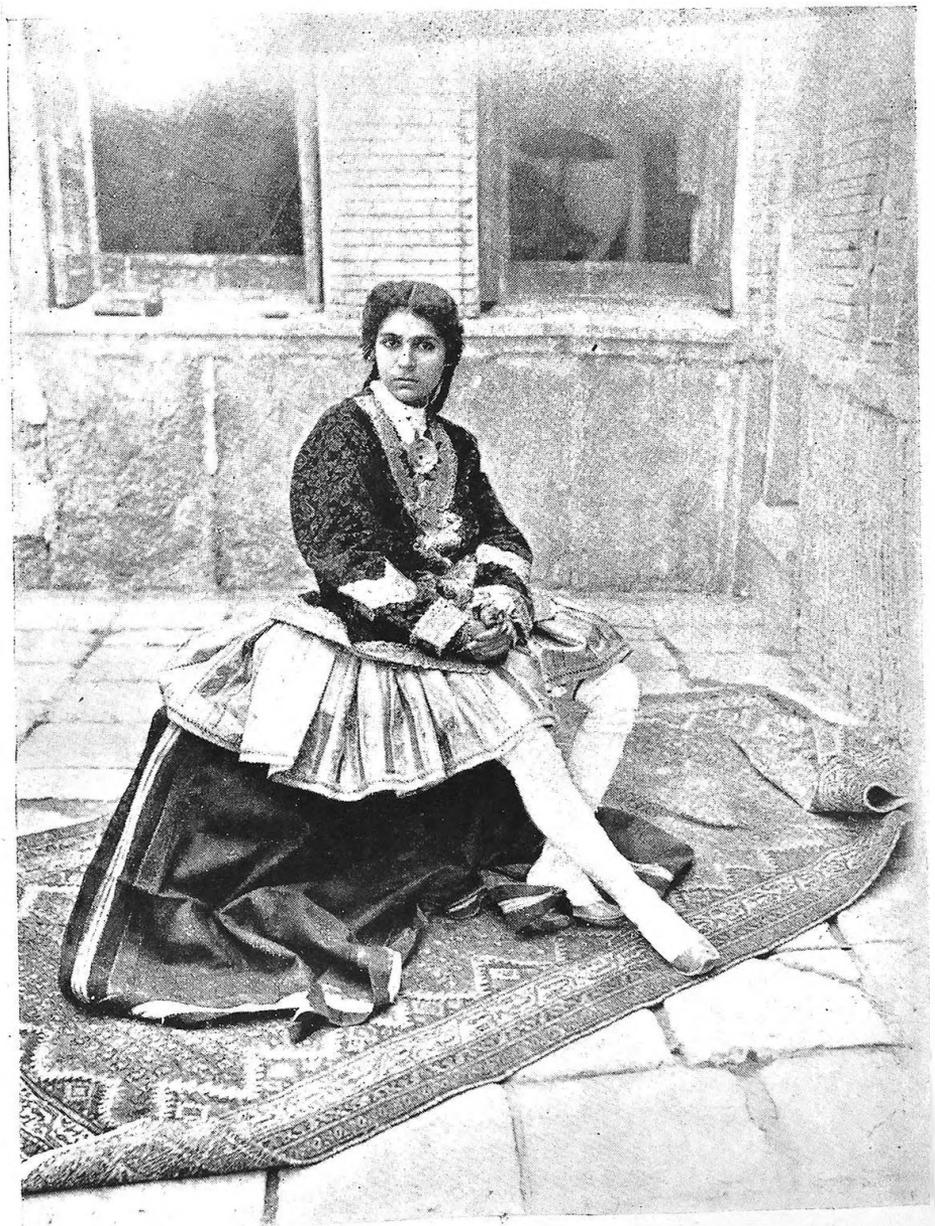
свои покрывала, кричали, что у нихъ нѣтъ правитель-ства, и что онѣ пойдутъ просить хлѣба у русскаго царя.

Выходя изъ дому, персіанка одѣваетъ безобразный черный чадуръ — шелковый у богатыхъ и шерстяной или коленкоровой у бѣдныхъ, и широчайшія шальвары съ пришитыми къ нимъ или иначе прилаженными короткими чулками; ея ноги обуты въ кожаныя некрасивыя туфли, а закрытое бѣлымъ батистовымъ или коленкоровымъ покрываломъ лицо дополняетъ безобразіе всей фигуры. Одно время казалось, что костюмъ этотъ отойдетъ въ область преданій: покойный шахъ Насръ-Эддинъ разрѣшилъ женщинамъ появляться на улицахъ съ открытыми лицами, но тупоумные муллы пришли въ неописуемый ужасъ отъ такого нововведенія, пригрозили правительству народнымъ бунтомъ и, къ величайшему огорченію восточныхъ красавицъ, разрѣшеніе это было отмѣнено. Но реакція въ этомъ отношеніи пошла еще далѣе, и въ концѣ іюля настоящаго года получилось правительственное распоряженіе, которое гласило, что «давно уже замѣчено, что многія женщины недостаточно закрываютъ свои лица, выходя изъ дому, а посему если какая-либо изъ ослушницъ будетъ замѣчена въ неисполненіи сего священнаго обычая, то таковая немедленно будетъ отослана въ казармы для стирки солдатскаго бѣлья». Очевидно, что сей остроумный актъ административнаго глубокомыслія былъ вызванъ жалобами болѣе плутоватаго, чѣмъ фанатическаго духовенства, которое не безъ страха стало замѣчать, что въ послѣднее время народъ не прочь освободиться изъ-подъ его гнета. Потерять вліяніе на женщинъ для духовенства значитъ потерять чуть ли не все свое значеніе. Здѣсь въ Персіи, какъ и въ Европѣ, ничего нѣтъ легче, какъ держать женщину въ страхѣ, односторонне настраивая ея воображеніе и запугивая ея слабый умъ всякими «жупелами» и «кимвалами».

Кромѣ духовенства, врагомъ образованія женщинъ является большинство персидскихъ своеобразныхъ обскурантовъ.

— Далекое не красивыя чувства побуждаютъ этихъ господъ быть противниками образованія женщинъ, говорили мнѣ болѣе порядочные персы: — образованная женщина не позволитъ обращаться съ собою, какъ съ животнымъ: ее нельзя будетъ колотить при всякомъ случаѣ, нельзя будетъ прогонять изъ дому подъ видомъ развода, и такая женщина никогда не согласится играть роль сигэ. Наша современная семейная жизнь, въ большинствѣ случаевъ, расшатывается въ основаніи нравственность, умственные и физическія силы населенія. Наша женщина — рабыня, а рабыня можетъ воспитать только рабовъ. Наконецъ, женщина, получившая хотя бы небольшое образованіе, не станетъ предаваться праздности, какъ это дѣлаетъ большинство нашихъ дамъ, и отречется отъ такого оголенного костюма, который онѣ носятъ въ домашней обстановкѣ.

Домашній костюмъ персидской дамы очень курьезенъ: коротенькая шелковая, затканная золотомъ юбка, повыше колѣнъ; затѣмъ трико голубого или тѣлеснаго цвѣта, теряющееся гдѣ-то въ дебряхъ многочисленныхъ складокъ юбки; на ногахъ легкія туфли. Грудь прикрыта короткою рубашкою (пирханъ), доходящею только до юбки; сверхъ рубашки надѣвается вторая такая же рубашка, шелковая или шерстяная (нимитанэ), и, наконецъ, бархатная или же шелковая очень коротенькая кофточка — нѣчто въ родѣ зуавки (рахтъ), болѣею частью шитая или затканная золотомъ. Таковъ костюмъ женщины или дѣвушки состоятельныхъ классовъ. Крестьянкамъ и вообще женщинамъ небогатаго класса предоставляется поражать зрителя пластичностью своихъ формъ, такъ какъ употребленіе трико или даже очень длинныхъ чулокъ имъ недоступно;

Домашній костюм персіанки.

остальная часть костюма крестьянокъ ограничивается «пирганомъ» и «нимтанэ». Какъ пирганъ, такъ и нимтанэ очень коротки и только соприкасаются съ поясомъ юбки. Поэтому почти каждое движеніе персіанки крайне рисковано съ нашей европейской точки зрѣнія, такъ какъ оба верхнія платья обладаютъ замѣчательною способностью подыматься высоко вверхъ при каждомъ движеніи.

Описываемый мною домашній костюмъ персіанокъ вошелъ въ моду сравнительно недавно — лѣтъ тридцать тому назадъ. Говорятъ, что одна изъ принцессъ, желая блеснуть красотою тѣлосложенія, стала подражать костюмамъ европейскихъ балеринъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что видѣнный покойнымъ шахомъ балетъ въ Европѣ произвелъ на него такое впечатлѣніе, что по возвращеніи въ Тегеранъ немедленно было отдано приказаніе эндеруну одѣть балетные костюмы. Что костюмъ этотъ недавняго происхожденія, объ этомъ свидѣлствуютъ какъ старожилы, такъ и всѣ картины прежняго времени, на которыхъ изображены персіанки. Прежній костюмъ женщины мало чѣмъ отличался отъ европейскаго. На древнихъ персидскихъ картинахъ можно видѣть дамъ въ длинныхъ красивыхъ платьяхъ съ небольшимъ декольте. Судя по этимъ картинамъ, можно предположить, что обычай закрывать лицо и носить безобразный чадуръ тоже позднѣйшаго происхожденія. Въ послѣднее время противъ современной моды вооружилось духовенство, и еще недавно одинъ почтенный мулла въ проповѣди, обращенной къ женщинамъ, ставилъ имъ въ примѣръ длинныя платья европейскихъ женщинъ. Проповѣдь, конечно, не подѣйствовала, такъ какъ почтенный ораторъ забылъ, что прежде чѣмъ проповѣдывать на такую тему, необходимо хотя отчасти повысить умственный уровень персидской женщины, тогда персіанки и сами отказались бы отъ своего балетнаго костюма.

Въ послѣднее время, впрочемъ, дамы высшаго круга стали шить европейскія платья. При этомъ обнаружилось, что для нихъ приходится нѣсколько видоизмѣнить покрой лифа, такъ какъ персіанки никогда не знали употребленія корсета. Быть можетъ, только поэтому онѣ всегда рожали здоровыхъ дѣтей и мало болѣли всякими, такъ называемыми, женскими болѣзнями.

Обычай появляться на улицѣ съ закрытымъ лицомъ появился въ Персіи съ водвореніемъ въ странѣ магометанства. Древнія персіанки не знали этого обычая, какъ не знаютъ его нынѣшнія женщины гябровъ или парсовъ, какъ называютъ ихъ въ Индіи. Да и разумное толкованіе корана, еслибъ, конечно, персидское духовенство умѣло толковать его, а не занималось буквоѣдствомъ, не противится тому, чтобы женщины появлялись съ открытыми лицами.

Коранъ гласитъ; закрывайте вашихъ женщинъ, когда онѣ выходятъ изъ дому «дабы онѣ не были узнаны и обруганы» (глава XXX, стихъ 59). Дѣло въ томъ, что Магометъ жилъ среди дикихъ племенъ, съ которыми онъ вѣчно воевалъ. Кромѣ того, какъ Мекка, такъ и Медина были полны язычниковъ, не признававшихъ его ученія и всегда искавшихъ случая поглумиться надъ приверженцами Магомета, а тѣмъ болѣе надъ ихъ женщинами. Поэтому при данныхъ условіяхъ такое требованіе имѣло свой *raison d'être*. Но въ настоящее время оно является крайнимъ анахронизмомъ. Такимъ же анахронизмомъ является и требованіе корана, состоящее въ томъ, чтобы женщины, выходя на улицу; были закрыты настолько, чтобы посторонніе не видѣли украшеній (родъ браслетовъ) на ихъ ногахъ. Носить тяжелыя блестящія золотыя и вообще металлическія кольца на ногахъ было въ обычаѣ у древнихъ. Обычай этотъ и по нынѣ царитъ среди женщинъ многихъ дикихъ племенъ. Но въ настоящее время ни одна персіанка, за исключеніемъ

иныхъ богатыхъ танцовщицъ, не носятъ никакихъ металлическихъ украшеній на ногахъ, а потому и нынѣшній чапчуръ-шальвары, съ пришитыми къ нимъ короткими чулками, потеряли всякій смыслъ своего существованія.

Персы, какъ и мы, большіе охотники выпучивать притворную скромность своихъ женщинъ; въ Персіи тоже имѣются свои «Вопросительные Знаки», съ тою только разницею, что сборниковъ пикантныхъ анекдотовъ они не печатаютъ, а больше довольствуются перерадачей.

— Однажды, рассказывалъ мнѣ одинъ персидскій «Вопросительный Знакъ», — молодой красивый парень залѣзъ въ чужой садъ, желая полакомиться грушами. Жена садовника, увидя незнакомца на деревѣ, стала гнать его и угрожала призвать на помощь сосѣдей. «Если ты только крикнешь, я сейчасъ же слѣзу съ дерева и стану такъ цѣловать тебя, что тебѣ жарко станетъ», пригрозилъ ей молодой человекъ, продолжая улетать груши за обѣ щеки. Услышавъ такую угрозу, жена садовника пуше прежняго разразилась крикомъ. Видя, что ему не сдобровать, парень слѣзъ съ дерева, ругнулъ садовницу и сталъ перелѣзать черезъ заборъ. «Такъ вотъ какъ!» вскричала раздосадованная женщина, — «оказывается, что ты не только воръ, но еще и обманщикъ! обманщикъ! обманщикъ!» продолжала она упрекать его, пока тотъ перелѣзалъ черезъ заборъ.

Привычка многихъ женщинъ употреблять бѣлила и румяна служить также предметомъ насмѣшки, хотя девяносто процентовъ восточныхъ красавицъ могли бы смѣло обойтись безъ этой прикрасы.

Смуглость персіанокъ придаетъ имъ очень красивый и своеобразный видъ и присутствіе бѣлилъ и румянъ на смугломъ лицѣ даетъ уморительный и далеко не эстетичный контрастъ.

Въ общемъ типъ персіанки очень красивъ; осо-

бенно красотой отличаются женщины горных племенъ. Восточная красота, конечно, красота своеобразная и своеобразность ея усиливается главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ горныя племена, не смѣшиваясь не только съ другими національностями, но даже съ племенами, населяющими остальную Персію, сохранили почти во всей чистотѣ своей древній типъ. Въ глухихъ деревушкахъ среди горныхъ цѣпей Демавенда можно наблюдать типъ древне-египетской женщины, какою ее изображаютъ рисунки на древнихъ египетскихъ вазахъ. Можно смѣло утверждать, что весьма многія племена, поселившіяся на трудно доступныхъ кряжахъ на высотѣ семи-восьми тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, какъ, напримѣръ, на склонахъ Демовенда, въ Карадагъ и нѣкоторыхъ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Персіи, уцѣлѣли во всей своей неприкосновенности при историческихъ великихъ переселеніяхъ народовъ и всевозможныхъ войнахъ. Этимъ обстоятельствомъ, я думаю, и объясняется эта крайне своеобразная древняя красота ихъ женщинъ. У нихъ столько природной граціи и изящества, онѣ такъ сложены, что не только простой смертный, но и любой художникъ-скульпторъ могъ бы прійти въ восторгъ. Если добавить, что большинство этихъ женщинъ обладаютъ чудными черными большими миндалевидными глазами, соболиными бровями, необыкновенно длинными рѣсницами, маленькимъ ртомъ и совершенно правильными тонкими чертами овальнаго лица, то можно себѣ составить хотя слабое понятіе объ ихъ наружности. Въ Персіи эти горныя красавицы носятъ названіе «джерамъ-ханумъ» — женщина газель.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, у Хорасанскаго перевала, встрѣчаются смуглыя брюнетки съ большими темно-голубыми терпкими глазами.

Сидячая гаремная жизнь и мучная пища зачастую даютъ слишкомъ большую округленность формамъ го-

родскихъ дамъ, но зато почти всѣ женщины кочевыхъ и горныхъ племенъ похожи по своему сложенію на очень изящныя художественныя статуи, отлитыя изъ свѣтлой бронзы. Женщины горныхъ и кочевыхъ племенъ не закрываютъ своихъ лицъ, пользуются свободой, и вообще положеніе ихъ въ семьѣ далеко лучше положенія женщинъ городского населенія. Женщину въ Персіи воспитываютъ такъ, если это только можно назвать воспитаніемъ, что она и не понимаетъ другихъ отношеній къ мужчинѣ, кромѣ интимныхъ. Развращенность мужей, замкнутость гаремной жизни, полно бездѣліе и восточный темпераментъ часто толкаютъ женщину на самыя невѣроятныя похожденія, неподдающіяся описанію уже въ силу своей скабрёзности. Нимфоманія, кажется, ни гдѣ не имѣетъ столько жертвъ, какъ на Востокъ; кромѣ того, неподвижность и вообще сидячій образъ жизни порождаетъ среди женщинъ цѣлую массу болѣзней, начиная съ ожирѣнія.

— Какъ тутъ прикажете лечить ихъ, когда нѣтъ возможности заставить ихъ перемѣнить образъ жизни, говорилъ мнѣ одинъ врачъ-европеецъ, нѣсколько лѣтъ уже практикующій въ Тегеранѣ.

Врачъ былъ совершенно правъ. Не говоря уже о полной перемѣнѣ образа жизни, бѣдная персіанка даже лишена самаго обыкновеннаго моціона. Чадуръ, чапчуръ и рубандэ — костюмъ, въ которомъ можно задохнуться.

Мнѣ кажется, объяснялъ я однажды одной моей знакомой персіанкѣ, — что пророкъ (Магометъ) вовсе не имѣлъ въ виду такого безобразнаго костюма, въ который васъ вырядило ваше духовенство. Въ Аравіи, конечно, полудикія женщины носили бѣлый широкій бурнусъ, которымъ закрывали голову и все туловище отъ палящихъ лучей солнца. Вы же носите черныя плащи-чадуры, которые, напротивъ, привлекаютъ солнечныя лучи. Наконецъ, ужъ если вашимъ мулламъ и

мужьямъ, больше, конечно, изъ чувства ревности, непременно хочется, чтобы вы на улицѣ закрывали ваши лица, то развѣ не достаточно было бы густой бѣлой вуали?

— Вы совершенно правы, отвѣтила моя собесѣдница, — всѣ мы, женщины, сознаемъ это, но что прикажете подѣлать съ нашими муллами; мы ничего не смѣемъ возражать; въ этомъ отношеніи наши мужчины заодно съ ними.

Женщины въ городахъ совершенно праздно, какъ среди высшихъ, такъ и низшихъ сословіи. Если мать кормитъ грудью своего ребенка, то, согласно корану, она имѣетъ право требовать отъ мужа особой платы за такой трудъ. Только крестьянки каспійскаго побережья составляютъ въ этомъ случаѣ небольшое исключеніе: здѣсь онѣ работаютъ на поляхъ, на рисовыхъ и табачныхъ плантаціяхъ. Во всѣхъ городахъ, въ общемъ, вся работа лежитъ на мужчинѣ; въ Тегеранѣ даже въ прачешныхъ заведеніяхъ стираютъ и гладятъ мужчины. Женскую прислугу найти довольно трудно, а если и попадается горничная персіанка, то ея пребываніе въ семьѣ европейцевъ считается, съ точки зрѣнія мусульманъ, предосудительнымъ; мужская же прислуга крайне неумѣлая и лѣнивая. Необходимо замѣтить, что лѣньность на Востокѣ нельзя оцѣнивать съ нашей точки зрѣнія; она составляетъ традиціонное явленіе, вызываемое климатомъ, обиліемъ природныхъ богатствъ и многими условіями социальнаго строя. Если взять нашу точку зрѣнія, то на Востокѣ всѣ работаютъ лѣниво, отъ министра до поденщика. Но кромѣ медленности въ работѣ, повсюду проглядываетъ тоже неумѣлость; поэтому не удивительно, что въ мѣстностяхъ, пограничныхъ и близгихъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Энзели и Рештѣ лучшія постройки поручаются русскимъ рабочимъ. Нашъ рабочій получаетъ вдвое больше перса, но зато онъ втрое болѣе и сработаетъ.

Персіянка у себя въ андерруні.

Горожанка.

Благодаря присутствію и практикѣ медиковъ-европейцевъ въ Тегеранѣ, населеніе столицы Персіи все болѣе и болѣе проникается уваженіемъ къ европейской наукѣ и культурѣ. Такому ходу вещей отчасти мѣшаютъ появляющіеся здѣсь повременамъ иностранцы-шарлатаны, выдающіе себя за врачей. Эти господа приносятъ вредъ не только населенію, но и вообще престижу европейцевъ. За послѣднее время персидское правительство стало требовать отъ этихъ самозванцевъ предъявленія ими дипломовъ, и уже были случаи запрещенія имъ практики. Въ отношеніи медиковъ даже смягченъ обычай, въ силу котораго посторонній мужчина не имѣетъ права видѣть лица женщины. Медику разрѣшается входъ въ эндерунъ, предъ нимъ женщина снимаетъ или открываетъ свой чадуръ, медикъ зачастую присутствуетъ при родахъ. Престижъ медиковъ-европейцевъ усиливается еще тѣмъ, что бѣдное населеніе находитъ у нихъ всегда бесплатный совѣтъ и даровое лекарство. Въ этомъ отношеніи нельзя пройти молчаніемъ дѣятельности доктора, состоящаго при нашемъ посольствѣ: онъ ежедневно посвящаетъ два часа для пріема бѣднаго люда, самъ приготовляетъ имъ лекарства и вообще относится очень гуманно къ своимъ бѣднякамъ паціентамъ. Наше посольство, со своей стороны, не жалѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе медикаментовъ, которые выписываются изъ Тифлиса, въ томъ числѣ, масса хинина, въ виду слишкомъ частыхъ заболѣваній лихорадками. Глазныя болѣзни и лихорадки—самыя частыя заболѣванія на Востокѣ.

Усиленію глазныхъ болѣзней у женщинъ способствуетъ обычай носить рубандэ—длинная коленкоровая полоса, которая прикрѣпляется на головѣ и проходитъ подъ чадуръ. На мѣстѣ глазъ дѣлается густая сѣтчатая вышивка. Лихорадка, самая заурядная болѣзнь въ Персіи. Но нѣтъ ничего ужаснѣе появленія эпидеміи. Отсутствие какихъ бы то ни было санитар-

ныхъ мѣропріятій, присущая населенію нечистоплотность, отсутствіе медицинской помощи—все это усиливаетъ эпидемію до страшныхъ предѣловъ. Въ 1879 г. появившаяся въ Персіи холера унесла ровно одну треть всего населенія. Изъ девяти милліоновъ, составлявшихъ населеніе страны, умерло три милліона. Цифра эта не выдумана; она сообщена мнѣ однимъ изъ ученыхъ персовъ, который самъ интересовался свѣдѣніями о числѣ погибшихъ отъ эпидеміи и собиралъ эти свѣдѣнія повсемѣстно въ странѣ. Каждая эпидемія почти всегда находитъ въ Персіи вполне удобную почву для своего сильнѣйшаго распространенія. Плохое питаніе, мѣстные недороды, а то и полные неурожайи, наконецъ, повсемѣстно распространенное куреніе опиума, ослабляютъ физическія силы населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и энергію сопротивленія организма зараженію.

VI.

Персидское духовенство.

Посольство наше и консульства пользуются большим доверіемъ и авторитетомъ среди персидскаго населенія, по преимуществу въ Тавризѣ, Рештѣ и Тегеранѣ. Въ Тавризѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ сѣверной Персіи, населеніе привыкло смотрѣть на русскаго консула, какъ на заступника предъ персидскимъ правительствомъ въ тяжелыя времена народныхъ бѣдствій, смуть и голода. Нужно отдать дань справедливости нашему консулу, онъ вполне оправдываетъ доверіе, питаемое къ нему мѣстнымъ населеніемъ.

Когда въ августѣ позапрошлаго года въ Тавризѣ появились признаки голода, вслѣдствіе недорода, а главнымъ образомъ потому, что скупщики, стакнувшись, заперли свои амбары и безбожно повысили цѣны на хлѣбъ, населеніе произвело безпорядки (шукъ), и чуть ли не половина горожанъ явилась къ нашему консулу съ просьбою о принятіи ихъ въ русское подданство.

Къ стыду персидскаго духовенства нужно сказать, что однимъ изъ главныхъ скупщиковъ и повышателей цѣнъ былъ одинъ изъ тавризскихъ муштаидовъ, одно изъ главныхъ духовныхъ лицъ цѣлой области. Возмущенное и доведенное до крайности населеніе

ворвалось въ его домъ, перебило его прислугу и навѣрное расправилось бы съ нимъ тоже безъ церемоній, если бы ему не удалось бѣжать въ Тегеранъ.

— Что это за столпотвореніе у городскихъ воротъ? спросилъ я одного моего пріятеля перса, при видѣ цѣлой массы экипажей и верховыхъ лошадей.

— Это встрѣчаютъ тавризскаго муштайда, который послѣ погрома бѣжалъ оттуда.

— Какъ, этого скупщика хлѣба, который морилъ голодомъ населеніе:

— Что прикажете дѣлать? Всѣ мы знаемъ, что онъ такое, но все же это сила. Посмотрите, сколько людей цѣлуютъ его руку съ полнымъ сознаниемъ, что тою же рукою онъ обиралъ и грабилъ мѣстное населеніе.

Главою персидскаго духовенства всегда считается муштайдъ, проживающій въ Кербелѣ — турецкомъ городѣ, вблизи персидской границы. Мѣстопробываніе главнаго духовнаго лица внѣ предѣловъ своего отечества гарантируетъ ему полную независимость въ его мнѣніяхъ и распоряженіяхъ. Персидское правительство въ отношеніи дѣйствій главнаго муштайда совершенно безсильно. Персы устраиваютъ частыя паломничества въ Кербелу, приносятъ и посылаютъ массу денегъ. Громаднѣйшимъ авторитетомъ среди населенія всей Персіи пользовался покойный муштайдъ, предшественникъ нынѣшняго кербельнскаго муштайда. Черезъ его руки прошли десятки милліоновъ рублей, но онъ жилъ и умеръ бѣднякомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ весь жилъ для благотворительности и все, что ни получалъ, отдавалъ бѣднымъ. Въ его скромномъ жилищѣ нельзя было найти дорогого ковра, хотя тысячи ихъ присылались и привозились ему въ подарокъ; покойный муштайдъ сидѣлъ и спалъ на простыхъ циновкахъ. Такая же простота и умѣренность соблюдалась имъ въ одеждѣ и пищѣ.

Однажды его жена, старуха, распорядилась лишній разъ поставить самоваръ. «Мы не имѣемъ права позволять себѣ такой роскоши», замѣтилъ онъ ей кротко, «такъ какъ этимъ мы отымаемъ у бѣдныхъ ихъ средства». Не только персы, но и христіане, знавшіе покойнаго, отзываются о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ настоящее время въ Персіи о такихъ муштаидахъ что-то не слышно; одно изъ немногихъ свѣтлыхъ исключеній составляетъ доживающій въ Тегеранѣ на покоѣ свои дни почтенный муштайдъ Хаджи-Шейхъ-Гаади. Образованный и гуманный, онъ выдѣляется среди всѣхъ своихъ собратьевъ.

Мнѣ рѣдко въ жизни приходилось наблюдать болѣе симпатичное лицо, чѣмъ у этого маститаго представителя магометанскаго духовенства. Несмотря на свои 62—63 года, это вполне бодрый, свѣжій челоуѣкъ со здоровымъ бѣлымъ съ легкимъ румянцемъ лицомъ, голубыми, очень умными и въ тоже время кроткими, глазами. Большая сѣдая борода окаймляетъ это патріаршее лицо и падаетъ на бѣлыя складки восточнаго одѣянія. На головѣ большая въ красивыхъ складкахъ бѣлая легкая чалма.

Распоряжаясь большими суммами на благотворительныя дѣла (онъ и теперь строитъ большую больницу), Хаджи-Шейхъ-Гаади живетъ очень скромно, до того, что онъ даже не можетъ принимать у себя въ домѣ постороннихъ лицъ. Обыкновенно къ шести часамъ вечера, когда тегеранское солнце устанетъ отдавать огнемъ пыльные улицы города, Шейхъ-Гаади выходитъ изъ своего маленькаго домика, обнесеннаго невысокою глинобитною стѣною, и медленными шагами направляется къ небольшой площади, скорѣе небольшому пустырю, ожидающему застройки. На пустырь выходитъ длинная высокая стѣна сосѣдняго дома, и когда солнце на склонѣ, стѣна эта даетъ широкую длинную тѣнь. Шейхъ-Гаади подходитъ къ стѣнѣ, сни-

маеть свою абу (верхній плащ), разстилаеть ее на песокъ съ граветомъ, которымъ усѣянтъ весь пустырь, и здѣсь онъ принимаетъ всѣхъ, кто желаетъ его видѣть, говорить съ нимъ или даже судиться у него. Сюда являются духовныя лица для разрѣшенія интересующихъ ихъ вопросовъ религіознаго характера, спорящіе стороны и его знакомые, желающіе навѣстить его. Шейхъ-Гаади пользуется среди населенія такимъ уваженіемъ, что его рѣшенія по спорнымъ дѣламъ безапелляционны. Мнѣ пришлось дважды присутствовать въ то время, когда къ нему обращались спорящія стороны, и я наблюдалъ, какъ обѣ они ловили каждое слово, выходявшее изъ его устъ. Изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ, я вынесъ убѣжденіе въ томъ, что онъ чловѣкъ въ высшей степени гуманный, съ широкимъ взглядомъ на вещи, безпристрастный и любящій свой народъ. Покойный шахъ однажды навѣстилъ Шейхъ-Гаади на любимомъ мѣстѣ его пріемовъ. Шахъ былъ верхомъ; онъ сошелъ съ коня, поздоровался съ муштаидомъ и ждалъ приглашенія съ его стороны зайти къ нему въ домъ. Шейхъ-Гаади велѣлъ одному изъ присутствовавшихъ здѣсь муллъ постелить на песокъ свою абу противъ себя, пригласилъ шаха сѣсть и бесѣдовалъ съ нимъ долго. То же повторилось и въ слѣдующій разъ при посѣщеніи его шахомъ.

Такіе люди среди персидскаго духовенства крайне рѣдкое явленіе, да они и вымирають; Шейхъ-Гаади— послѣдній могиқанъ. Другой же тегеранскій муштаидъ Аштіани только фанатикъ и начетчикъ, скопившій большія деньги.

Положительно можно утверждать, что въ числѣ другихъ факторовъ, которые повлекли за собою разложеніе и паденіе мусульманскихъ государствъ, едва ли не главную роль сыграло мусульманское духовенство своимъ вліяніемъ и вмѣшательствомъ въ государственную, общественную и частную жизнь.

Роль, которую играло духовенство въ Персіи, не только не уменьшилась съ теченіемъ времени, но едва ли не усилилась. И если ранѣе во время религіозныхъ войнъ и борьбы за водвореніе мусульманства среди завоеванныхъ народовъ духовенство дѣйствовало исключительно въ интересахъ идеи, то въ настоящее время, за исчезновеніемъ этого импульса, вся его задача сводится къ тому, чтобы поддержать, не разбирая средствъ, свой авторитетъ и вліяніе и пользоваться ими для своего обогащенія. Поэтому неудивительно, что, за рѣдкими исключеніями, духовенство является яркимъ противникомъ науки, всякихъ нововведеній и реформъ, а также сближенія населенія съ европейцами. Большинство начинаній покойнаго шаха Насръ-Эддина разбивалось о могущественное «veto» духовенства. При всякомъ подобномъ случаѣ тегеранскіе муштаиды угрожали покинуть Тегеранъ. Въ нынѣшнее царствованіе они попробовали было тотъ же маневръ, но имъ было отвѣчено изъ дворца, что могутъ уѣзжать на всѣ четыре стороны: попытка залугать правительство не удалась и только послужила къ вѣщшему посрамленію угрожавшихъ.

Каждый большой городъ Персіи имѣетъ своего одного или двухъ муштаидовъ.

Съ нѣкотораго времени муштаиды изобрѣли особый способъ обогащенія: они зорко слѣдятъ за остающимися крупными земельными наслѣдствами и употребляютъ всѣ усилія, чтобы у одного изъ сонаслѣдниковъ приобрести его долю, а уже разъ муштаидъ явился въ качествѣ совладѣльца въ общемъ имѣніи, остальные наслѣдники должны будутъ идти по міру: бороться съ такимъ гогомъ и магогомъ опасно во всѣхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ персовъ, несмотря на свою близость ко двору и даже находясь въ близкомъ свойствѣ съ царствующимъ домомъ, долженъ былъ распродать всѣ свои земли по

частямъ только потому, что сосѣдями его по владѣнію оказались муштаиды, которые и стали оттягивать у него различные части имѣній. Предпріятія европейцевъ тоже облагаются данью въ пользу этихъ господъ, такъ какъ достаточно только одного заявленія со стороны муштайда, что данный продуктъ, производимый европейцами, «нѣджись», т. е. оскверненный, какъ все населеніе даже не посмѣетъ прикоснуться къ нему.

Населеніе употребляетъ въ пищу отвратительный темный пшеничный хлѣбъ съ массою песку и прочихъ примѣсей, но никто изъ европейцевъ не рѣшается построить мукомольную мельницу, такъ какъ никто не гарантированъ, что самая лучшая мука изъ этой мельницы не будетъ объявлена «нѣджись» и не получитъ никакого сбыта; бельгійскій сахарный заводъ, построенный возлѣ Тегерана, уплачиваетъ духовенству взятки изъ опасенія, чтобы его производство не было объявлено «нѣджись». Мелкое духовенство кормится крохами отъ крупныхъ духовныхъ тузовъ и, будучи въ полной зависимости отъ нихъ, рабски слѣдуетъ ихъ приказаніямъ. Вліяніе мелкаго духовенства на народъ пріобрѣтаетъ особое значеніе, вслѣдствіе непомернаго грабительства губернаторовъ. Въ этомъ случаѣ народъ всегда ищетъ защиты у своего ближайшаго духовенства, которое принимаетъ на себя всякія ходатайства предъ губернаторомъ. Ходатайства эти тоже не безкорыстны и приносятъ мулламъ кое-какія заработки. Для пополненія своего скуднаго бюджета муллы занимаются торговлею, а также посредничествомъ въ пріисканіи «сигѣ» желающимъ и любителямъ разнообразія. Лица, знающія хорошо условія жизни персидскаго народа, увѣряютъ, что этотъ родъ маклерства получилъ даже нѣкоторую правильную организацію среди мелкаго духовенства. Прибывшій въ данную мѣстность персъ, обыкновенно обращается къ муллѣ съ просьбою рекомендовать ему «сигѣ». Мулла

Молодые перелесские деревни (новгородь).

всегда съ успѣхомъ исполняетъ порученіе и тутъ же вѣнчаетъ брачующихся на срокъ два-три дня. Плата за такое посредничество и свидѣтельствованіе брачнаго договора обыкновенно очень ничтожна и не превышаетъ нѣсколькихъ крановъ или тумановъ, смотря по состоянію перса. Свое духовное образованіе муллы получаютъ въ особомъ медреса (школа) въ Тегеранѣ. Нынѣ эта духовная школа выпускаетъ только неучей, незнающихъ даже арабскаго языка, на которомъ написанъ коранъ. Эту священную для нихъ книгу они скорѣе вытверживаютъ наизусть, какъ попугай. Что касается прочихъ наукъ въ европейскомъ смыслѣ, то онѣ уже потому не преподаются, что считаются вредными. Вообще трудно себѣ представить болѣе низкій уровень образованія, чѣмъ тотъ, на которомъ находится персидское мелкое духовенство. Правда, имѣются счастливыя исключенія, но ихъ очень мало.

Къ числу персидскаго духовенства отчасти принадлежатъ также дервиши. Нѣкогда они составляли родъ странствующаго монашескаго ордена. При Шахѣ-Аббасѣ они получили нѣкоторую организацію и даже уставъ. Во многихъ городахъ Персіи были устроены для нихъ особые пріюты, которые носили названіе «ханга». Шахъ-Аббасъ, оказывая имъ свое покровительство, пользовался ими для распространенія и укрѣпленія шитизма, тогда едва поднимавшаго голову. Большинство тогдашнихъ дервишей были строгими аскетами, фанатически преданными шитскому толку.

Ведя нищенскій образъ жизни, не заботясь о настоящемъ хлѣбѣ, они переходили изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, проповѣдуя и наставляя своихъ послѣдователей. Пыльные и загорѣлые, въ рубищахъ, едва прикрывающихъ ихъ исхудалое тѣло, они проходили пустыни средней Азіи болѣе страшныя, чѣмъ Сахара; по горнымъ карнизамъ они переливали черезъ громадныя высоты, забирались во

всѣ углы своей родины и дѣлали свое дѣло. Толпа относилась къ нимъ съ благоговѣніемъ и съ восторгомъ слушала ихъ пылкия проповѣди и рассказы о мученической кончинѣ Али и его потомства. Въ этихъ проповѣдяхъ народъ находилъ отголоски недавняго мученичества своей родины подъ варварскимъ турецкимъ игомъ.

Турецкое иго, иго полудикихъ кочевниковъ, было очень тяжелымъ для персовъ — народа культурнаго, который не могъ забыть ни блестящихъ страницъ своей исторіи, ни своей литературы, ни своихъ вѣковыхъ традицій.

Кульминаціонная точка сильной одушевленной дѣятельности дервишей совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда раны, нанесенныя странѣ, были еще слишкомъ свѣжи, когда слово «турокъ» произносилось персомъ со скрежетомъ зубнымъ. Эта нелюбовь, даже ненависть персовъ къ туркамъ существуетъ и по настоящее время. Мнѣ никогда не приходилось слышать отъ перса доброе слово о туркахъ; мало того, они даже не долюбиваютъ азарбейджанцевъ по причинѣ ихъ турецкаго происхожденія: «Это дикари-турки; отъ нихъ никогда ничего хорошаго не дождешься», вотъ фраза, которою жители средней Періи характеризуютъ азарбейджанцевъ.

Съ теченіемъ времени, когда почти вся Персія стала исповѣдывать шиитизмъ, дѣятельность дервишей, не находя болѣе примѣненія, ослабѣла, число ихъ уменьшилось, и между ними стали очень рѣдко попадаться люди идеи, фанатики своего дѣла; сословіе быстро наполнилось ограниченными тунеядцами и бездѣльниками, вслѣдствіе чего народъ потерялъ къ нимъ всякое уваженіе и довѣріе. Нѣкогда величаемые народомъ и воспѣваемые поэтами, дервиши нынѣ превратились въ сбродъ подозрительныхъ оборванцевъ и пьяницъ, выклянчивающихъ милостыню. Проѣзжая однажды но-

Типы персидскихъ дerviшей.

чью изъ Зергендэ въ Тегеранъ, я видѣлъ въ двухъ шагахъ отъ дороги нѣсколькихъ пьяныхъ дервишей, плясавшихъ въ компаніи съ нищими еврейками вокругъ разведеннаго костра.

Лицо, вступающее въ сословіе дервишей, даетъ обѣтъ безбрачія, бѣдности, служенія цѣлямъ религіи. Все это въ настоящее время забыто и нынѣшній дервишъ, въ большинствѣ случаевъ, только назойливая попрошайка; немытый, никогда не чесанный, полунагой, со звѣриною шкурою, переброшенною черезъ плечо, фантастическою палкою въ одной рукѣ и съ металлическимъ котелкомъ въ другой. Между ними мнѣ приходилось наблюдать очень красивые и оригинальные типы, напоминающіе собою фигуры древне-библейскихъ пророковъ.

Если бы, кромѣ проповѣди и разсказовъ, дервиши имѣли другую соответствующую цѣль своей дѣятельности, напримѣръ, просвѣщеніе народа путемъ учрежденія школъ и преподаванія, ихъ сословіе и до настоящаго времени удержалось бы на высотѣ своего призванія. Религіозный фанатизмъ и восторженность—настроение, которое нужно бываетъ народу только на короткое время, въ часы великихъ испытаній, затѣмъ оно быстро израсходывается, оставляя послѣ себя зачастую наравнѣ съ благими и очень печальные результаты. Религіозное чувство послѣ сильнаго подъема обыкновенно быстро ослабѣваетъ и замѣняется почитаніемъ обрядовой стороны и ханжествомъ, что и случилось съ дервишами. Тяжелое положеніе ихъ родины дало дервишамъ возможность возвыситься надъ темною изстрадавшеюся окровавленною толпою только на короткое время, но у нихъ не хватило другихъ ресурсовъ, болѣе важныхъ въ народной и общественной жизни, чтобы продолжать держать высоко свое знамя.

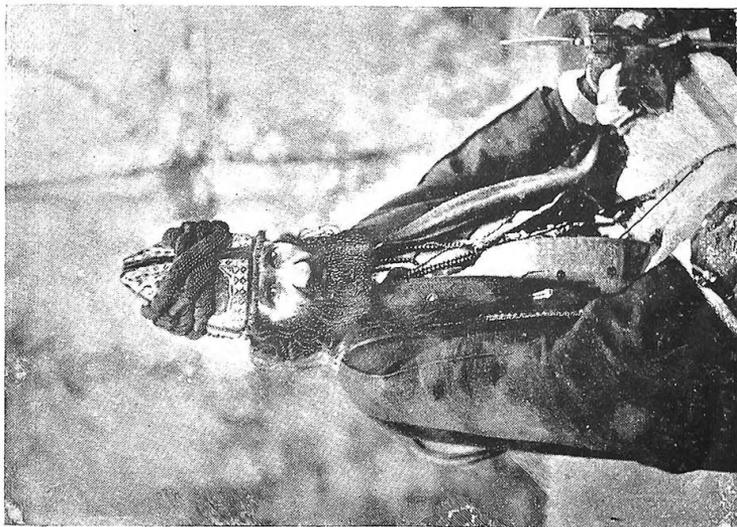
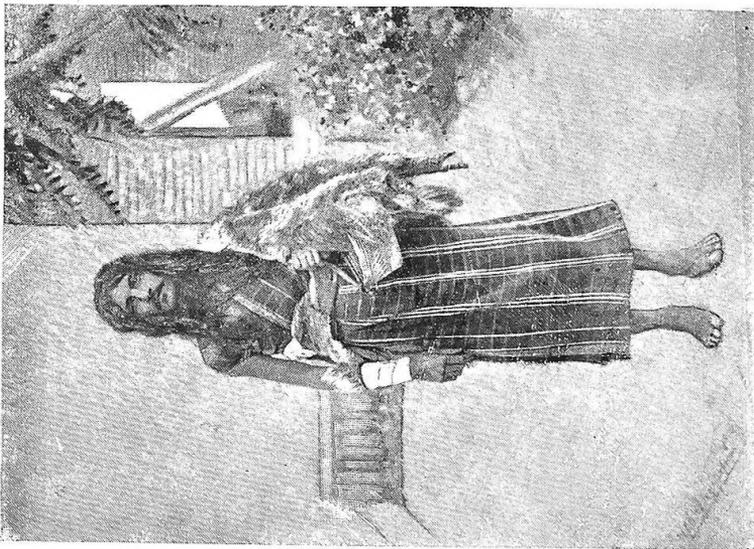
Дервишей, впрочемъ, постигла участь ихъ собратій, католическихъ монаховъ на Западѣ. Въ Европѣ, съ

развитіемъ государственной и общественной жизни, наука переселилась изъ монастырей въ университеты, подлзваніе больныхъ перешло изъ рукъ монаховъ въ руки компетентныхъ медиковъ, а народнымъ образованіемъ и благотворительностью озаботилось государство и общество; вслѣдствіе этого, у монаховъ исчезла почва подъ ногами, и большинство католическихъ монастырей превратилось въ сборища откармливающихся туеядцевъ.

Въ Персіи, впрочемъ, имѣется особый высшій орденъ дервишей, которые носятъ названіе суффи. Они представляютъ собою скорѣе извѣстную секту—послѣдователей болѣе высокаго философскаго пониманія религіи и задачъ жизни.

Эти дервиши имѣютъ своего главу, который проживаетъ въ Тегеранѣ. Это очень почетная должность, въ которую обыкновенно избираются лица извѣстныя своею порядочностью и знатнаго происхожденія. Въ настоящее время главою дервишей состоитъ весьма почтенный, симпатичный и образованный человѣкъ Загиредъ-Доуле, женатый на родной сестрѣ шаха. Нужно только сожалѣть, о томъ, что орденъ этотъ крайне немногочисленъ.

Въ бѣдныхъ узкихъ закоулкахъ Тегерана можно на разсвѣтѣ всегда встрѣтить скромно одѣтаго человѣка съ очень симпатичнымъ бѣлокурымъ вдумчивымъ лицомъ, который обходитъ самыя жалкія бѣдныя лачуги и подаетъ милостыню или же несетъ бѣднякамъ помощь въ томъ или другомъ видѣ; это и есть Загиредъ-Доуле. Загиредъ-Доуле далеко не фанатикъ; онъ любитъ общество европейцевъ, которыхъ принимаетъ у себя охотно съ большимъ радушіемъ. Въ царствованіе покойнаго шаха онъ нѣсколько разъ порывался въ Россію и въ западную Европу, но каждый разъ ему было отказываемо. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, такой отказъ мотивировался тѣмъ, что, въ качествѣ фактическаго

Типы переднеазиатских деревней.

камергера и человѣка близкаго ко двору по женитьбѣ на дочери покойнаго шаха, онъ зналъ всѣ придворныя тайны, а потому изъ ложнаго опасенія, какъ бы Загиредъ-Доуле не поразсказалъ кое-что за границую, рѣшено было не пускать его туда.

Не то свѣтское, не то духовное положеніе среди народа составляетъ отдѣльное сословіе сеидовъ. Они считаются потомками пророка и въ настоящее время обладаютъ единственною привилегіею носить зеленую чалму и такой же поясъ. По преданію, Магометъ, умирая, обратился къ окружающимъ со слѣдующими словами: «читите коранъ и мое потомство». По смерти Магомета былъ установленъ обычай, въ силу котораго его потомство имѣло право получать одну пятую часть съ доходовъ имущества, принадлежащаго другимъ сословіямъ. Вѣроятно, право это фактически осуществлялось въ то время, когда сеидовъ было всего нѣсколько человѣкъ; но въ настоящее время никто изъ нихъ даже не рѣшился бы претендовать на такую привилегію, такъ какъ такой претендентъ на чужое имущество не только не получилъ бы ни гроша, но вдобавокъ рисковалъ бы нажить множество непріятностей. Впрочемъ, существованіе этого права даетъ поводъ нѣкоторымъ бѣднякамъ, а также бездѣльникамъ являться къ богатымъ персамъ и требовать болѣе крупныхъ подачекъ. Однажды въ Рештѣ на улицѣ, разговаривая съ однимъ изъ персовъ, проживающихъ въ Россіи, мы были атакованы необыкновенно замухрышечнымъ сеидомъ. Оба мы дали ему по гривеннику. Но въ то время, какъ сеидъ благодарилъ меня, онъ обратился къ моему сосѣду съ формальнѣйшимъ требованіемъ большаго количества денегъ. Дѣло у сеида не выгорѣло; онъ былъ изрядно обруганъ и принужденъ былъ уйти только съ двумя гривенниками. «Вѣдь этотъ каналья», глубоко убѣжденъ въ томъ, что я обязанъ моимъ трудомъ содержать его.

Въ захолустьяхъ страны сенды еще продолжаютъ пользоваться вліяніемъ на народъ, но въ Тегеранѣ они почти утратили всякое значеніе; ихъ можно встрѣтить въ качествѣ торговцевъ старымъ хламомъ, ремесленниковъ и даже нищихъ. Тѣмъ не менѣе среди сеидовъ Тегерана можно встрѣтить людей въ высшей степени порядочныхъ, образованныхъ и воспитанныхъ; одинъ изъ такихъ Абдула-сеидъ преподавалъ мнѣ персидскій языкъ, и часы, проведенные мною въ обществѣ моего учителя, я всегда буду вспоминать съ чувствомъ самой искренней симпатіи.

Около восьмидесяти лѣтъ назадъ въ каждомъ городѣ и въ каждой персидской деревнѣ существовалъ особый чиновникъ, который велъ списки родившихся и выбывающихъ сеидовъ. Въ послѣднее время сословіе сеидовъ много теряетъ, вслѣдствіе того, что туда проникаютъ люди посредствомъ всякихъ фабрикованныхъ и купленныхъ документовъ. Въ Турціи всегда можно купить званіе сеида; это тѣмъ легче, что книги съ родословными сеидовъ давнымъ давно уже заброшены.

Если случается, что въ благочестивой мусульманской семьѣ заболѣетъ маленькая дѣвочка, то часто родители заболѣвшей даютъ обѣтъ выдать ее впослѣдствіи за мужъ за сеида. Когда такая, впредь просватанная, невѣста приходитъ въ возрастъ, то пріискиваніе жениха, какъ увѣряютъ персы, не обходится безъ комическихъ *qui pro quo*. Не меньшимъ комизмомъ отличается также желаніе многихъ богатыхъ персовъ очень дешево пріобрѣсть благочестіе. Къ концу года такой благочестивый персъ подводитъ итоги своимъ доходамъ, и если, напримѣръ, окажется, что онъ заработалъ 10 тысячъ рублей, то благочестіе подсказываетъ ему обязанность дать въ пользу бѣдныхъ сеидовъ пятую часть этой суммы. Но жадность вопіетъ въ немъ противъ такой крупной выдачи. Какъ же быть? Тогда правовѣрный отправляется бродить по стогнамъ

града и, выискавъ самага замухрышку, оборваннаго и голоднаго сеида, вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку такого рода: вотъ-де, получай, милый человекъ, 10 рублей и выдай мнѣ росписку въ томъ, что ты получилъ всю пятую часть моихъ доходовъ. Обрадованный бѣднякъ готовъ выдать десять такихъ росписокъ за каждый полученный рубль, опасаясь, что можетъ найтись другой, и тотъ удовлетворить благочестіе перса за болѣе дешевую цѣну; оказывается, что и здѣсь существуетъ своя конкуренція, очень острая—конкуренція голодныхъ людей. Положеніе сеида значительно улучшается лишь тогда, когда онъ становится муллою. Тогда, по выраженію персовъ, сеидъ имѣетъ двойную честь, и какъ мулла, и какъ потомокъ пророка.

Тегеранское духовенство является противникомъ тѣхъ духовныхъ мистерій, которыя устраиваются при участіи сеидовъ во время праздника могогаррема. Бѣдные сеиды въ это время собираютъ большую жатву. Мистеріи эти даютъ изрядный матеріалъ для возбужденія фанатизма, но духовенство, въ данномъ случаѣ, является противникомъ сеидовъ только въ силу соперничества, своего рода «*jealousie de métier*».

VII.

Религіозныя мистеріи.

Духовныя мистеріи обыкновенно даются во время могоаррема. «Могоарремъ, въ сущности, персидскій Великій постъ, учрежденный въ воспоминаніе страданій пророка Али, его дѣтей и вообще всей его семьи, включая сюда одного изъ его родственниковъ Аббаса, которому іезиды (одно изъ арабскихъ племенъ) отрубили руку. Постъ начинается съ половины апрѣля, и главная часть его продолжается до половины мая, хотя представленія духовныхъ мистерій затягиваются и до конца іюня.

Вторая половина апрѣля—самое лучшее время въ Персіи: весна въ полномъ разгарѣ—на солнцѣ 24° по Реомюру; ночью, а также по утрамъ, съ сосѣднихъ ближайшихъ вершинъ сползаютъ тяжелыя свѣтлосизыя тучи и разряжаются надъ Тегераномъ очень короткими проливными дождями. Изсохшая отъ шестимѣсячнаго бездождія земля и рѣдкій воздухъ плоскогорія жадно ловятъ каждую каплю этой влаги и поглощаютъ ее безслѣдно. Къ восьми часамъ утра въ городѣ сухо, свѣтло; воздухъ необыкновенно прозраченъ и мягокъ; дышется свободно и легко, и обмытые карагачи блестятъ каждымъ листикомъ своей густой темной зелени. Необычайно хороши апрѣльскія лун-

ныя ночи; прозрачно-голубыя, тихія, полныя бодрящей свѣжести и густо разлитаго запаха цвѣтущаго миндаля и дикой маслины. Среди глубокой тишины слышатся короткія, словно отчеканиваемая рулады болѣболя (персидскаго соловья), и весь Тегеранъ, его окрестности и окружающіе его горные кряжи залиты яркимъ серебристымъ свѣтомъ луны. Недаромъ на Востокъ утверждаютъ, что въ періодъ цвѣтенія дикой маслины всѣ женщины сходятъ съ ума. Въ это время, несмотря на постъ и хожденіе по мечетямъ, мужчины становятся ревнивѣе и подозрительнѣе обыкновеннаго, а для евнуховъ наступаетъ положительно страдная пора. Въ дни могаррема персіанки выходятъ изъ гаремовъ и толпами отправляются на богомолье, а по вечерамъ присутствуютъ на публичныхъ проповѣдяхъ, устраиваемыхъ муллами въ особыхъ шатрахъ, разбросанныхъ по всему городу. Первые двѣ недѣли поста все населеніе усиленно посѣщаетъ по вечерамъ эти проповѣди.

Внутренность большого открытаго съ одной стороны зданія, какихъ очень много на Востокъ, или устроенный такимъ же образомъ громадный шатеръ обтягиваются краснымъ кумачемъ; имъ же покрыта высокая каѳедръ, состоящая изъ ряда ступеней и небольшой площадки. Вездѣ масса всевозможныхъ знаменъ, хоругвей, зеркалъ, канделябровъ и даже павлиньихъ перьевъ. Внушительная фигура муллы въ бѣломъ плащѣ и такой же чалмѣ, съ его слегка смуглымъ, матовымъ, нафанатизированнымъ лицомъ и блестящими глазами, эффектно обрисовывается на красномъ фонѣ стѣны; проповѣдникъ мягкимъ плавнымъ голосомъ рассказываетъ своимъ слушателямъ о страданіяхъ пророка Али и гибели его дѣтей. Въ аудиторіи мертвая тишина; металлическій тембръ красиваго, звучнаго голоса муллы постепенно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе минорный оттѣнокъ; толпа наэлектризовывается: изъ ея сре-

ды слышатся подавленные вздохи, затѣмъ всхлипыванья, а мѣстами непритворныя рыданія.

На второй недѣлѣ поста по городу начинаютъ странствовать процессіи, и въ это время улицы Тегерана напоминаютъ собою отчасти улицы любого средневѣковаго города во время Великаго поста: тѣ же нескончаемыя религиозныя процессіи, біеніе себя въ грудь и всяческое самоистязаніе. Разница только въ томъ, что здѣсь все это достигаетъ своего апогея и выражается въ самыхъ крайнихъ формахъ. Смыслъ странствованія процессій по городу заключается въ воспоминаніяхъ сраженій, гдѣ погибли Хассанъ и Гуссейнъ—дѣти пророка Али; персы получаютъ извѣстіе о томъ, что Хассанъ и Гуссейнъ сражаются со своими противниками, арабскими племенами, и что оба они ранены, и вотъ по улицамъ города направляются процессіи съ носилками и знаменами, какъ будто въ поискахъ за ранеными братьями. Впереди процессіи нѣсколько человѣкъ несутъ на высокомъ красномъ шестѣ фантастическое знамя, состоящее изъ трехъ блестящихъ стальныхъ полосъ въ видѣ мечей, воткнутыхъ въ зеркальный полукругъ, украшенный павлиньими перьями, лентами, стеклянными шарами и всякаго рода елочными побрякушками. Вслѣдъ за знаменемъ толпа несетъ траурныя носилки, далѣе слѣдуютъ знамена, оканчивающіяся металлическимъ изображеніемъ руки—это отрубленная рука Аббаса, внучатнаго племянника Магомета; такое знамя имѣетъ видъ цѣлаго ряда маленькихъ юбокъ, нанизанныхъ другъ на друга, долженствующихъ изображать рукавъ рубашки Аббаса; наконецъ, красныя и черныя знамена на двухъ шестахъ. Знамена эти такъ велики, что два человѣка несутъ шесты по обѣимъ сторонамъ улицы. За ними движутся носилки, изображающія крѣпость, городъ и мечеть. Часто такую процессію сопровож-

даетъ хоръ музыкантовъ, наигрывающихъ унылые, но весьма симпатичные восточные мотивы.

По ночамъ такія процессіи ходятъ при освѣщеніи факеловъ и громаднхъ треугольниковъ, унизанныхъ восковыми свѣчами. Къ процессіямъ присоединяются толпы фанатиковъ, рѣшившихся, по мѣстному выраженію, «рѣзаться» въ честь мученій Хассана и Гуссейна. Построившись въ рядъ и повернувъ лица къ участвующимъ въ процессіи носилкамъ, они при каждомъ шагѣ, равномерно взмахиваютъ своими блестящими кривыми саблями, сопровождая каждый взмахъ криками: «іа Гуссейнъ! іа Хассанъ!»

Наступаетъ, наконецъ, 26-е апрѣля — день смерти Хассана и Гуссейна. На улицахъ Тегерана появляется громадная процессія. Кромѣ знаменъ и носилокъ, въ ней участвуютъ раненые люди, трупы, лошади и даже чучело большого льва. Здѣсь же верхомъ на красивыхъ лошадяхъ гарцуютъ мальчуганы съ разсѣченными головами, всѣ облитые кровью; многіе насквозь пронизаны стрѣлами, сами и даже попоны ихъ лошадей. Вглядѣвшись ближе, вы замѣчаете, что мальчуганы одѣты въ большіе парики, въ которые очень искусно вдѣланы короткія кривыя сабли и топоры, а лица мальчугановъ, ихъ руки до локтя и бѣлыя рубахи вымазаны свѣжей бараньей кровью. Вслѣдъ за мальчуганами толпа несетъ траурныя носилки съ такими же поддѣльными трупами, съ вонзенными въ нихъ до того многочисленными стрѣлами, что трупы эти похожи скорѣе на дикобразовъ. За трупами тащатъ носилки съ ранеными воинами—это все здоровые персы, которые стонутъ, охаютъ и дѣлаютъ видъ, что корчатся въ боляхъ. Но самую занятною фигурою во всей процессіи несомнѣнно является чучело громаднѣйшаго льва. Въ этомъ чучелѣ запрятанъ маленький персъ; левъ все время набираетъ полную лапу рубленой соломы, которая въ изобиліи набросана въ

носилки, и посыпаетъ себѣ голову. Это эмблема траура при видѣ злодѣянiя арабовъ; даже левъ посыпаетъ пепломъ свою опущенную внизъ голову.

Съ нашей точки зрѣнiя, въ этой процессiи, конечно, много нелѣпаго, но, если вникнуть ближе въ исторiю шиитизма, все это становится вполне понятнымъ и естественнымъ. Шиитизмъ вѣдь выработался главнымъ образомъ на двухъ основахъ: на благороднѣйшемъ чувствѣ состраданiя къ мученiямъ за правое дѣло и на почвѣ народнаго самосознанiя и преданности своему народу и отечеству; эти чувства въ тѣ времена были очень сильны среди персидскаго народа. Шиитизмъ спасъ Персiю отъ полнаго поглощенiя ее арабами и турками.

Персы, вопреки арабамъ и туркамъ, не признають двухъ первыхъ халифовъ, считаютъ ихъ узурпаторами, похитившими халифатъ у законныхъ наследниковъ Магомета, какими, по мнѣнiю персовъ, должны считаться Али и его потомство; отсюда религiозная рознь и даже ненависть шиитовъ къ сунитамъ. Не будь персы шиитами, они давно растворились бы въ магометанскомъ арабскомъ или турецкомъ морѣ.

Симпатичная сторона шиитизма — состраданiе къ мученiямъ, постигшимъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей Али, а потому и всѣ духовныя мистерiи имѣють въ основанiи своемъ эту общую идею. Трудно представить себѣ болѣе трогательную картину, чѣмъ, на примѣръ, картина благословенiя Фатьмою своихъ дѣтей, Хассана и Гуссейна, на послѣднiй смертный бой съ арабами. Мнѣ пришлось присутствовать дважды на такихъ религiозныхъ мистерiяхъ, и, признаюсь, я вмѣстѣ со всѣми собравшимися персами переживалъ всѣ перипетiи этой тяжелой, захватывающей драмы. Опишу ее, какъ умѣю.

Въ одной изъ центральныхъ мѣстностей Тегерана протянуть громадный тентъ надъ внутреннимъ дво-

ромъ одного изъ зданій, приспособленнаго, главнымъ образомъ, для такого рода представлений. Всѣ внутреннія стѣны и ниши зданія обтянуты краснымъ кумачомъ. Наверху, подъ самымъ полотномъ тента, устроено нѣчто въ родѣ галлерей, какія бывають въ нашихъ театрахъ. Полъ внутренняго двора тщательно усыпанъ пескомъ, и во избѣжаніе страшной пыли, которою вѣчно полонъ весь Тегеранъ, сильно политъ водою. Ниши, изъ которыхъ состоятъ почти всѣ стѣны зданія, убраны множествомъ стеклянныхъ канделябровъ, подсвѣчниковъ и лампъ; посреди двора большое четырехугольное возвышеніе—сцена. Большинство мужчинъ-зрителей помѣщается въ нишахъ, женщины сидятъ на полу. Въ одной изъ стѣнъ придѣлано возвышеніе въ видѣ ложи, гдѣ можетъ помѣститься человѣкъ двадцать. Ложа устлана и увѣшена дорогими коврами, на которыхъ разставлены въ три ряда кресла: это—мѣста для почетныхъ гостей, европейцевъ и персовъ. Два входа для публики служатъ въ то же время входомъ и выходомъ для актеровъ; третій, особый входъ—для почетныхъ гостей. Передъ сценой помѣщается хоръ военной музыки; наверху, у крыши шесть трубачей съ мѣдными іерихонскими трубами, длиною не менѣ двухъ аршинъ каждая.

Передъ началомъ представленія военная музыка исполняетъ нѣчто въ родѣ увертюры, и по первымъ звукамъ я узнаю вальсъ изъ оперетки «*La fille de madame Angot*»! Въ импровизированномъ театрѣ шумъ и трескотня невыносимые; виновницами этого безпорядка являются персидскія дамы въ количествѣ не менѣ тысячи; весь громадный полъ театра представляетъ собою море женскихъ головъ, покрытыхъ чадурями, съ бѣлыми рубандѣ на лицахъ. Женская публика имѣетъ довольно комичный видъ, каждая персианка въ сидячемъ положеніи представляетъ собою «рѣдкую хвостикомъ вверхъ».

Пока Ферраши (родъ курьеровъ) съ длинными прутьями въ рукахъ приводитъ въ порядокъ непокорную женскую орду, прежній вальсъ смѣняется новымъ въ томъ же духѣ. Но вотъ оркестръ умолкъ, и подъ крышей поднимаются шесть трубачей, одѣтыхъ въ красные кафтаны; они принимаются за свои длинныя трубы, и воздухъ оглашается уныло-торжественными звуками, протяжными и надрывающими душу. Въ театрѣ все замираетъ. Изъ бокового хода медленно выступаетъ вся семья Али, одѣтая въ живописныя арабскія костюмы; впереди важно шествуетъ трехлѣтній малышъ, а за нимъ остальные дѣти, которые поютъ заунывную пѣснь; всѣ они поднимаются на сцену. Послѣ непродолжительнаго пѣнія является Ференги (иностранецъ), одинъ изъ предводителей арабовъ. Онъ верхомъ на красивомъ конѣ, въ мундирѣ нашего камергера, въ генеральскихъ панталонахъ съ лампасами и въ англійскомъ черномъ котелкѣ на головѣ. Несмотря на всю несуразность такого костюма, ходъ трагедіи настолько захватываетъ зрителя, что весь этотъ диссонансъ проходитъ незамѣтно. Ференги приказываетъ заковать всю семью въ кандалы; ихъ приковываютъ къ колодкѣ. Ференги отъѣзжаетъ; семья въ страданіяхъ поетъ, въ сущности декламируетъ, о своемъ горѣ; но черезъ нѣсколько минутъ Ференги возвращается и заявляетъ несчастнымъ, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, приказываетъ расковать ихъ и добавляетъ, что хотя онъ и невѣрный (кьяфиръ), но все же онъ видитъ, что арабы совершаютъ нечестивое дѣло, желая погубить ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ.

Вся эта сцена сравнительно мало дѣйствуетъ на зрителей, но когда на аренѣ на бѣломъ конѣ появляется предводитель арабовъ и мать начинаетъ благословлять двухъ своихъ отроковъ на битву съ врагомъ, въ театрѣ слышатся медленныя всхлипыванья. Мать знаетъ, что ея дѣти должны погибнуть въ нерав-

ной борьбѣ: она съ плачемъ направляется къ своему углу съ пожитками и, добывъ оттуда бѣлую матерію, начинаетъ примѣрять поочередно саваны на каждого изъ дѣтей. Одѣвъ саваны и захвативъ ихъ съ собою, дѣти прощаются съ отцомъ, матерью и съ остальными членами семьи. Какъ во время сцены съ примѣркой савановъ, такъ и при прощаніи, театръ въ полномъ смыслѣ слова полонъ рыданій: женщины заливаются горькими слезами, вѣдь почти каждая изъ нихъ—мать, а персіанки очень чадолюбивы. Мужчины то и дѣло вытираютъ глаза носовыми платками, а кто попроще—кулакомъ.

Два сына погибаютъ въ бою; очередь приходитъ за третьимъ, самымъ старшимъ. Тому уже старикъ-отецъ желаетъ примѣрить и одѣть саванъ: дрожащею походкою онъ дважды подходитъ къ сыну и отступаетъ—это свыше его старческихъ силъ; наконецъ, въ третій разъ онъ успѣваетъ только бросить сыну саванъ и, пошатываясь, возвращается на свое мѣсто. Опять сцена прощанья: сынъ дѣлаетъ земной поклонъ отцу и матери, которая, снявъ съ головы сына шлемъ, расчесываетъ ему волосы, обливая ихъ розовою водою, и въ самыхъ поэтическихъ, лишенныхъ вычурности словахъ, прощается съ сыномъ и вручаетъ ему мечъ. Сынъ садится на коня и уѣзжаетъ на сѣчу. Спустя короткое время, конь приноситъ израненнаго до смерти юношу безъ шлема, безъ щита и панцыря; за нимъ гонится его врагъ, настигаетъ его уже на глазахъ отца и матери и, смертельно ранивъ, повергаетъ его въ прахъ и влачитъ по землѣ. Театръ рыдаетъ въ полномъ смыслѣ этого слова и самымъ искреннимъ образомъ.

Старикъ-отецъ подымаетъ трупъ сына и, взваливъ его на сѣдло, удаляется, ведя подъ уздцы лошадь. Такъ заканчиваются два акта изъ цѣлаго множества таковыхъ, составляющихъ циклъ духовныхъ мистерій.

Ферраши сначала выгоняют женщинъ, зазѣвавшихся на ференгійскую ложу, а затѣмъ исподволь расходится и вся остальная публика.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, мы съ товарищемъ отправились посмотрѣть «Шахсэ-вахсэ»—страданія персовъ въ честь пострадавшихъ дѣтей пророка Али. Съ семи часовъ утра, Забзъ-Майданъ—небольшая площадь передъ базаромъ, стала наполняться народомъ. Толпа была нафанатизированная, нервная; повсюду чувствовалось напряженное вниманіе. Въ одномъ углу площади помѣстились женщины, нѣкоторыя съ дѣтьми, одѣтыми въ новыя коленкоровыя рубашки: это саваны въ знакъ траура. Пока толпа гудитъ и передвигается съ мѣста на мѣсто, я вижу, какъ къ дѣтямъ, одѣтымъ въ бѣлыя рубашки, подходит какой-то субъектъ и, вынувъ острый кривой ножъ, дѣлаетъ продольные разрѣзы на лбу, сначала одному мальчику, затѣмъ другому. Кровь брызнула и большими красными каплями покатилась по ихъ кругленькимъ пухлымъ щечкамъ, а затѣмъ окрасила ихъ бѣлые саваны. Сегодня всѣ персы страдаютъ; необходимо, чтобы страдали тоже и дѣти. Кромѣ того, такой пострадавшій ребенокъ, по мнѣнію персовъ, будетъ счастливъ въ жизни, да притомъ и честь родителямъ, когда толпа видитъ, какъ страдаютъ ихъ двухлѣтніе малыши.

Къ половинѣ девятаго изъ двухъ базарныхъ коридоровъ показываются сначала знамена, затѣмъ хоръ музыки, а за нимъ въ два ряда масса людей, одѣтыхъ въ бѣлые длинные саваны, съ саблями и мечами въ рукахъ. Ихъ лица всѣ въ черныхъ полосахъ отъ запекшейся крови; саваны обрызганы и мѣстами залиты кровяными пятнами. Сначала они двигаются подъ грустный мотивъ хора музыки, затѣмъ музыка умолкаетъ, партіи соединяются вмѣстѣ, начинаютъ пѣть нѣчто въ родѣ персидскаго плясового мотива и въ тактъ этому мотиву рубятъ себѣ головы и груди. Кровь те-

Одна из групп религиозной процессии. Посреди самогизующийся
сь продуктами сквозь козу найбільшими веригами.

четь ручьями; головы у многихъ давно уже превратились въ глыбы живого окровавленнаго мяса. Толпа воеетъ въ фанатическомъ восторгѣ. Нѣкоторые изъ рубящихся наносятъ себѣ такія раны, что, истекая кровью, падаютъ тутъ же; другіе упали еще по дорогѣ изъ главной мечети на площадь. Видъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, наносящихъ себѣ раны, картина льющейся крови, падающихъ людей, облитыхъ кровью — очень тяжелая, страшная картина!

На минуту рѣзня прекращается, и сотни людей въ бѣлыхъ саванахъ, залитыхъ кровью, израненные, бѣгомъ направляются къ тюрьмѣ. Они требуютъ, чтобы ради ихъ страданій освободили нѣсколькихъ преступниковъ; имъ выдаютъ двухъ человѣкъ, но они недовольны и заявляютъ, что этого мало; они требуютъ семерыхъ, иначе они не уйдутъ отсюда и зарѣжутся здѣсь на-смерть. Дѣлать нечего, имъ выдаютъ семерыхъ заключенныхъ, которыхъ они торжественно приводятъ съ собою на площадь. Толпа реветъ, словно дикій звѣрь. Былъ случай, что одинъ изъ важныхъ политическихъ преступниковъ содержался семь лѣтъ въ тюрьмѣ. Рубившіеся фанатики провѣдали объ этомъ и, явившись передъ дворцомъ, потребовали выдачи заключеннаго. Шахъ отказалъ было, но, видя, что тѣ стали рубиться до смерти и, опасаясь взрыва народнаго негодованія, вынужденъ былъ уступить имъ и выдалъ заключеннаго. Освобожденные узники все время слѣдуютъ за своими освободителями и, рубясь безпошадно, увеличиваютъ этимъ восторгъ толпы. Послѣ всѣхъ этихъ неистовствъ, толпа фанатиковъ раздѣляется на два-три отряда, которые шествуютъ по всему городу, заходя въ дома богатыхъ персовъ, гдѣ получаютъ угощеніе. Возвращаясь съ площади и проходя по одному изъ узкихъ коридоровъ базара, мы съ Н. Н. Курмаковымъ натѣкаемъ на одинъ изъ большихъ отрядовъ рубящихся персовъ. Возвращаться назадъ

неловко; они были слишком близко отъ насъ, а уйти отъ нихъ значило бы струсить. Говоря откровенно, я предпочелъ бы не встрѣчаться съ такою компаніею. Нафанатизированная, перераненная толпа очень опасна вообще, а для гяура — невѣрнаго, она опаснѣе, чѣмъ для всякаго другого. Дѣлать нечего: пришлось пойти навстрѣчу, прижаться къ стѣнкѣ и пропустить мимо себя цѣлые ряды фанатиковъ, съ поднятыми вверхъ блестящими мечами; съ горящими отъ религіознаго возбужденія или затуманенными отъ ранъ глазами. Одинъ изъ шествовавшихъ взглянулъ на насъ, его рука съ обнаженнымъ длиннымъ мечомъ приподнялась надъ моей головой, но, на счастье, подвернулся другой, благоразумный персъ; онъ быстро схватилъ сумасшедшаго сзади за руки и толкнулъ его къ противоположной сторонѣ коридора. Фанатики проходятъ шагъ за шагомъ; ихъ облитые кровью саваны трутся о наше платье; отъ этихъ савановъ пахнетъ человѣческой кровью.

VIII.

Войска въ Тегеранѣ.

Въ воротахъ дома каждаго крупнаго чиновника находится всегда караулъ изъ нѣсколькихъ сарбазовъ, каждый изъ нихъ по очереди стоитъ у воротъ, а остальные спятъ здѣсь же въ палаткѣ или исполняютъ въ домѣ роль прислуги. Такими караулами занято, кажется, большинство немногочисленнаго наличнаго войска въ Тегеранѣ, за исключеніемъ казачьей бригады, которою командуетъ генералъ нашего генеральнаго штаба В. А. Коссаговскій, пользующійся въ Тегеранѣ большою популярностью и симпатіями правящихъ сферъ.

Эта казачья бригада составляетъ единственное войско, вполнѣ дисциплинированное на европейскій ладъ. Въ составъ бригады входитъ одна казачья батарея, которою командуетъ нашъ артиллерійскій офицеръ г. Муромцевъ. Ближайшими помощниками бригаднаго командира состоятъ начальникъ штаба Мартиросъ-ханъ и нашъ есаулъ А. П. Фидаровъ. Затѣмъ недавно въ казачью бригаду, въ виду увеличенія ея состава, приглашенъ еще одинъ нашъ русскій офицеръ г. Борисовъ. Всѣ остальные офицеры—персы, за исключеніемъ двухъ-трехъ армянъ. Въ числѣ инструкторовъ состоятъ тоже нѣсколько нашихъ урядниковъ. Что же

касается остальныхъ персидскихъ войскъ, то въ общемъ ихъ весьма немного и какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему быту они представляютъ собою странную смѣсь европейскихъ порядковъ съ азіатскими нравами. Никому здѣсь не кажется страннымъ видъ сарбаза (солдата), торгующаго арбузами и дынями или занимающагося размѣномъ денегъ. Неважныя туфли на босую ногу, короткія панталоны, оборванный темно-синій мундиръ и сѣрый котелокъ безъ полей съ государственнымъ гербомъ спереди—вотъ и вся парадная и обыденная форма персидскаго воина. Медленные движенія, добродушное, иногда лукавое выраженіе смуглаго лица и всегдашняя готовность услужить вамъ въ надеждѣ получить маленькій пешкешъ—все это далеко не внушаетъ подобающаго страха къ такому сыну Марса. Можно поручиться, что эти воины едва ли не самые добродушнѣйшія дѣти свирѣпаго бога войны.

Болѣе воинственный видъ имѣетъ личный конвой шаха, состоящій по преимуществу изъ каджаръ. Въ свое время это было самое воинственное и могущественное племя, изъ котораго и вышла современная царствующая династія. Каджары устранили отъ престола сеидовъ, которые считаютъ себя потомками пророка и представляютъ собою архи-консервативную партію въ Персіи. Такимъ образомъ, каджарская династія знаменуетъ собой династію прогресса, и нельзя не сказать, чтобы въ этомъ отношеніи она не дѣлала довольно частыхъ попытокъ, которыя однако почти всегда встрѣчали отпоръ со стороны духовенства, гдѣ сеиды играютъ немаловажную роль. Имъ, между прочимъ, принадлежитъ исключительное право ношенія зеленой чалмы и такого же цвѣта пояса; зеленый цвѣтъ пользуется особыми привилегіями у магометанскаго населенія, въ виду того, что знамя пророка было, какъ извѣстно, ярко-зеленаго цвѣта.

Личный конвой шаха всегда сопровождаетъ его во всѣхъ поѣздкахъ и передвиженіяхъ съ кочевки на кочевку.

Малочисленность персидской арміи объясняется въ настоящее время двумя причинами: недостаточностью средствъ въ государственномъ бюджетѣ и отсутствіемъ даже малѣйшей возможности какой бы то ни было войны. Съ Россією или Англією борьба немыслима, туркмены, составлявшіе ужасъ Персіи, покорены нами и замирены окончательно, а кочевыя племена, населяющія южную и юго-восточную Персію, почти совершенно слились съ государствомъ.

Что касается якобы существующихъ въ провинціальныхъ городахъ полковъ, то таковыя числятся только на бумагѣ; тамъ, гдѣ полагается быть полку, въ наличности имѣется человѣкъ пятьдесятъ сарбазовъ, занимающихся различными промыслами, до ростовщичества включительно.

Въ Тегеранѣ, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ пѣшихъ сарбазовъ, имѣется двѣ-три батареи, мѣдныя старинныя пушки которыхъ напоминаютъ собою скорѣе плохо луженыя кастрюли, чѣмъ грозныя орудія. Конныхъ войскъ тоже весьма мало; лучший полкъ даетъ воинственное и красивое племя бахтіаровъ.

Лѣтъ десять тому назадъ сынъ покойнаго шаха Зюлли-Султанъ, будучи генераль-губернаторомъ южной Персіи, образовалъ было порядочную армію, которая, какъ говорятъ, имѣла одной только кавалеріи около тридцати тысячъ. Главный контингентъ арміи составляли храбрые наѣздники кочевыхъ племенъ южной Персіи—бахтіаровъ и другихъ. Но армія эта существовала недолго: Зюлли-Султанъ былъ заподозрѣнъ въ желаніи захватить престолъ; изъ его власти было изъято большинство провинцій, а армія была раскассирована.

Несмотря на то, что Зюлли-Султанъ слыветъ среди

населенія за кровожаднаго деспота, онъ имѣеть массу приверженцевъ среди персидскихъ патріотовъ, которые видятъ въ немъ надежду будущей самостоятельности и величія Персіи. Его партизаны увѣряютъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду никакихъ покушеній на престоль, а заботился только о военномъ усиленіи страны.

Пока англичане, испуганные движеніемъ Россіи въ Центральную Азію, были поклонниками идеи государствъ-буферовъ, какими являлись Персія и Афганистанъ, они сильно поддерживали Зюлли-Султана въ его начинаніяхъ. Въ настоящее время, когда въ Англии преобладаетъ желаніе полюбовнаго раздѣла Персіи, Зюлли-Султанъ долженъ будетъ убѣдиться, что поддержка англичанъ была эгоистична и направлена исключительно только противъ Россіи.

Зюлли-Султанъ—воинъ въ душѣ, и когда В. А. Косаговскому представился случай показать ему свою бригаду, то ея видъ и прекрасная дисциплина вызвали въ этомъ принцѣ неподдѣльный восторгъ.

Его величество шахъ всегда оказываетъ большое вниманіе казачьей бригадѣ, даже до того, что, прибывъ на смотръ въ этомъ году, пробовалъ казачью пищу, чего онъ нигдѣ не дѣлаетъ.

Обыкновенно повсюду слѣдуетъ за шахомъ его главный поваръ; поданное блюдо распечатывается; онъ съѣдаетъ немного и блюдо вновь опечатывается. Покойный шахъ былъ нѣсколько подозрителенъ, а потому пищу ему варила его старушка-мать. Нынѣшній шахъ во время смотра бригады не только пробовалъ пищу казаковъ, но затѣмъ пилъ чай въ палаткѣ послѣ смотра. Смотръ бригады сошелъ превосходно; очень красива была общая атака и легкія и быстрыя движенія казачьей батареи, которою командуетъ поручикъ Муромцевъ. Лучшаго наѣадника, чѣмъ эсауль Фидаровъ, мнѣ никогда не приходилось видѣть.

На пустынной пыльной равнинѣ, окаймленной съ трехъ сторонъ бурыми безжизненными хребтами горъ, расположилась казачья бригада и конвой шаха въ ожиданіи начала смотра. Ближе къ палаткамъ стала музыка; ея видъ производитъ странное впечатлѣніе. Всѣ военные-музыканты одѣты въ бѣлыя длинныя казачьи, доходящія почти до пятокъ. Издали, не то группа древнихъ жрецовъ изъ Аиды, не то соломенные фигуры для стрѣльбы во время смотра. Напротивъ, ближе къ лагерю, разбиты большіе восточные шатры: одинъ изъ нихъ самый роскошный для шаха, остальные для посольствъ и публики, затѣмъ шатеръ для прислуги. При появленіи шаха музыка играетъ маршъ и навстрѣчу ему несутся германскій военный аташе и военный докторъ пруссакъ, состоящій при германскомъ уполномоченномъ въ дѣлахъ; они салютуютъ и присоединяются къ свитѣ шаха. Подобный образъ дѣйствій очень понятенъ со стороны германскаго аташе, но почему докторъ воспыпалъ неопределимымъ желаніемъ разыграть роль воина, Аллахъ его вѣдаетъ. Смотромъ шахъ остался очень доволенъ, и это моментально отражается на лицахъ всѣхъ подчиненныхъ. Затѣмъ вся присутствующая публика направляется къ лагерю, гдѣ для шаха въ роскошномъ шатрѣ сервированъ достарханъ. Въ двухъ шагахъ отъ палатки, въ домѣ, занимаемомъ поручикомъ Муромцевымъ, на верандѣ помѣщается приглашенная публика—посольства, персидскіе министры и высшіе государственные чины. Всѣ приглашенные персы одѣты въ широкія темно-коричневые «абба» и въ высочайшихъ барашковыхъ шапкахъ. Шахъ послѣ смотра разговариваетъ съ нашимъ посломъ, затѣмъ со старшимъ драгоманомъ нашего посольства г. Григоровичемъ. Здѣсь же присутствуетъ и новый садразамъ Аминъ-султанъ. Хотя Аминъ-султанъ еще не получилъ (1898 г.) инвеституры, особаго почетнаго халата, но назначеніе его считается дѣломъ почти рѣ-

шеннымъ, о чемъ можно уже судить по поклонамъ, которые ему отвѣшиваются прочими чинами персидской администраціи.

Нѣсколько казачьихъ мальчугановъ, одѣтыхъ въ красные бешметы и бѣлыя папахи, фехтуютъ и производятъ родъ ученья передъ палаткой шаха; во время предшествующаго смотра шаху это очень понравилось и онъ назначилъ каждому такому казаченку небольшую пенсію. Черезъ часъ шахъ уѣзжаетъ, часть приглашенной публики, главнымъ образомъ маленькая русская колонія, остается обѣдать у гостепріимнаго командира бригады и разѣзжается далеко за полночь.

Англійскій посланникъ не присутствовалъ на смотре, отозвавшись якобы нездоровьемъ. Нездоровье это—особаго свойства—«*febris russica*», которое мучитъ всѣхъ англичанъ и сильнѣе всего отзывается на англійскомъ посольствѣ въ Тегеранъ. Русскій генералъ, командующій казачьей бригадой въ Тегеранъ, сущее бѣльмо на глазу англійскаго посла; еще недавно господа англичане предлагали для командованія казачьей бригадой своего полковника и офицеровъ и даже принимали на себя всѣ расходы по ихъ содержанію, но дѣло не выгорѣло. При одномъ слухѣ о томъ, что русскіе офицеры могутъ быть замѣнены англичанами, говорятъ; вся бригада заявила, что она направитъ свои пушки на дома виновниковъ такого переворота.

Въ числѣ казаковъ въ бригадѣ имѣются, между прочимъ, наши татары эриванцы и бакинцы, а также іезиды, поклонники сатаны. Несмотря на такую, болѣе чѣмъ странную, религію, іезиды хорошіе солдаты и добросовѣстные, честные денщики. Очень смуглые, мускулистые, съ удлинненнымъ оваломъ лица, большими черными блестящими глазами и густой шевелюрой черныхъ вьющихся волосъ, іезиды напоминаютъ собою нѣкоторыя горныя племена Остъ-Индіи. Главнымъ основаніемъ ихъ религіи служитъ вѣра въ возрожде-

ніе сатаны, въ его преобразование въ свѣтлаго духа, каковымъ онъ былъ ранѣе.

Іезиды вѣрують въ безпредѣльное и всепрощающее милосердіе Господа. Въ этомъ отношеніи они, пожалуй, выше многихъ просвѣщенныхъ европейскихъ фари́сеевъ. Іезидъ вообще не любитъ, чтобы въ его присутствіи произносилось имя сатаны, и тѣмъ болѣе въ качествѣ браннаго слова.

Казачья бригада подчинена непосредственно шаху, и никакія военныя власти, не исключая даже военнаго министра, не имѣють права вмѣшиваться ни въ дѣло командованія, ни въ ея внутренніе распорядки. Благодаря этому, казаки получаютъ свое жалованье аккуратно, имѣють превосходную пищу, охотно подчиняются довольно суровой дисциплинѣ и безусловно преданы своему непосредственному начальнику, что и было доказано въ промежутокъ времени между смертью покойнаго шаха и воцареніемъ нынѣшняго: казачья бригада все время охраняла порядокъ и спокойствіе въ Тегеранѣ. Убитый въ Шахъ-Абдуль-Азимѣ, въ 9 верстахъ отъ Тегерана, шахъ былъ перевезенъ во дворецъ, гдѣ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ трупъ его былъ положенъ на коврѣ. Придворная прислуга, забывъ о покойникѣ, разбѣжалась во всѣ стороны и стала расхищать все, что можно было расхитить безъ явнаго грабежа. Придворный докторъ французъ, котораго очень любилъ шахъ, не оставилъ тѣла, но опасаясь, чтобы не были расхищены богатые брилліанты, украшавшіе погоны и пуговицы шахскаго мундира, снялъ ихъ и затѣмъ передалъ высшимъ чинамъ, которые вскорѣ появились во дворцѣ.

Бригада, какъ я сказалъ, имѣетъ свой хоръ военной музыки, состоящій главнымъ образомъ изъ персовъ и исполняющій почти весь репертуаръ современныхъ музыкальныхъ пьесъ. Пѣсенники не привились, несмотря на неоднократныя попытки нашихъinstrу-

торовъ. Въ Персіи если и слышится пѣніе, то оно по преимуществу религіознаго характера съ основными мотивами изъ священной мистеріи. Многіе мотивы очень своеобразны и красивы, а среди персовъ попадаетъ много превосходныхъ и положительно рѣдкихъ теноровъ. Я не знаю болѣе красиваго, нѣжнаго, ласкающаго ухо и проникающаго вглубь души мотива, какъ утренняя пѣснь муллы, призывающая къ молитвѣ, конечно, если пѣснь эта исполняется хорошимъ пѣвцомъ.

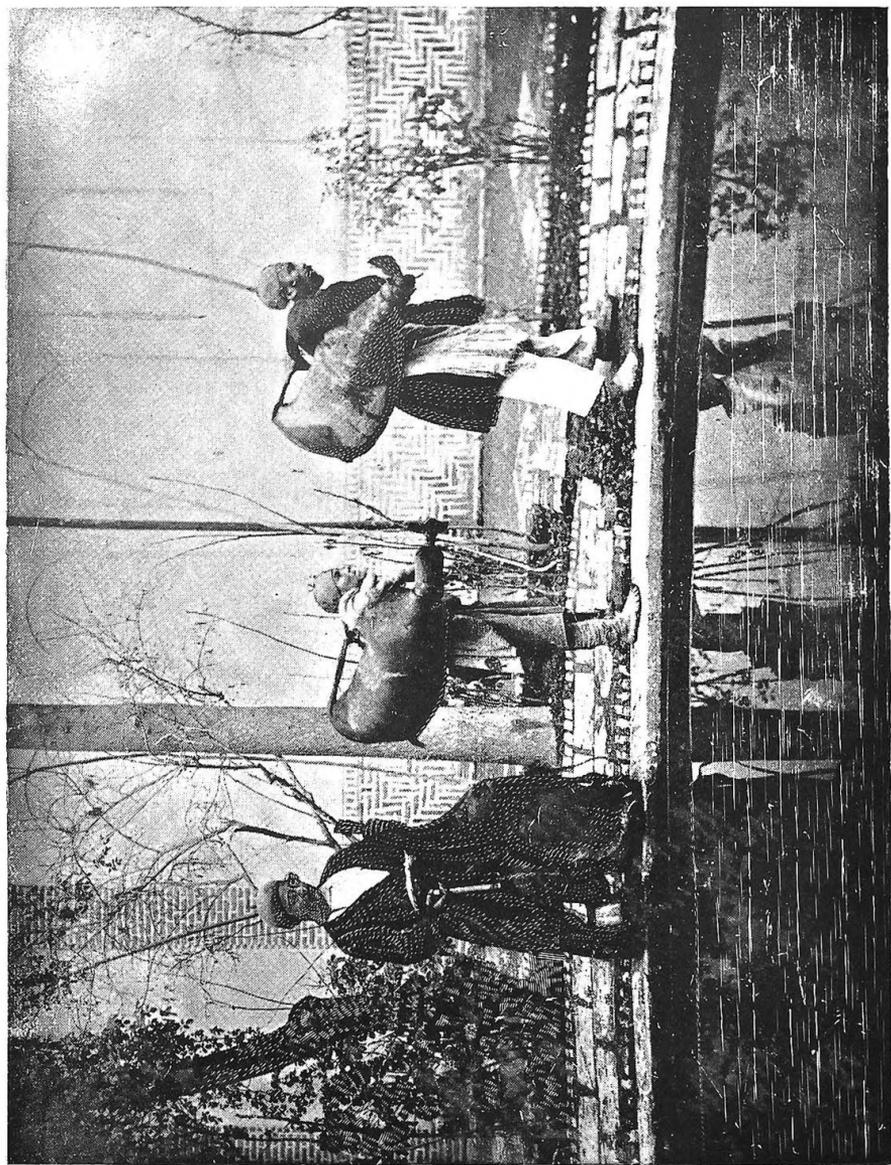
IX.

Торговля Тегерана.

Вся торговля Тегерана сосредоточивается на базарѣ. Сколько мнѣ ни приходилось видѣть базаровъ на Востокѣ, въ томъ числѣ и константинопольскій, всѣ они отчасти похожи другъ на друга. Прежде всего чуть ли не каждый восточный базаръ представляетъ собою нѣсколько громаднѣхъ зданій, развѣтвляющихся на десятки полутемныхъ очень высокѣхъ и узкихъ коридоровъ, едва освѣщенныхъ небольшими отверстиями въ очень высокѣхъ сводчатыхъ потолкахъ. Всѣ отдѣльныя зданія базара соединяются между собою то крытыми коридорами, то узенькими переулочками, то общими дворами. По сторонамъ коридоровъ помѣщаются такія же полусвѣщенныя лавки, при чемъ каждый коридоръ имѣетъ свою специальную отрасль торговли или мелкой промышленности. А такъ какъ такихъ отраслей насчитывается не менѣе сорока, то поэтому можно судить и о количествѣ коридоровъ. Если добавить къ этому, что базаръ имѣетъ свои мечети, свой бестъ, тюрьму и бани, то можно получить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ этого учрежденія. Благодаря постояннымъ пристройкамъ, создаваемымъ безъ всякаго плана, какъ и гдѣ попало, базаръ окончательно превратился въ лабиринтъ. Самое тщательное вниманіе

и умѣнне быстро ориентироваться, въ данномъ случаѣ, безролезны. Попавъ на базаръ безъ провожатаго, вы непременно заблудитесь и, ступивъ случайно во дворъ мечети или въ бестъ, рискуете быть изувѣченнымъ или убитымъ фанатичною толпою.

Съ первыхъ же шаговъ базаръ оглушитъ и ошеломитъ васъ. Въ то время, какъ въ одномъ коридорѣ идетъ чеканка мѣдной посуды, и въ вашихъ ушахъ болѣзненно отдается рѣзкій проникающій звонъ мѣди отъ сотни непрерывно работающихъ молотковъ, изъ другого коридора, гдѣ помѣщается обжорный рядъ, на васъ несетя смрадъ горѣлаго бараньяго жира, крикъ и гамъ продавцовъ шашлыка, плова, жареныхъ на вертелѣ помидоровъ и тому подобныхъ прелестей. Достаточно только сдѣлать десятокъ шаговъ дальше, какъ гулъ кузнечныхъ молотовъ оглушаетъ васъ окончательно. Въ то же время мимо васъ бѣгутъ съ громадными рѣшетами на головахъ продавцы очищенныхъ орѣховъ, халвы, изюма, фисташекъ и т. д., и каждый изъ нихъ рѣзкими криками и жестикуляціей восхваляетъ небывалыя качества своего товара и старается во что бы то ни стало перекричать своего конкурента. Галдящая толпа толкаетъ васъ и постоянно сторонится, чтобы пропустить то караванъ осликовъ, навьюченныхъ известью и кирпичемъ, то всадниковъ персовъ, индусовъ, арабовъ и афганцевъ, а иногда и кавалькаду персіанокъ на ослахъ и мулахъ; здѣсь же толпятся женщины, дѣти и нищіе, словомъ получается впечатлѣніе вавилонскаго столпотворенія, среди котораго съ непривычки очень легко обалдѣть. Большею тишиною отличаются отдѣленія купцовъ, торгующихъ табакомъ, специально предназначеннымъ для кальяна, а также книжный и посудный ряды. Въ рядахъ галантерейныхъ издѣлій и всякой мануфактуры снуетъ масса женщинъ, и ихъ голоса наполняютъ коридоръ пискливымъ щебетаньемъ. Тоже происходитъ и въ ювелирномъ ряду.

Гегеранские водоносы.

Коридоры различаются также и по національностямъ и по мѣстностямъ; такъ, на примѣръ, существуютъ ряды еврейскіе, армянскіе, ряды ширазскихъ купцовъ, гябровъ и т. д. Сравнительная тишина царствуетъ также среди рядовъ, торгующихъ коврами, Въ шорныхъ, бакалейныхъ и въ рядахъ пекарей крикъ и гамъ положительно нетерпимы. Громадная толпа толкающаяся по базару, подымаетъ пыль, обжорный рядъ чадитъ пригорѣлымъ бараньимъ жиромъ, а мѣдники, кузнецы и пекаря распространяютъ удушливый дымъ своихъ печей и горновъ. Преимущественно вонюю и грязью отличается сапожный рядъ. Необходимо тоже принять во вниманіе, что здѣсь же, въ стѣнахъ базара, Персы совершаютъ свои тоекратныя омовенія, ваятъ пищу и всѣ помои и отбросы выливаются тутъ же въ узкіе коридоры базара. Полчаса пребыванія среди такой обстановки производитъ тошноту и головную боль. Необходимо запастись достаточнымъ количествомъ терпѣнія и мужества, чтобы провести на тегеранскомъ базарѣ полчаса времени и сдѣлать нужныя покупки.

Персы-купцы любятъ всегда запрашивать большія цѣны и только послѣ продолжительнаго и упорнаго торга они уступаютъ отъ 25 до 30 проц. и улыбаясь передаютъ покупателю товаръ.

— Вѣдь вы не далѣе вчерашняго дня продали тотъ же товаръ моему пріятелю, такому-то, по пяти крановъ за аршинъ, что же вы съ меня спрашиваете по десяти крановъ? обращаюсь къ купцу.

— Съ кого же мнѣ хорошо запросить, какъ не съ ференги (иностранецъ), возражаетъ тотъ откровенно.

Но никто не запрашиваетъ такихъ неслыханныхъ цѣнъ, какъ деляли-евреи, торгующіе въ разность всякой всячиной, начиная отъ древнихъ монетъ и кончая коврами и деревянными рѣзными ложками (деляль — торговецъ старьемъ).

— Что стоитъ эта вещь? спрашиваетъ деляля.

— Я продамъ вамъ дешево — шесть тумановъ (двѣнадцать руб.).

— А по-моему больше тумана она не стоитъ.

— Возьмите за четыре тумана; продаю съ убыткомъ.

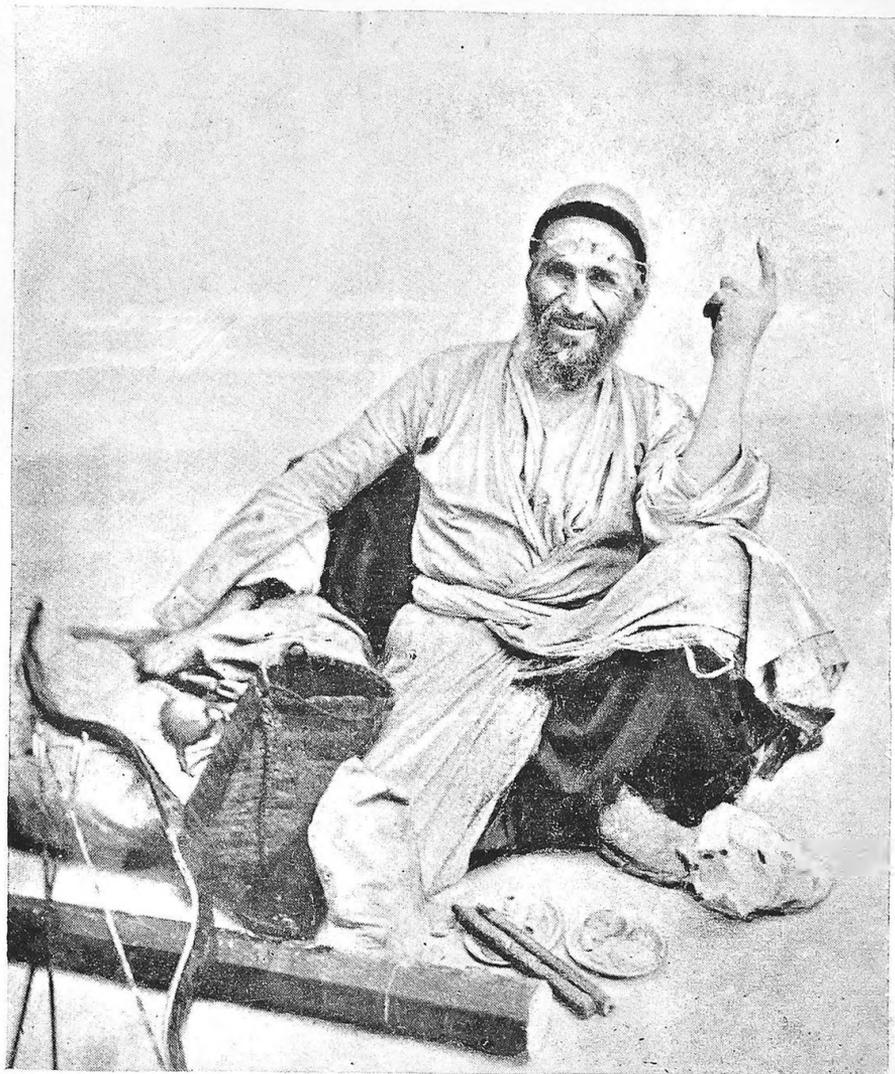
— Нѣтъ, не могу; при этомъ вынимаю туманъ и кладу на столъ.

Деляля дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ денегъ, раскланивается и уходитъ съ нѣскольکو обиженнымъ видомъ, но у самага порога онъ круто поворачиваетъ назадъ, приближается къ столу, кладетъ вещь и еще быстройе прячетъ туманъ во внутренній боковой карманъ халата, при чемъ выраженіе его лица такъ и говоритъ: «какъ бы еще этотъ каналья, ференги, не раздумаль». Торгъ оконченъ, и я предлагаю успокоившемуся делялю стаканъ чаю; онъ принимаетъ его съ благодарностью, устраивается по восточному на полу на коврѣ, пьетъ русскій чай и похваливаетъ.

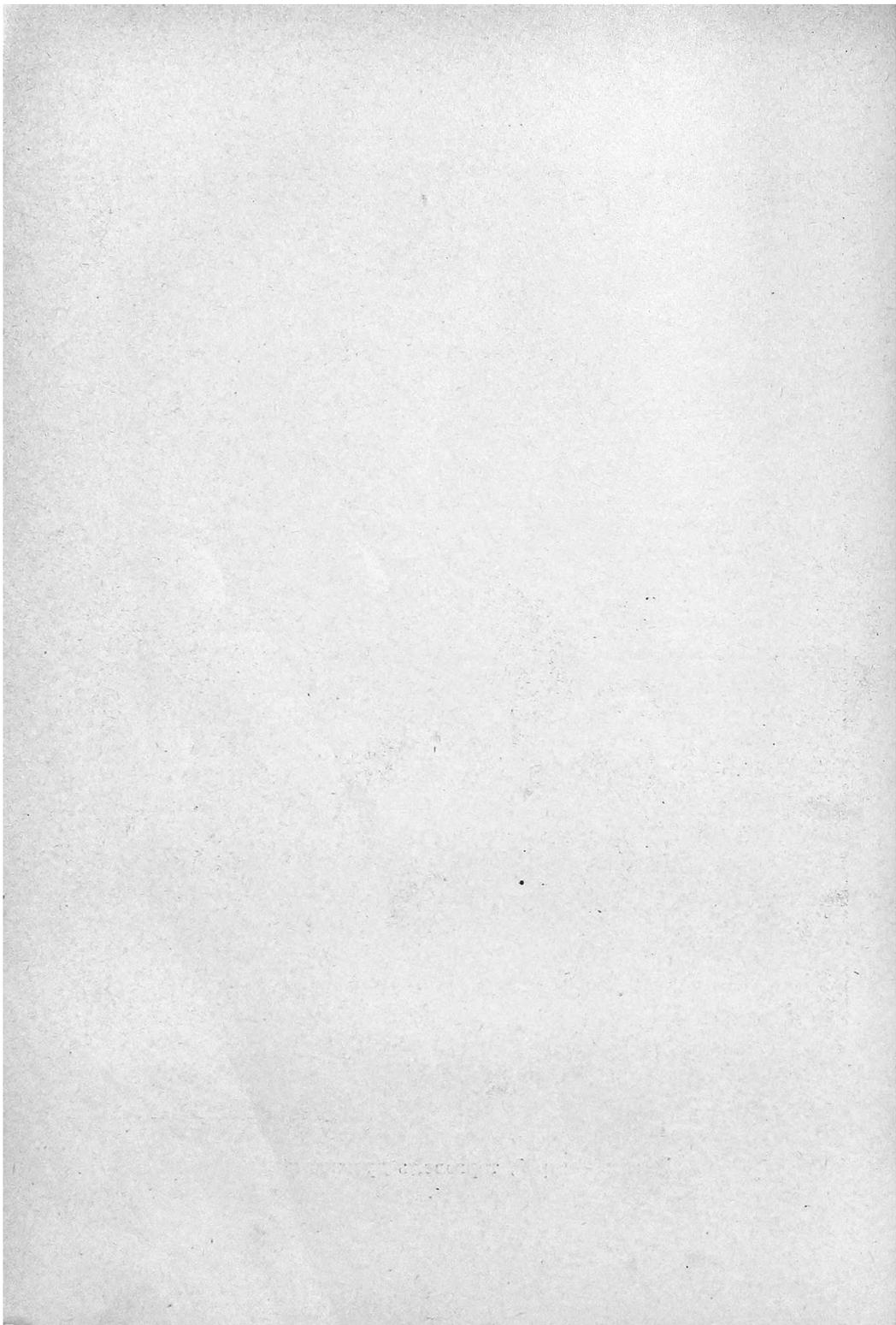
Въ общемъ деляли бѣдняки; они большею частью пользуются скуднымъ заработкомъ, продавая прѣзжимъ европейцамъ различные предметы персидской древности; въ числѣ такихъ предметовъ можно найти древнее оружіе и старинныя кафли персидской работы, покрытыя металлическими красками, секретъ составленія которыхъ утерянъ навсегда.

Если старинная кафля или обломокъ похищены изъ любой древней мечети, то деляля крѣпко прячетъ свой товаръ подъ халатомъ и рѣшается показать его иностранцу у себя дома, или же въ помѣщеніи покупателя, иначе продавецъ рискуетъ, что товаръ у него будетъ отнятъ и самъ онъ будетъ жестоко избитъ персами.

Столкновенія между персами и евреями въ Тегеранѣ довольно часты, чуть ли не каждый годъ случаются еврейскіе погромы. Персы упрекаютъ евреевъ въ томъ, что послѣдніе служатъ постоянными укрывателями и

Деляль — еврей, торговец древностями.

сбытчиками завѣдомо краденаго. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что между мѣстными евреями имѣются такіе спеціалисты, но въ то же время я наблюдалъ лично, какъ персы въ отдѣльныхъ случаяхъ нападали на евреевъ только потому, что они евреи, и мнѣ однажды самому пришлось вступить за одного еврея, котораго персъ колотилъ жестоко.

— Что онъ сдѣлалъ тебѣ? спрашиваю, останавливая расходившагося перса.

— Да онъ еврей!

— Не въ томъ дѣло, я спрашиваю тебя, за что ты его колотишь.

— Видишь ли, саабъ, обращается ко мнѣ съ плачемъ еврей,—онъ потребовалъ, чтобы я ему далъ два крана, а ему ихъ не далъ, вотъ онъ избилъ меня.

— Онъ тебѣ долженъ два крана? спрашиваю перса.

Персъ молчитъ; я вижу, что онъ въ замѣшательствѣ, и его нахальная плутовская физиономія выражаетъ крайнее неудовольствіе на мое вмѣшательство.

— Нѣтъ, саабъ, онъ ничего ему не долженъ, заявляетъ лакей нашей гостинницы, стоявшій у воротъ и безучастно слѣдившій за этой сценой.

— Такъ ты, каналья, педерь-секъ (собасій сынъ), грабишь на улицѣ людей, кричу на перса.

— А тебѣ саабъ, какое дѣло, шипитъ обозленный персъ, злобно сверкая глазами.

— А не хочешь ли ты получить вмѣсто двухъ крановъ, вотъ это! при чемъ подымаю трость на него, который, ругаясь во всю мочь, исчезаетъ въ сосѣднемъ переулкѣ. Спустя нѣсколько дней, я видѣлъ другую картину: еврей обѣщалъ дать персу два крана, если тотъ будетъ способствовать продажѣ евреемъ куска бирюзы. Еврей бирюзу продалъ при содѣйствіи перса, но такъ какъ персъ не присутствовалъ при полученіи евреемъ денегъ, то еврей увѣрялъ, что онъ бирюзы не продалъ, и персъ не получилъ ни гроша.

День спустя, обнаружилась плутня еврея, и персь на моихъ глазахъ избилъ его основательно.

Болѣе состоятельные евреи торгуютъ разнымъ мануфактурнымъ товаромъ по преимуществу русскаго издѣлія. Въ виду крайней бѣдности и отсутствія всякаго образованія между тегеранскими евреями, правленіе общества Alliance Israélite прислало своего уполномоченнаго въ Тегеранъ, съ цѣлью поднять путемъ образованія ихъ умственный и нравственный уровень. Уполномоченный учредилъ на средства указаннаго общества школу и занялся организаціею благотворительности. Въ настоящее время даже нѣкоторые пожилые евреи подучились говорить по-французски.

Въ общемъ положеніе евреевъ въ Персіи очень тяжелое; населеніе относится къ нимъ крайне враждебно и даже возложило на нихъ обязанность хоронить трупы казненныхъ, которые, въ силу религіозныхъ воззрѣній персовъ, считаются оскверненными.

Смѣло можно утверждать, что наши мануфактурныя издѣлія, сахаръ, желѣзо и желѣзныя издѣлія, самовары, стекло, свѣчи, посуда и даже галантерейныя вещи завоевали рынки всей сѣверной и сѣверо-восточной Персіи по Тегеранъ включительно. Такому положенію вещей болѣе способствуетъ небольшая пошлина и близость нашей границы, чѣмъ качество товаровъ или коммерческая предпримчивость нашего купечества, которое, не въ обиду будь ему сказано, ничего не сдѣлало для усиленія правильной постановки нашей торговли съ Персіей. Попытка, сдѣланная въ этомъ отношеніи однимъ изъ москвичей, доказала только въ сотый разъ, что нельзя приниматься за дѣло, не изучивъ его болѣе или менѣе всесторонне, и что веденіе такого дѣла требуетъ большой опытности и умѣнья со стороны тѣхъ, кому оно поручается. Мало того, года два тому назадъ персидское правительство выписало изъ Россіи пшеничную муку для продажи та-

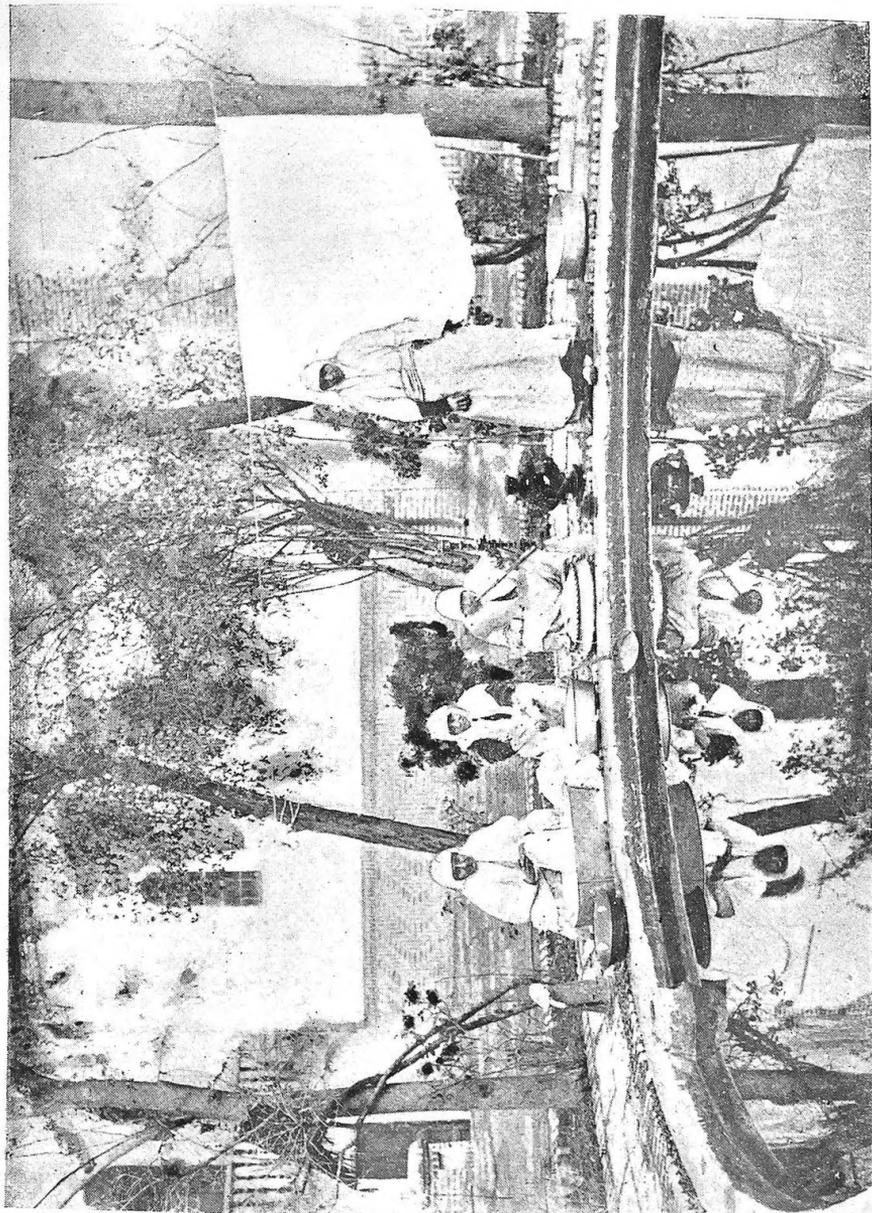
ковой по дешевой цѣнѣ голодавшему тегеранскому населенію. Мука была закуплена въ Астрахани и оказалась крайне недоброкачественною. Таковъ былъ первый опытъ появленія на тегеранскомъ рынкѣ нашей муки.

Что касается конкуренціи англійской торговли съ нашею въ сѣверной Персіи, то она будетъ возможна лишь по проведеніи желѣзной дороги изъ Бендеръ-Бушира (у Персидскаго залива) въ Тегеранъ и затѣмъ соединеніи желѣзною дорогою Тегерана съ Тавризомъ. Въ настоящее же время англійскіе товары, чтобы появиться на рынкѣ Тегерана, должны выдержать 30-дневный выючный путь, который ложится тяжелымъ бременемъ на стоимость товара, увеличивающимъ чуть ли не вдвое его цѣну. Главной причиной усиленія нашего сбыта въ сѣверной Персіи явилось закрытіе транзита по Закавказской желѣзной дорогѣ. Въ настоящее время можетъ показаться страннымъ, что въ явный вредъ для себя мы въ теченіе многихъ лѣтъ любезно способствовали снабженію Персіи англійскими и вообще иностранными товарами. Съ закрытіемъ транзита иностранные товары сильно вздорожали въ Тегеранѣ, и два главныхъ мѣстныхъ европейскихъ магазина «Comp-toir Français и «Тoko», торгующіе французскими и голландскими товарами, берутъ неслыханныя цѣны. Образчикомъ такихъ цѣнъ можетъ служить стоимость маленькой баночки чернилъ, за которую мнѣ приходилось платить по 1 р. 30 к. Впрочемъ, владѣльцы этихъ магазиновъ, кажется, болѣе рассчитываютъ на полное незнаніе персами тѣхъ цѣнъ, по которымъ продаются эти товары въ Европѣ, и на безвыходное положеніе пріѣзжихъ европейцевъ, которые привыкли къ извѣстнымъ «objets de luxe».

Удесятеренныя цѣны получаютъ также за свои товары два мизерныхъ аптечныхъ магазина и двѣ существующія въ Тегеранѣ аптеки. Одна изъ нихъ, малень-

кая, очень грязная, содержится армяниномъ, другая, получше, нѣмецкимъ евреемъ, и хотя всѣ припасы для аптеки выписываются этими господами изъ Баку, слѣдовательно, ни цѣны припасовъ, ни доставка ихъ не обходятся очень дорого, тѣмъ не менѣе, цѣна лекарствъ ровно въ десять разъ превосходитъ нашъ самый усиленный «аптекарскій» счетъ. Въ послѣднее время открылъ въ Тегеранѣ аптеку французъ, и, кажется, его дѣла идутъ недурно.

Тегеранъ при своемъ населеніи болѣе двухсотъ тысячъ, могъ бы дать хорошій заработокъ и четыремъ аптекамъ, и нужно только удивляться, что ни одинъ изъ русскихъ аптекарей не додумался основать здѣсь аптеку, тѣмъ болѣе, что никакихъ привилегій на право содержанія аптеки ни покупать, ни добывать здѣсь не нужно; аптека, по мнѣнію персовъ, весьма разумному, такая же торговля, какъ и всякая другая, а торговля въ Персіи совершенно свободна отъ всякихъ гильдейскихъ сборовъ и платежей. Такая свобода торговли вполнѣ соответствуетъ національной чертѣ населенія. Какъ только персъ ошутить въ своемъ карманѣ пять тумановъ (10 руб.), онъ немедленно начинаетъ какую-нибудь торговлю и ничуть не смущается, если въ теченіе года раза три-четыре прогоритъ. Прогорѣлъ, и опять на службу, до появленія новыхъ пяти тумановъ, и такъ безъ конца. Принципъ торговли, практикуемый персами, въ общемъ довольно рационаленъ: пользуясь очень небольшою прибылью, каждый торговецъ стремится увеличить число своихъ оборотовъ. Дешевая распродажа или же уступка въ цѣнѣ на каждомъ шагу; она обозначается количествомъ свѣчей или лампъ, зажженныхъ въ лавочкѣ даже днемъ; другихъ рекламъ персидскіе лавочники не знаютъ. Маленькія восковыя свѣчи горятъ воткнутыми въ шашлыки, на сластяхъ, припасахъ и товарахъ всякаго рода.

Передняя женская прислуга. Стирка белья у бассейна.

Чѣмъ бѣднѣе торговецъ, тѣмъ онъ подвижнѣе и юрче; важный видъ, невозмутимость и крайняя медленность въ движеніяхъ усиливается пропорціонально его состоянію и общественному положенію. Богатый или чиновный персъ ходитъ всегда медленно, еле передвигая ноги и опираясь на палку, окруженный свитой подобострастной прислуги. Когда онъ ѣдетъ въ экипажѣ, впереди и за экипажемъ скачутъ гулямы, почти всегда оборванные, грязные, на невиданныхъ одрахъ; очевидно, здѣсь вопросъ не въ качествѣ, а въ количествѣ конной прислуги. Если бы любой богатый бузургунъ (помѣщикъ) или крупный чиновникъ, не бывавшій никогда въ Европѣ, увидѣлъ, какимъ бодрымъ шагомъ ходятъ наши министры, члены Государственного Совѣта и сенаторы, онъ пришелъ бы въ немалое смущеніе, а видъ высокопоставленнаго лица, пользующагося услугами любого ваньки, привелъ бы въ ужасъ каждаго благомыслящаго перса.

Въ персидской состоятельной семьѣ всегда можно найти массу прислуги. Большинство лакеевъ и горничныхъ скорѣе приживальщики и состоятъ при барскомъ домѣ лишь изъ-за возможности прокормиться, получая не болѣе 4 руб. въ мѣсяцъ жалованья.

Восточный этикетъ требуетъ, чтобы во время пріемовъ и посѣщеній каждому гостю прислуживалъ отдѣльный лакей. Получая ничтожное жалованье, прислуга старается пополнить свой мизерный бюджетъ пешкешами (на чай), и господа не только не считаютъ это неудобнымъ, но даже поощряютъ такіе заработки. Поэтому, на примѣръ, передача поздравительныхъ писемъ или подарковъ поручается любимой прислугѣ, которая такимъ образомъ получаетъ возможность заработка въ видѣ пешкеша. И чѣмъ богаче господинъ, пославшій своего слугу, тѣмъ больше долженъ быть пешкешъ, вручаемый прислугѣ. Человѣку дѣловому, имѣющему постоянныя сношенія съ великими міра сего

въ Персіи, приходится сильно раскошелиться въ отношеніи прислуги.

Персидская прислуга, хотя и неумѣлая съ нашей европейской точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе старательна и въ большинствѣ случаевъ добросовѣстная, конечно, съ точки зрѣнія восточныхъ обычаевъ и нравовъ. Такъ, напримѣръ, наши лакеи были крайне изумлены и считали величайшей несправедливостью съ нашей стороны, когда я запретилъ имъ требовать проценты съ купцовъ, приносившихъ намъ товары; купца, который давалъ имъ небольшой процентъ, они старались не допускать въ домъ, всячески притѣсняли его и т. д. Въ персидскомъ домѣ такой образъ дѣйствій прислуги не только терпимъ, но считается вполнѣ законнымъ и справедливымъ.

Въ общемъ Тегеранъ не можетъ считаться ни торговымъ, ни промышленнымъ центромъ. Были, правда, поползновенія со стороны различныхъ предпринимателей учредить кое-какіе заводы, каковы, напримѣръ, стекляной, сахарный и спичешный,—но всѣ эти предприятия «отцвѣли, не расцвѣвъ, въ утрѣ пасмурныхъ дней»—всѣ онѣ благополучно обанкротились, не выдержавъ конкуренціи съ нашимъ «покровительствуемымъ» сахаромъ, дешевыми спичками и дешевымъ стекломъ. Другою причиною краха этихъ предприятий явилась общая неподготовленность населенія къ промышленному труду, а затѣмъ въ двухъ случаяхъ отсутствіе матеріаловъ, годныхъ для обработки.

Главными торговыми центрами въ Персіи нужно считать Тавриздъ, куда направляются всѣ русскіе товары и Исфаганъ-складочный центръ иностранной торговли.

Мы должны поспѣшить съ проведеніемъ нашей желѣзнодорожной линіи къ границамъ Азарбайджанской провинціи и даже къ Тавризу; въ противномъ случаѣ проектируемая иностранными капиталистами и очень

близкая къ осуществленію желѣзнодорожная линия отъ Средиземнаго моря на Багдадъ отыметъ у нашей торговли эту богатую тяготѣющую къ намъ провинцію.

Азарбайджанцы дѣлятся на нѣсколько племенъ, вѣчно враждующихъ между собою. Въ общемъ это очень рослый красивый народъ, мало культурный, и потому и крайне фанатичный.

Н. Н. Курмаковъ провелъ около двухъ лѣтъ въ горахъ Карадага среди этого полудикаго населенія успѣлъ изучить его бытъ и нравы, а также изслѣдовать Азарбайджанскую провинцію. Вотъ что говоритъ онъ объ Азарбайджанѣ¹⁾: «Азарбайджанъ—наиболѣе богатая, густо населенная часть Персіи; Тавризь—ея главный городъ съ населеніемъ около 250—300 тыс. Въ настоящее время Россія самую большую часть своего экспорта въ Персію отправляетъ въ Азарбайджанъ, а съ проведеніемъ туда желѣзной дороги, сбытъ нашихъ товаровъ значительно увеличится и вытѣснитъ Европейскіе товары, которые попадаютъ въ Тавризь по трудному караванному пути, чрезъ Трапезондъ и Эрзерумъ.

Изъ Тавриза идутъ пути къ Тегерану на югъ, а также и въ Мало-Азіатскую Турцію; эти пути проходятъ по густонаселеннымъ и богатымъ мѣстностямъ.

Населеніе Персіи и Азарбайджана въ частности болѣе того, которое высчитываютъ географы.

На самыхъ подробныхъ картахъ, которыми мы пользовались при изслѣдованіяхъ, многія мѣста были голы, а тамъ, гдѣ карты были зачерчены, не было нанесено много селеній; пришлось составлять карты самимъ, и когда работы закончились, то оказалось, что изученная нами площадь, представляя собою, такъ ска-

¹⁾ Брошюра Н. Н. Курмакова «Торговые и промышленные интересы Россіи на нашемъ ближнемъ Востокѣ въ связи съ постройкою персидскихъ дорогъ».

зять, средній типъ по густотѣ населенія и богатству въ Азарбайджанѣ и даетъ возможность судить по ней о населенности цѣлаго края, а потому опишемъ эту площадь нѣсколько подробнѣе.

Орографическій характера обследованной нами мѣстности, находящейся въ Карадагскихъ горахъ, пограничныхъ Эриванской и частью Елисаветпольской губерніи, слѣдующій: вдоль русской границы, которая идетъ здѣсь по рѣкѣ Араксъ въ равстояніи отъ нея отъ 6 до 40 верстъ, тянется горный хребетъ, высокою около 6,000 футъ съ отдѣльными вершинами, поднимающимися иногда до 9 и даже до 10 тысячъ футъ. Параллельно этому хребту, на югъ, проходитъ второй хребетъ, нѣсколько выше перваго, отдѣленный отъ него продольной долиной, шириной отъ 5 до 10 верстъ. Первый хребетъ весь и второй своими сѣверными склонами находится въ бассейнѣ рѣки Араксъ. Южные склоны лежатъ въ бассейнѣ озера Урміи. Сбѣгающіе съ перваго хребта горные ручьи и рѣки имѣютъ крутое паденіе и катятъ свои воды въ скалистыхъ и часто отвѣсныхъ берегахъ. Сѣверные склоны перваго хребта заросли лѣсами, южный склонъ перваго хребта и оба склона второго или голы, или цокрыты травой. Вездѣ, гдѣ на скалахъ можетъ держаться растительный слой, почва плодородна, и лишь тамъ, гдѣ вслѣдствіе крутыхъ склоновъ растительный слой постоянно смывается дождями, почва безплодна и представляетъ собою лишь скудное пастбище для козъ. Крутыхъ горъ и ущелій немало, такъ что третья часть всей площади совершенно непригодна для земледѣлія.

Мѣстность орошена хорошо и имѣетъ въ общемъ очень здоровый климатъ. Въ низовьяхъ долинъ, до высоты 3,000 футъ, климатъ жаркій, и здѣсь съ успѣхомъ разводится хлопокъ, рисъ, зрѣетъ прекрасный виноградъ и гранаты, которыми особенно славится Карадагъ. Выше 3,000 футъ климатъ болѣе

прохладный; здѣсь по преимуществу сѣютъ хлѣбъ, хотя хлопокъ отлично созрѣваетъ и выше 3,000 футъ: пшеницу можно сѣять до 6,000 футъ, ячмень до 7.500 и даже до 8,000 футъ. Вершины горъ представляютъ собою часто богатыя лѣтнія пастбища. Въ низовьяхъ долинъ населеніе занимается садоводствомъ, сѣетъ рисъ, масличныя растенія и хлопокъ; посѣвъ послѣдняго не особенно распространенъ вслѣдствіе особыхъ этнографическихъ условій. По долинѣ Аракса и въ низовьяхъ второй большой рѣки Карасу живутъ курды, которые мало занимаются земледѣліемъ, и потому хорошія поливныя земли, пригодныя для посѣва хлопка, пустуютъ. Въ среднемъ теченіи долинъ и въ ихъ верховьяхъ исключительно сѣютъ хлѣба. Скотоводствомъ занимается сплошь все населеніе: разводятся главнымъ образомъ овцы, козы, рогатый скотъ и лошади. Овцы исключительно курдючныя, съ густой шерстью: рогатый скотъ мелокъ. Специально скотоводствомъ занимаются курды, завладѣвшіе прекрасными зимними и лѣтними пастбищами; въ Карадагъ приблизительно исчислено рогатаго скота 150,000 головъ; овецъ и козъ 500,000 штукъ.

Воспользовавшись затѣмъ всевозможными источниками и личными наблюденіями Н. Н. Курмаковъ приходитъ къ заключенію, что густота населенія въ Азарбайджанѣ составитъ около 1,120 чел. на квадр. милію. Обороты внѣшней торговли этой провинціи съ Россією и Европою Н. Н. исчисляетъ въ суммѣ 20 мил. руб.

Главныя статьи ввоза изъ Россіи въ Азарбайджанъ слѣдующія: сахаръ-рафинадъ, сахарный песокъ, бумажныя ткани, фарфоровыя, фаянсовыя и стеклянныя издѣлія, металлы не въ дѣлѣ и металлическія издѣлія. Кромѣ того, шерстяной товаръ, свѣчи, керосинъ, крупчатка, хлѣбъ въ зернѣ, нѣкоторые съѣстные припасы. Изъ Европы ввозится въ Азарбайджанъ хлопчато-бумажный товаръ, главнѣйше красный и синій коленкоръ и дешевые ситцы; хлопчато-бумажный бархатъ, сахаръ-

рафинадъ (Французскій), дешевыя сукна и шерстяныя матеріи, краски анилиновыя, косметическій товаръ, спички итальянскія и австрійскія, дешевыя шелковыя матеріи, ювелирный товаръ, оружіе и прочее. Главнѣйшія статьи вывоза изъ Азарбайджана въ Россію: сухіе фрукты—изюмъ, персики, абрикосы, сливы, хлопокъ, миндаль, фисташки, шерсть, ковры, скоть, второстепенныя статьи вывоза—рисъ, шелковыя матеріи и бумажныя ткани. Въ настоящее время многіе русскіе товары, вслѣдствіе дороговизны ихъ доставки, или не находятъ себѣ сбыта, или имѣютъ ограниченный сбытъ. Керосинъ, напримѣръ, до сихъ поръ мало употребляется сельскимъ населеніемъ Персіи, которое освѣщаетъ свои жилища курдючнымъ саломъ, кунжутнымъ и рециновымъ масломъ, стоящимъ въ продажѣ отъ 8 до 20 к. фунтъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, керосинъ будетъ продаваться въ городахъ и селахъ отъ 4 до 5 к. фунтъ. Если въ Россіи керосинъ вытѣснилъ даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ традиціонную русскую лучину, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ съ успѣхомъ изгонитъ изъ употребленія на востокъ, ихъ дорогія коптилки съ курдючнымъ саломъ, называемыя «чирахами».

Мы уже видѣли выше, что русская крупчатка ввозится и теперь въ сѣверную Персію. Во время хлѣбныхъ недородовъ цѣна на хлѣбъ поднимается въ Азарбайджанѣ страшнымъ образомъ. Въ 1898 году во время голода въ Тавризѣ цѣна муки доходила до 4-хъ рублей пудъ и упала только вслѣдствіе подвоза русскаго хлѣба. Нормальныя среднія цѣны на хлѣбъ въ Азарбайджанѣ стоятъ: ячмень 60 до 80 коп. пудъ, пшеница отъ 1 руб. до 1 руб. 20 коп. пудъ.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, садоводство, посѣвъ хлопка и риса значительно увеличатся и соответственно сократятся посѣвы хлѣбовъ, которые можно будетъ ввозить изъ Россіи. Хлопокъ хорошо посѣваетъ

до высоты 5,000 футъ. По берегамъ озера Урміи, въ бассейнѣ рѣкъ Карасу, Аджи-чая, въ Хойскомъ ханствѣ, сотни тысячъ десятинъ земли будутъ засѣяны хлопкомъ, разъ населеніе будетъ обезпечено его сбытомъ и недорогоимъ хлѣбомъ изъ Россіи. Хотя доставляемый изъ Персіи хлопокъ не отличается своими высокими качествами, но зато онъ дешевле, и я полагаю, что при содѣйствіи нашихъ хлопчато-бумажныхъ мануфактуристовъ, культуру его возможно улучшить, какъ это сдѣлано уже въ Эриванской губерніи Г. Г. Алексѣевымъ, Корзинкинымъ и другими. Для Россіи выгодно было бы замѣнить хоть часть Американскаго и Египетскаго хлопка, котораго ввозится ежегодно около 10 милліоновъ пуд., персидскимъ. Сотни тысячъ персидскихъ рабочихъ, за неимѣніемъ дѣла дома, ищутъ заработковъ въ Закавказьѣ; разъ персидскіе рабочіе найдутъ заработки дома, они перестанутъ ходить въ Закавказье, куда нахлынутъ русскіе рабочіе. Въ такой же степени, съ проведеніемъ желѣзной дороги, оживится и садоводство. Теперь сушеные фрукты, за дороговизной доставки, имѣютъ мало сбыта. Пудъ винограда стоитъ на мѣстѣ отъ 20 до 30 коп. и пудъ сушенаго винограда (изюма) отъ 70 коп. до 1 руб. 20 коп., пудъ сушеныхъ персиковъ и сливъ стоитъ отъ 20 до 40 коп.; вся сушка фруктовъ, конечно, производится на солнцѣ. Торговля этими товарами находится въ рукахъ 2-хъ 3-хъ бакинскихъ и астраханскихъ фирмъ и ведется при посредствѣ цѣлага ряда комиссіонеровъ—персовъ и армянъ.

Ископаемыя богатства Азарбайджана весьма внушительны: особенно славятся ими Карадагскія горы, вблизи русской границы. Въ Карадагѣ изобилуютъ мѣдныя, желѣзныя, свинцовыя и серебро-свинцовыя руды.

Таковы наблюденія и выводы очевидца, компетентность котораго является внѣ сомнѣній.

Х.

Мой первый учитель персидскаго языка Фатьма-Сольтанъ.

Въ нашемъ дачномъ мѣстѣ нѣтъ минарета, откуда мулла могъ бы на разсвѣтѣ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Недостатокъ этотъ восполняется тѣмъ, что мулла съ громкою пѣсней на устахъ каждое утро обходитъ крохотную деревушку. Въ четыре часа утра, едва заблѣдетъ востокъ и первые горячіе лучи солнца длинными широкими лентами потянутся вверхъ по небосклону, раздается мелодичная пѣсня муллы. Въ воздухѣ абсолютная тишина, громадный садъ, густою зеленью охватившій дачу, чутко дремлетъ въ ожиданіи разсвѣта; деревья словно притихли; беззвучно струится серебряными нитями вода по узенькимъ, обросшимъ травою канавкамъ. Чуткое, отъ предразсвѣтнаго сна и ночной тишины, ухо жадно ловитъ каждый звукъ этой чудной священной пѣсни—молитвы. Вначалѣ сквозь сонъ слышишь ее, но какъ-то не сознаешь; затѣмъ звукъ ея становится все громче, слышнѣе, сознание начинаетъ работать усиленнѣе—сонъ ушелъ, и съ чувствомъ любопытства, смѣшаннаго съ наслажденіемъ, подымаешься на постели и, опершись локтемъ о подушку, вслушиваешься въ этотъ гимнъ восходящему солнцу.

Широкою звонкою волною льются ея звуки въ чистомъ утреннемъ воздухѣ, проникають въ вашу душу, будятъ чувства чего-то неземного и словно уносятъ васъ въ недосыгаемыя выси, туда, гдѣ «нѣсть ни плача, ни въздыханій...»

Минутьъ десять продолжается очарованіе; но вотъ и послѣдняя грудная мощная трель; она начинается плавными нотами средняго регистра и, подымаясь все выше и выше, словно повисаетъ въ безбрежномъ воздушномъ пространствѣ. Молитва окончена, но такъ и кажется, что ея звуки все еще дрожать и переливаются въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; голова клонится къ подушкѣ, и сквозь легкую дрему все еще чудится звонкая, разсыпанная въ воздухѣ послѣдняя нота. Хочется продолжить очарованіе, но дремота усиливается; всего тебя начинаетъ охватывать легкое забытье... еще разъ смутно, словно вдали за паркомъ прозвучалъ знакомый мотивъ, затѣмъ все смѣшалось, спуталось, куда-то ушло, словно никогда ничего и не было...,

Это забытье непродолжительное; начинаешь смутно чувствовать, что что-то скользитъ у тебя по лбу, прикасается къ плечу и слегка старается раскатать твою голову. Въ то же время возлѣ уха раздается тоненькій дѣтскій голосокъ: «Саабъ-урусъ, вставай, пора чай пить!» Открываешь глаза: крохотная, пухленькая ручка гладитъ тебя по головѣ и старается осторожно разбудить. Большіе черные задумчивые глаза глядятъ на тебя весело, а маленькій ротикъ продолжаетъ что-то щебетать по-персидски: это моя маленькая «Фатьма-Сольтанъ», она пришла будить своего пріятеля «Сааб-уруса».

Уже недѣля, какъ мы съ Фатьмой стали большими неразлучными друзьями, и случилось это событіе слѣдующимъ образомъ: на второй день послѣ нашего переселенія на дачу, я замѣтилъ въ саду у бассейна

крохотную трехлѣтнюю дѣвочку-персіанку. Держась вдали, она пугливо исподлобья поглядывала на невѣдомаго ференги и, на мой зовъ, стремительно убѣжала въ самый отдаленный уголь сада, поближе къ шалашу, въ которомъ обитала семья нашего садовника. Семья эта была очень немногочисленна; она состояла изъ его матери-старухи Сакинэ, жены—Локіо-Солтанъ и его брата, молодого шестнадцатилѣтняго парня, Гуссейна. Нѣсколько часовъ спустя, когда я проходилъ мимо того же бассейна, крошечная дѣвочка уже не спасалась бѣгствомъ; она оставалась на мѣстѣ и глядѣла на меня съ любопытствомъ, но безъ опаски. Вскорѣ я нашелъ дорогу къ сердцу маленькой дикарки: съ большимъ кускомъ сахара въ одной рукѣ и серебряною монетою—въ другой, я предсталъ предъ нею, и будущая дама моего сердца была окончательно покорена: она сообщила мнѣ, что ее зовутъ Фатьма-Солтанъ, что ея ханэ (домъ) находится здѣсь же, въ углу сада; затѣмъ она старалась рассказать мнѣ еще кое-что о своей особѣ, чего я никакъ уже не могъ понять при тогдашнихъ моихъ познаніяхъ въ персидскомъ языкѣ.

Часа два спустя, къ намъ на крышу явилась бабушка Фатьмы, старуха Сакинэ, въ сопровожденіи своей внучки и преподнесла пешкешъ, состоявшій изъ цѣлой массы персиковъ, уложенныхъ въ видѣ пирамиды на мѣдномъ подносѣ. Старуха сдѣлала для насъ исключеніе и пила предложенный ей чай изъ нашего стакана, не считая его оскверненнымъ (наджись), но въ комнату все же не вошла, оставаясь все время на крышѣ, у порога нашей комнаты. Двери нашего помѣщенія во второмъ этажѣ выходили на плоскую крышу перваго этажа. Крыша была такъ просторна, что мы разбили на ней палатку, которая служила намъ спальнею. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались наши казаки-черкесы.

Что касается Фатьмы, то она, хотя и не безъ опаски,

все же рѣшилась войти въ комнату и съ удовольствіемъ принялась за чай, поглядывая исподлобья то на меня, то на Н. Н. Курмакова. Въ то же время старуха Сакинэ, сидя у порога открытыхъ дверей, рассказывала намъ печальную исторію Фатъмы. Ея мать, невѣстка старухи, проживъ года полтора съ ея сыномъ, сошла съ ума и, убѣжавъ изъ дому, пропала безъ вѣсти. Дѣвочкѣ было тогда всего пять мѣсяцевъ. Отецъ Фатъмы, сынъ старухи, большой кутила, лѣнтяй и уже четыре года пребываетъ гдѣ-то на Мазандеранскомъ берегу, гдѣ можно найти кое-какіе случайные заработки. Такимъ образомъ, бѣдная трехлѣтняя дѣвочка фактически была круглою сиротой. О ея сиротствѣ говорила отчасти и ея наружность: Фатъма рѣдко улыбалась; ея большіе черные съ поволокой глаза глядѣли грустно и вдумчиво; ея дѣтское щебетаніе всегда носило оттѣнокъ чего-то недосказаннаго, какой-то затаенной обиды, а въ голосѣ вѣчно звучала грустная и жалобная нотка. Черные вьющіеся волосы, густыя блестящія красивыя брови, маленькій ротикъ и правильный носъ дѣлали маленькое личико дѣвочки очень красивымъ; ея маленькія руки съ длинными красивыми пальчиками и крохотныя ножки могли бы послужить образцомъ любому скульптору при изображеніи дѣтской фигуры. Фатъма, какъ и всѣ персіанки, обладала свѣтло-бронзовымъ цвѣтомъ кожи, но эта особенность ничуть не уменьшала ея красоты. Одѣта она была въ черныя шальвары, очень коротенькую, повыше колѣнъ юбочку (тумонъ) съ массою складокъ и кисейную рубашку (пирханъ) въ видѣ кофточки, доходившую только до пояса юбки. Иногда сверхъ пирхана она надѣвала маленькую «рахтъ»—родъ черкесской кофточки. На ея крохотныхъ ножкахъ болтались туфельки съ маленькими каблучками безъ задковъ. При входѣ въ комнату Фатъма, по принятому на Востокѣ обычаю, оставляла свои туфельки у по-

рога. Впослѣдствіи, возвращаясь домой послѣ прогулки или дѣловыхъ визитовъ, я всегда могъ догадаться о присутствіи дѣвочки по парѣ крохотныхъ туфелькъ, стоявшихъ у порога нашей комнаты, словно въ ожиданіи своей маленькой хозяйки.

Спустя два-три дня послѣ нашего знакомства, Фатъма стала нашимъ постояннымъ гостемъ; въ шесть часовъ утра она уже пила свою первую чашку чаю съ Н. Н. Курмаковымъ; затѣмъ регулярно въ семь часовъ она будила меня словами: «вставай, саабъ урусь, будемъ пить чай». Саабъ-урусь, протирая глаза и улыбаясь, цѣловаль Фатъму и, отославъ ее въ другую комнату, быстро одѣвался. Черезъ четверть часа Фатъма уже чинно сидѣла за столомъ возлѣ меня, пила чай и съ большимъ удовольствіемъ ѣла яйца—это было ея любимое кушанье.

Персы вообще ѣдятъ руками, но мнѣ достаточно было въ первый разъ показать Фатъмѣ за завтракомъ, какъ слѣдуетъ держать ножъ, вилку и ложку, и мнѣ болѣе не пришлось дѣлать ей вновь тѣ же указанія. Она всегда сидѣла за столомъ съ корректностью самой благовоспитанной дѣвицы; ѣла безъ малѣйшей жадности, никогда ничего не просила и пенавидѣла вино. Хотя дѣти, а преимущественно дѣвушки, на Востоку развиваются очень рано, но Фатъма по своему умственному уровню даже и здѣсь казалась старше своихъ лѣтъ. Наши продолжительные разговоры съ нею, преимущественно во время прогулокъ по саду, обыкновенно сводились къ тому, что, зная сотню-другую персидскихъ словъ, я комбинироваль ихъ, какъ только могъ и умѣль. Фатъма улыбалась, выслушивала ихъ очень внимательно, постоянно поправляя мою рѣчь. Сама она очень любила пошебетать, и я не знаю, какъ это случилось, но я почти всегда понималь ее—больше, конечно, по наитію.

Съ первыхъ же дней нашего знакомства Фатъма, убѣ-

дившись въ моихъ ограниченныхъ познаніяхъ персидскаго языка, рѣшила въ своей маленькой душѣ, что непременно слѣдуетъ обучить ему сааба уруса. Обученіе началось однажды за завтракомъ: она указала мнѣ вилку, назвала ее по-персидски и потребовала, чтобы я повторилъ за нею. Продолжая уроки въ томъ же родѣ, она постепенно переходила отъ одного предмета къ другому. За обѣдомъ того же дня Фатъма формальнѣйшимъ образомъ стала экзаменовать меня, исправляя мое произношеніе и повторяя по нѣсколько разъ одно и то же слово, если оно почему-либо не давалось мнѣ сразу. Въ этомъ отношеніи она взяла на себя неблагоприятную роль гувернантки, при чемъ никогда не упускала случая обучить меня новому слову или цѣлой фразѣ, которую она съ величайшимъ терпѣніемъ втолковывала мнѣ въ мою подчасъ разсѣяную голову. Если намъ случалось во время прогулки найти упавшій съ дерева орѣхъ, она подымала его и, показывая, объясняла, что орѣхъ— по-персидски называется «керду», но, не довольствуясь этимъ, она брала меня за руку, подводила къ орѣховому дереву и, показывая своими большими глазенками на растущіе на немъ орѣхи, поясняла, что это «дарахтъ-керду», «дарахтъ» по-персидски— дерево. Когда во время экзамена случалось мнѣ многое перезабыть, Фатъма только покачивала головою и съ легкой досадою повторяла: «какой непонятливый этотъ урусъ».

У меня навсегда останется въ памяти тотъ день, когда я впервые показался на улицѣ нашей деревушки вмѣстѣ съ Фатъмою. Семена своими маленькими ножками, на которыхъ похлопывали ея потѣшныя туфельки, и держась всею рукою за мой мизинецъ, она шла рядомъ со мною и очень серьезно о чемъ-то разсуждала. Такое зрѣлище всполошило всю улицу: на насъ были устремлены отовсюду любопытные глаза, большинство которыхъ глядѣло не очень дружелюбно. Дѣвочка-магометанка въ сопровожденіи христіанина, ко-

торый вдобавокъ еще держитъ ее за руку—явленіе небывалое и, во всякомъ случаѣ, шокирующее чувства правовѣрныхъ. Встрѣчныя персіанки останавливались и только разводили руками. Въ концѣ улицы въ маленькой открытой лавчонкѣ работалъ сапожникъ; мы подошли къ нему, и я заказалъ Фатьмѣ новыя туфли, за которыя тотъ запросилъ по мѣстнымъ цѣнамъ неслыхано дорого — цѣлыхъ 60 кош., на что я немедленно изъявилъ согласіе; къ вечеру они уже были готовы и вышли на славу — мастеръ поусердствовалъ до того, что снабдилъ ихъ даже красною бархатною подкладкою.

Нѣсколько злобное отношеніе къ намъ улицы продолжалось только до первой пятницы—до первой бани. Баня, какъ извѣстно, на Востокѣ играетъ роль клуба, гдѣ посѣтители просиживаютъ по нѣсколько часовъ. Баня, прежде всего, клубъ сплетенъ и всякихъ новостей. Здѣсь-то старуха Сакинѣ и ея невѣстка, Локію, сдѣлали цѣлое любопытное сообщеніе всѣмъ дамамъ села Зергендѣ о томъ, что у нихъ на дачѣ поселились ференги—въ сущности урусы, съ двумя своими черкесами, всегда вооруженными съ ногъ до головы, что у этихъ урусовъ денегъ—тъма-тъмушая, о чемъ можно судить по безумной цѣнѣ, уплоченной за Фатьмины туфли; далѣе она добавила, что урусы очень любятъ Фатьму, кормятъ, одѣваютъ ее и не только не бранятъ Магомета, но даже съ уваженіемъ относятся къ рѣлигіи и обычаямъ персовъ: урусы всегда даромъ даютъ хину больнымъ лихорадкою и т. д. Такое же сообщеніе было сдѣлано и въ мужскомъ отдѣленіи бани нашею персидскою прислугою, лакеями и поваромъ, всѣмъ обывателямъ Зергендѣ, и когда на слѣдующій день мы съ Фатьмой появились на улицѣ, то повсюду были встрѣчены одобрительными улыбками и поклонами. Такимъ образомъ, мы стали извѣстны всему околodку, встрѣчая повсюду самое теплое сочувствіе.

Выходя изъ дому, я всегда снабжалъ маленькій кар-

манъ Фатьмы нѣсколькими мѣдными «шаги» (менѣе копѣйки), которыя она подавала бѣднымъ и дѣрвишамъ, такъ что въ концѣ концовъ мы съ нею прослыли даже щедрыми благотворителями.

Фатьма проводила у насъ цѣлые дни, играя со своею любимою кошкою, воспроизводя карандашемъ на бумагѣ невозможныя фигуры животныхъ и людей или читая мнѣ своеобразныя лекціи персидскаго языка. Мой маленькій лекторъ совсѣмъ не любилъ играть въ куклы. Вскорѣ послѣ нашего знакомства я какъ-то привезъ ей изъ Тегерана красивую расфранченную куклу; въ тотъ же день Фатьма запрятала ее куда-то въ уголъ своего шалаша, и съ тѣхъ поръ я такъ и не видѣлъ въ ея рукахъ этой игрушки. Маленькія дѣвочки персіанки, насколько я замѣтилъ, очень рѣдко играютъ въ куклы.

Европейская мебель, очевидно, стѣсняла мою маленькую пріятельницу; Фатьма почти всегда сидѣла по восточному на мягкомъ коврѣ, устилавшемъ полъ. Поигравъ вдоволь, она часто засыпала здѣсь же на коврѣ безъ всякой подушки.

Когда мнѣ случалось уѣзжать, что бывало довольно часто, Фатьма всегда старалась отговорить меня отъ поѣздки, а когда и это не помогало, она схватывала мои ноги своими крохотными рученками, плакала и не пускала. Часто приходилось уходить изъ дому украдкою. Возвращаясь домой, я почти всегда находилъ Фатьму у порога нашей комнаты; она цѣлыми часами ждала моего возвращенія. Иногда я находилъ ее спящею на коврѣ, но не иначе, какъ у самаго порога и въ такомъ положеніи, что не было возможности войти въ комнату иначе, какъ переступивъ черезъ эту маленькую спящую куклу. При моемъ появленіи, она почти всегда просыпалась; ея маленькое личико озарялось улыбкой, и въ ея темныхъ глазахъ, блиставшихъ изъ-подъ необыкновенно длинныхъ гу-

стыхъ рѣсницъ, свѣтилось чувство радости. Она всегда была увѣрена, что въ карманахъ возвратившагося сааба-уруса для нея что-нибудь да припасено: будутъ ли это «шекль ференги» (картинки), джурабъ ференги (чулки) или гейтунэ (лента), но во всякомъ случаѣ ширина (сладкое) уже навѣрное тамъ найдется.

Возвращаясь однажды домой, я нашелъ у себя моего пріятеля перса, который велъ очень оживленный разговоръ съ Фатьмою. Мой пріятель улыбался и, очевидно, былъ очень доволенъ своею собесѣдницею.

— Представьте, какая она умница, обратился онъ ко мнѣ.— Направляясь къ вамъ, я встрѣтилъ ее въ аллеѣ; она спѣшила по направленію къ вашей дачѣ. «Куда ты спѣшишь, Фатьма?» спрашиваю ее. «Видишь ли», отвѣтила она, «Богъ послалъ мнѣ одного пріятеля, онъ живетъ здѣсь на дачѣ, такъ я теперь часто бѣгаю къ нему и, хотя онъ и урусъ, но я его очень люблю».

— Теперь, продолжалъ мой пріятель,—я сватаюсь къ ней, прошу ее быть моею женою, когда она вырастетъ; но несмотря на всѣ соблазны и увѣренія, что ея комната будетъ наполнена ширина, и что я буду одѣвать ее въ бархатныя и шелковыя платья, она все твердитъ одно, что у нея есть свой саабъ-урусъ, за котораго она въ будущемъ и выйдетъ замужъ.

Пока я разговаривалъ съ моимъ пріятелемъ, Фатьма все крѣпче прижималась ко мнѣ, словно опасаясь, какъ бы тотъ въ самомъ дѣлѣ не унесъ ее въ свой эндерунъ.

— Боро! (проваливай), отвѣтила она ему на дальнѣйшія его рѣчи и, взобравшись ко мнѣ на колѣни, повернулась къ нему спиной. Черезъ пять минутъ она уже спала дѣтскимъ крѣпкимъ сномъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно призывался ея дядюшка, шестнадцатилѣтній парень, который осторожно уносилъ ее спящую въ свой «ханэ» (домъ).

— Послушай, Фатьма, спросилъ ее въ другой разъ

въ моемъ присутствіи тотъ же, мой пріятель,—ты поѣдешь съ урусомъ въ Русистанъ (въ Россію)?

— Это не твое дѣло, возразила она ему.—Объ этомъ мы съ нимъ, она указала на меня глазами, — хорошенько подумаемъ.

Въ общемъ Фатъма была неустрашимая дикарька; она одна бѣгала по громадному парку, ходила въ лавочку за тридевять земель — купить коробку спичекъ для сааба-уруса и спокойно толкалась среди лошадей. Только двѣ вещи устрашали ее:—это «Люлю-хорхори» — страшное чудовище, существующее въ воображеніи всѣхъ персидскихъ дѣтей и затѣмъ дервишъ негръ Хаджи-Мабарекъ, громаднѣйшая дубина, бездѣльникъ и пьяница. Фатъма была глубоко убѣждена, что какъ Люлю-хорхори, такъ и Хаджи-Мабарекъ пожираютъ дѣтей.

У Фатъмы я никогда не замѣчалъ узкаго дѣтскаго эгоизма. Получивъ нѣсколько конфетъ или вообще что-нибудь сладкое, она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока бывало не отыщется въ саду свою бабушку, тетку или дядю и не подѣлится съ ними. Если кто-либо дарилъ ей фрукты, она немедленно являлась ко мнѣ и настоятельно требовала, чтобы я взялъ половину. Дружба наша никогда ничѣмъ не омрачалась, за исключеніемъ одной маленькой размолвки: какъ-то однажды я принесъ папиросы въ очень красивой коробочкѣ, бросилъ ихъ на столъ и самъ отправился куда-то по дѣлу. Возвратясь, я замѣтилъ, что Фатъма играетъ пустою коробкой, но папиросы куда-то исчезли.

— Фатъма, куда ты дѣвала папиросы? спросилъ я ее.

— Я выбросила ихъ за окно, отвѣчала она спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Вѣдь ты знаешь, что я курю ихъ—это нехорошо, Фатъма.

— Только дымъ будешь дѣлать въ комнатѣ, возразила она, продолжая играть пустой коробкой.

— Нехорошая ты дѣвочка, Фатъма, и не умная и, если ты еще разъ сдѣлаешь такую вещь, я не пушу тебя больше къ себѣ въ комнату.

— Это домъ нашъ, а ты проваливай себѣ въ русское посольство.

— Боро сефаратъ урусъ, повторила она и злобно сверкнула своими большими глазами.

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этой выходки и усѣлся читать газету. Минутъ пять спустя, Фатъма куда-то исчезла и вскорѣ появилась, придерживая подолъ своей коротенькой юбочки. Войдя въ комнату, она вынула изъ подола папиросы и сложила ихъ на столъ; я продолжалъ чрезвычайно внимательно читать газету.

— Вотъ твои папиросы, сказала она, толкнувъ меня слегка рукою.

Я только взглянулъ въ ту сторону, гдѣ онѣ были сложены и продолжалъ читать, какъ бы не замѣчая ея присутствія. Фатъма попробовала заговорить со мною, но я упорно хранилъ молчаніе, хотя видѣлъ, что ей не по-себѣ и что она имѣла крайне пристыженный видъ; она все вертѣлась на одномъ мѣстѣ, не знала куда дѣться, что сдѣлать со своими рученками... Повертѣвшись минуты двѣ, она медленно направилась къ порогу съ очевиднымъ желаніемъ удалиться, но уже у самага порога вдругъ круто повернула, подошла ко мнѣ и усѣлась на коврѣ у моихъ ногъ, гдѣ она обыкновенно любила сидѣть, когда я работалъ за письменнымъ столомъ. На этотъ разъ она оперлась о мою ногу, и вскорѣ я услышалъ очень тихій плачь. Я нагнулся къ ней; Фатъма приподняла головку; изъ-подъ ея длинныхъ блестящихъ, загнутыхъ вверхъ рѣсницъ, катились крупныя слезы; своимъ полнымъ горя взглядомъ она словно спрашивала меня: «долго ли ты еще

будешь меня мучить?» Я приподнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни. Фатьма обняла своими свѣтло-бронзовыми рученками мою шею, и миръ былъ возстановленъ непосредственно, безъ всякихъ прелиминарныхъ конференцій.

— Знаешь ли, Сакинэ, обратился я однажды къ старухѣ,— у меня явилось желаніе взять Фатьму съ собою въ Россію, удочерить ее и воспитать, какъ родную дочь. Что ты на это скажешь?

— Охъ, и не говори этого, саабъ: достаточно только, чтобы наши мусульмане услышали такую рѣчь, и ты не знаешь даже, какая бѣда можетъ стрястись надъ нами бѣдными; они не только убьютъ насъ, толпа разорветъ насъ на части, да и тебѣ, добрый нашъ саабъ, не одобровать. Я привыкла вѣдь смотрѣть на тебя, какъ на отца, котораго всемогущій Аллахъ временно послалъ Фатьмѣ; я такъ и думала: нѣтъ у моей Фатьмы ни отца, ни матери, такъ вотъ я стараюсь замѣнить ей мать, а ты — отца. Иншалла! (въ вольномъ переводѣ — да будетъ благословенъ Господь).

Когда мнѣ приходилось бывать въ шалашѣ нашего садовника, его молодая жена, Локію, завидя меня, обыкновенно быстро набрасывала на себя чадуръ и поворачивалась лицомъ къ стѣнѣ; иногда я заставалъ ее врасплохъ и могъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ видѣть ея хорошенькое личико. Если мнѣ случалось зайти такъ, что въ шалашѣ не было ни ея мужа, ни старухи Сакинэ, она набрасывала свой чадуръ только формы ради и разговаривала со мною о цѣли моего посѣщенія. Всѣ мои визиты сводились къ тому, что я просилъ ее не красить Фатьмѣ ногтей на рукахъ и ногахъ ханной, причесывать ей почаще волосы и т. д. Когда однажды братъ нашего садовника заболѣлъ лихорадкою, и я по просьбѣ старухи зашелъ въ ихъ шалашъ, то кромѣ Локію я нашелъ тамъ еще ея старшую сестру. Обѣ молодыя женщины закрыли лица и

повернулись ко мнѣ спинами. Давъ больному растворъ хинина, я полушутя заявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что я пришелъ къ нимъ какъ хакимъ (докторъ), а передъ хакимомъ женщины могутъ быть съ открытыми лицами; кромѣ того, я считаюсь отцомъ Фатьмы, а потому я для нихъ не посторонній мужчина и имѣю право присутствовать среди ихъ семьи безъ того, чтобы женщины закрывали свои лица. Мои доводы подѣйствовали: обѣ женщины постепенно раскрыли свои лица, и съ тѣхъ поръ при нашихъ свиданіяхъ чадуръ набрасывался ими только слегка на голову; обѣ онѣ всегда встрѣчали и провожали меня пожатіемъ руки. Вскорѣ мы стали пріятелями и съ Локію, которая получала отъ меня по временамъ маленькіе подарки за ея присмотръ и заботы о Фатьмѣ. Однажды по случаю какого-то мусульманскаго праздника въ шалашѣ садовника собралось около десяти персіанокъ, родственницъ и подругъ Локію. Не зная ничего объ этомъ, я зашелъ за Фатьмою, которая, сверхъ обыкновенія, не явилась къ завтраку. Оказалось, что Фатьма на этотъ разъ завтракала съ подругами своей тетки. Завтракъ состоялъ изъ громаднаго круглаго блюда плова, вокругъ котораго на коврикахъ размѣстились всѣ дамы и каждая изъ нихъ, протягивая руку къ блюду, захватывала пальцами немного рису съ рубленной говядиной и быстро отправляла въ ротъ захваченную порцію. Такъ ѣдятъ персы всѣхъ ранговъ и сословій.

При моемъ появленіи вся компанія пришла въ большое смущеніе. Не пригласить меня, хотя бы изъ вѣжливости, крайне неловко; пригласить же значитъ нарушить всѣ завѣты магометанства; положеніе становилось тѣмъ болѣе критическимъ, что среди этого дамскаго общества не было да и не могло быть ни одного мужчины. Пришлось разрубить гордіевъ узелъ: шутя, я усѣлся между двумя болѣе почтенными матронами, засучилъ рукава и преспокойно запустивъ руку

въ блюдо, началъ уплетать довольно вкусный пловъ, Вся компанія расхохоталась и затѣмъ мирно продолжала свой завтракъ, шутя и болтая со мною, какъ ни въ чемъ не бывало. Спустя нѣсколько минутъ я откланялся всѣмъ присутствовавшимъ дамамъ, которыя, очевидно, ничего не имѣли противъ такой эскапады.

Старуха Сакинэ любила часто поболтать со мною за стаканомъ чаю. Въ одно изъ ея посѣщеній она говорила мало, и на ея старческомъ и безъ того озабоченномъ лицѣ легла еще лишняя тѣнь.

— Что съ тобою Сакинэ? спрашиваю.

— Боюсь и начать, какъ бы ты, саабъ, совсѣмъ не разсердился на меня, глупую, старуху, рабу твою.

— Говори, чего мнѣ сердиться, вѣдь бранить ты меня не будешь.

— Какое тамъ бранить! Я даже не знаю, какъ тебѣ и сказать это. Видишь ли, нехорошо человѣку жить холостымъ — это великій грѣхъ; на такого человѣка земля жалуется небу. Отчего бы тебѣ не жениться. Вотъ здѣсь черезъ дачу живетъ одинъ бузургунъ; дочь у него единственная, пятьдесятъ тысячъ тумановъ приданаго; жилъ бы ты среди насъ счастливо, незачѣмъ бы тебѣ возвращаться въ твой ференистанъ.

— Какъ же это, баджи-азисъ (милая сестрица), за меня, христіанина, выдадутъ персіанку? хотя я понималъ смыслъ рѣчей Сакинэ, но мнѣ хотѣлось заставить ее высказаться напрямикъ.

Сакинэ очутилась въ затруднительномъ положеніи: говорить далѣе намеками стало невозможнымъ, а высказаться прямо у ней, очевидно, не хватало духа; она боялась грозы. Нѣсколько мгновеній она сидѣла съ опущенными въ землю глазами. Я первый пришелъ ей на помощь и дружески опустилъ руку на ея плечо. Когда Сакинэ, приподнявъ голову, встрѣтилась съ моимъ улыбающимся взглядомъ, она поняла, что я знаю затаенный смыслъ ея рѣчей, но въ то же время она увидѣла, что сраженіе проиграно; тѣмъ не менѣе ободрен-

ная мою невозмутимостью, она все же еще разъ сдѣлала попытку.

— Отчего бы тебѣ, саабъ, для спасенія твоей души, не сдѣлаться магометаниномъ; пятьдесятъ тысячъ приданаго, молодая жена, и Фатьму взялъ бы ты къ себѣ; вѣдь ты любишь Фатьму? подумай о ней; зачахнетъ она здѣсь безъ тебя, ребенокъ привязался къ тебѣ; всѣ видятъ это; ну, мы и рѣшили, что тебѣ хорошо было бы остаться среди насъ. Нужно тебѣ знать, саабъ, что каждый принявшій исламъ, считается новонародившимся, безгрѣшнымъ, невиннымъ человекомъ. Выйти замужъ за такого человекѣ—это святое дѣло; для каждой персианки это большая честь. И еслибъ ты пожелалъ, то могъ бы имѣть пять-шесть женъ на выборъ, знатныхъ, богатыхъ да красивыхъ. Окончивъ послѣднюю фразу, Сакинѣ взглянула на меня вопросительно.

— Благодарю, милая Сакинѣ, за твой совѣтъ, отвѣтилъ я старухѣ;—увѣренъ, что ты желаешь мнѣ добра, но лучше пусть каждый изъ насъ останется при своей вѣрѣ.

Нѣсколько минутъ спустя опечаленная Сакинѣ плелась въ свой шалашъ мелкою старческою походкою.

Дни и цѣлыя недѣли нашей дачной жизни текли сравнительно мирно и безоблачно; мы съ Фатьмой такъ и не замѣтили, какъ къ намъ подкрадывалась злодѣйка-осень. Въ Тегеранѣ было еще очень жарко, но здѣсь на дачѣ, на шестистахъ футахъ выше Тегерана, у подножья горнаго хребта, ночи становились все прохладнѣе, по утрамъ появлялся съ горъ рѣзкій пронизывающій вѣтеръ, зелень порѣдѣла, и аллеи нашего сада постепенно устилались пеленою увядшихъ листьевъ. Наша деревушка, представлявшая ранѣе большой муравейникъ, стала пустѣть; на главной улицѣ закрылись сначала болѣе значительныя лавочки, а затѣмъ очередь дошла и до мелкихъ лавчонокъ; разносчики-персы улетучились, и по дорогѣ къ Тегерану по-

тянулись длинные обозы со всякою домашнею рухлядью. Заргендэ и его окрестности стали все сильнѣе и сильнѣе окрашиваться въ темно-коричневые цвѣта. Степи, пески и горные края Иранскаго плоскогорія носятъ общую темно-золотистую окраску, которая при осеннемъ освѣщеніи становится еще гуще, однообразнѣе и скучнѣе.

Узенькія восточныя улицы Зергендэ, ранѣе полныя движенія, совсѣмъ опустѣли, и только рѣзкій холодный вѣтеръ, незамѣтно налетавшій съ горъ, шумѣлъ въ полуобнаженныхъ вершинахъ деревъ, врвался въ улицы и закоулки и игралъ сухими пожелтѣвшими листьями. По ночамъ вѣтеръ этотъ проникалъ въ плохенькій шалашъ нашего садовника; бѣдная Фатъма простуживалась и кашляла, но мусульманскій фанатизмъ не допускалъ даже и мысли о томъ, чтобы она могла ночевать подъ нашимъ кровомъ.

Мы съ товарищемъ начинали было уже подумывать о переселеніи въ Тегеранъ, а затѣмъ вскорѣ и на родину, такъ какъ дѣло, по которому мы прибыли въ Персію, заканчивалось, къ нашему удовольствію, благополучно. Не желая заранѣе огорчать Фатъму, я ничего не сообщалъ ей о нашемъ отъѣздѣ, но отъ ея вниманія не могли ускользнуть наши сборы, да вѣроятно она слыхала разговоры объ этомъ въ семьѣ садовника. По всему было видно, что Фатъма знала о нашемъ перѣздѣ въ Тегеранъ. Бѣдная дѣвочка имѣла растерянный видъ, поблѣднѣла, и ея большіе темные глаза словно ушли вглубь орбитъ и глядѣли хмуро и безпомощно.

Былъ пасмурный вечеръ, единственный за все наше пребываніе въ Персіи, когда мнѣ пришлось проститься съ Фатъмой; кто знаетъ, быть можетъ, навсегда. Сидя во дворѣ дачи на какомъ-то опрокинутомъ ящикѣ, я ждалъ, пока прислуга вынесетъ послѣдній чемоданъ въ ожидавшую меня коляску; Фатъма сидѣла у меня на колѣняхъ, молчала и ежилась. Насъ окружала вся семья садовника и нѣсколько рабочихъ, увозившихъ

въ городъ мебель и палатки; здѣсь же присутствовали и ахундъ (ученый мулла) со своимъ пріятелемъ тегеранскимъ купцомъ. Вся эта публика, несмотря на свое архимусульманское направленіе, относилась къ намъ съ большимъ сочувствіемъ.

— Нәмихамъ! Нәмихамъ! (не хочу), повторяла Фатьма, рыдая, вцѣпишишь рученками въ мой сюртукъ.

— Жаль, что наши законы не дозволяютъ тебѣ, саабъ, взять дѣвочку и удочерить ее, обратился ко мнѣ купецъ вполголоса, опасаясь, очевидно, высказать громко такое либеральное сужденіе.

— Это не законы, мой другъ, возражаю,—это только неправильное пониманіе и неправильное толкованіе вами корана.

— Но, вѣдь признайся, саабъ, если бы ты удочерилъ дѣвочку, ты навѣрное сдѣлалъ бы ее христіанкой? спрашиваетъ не безъ ехидства купецъ.

— Первымъ дѣломъ я просилъ бы моего хорошаго знакомаго, Имама Мудариса Баязитова, мусульманскаго ахунда въ Петербургѣ, имѣть наравнѣ со мною нравственное попеченіе о дѣвочкѣ, а затѣмъ, если бы она достигнула совершеннолѣтія, пожелала принять христіанство, пусть бы приняла, но еслибъ она пожелала остаться мусульманкой, я долженъ былъ бы только преклониться предъ ея желаніемъ.

— Ты правъ, саабъ, да нашъ народъ во вѣкъ не пойметъ тебя; а все же жаль дѣвочки. Ты сдѣлалъ бы для нея много добра въ жизни.

Коляска тронулась. Фатьму взялъ на руки ея дядя Гуссейнъ, и поднялъ вверхъ.

— Въ добрый часъ, саабъ-урусъ! сказала она, вся всхлипывая.

Ямщикъ круто повернулъ въ узкій боковой переулокъ; рванули лошади, зазвенѣли бубенчики, и густая желтая пыль окутала коляску.

XI.

Государственный строй Персіи.

Персы и по настоящее время—полукочевой народъ, чему сильно способствуютъ климатическія географическія и почвенныя условія страны. Персія совсѣмъ отрѣзана отъ цивилизованнаго міра. Границы государства соприкасаются съ варварскою Турціей, Авганистаномъ и полудикимъ Закавказьемъ, а слабая, несмотря на деспотизмъ, государственная власть сама находится подъ тяжелымъ гнетомъ мусульманскаго духовенства, враждебнаго всякому культурному движенію народа. Возникшія партіи и секты, недовольныя умственнымъ застоємъ страны и ея бѣдственнымъ экономическимъ положеніемъ, проповѣдывавшія о необходимости просвѣщенія и сближенія съ другими національностями, истреблялись по наущенію духовенства чуть ли не поголовно, какъ, на примѣръ, бабиды. Персія тоже имѣла свои «Вареоломеевскія ночи».

Верховная власть въ Персіи въ общемъ носитъ характеръ патриархальный. Это подтверждается даже отсутствіемъ всякихъ законовъ, регулирующихъ отношенія верховной власти къ населенію, такъ и къ подчиненнымъ ей органамъ.

Для завѣдыванія нѣкоторыми отраслями общегосударственнаго управленія шахъ назначаетъ мини-

стровъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются также и фискальные сборы—у каждаго министра по его министерству. Часть этихъ сборовъ министръ передаетъ въ казну шаха, другая же часть поступаетъ въ доходъ министра и въ сущности составляетъ его жалованье. Всѣ министерства находятся пока въ зародышевомъ состояніи, безъ правильной организаціи, даже безъ архивовъ, такъ что дѣятельность каждаго министра не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, даже для справокъ и свѣдѣній его будущимъ замѣстителямъ. Вся канцелярія любого министерства состоитъ изъ личнаго секретаря министерства и двухъ-трехъ писцовъ. Всѣ текущія дѣла министерства, а таковыхъ всегда очень немного, иногда помѣщаются въ кожаномъ саквояжѣ, который хранится у секретаря. Такое, болѣе чѣмъ странное, помѣщеніе для дѣлъ государственной важности объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что большую часть года министры живутъ на дачахъ въ разстояніи 15—20 верстъ отъ Тегерана, при чемъ ихъ засѣданія происходятъ въ шатрахъ. Зачастую министры должны слѣдовать за дворомъ, который въ теченіе семи лѣтнихъ мѣсяцевъ перекочевываетъ изъ одного дворца въ другой; при такомъ положеніи вещей секретарю министра остается только хранить дѣла въ кожаномъ ридикюлѣ и со смиреннымъ видомъ странствовать съ такимъ хранилищемъ за своимъ министромъ, изображая изъ себя скорѣе былую салонницу съ традиціоннымъ ридикюлемъ въ рукахъ, чѣмъ государственнаго сановника.

Когда солнце близится къ закату и уменьшается нестерпимая жара, а тѣни деревьевъ удлиняются и становятся гуще, можно иногда наблюдать на дачахъ, занимаемыхъ министрами, своеобразныя и, если хотите, даже поэтическія засѣданія: среди обширной аллеи чинаровъ, тополей и карагача противъ министерскаго шатра поставленъ большой круглый столъ,

Министерская канцелярия.

вокругъ котораго, какъ и на прилегающихъ садовыхъ скамейкахъ, живописно группируются персидскіе чиновники, именитые купцы и всѣ прочіе, кому необходимо почему-либо видѣть министра и говорить съ нимъ лично. Большинство посѣтителей—въ длинныхъ легкихъ черныхъ плащахъ и высокихъ черныхъ суживающихся къ верху барашковыхъ шапкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ сѣрые плащи (аба), въ бѣлыхъ, шитыхъ золотомъ чалмахъ — это парадная одежда именитыхъ купцовъ Тегерана. По обѣимъ сторонамъ аллеи красивыя клумбы цвѣтовъ и большіе бассейны прозрачной холодной проточной воды, которая вѣчно журчитъ, протекая быстрыми ручьями по всѣмъ направленіямъ громаднаго сада или скорѣе парка. Издали картина такого засѣданія, освѣщенная золотистыми лучами заходящаго солнца, проникающими сквозь зеленую листву, напоминаетъ собою древнегреческія собранія ученыхъ или жрецовъ.

О мелкомъ чиновничествѣ Персіи и говорить нечего: все это наши, блаженной памяти, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, подсудки и стряпчіе до реформенныхъ временъ. Недавно одному изъ моихъ знакомыхъ пришлось строить домъ въ Барефрушѣ; разрѣшеніе на постройку было дано, конечно, не безъ помощи пешкеша; постройка началась, домъ былъ почти готовъ вчернѣ, но тутъ-то и пошла волокита.

— Вы не имете права выводить на улицу двѣнадцать оконъ, говоритъ мѣстный городничій.

— Позвольте, возражаетъ ему тотъ, — у меня по плану, утвержденному взшимъ начальствомъ, значатся всѣ эти окна на улицу.

— Какъ бы тамъ ни было, а у насъ не въ обычаѣ, чтобы на улицу выходило двѣнадцать оконъ, и я вамъ закрою два окна — вотъ эти два, говоритъ городничій, указывая на самыя необходимыя окна.

— Я буду жаловаться въ Тегеранъ, заявляетъ мой знакомый.

— Жалуйтесь, а я въ объясненіи долженъ буду заявить, что сюда мимо этихъ оконъ всегда ходятъ въ баню всѣ наши женщины, тогда вамъ велятъ закрыть и всѣ остальные десять оконъ.

Мой знакомый, старожилъ Барефруша, хорошо знаетъ, что, благодаря такому мотиву, барефрушскій городничій будетъ поддержанъ въ Тегеранъ любимъ муштаидомъ; дѣло затянется на годъ, а приостанавливать постройку—значитъ разориться. Дѣлать нечего, вечеромъ того же дня городничій приглашается на чай, получаетъ 30 руб. и, выпивъ бутылку коньяку, но съ непремѣнной оговоркою хозяина дома, что это хорошее средство противъ лихорадки, удаляется во свояси.

Проходятъ двѣ недѣли. Начинается вставка дверныхъ коробокъ и рамъ. Городничій вырастаетъ, словно изъ-подъ земли.

— Нельзя выпускать столько дверей на улицу, заявляетъ онъ глубокомысленно, это противорѣчитъ нашимъ обычаямъ, и опять начинается возня, происходитъ торгъ, опять 30 руб. въ лапу, коньякъ и т. д.— и все это повторяется разъ десять за все время постройки.

— Я ничего не могу подѣлать съ нимъ, говорилъ мнѣ мой знакомый, — такъ какъ онъ каждую минуту можетъ приказать рабочимъ персамъ бросить работу, и рабочіе не посмѣютъ ослушаться его. Мало того, онъ станетъ возбуждать противъ меня мѣстное населеніе, стакнется съ муллами, и дѣло можетъ окончиться какимъ-нибудь крупнымъ скандаломъ.

Такъ взяточничаютъ мелкіе чиновники; что же касается грабительства губернаторовъ, то оно превосходитъ всякое человѣческое понятіе. Мнѣ лично, на примѣръ, извѣстенъ такой случай. Въ одномъ изъ

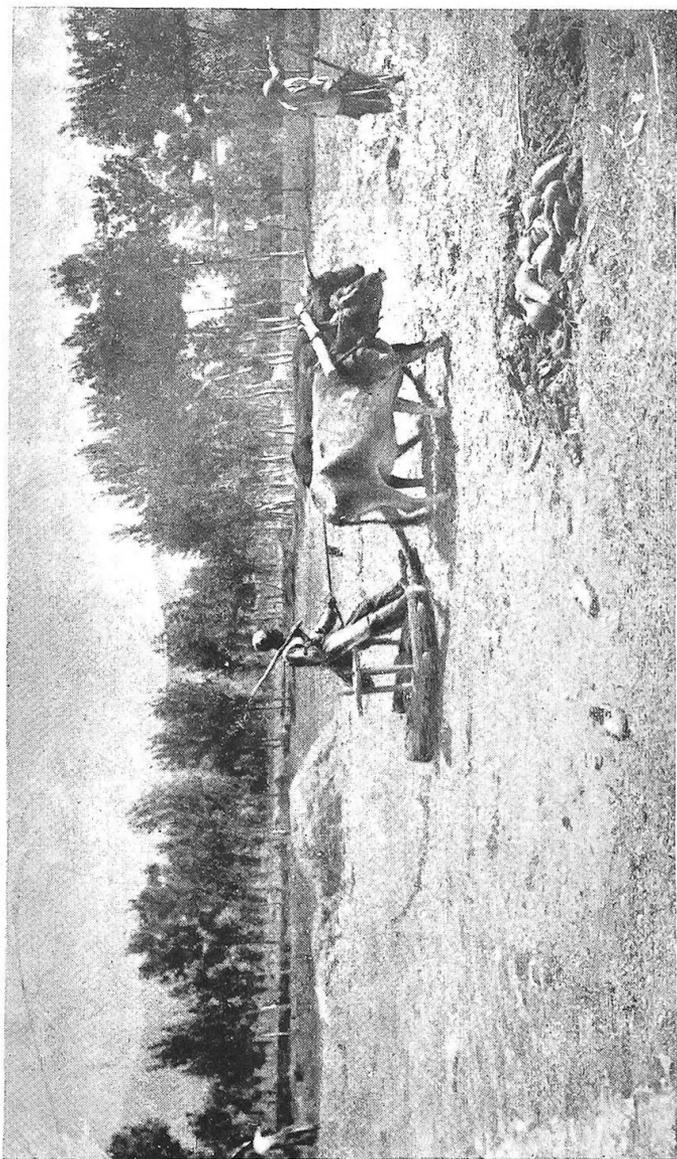
крупныхъ городовъ, гдѣ пребывалъ губернаторъ, мѣстный богатый купецъ поссорился съ губернаторскимъ кафеджи, лакеемъ, который варить и подаетъ кофе. Кафеджи пожаловался на купца губернатору. Послѣдній призвалъ къ себѣ злополучнаго коммерсанта и заявилъ ему, что изъ своего дома онъ отошлетъ его прямо въ тюрьму. Такъ какъ сей прозорливый администраторъ непременно исполнилъ бы свою угрозу, то купцу ничего болѣе не оставалось, какъ начать торги о выкупѣ. Губернаторъ зналъ, что купецъ и самъ былъ богатъ и родню имѣлъ тоже не бѣдную, а потому, какъ заломилъ двѣ тысячи тумановъ, такъ и не уступилъ ни гроша. Мало того, онъ не выпустилъ отъ себя купца, пока приказчики послѣдняго не принесли всю сумму до единого гроша.

Губернаторъ въ своей провинціи является тоже главнымъ судьей во всѣхъ поземельныхъ и вообще гражданскихъ спорахъ. Правою стороною въ поземельныхъ спорахъ бываетъ только сторона, лучше заплатившая, при чемъ при перемѣнѣ губернатора дѣло переходитъ въ пользу противной стороны, которая заплатитъ хотя бы и менѣе. Но такъ какъ губернаторы рѣдко засиживаются на мѣстѣ болѣе трехъ лѣтъ, то въ теченіе десятка лѣтъ спорная земля поочередно переходитъ то къ той, то къ другой изъ спорящихъ сторонъ, которыя даже и не замѣчаютъ того, что каждый изъ нихъ заплатилъ за спорную землю вдвое болѣе того, что она стоитъ. Одинъ изъ туркменовъ рассказывалъ моему знакомому, что онъ со своими товарищами не иначе грабилъ персидскія деревни, какъ по предварительному уговору съ мѣстнымъ начальствомъ, при чемъ самъ администраторъ указывалъ имъ ту или другую богатую деревню, но подъ условіемъ, что туркмены были обязаны доставить администратору половину награбленнаго, не натурою, конечно, а деньгами.—Въ одной таковой деревушкѣ, добавилъ туркмень,—мнѣ попалась въ

добычу такая красавица-женщина, что я послѣ продалъ ее за тысячу тумановъ (2,000 руб.).

Персидскій крестьянинъ давно уже потерялъ всякій счетъ своему начальству. Кто только надъ нимъ не начальникъ? Первымъ и непосредственнымъ начальникомъ персидскаго крестьянина является его сельскій староста «кетхуда», а затѣмъ уже всякій, кто только по своему общественному положенію или по состоятельности выше крестьянина. Персидскій крестьянинъ, способный и даровитый отъ природы, запуганъ своимъ духовенствомъ, подавленъ экономической зависимостью отъ помѣщика и положительно терроризованъ чиновничествомъ. Такое многовѣковое положеніе его привило ему наружную вѣжливость и почтительность, подъ которыми скрывается трусость, двуличіе, вѣчная привычка лгать и крайняя продажность. Три четверти крестьянъ грамотны, при чемъ процентъ грамотности увеличивается по мѣрѣ близости селъ къ большимъ торговымъ центрамъ. Главную пищу у крестьянъ составляютъ рисъ и пшеница. Послѣдняя сѣется въ сѣверной Персіи и вообще на Иранскомъ плоскогоріи. Плантаціи риса занимаютъ болѣе низменныя влажныя мѣстности. Только на Востокѣ можно еще встрѣтить ту забитость, граничащую съ рабствомъ, которая царитъ среди сельскаго населенія средней Персіи. Я не говорю о горныхъ племенахъ или кочевникахъ восточной и юго-восточной ея части, эти племена, что называется, ни въ грошъ не ставятъ персидскихъ чиновниковъ. Что же касается нѣкоторыхъ туркменскихъ племенъ, кочующихъ на Востокѣ, то тѣ попросту издѣваются надъ предержавшими властями.

Года три назадъ одно изъ туркменскихъ племенъ вело себя крайне некорректно въ отношеніи мѣстнаго персидскаго населенія: говоря попросту, туркмены, уводили скотъ и похищали у персовъ ихъ женъ; персид-

Шеридеке гурезьяне, Молотыба ишениши.

ское правительство рѣшило наказать кочевниковъ. Противъ нихъ былъ отправленъ отрядъ подъ начальствомъ одного изъ сардарей. Отрядъ выступилъ изъ города и расположился лагеремъ противъ туркменскаго кочевья, при чемъ сардаръ послалъ сказать туркменамъ, что если они не перекочуютъ подальше, то онъ прикажетъ стрѣлять по ихъ палаткамъ, но туркмены даже и не подумали тронуться съ мѣста. Въ виду такого послушанія, казалось бы, слѣдовало двинуться противъ непокорныхъ и учинить имъ примѣрное наказаніе, но сей военачальникъ предпочелъ стоять лагеремъ и меланхолически покуривать кальянъ. Недѣлю спустя, туркмены увѣдомили его, что если онъ немедленно не уберется во свояси, то они сами начнутъ стрѣлять по его лагерю, и, дѣйствительно, на слѣдующій день двѣ-три туркменскія пули прожужжали по лагерю сардаря.

«Продолжать здѣсь нашу стоянку, обратился онъ къ своимъ офицерамъ,—не удобно и даже небезопасно, и немедленно послѣ столь воинственной рѣчи снялъ свой лагерь и храбро возвратился въ городъ. Все это могло бы показаться комическимъ анекдотомъ, если бы не было сообщеніемъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго очевидца. При всей своей трусости сардаръ былъ крайне жестокъ со своими подчиненными, угнеталъ и обиралъ населеніе и нажитыя такимъ образомъ деньги отправлялъ въ англійскій банкъ на храненіе.

ХІІ.

Тегеранскіе банки.

Финансоваго управленія и вообще какой бы то ни было финансовой системы въ Персіи не существуетъ. Нѣтъ также никакихъ національныхъ кредитныхъ учрежденій, а существующій банкъ, подъ именемъ Банка Персидской Имперіи «Banque Imperial de Perse», чисто англійское учрежденіе, основанное по данной ему концессіи 30-го января 1889 года. Концессія этого банка, что называется, всеобъемлюща, и выдана она нѣкому барону Рейтеру взамятъ всѣхъ концессій, дарованныхъ ему ранѣе, еще 25-го іюля 1872 года, о чемъ гласитъ 14-й параграфъ концессіи банка. Банкъ, согласно его уставу, основывается съ капиталомъ въ четыре милліона фунтовъ стерлинговъ, образуемыхъ выпускомъ извѣстнаго числа акцій. Банкъ получаетъ право выпуска бумажныхъ денегъ (банкнотовъ) на сумму до двадцати милліоновъ франковъ; о выпускахъ бумажекъ свыше этой суммы банкъ, согласно 3-му пункту концессіи, долженъ извѣстить персидское правительство. Интересно, что параграфъ этотъ совершенно умалчиваетъ о томъ, имѣетъ ли правительство поставить свое veto на дальнѣйшій выпускъ банкнотовъ. Затѣмъ 4-й параграфъ концессіи совершенно устраняетъ всякій контроль персидскаго правитель-

ства надъ дѣятельностью банка. Нельзя назвать контролемъ со стороны государства, напримѣръ, такую изумительную фразу: «Персидское императорское правительство имѣетъ высшій надзоръ надъ дѣятельностью банка въ лицѣ одного изъ высшихъ сановниковъ имперіи. Сановникъ этотъ имѣетъ право присутствовать какъ на общихъ собраніяхъ, такъ и въ засѣданіяхъ правленія банка каждый разъ, когда банкъ пригласитъ его». Банкъ, конечно, можетъ никогда и не приглашать столь страннаго представителя государственнаго контроля, обладающаго такимъ обширнымъ правомъ, какъ право являться тогда, когда его пригласятъ.

Банкъ уплачиваетъ въ пользу правительства 6 проц. изъ своихъ чистыхъ прибылей, и 6-й параграфъ концессіи предлагаетъ правительству заемъ одного милліона франковъ изъ 6 проц. въ счетъ слѣдующихъ отъ банка платежей, а затѣмъ пять милліоновъ франковъ изъ 8 проц. Кроме того, банкъ имѣетъ право взимать въ свою пользу комиссію за различныя услуги, оказываемыя имъ правительству.

Самый важный изъ параграфовъ этой пресловутой банковской концессіи—это параграфъ одиннадцатый, которымъ, кстати сказать, англичане не умѣли воспользоваться. Въ силу этого параграфа, банкъ получилъ монополію на эксплуатацію всѣхъ рудныхъ богатствъ Персіи въ теченіе 60-ти лѣтъ, при чемъ тѣ рудники и вообще рудныя мѣсторожденія, разработку которыхъ банкъ не начнетъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня своего учрежденія, не считаются вошедшими въ объемъ концессіи.

Вскорѣ послѣ учрежденія банка появились въ обращеніи въ Тегеранѣ его банкноты различнаго достоинства. И хотя на билетахъ этихъ имѣется персидскій гербъ и портретъ шаха, но это не мѣшаетъ имъ быть чисто англійскими фунтами стерлинговъ, пере-

веденными на краны. Операція, во всякомъ случаѣ, очень выгодная. Очевидно, что выпускать печатную бумагу въ обращеніе выгоднѣе, чѣмъ выпускать золотую монету.

Правда, бывають случаи, когда наступаетъ конецъ такому узаконенному гешефтмахерству, и года два назадъ начало такого конца уже имѣлось на лицо; отъ пресловутаго англійскаго банка остались бы только одни непріятныя для господъ англичанъ воспоминанія, если бы существующій въ Тегеранѣ русскій ссудный банкъ не оказался слишкомъ великодушнымъ. Въ одинъ прекрасный день въ англійскій банкъ посыпалась масса билетовъ для обмѣна на звонкую монету, то же продолжалось на второй и третій день, и въ концѣ-концовъ банкъ очутился безъ звонкой монеты, а требованія продолжали расти съ каждымъ часомъ. Дѣло въ томъ, что достаточно было одного слуха, пущеннаго въ обращеніе какимъ-то тавризскимъ мѣнялой о томъ, что банкъ выпускаетъ ничего не стоящую бумагу, какъ населеніе немедленно отказалось принимать банкноты, а тѣ, кто имѣлъ ихъ, явились въ банкъ для обмѣна на серебро. Въ банкѣ произошла заминка, населеніе Тегерана стало волноваться; директоръ со своими служащими бросились по всѣмъ закоулкамъ Тегерана отыскивать займы денегъ. Въ русскомъ ссудномъ банкѣ въ это время находилось болѣе чѣмъ на семьсотъ тысячъ рублей банкнотовъ, и достаточно было только половину этой суммы представить въ банкъ и потребовать размѣна, какъ банкъ оказался бы совершенно несостоятельнымъ. Оно и слѣдовало бы такъ поступить. Если бы нашъ ссудный банкъ очутился въ такомъ положеніи, то можно смѣло поручиться, что англичане не пощадили бы его, напротивъ, они увидѣли бы въ этомъ превосходное средство нанести довольно мѣткій ударъ нашему престижу и вліянію въ Персіи. Нашъ ссудный банкъ, руководясь врожденнымъ

славянскимъ великодушiемъ, не только удержалъ въ своемъ портфельѣ въ продолженiе всего этого времени цѣлую массу банкнотовъ, но еще въдобавокъ выдалъ англiйскому банку ссуду въ нѣсколько сотъ тысячъ. Получивъ такое подкрѣпленiе, англiйскiй банкъ оправился и, годъ спустя, я самъ былъ свидѣтелемъ самой пошлой неблагодарности этого англiйскаго учрежденiя. Правленiю нашего ссуднаго банка необходимо было перевести нѣсколько сотъ тысячъ рублей изъ Петербурга въ Тегеранъ черезъ Лондонъ. Деньги эти предназначались частью въ уплату тому же тегеранскому банку. Тегеранскiй англiйскiй банкъ, недавно еще спасенный отъ краха ссуднымъ банкомъ, конечно, отказалъ ссудному банку въ переводѣ этихъ денегъ, и причина отказа была самага англiйскаго свойства. Дѣло въ томъ, что персидское правительство задолжало тегеранскому англiйскому банку нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ виду высокихъ процентовъ, взимаемыхъ этимъ банкомъ, а также, главнымъ образомъ, опасаясь, что англичане, взявшiе доходы Бендеръ-Буширской таможи въ обезпеченiе и погашенiе этого долга, стали распоряжаться въ Бендеръ-Буширѣ, какъ у себя дома, персидское правительство сдѣлало заемъ въ русскомъ ссудномъ банкѣ на болѣе выгодныхъ условiяхъ и освободило единственный свой удобный портъ отъ англiйской опеки. Въ досадѣ, что дѣло дальнѣйшаго закабаленiя персовъ не выгорѣло, заправили банка вымѣщали свою злобу столь недостойнымъ образомъ.

Въ то время, какъ правленiе персидскаго ссуднаго банка въ Петербургѣ съ глубокомыслиемъ обдумываетъ вопросы мiровой политики, англичане уже успѣли образовать въ главныхъ торговыхъ пунктахъ Персiи отдѣленiя своего тегеранскаго банка. Отдѣленiя эти, какъ и центральное учрежденiе, пользуются правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ; такимъ образомъ англiй-

скій тегеранскій банкъ исподоволь раскидываетъ свои сѣти по всей Персіи и стремится вліять на всю ея внутреннюю торговлю. Существуетъ также въ Тегеранѣ и отдѣленіе московскаго международнаго банка, но обороты отдѣленія сравнительно не велики, а потому и остаются почти безъ всякаго вліянія на торговлю; районъ его дѣятельности ограничивается по преимуществу тегеранскимъ базаромъ.

Во время моего пребыванія въ Тегеранѣ во главѣ русскаго ссуднаго банка стоялъ В. В. Боровой, человекъ хорошо изучившій мѣстную торговлю и вообще условія коммерческаго быта Персіи. Нужно отдать справедливость какъ В. В. Боровому, такъ и всѣмъ сотрудникамъ его по банку. Работа у нихъ шла дружно и успѣшно, несмотря на всю своеобразность экономического строя и торговаго быта страны, и тегеранскій банкъ сталъ приносить порядочный дивидендъ на свой складочный капиталъ (если только капиталъ этотъ можно назвать складочнымъ). Необходимо также принять во вниманіе тяжелыя климатическія условія, среди которыхъ приходится жить и работать составу ссуднаго банка. Усидчивая копотливая работа при температурѣ, когда Реомюръ на солнцѣ показываетъ 62°, на много сокращаетъ жизнь. Сухой, рѣдкій и жаркій воздухъ Иранскаго плоскогорія дѣйствуетъ крайне раздражающимъ образомъ на нервную систему европейца.

Ссудный банкъ получилъ въ наслѣдіе отъ г. Полякова учрежденный имъ ломбардъ, который изъ года въ годъ, будучи единственнымъ въ Тегеранѣ, въ силу необходимости долженъ расширять свои операціи, а между тѣмъ составъ личнаго персонала банка слишкомъ малъ и слишкомъ заваленъ работою; слѣдовало бы прибавить еще по крайней мѣрѣ двухъ чиновниковъ, но очевидно, что правленіе ссуднаго банка, за сѣдающее въ Петербургѣ, не имѣетъ никакого пред-

ставленія о тяжести и непосильности труда его чиновниковъ въ Тегеранѣ.

Однажды мнѣ пришлось выслушать мнѣніе одного изъ моихъ знакомыхъ изъ русской колоніи, что операціи ломбарднаго отдѣленія банка только затрудняютъ банкъ мелкой работой и не приносятъ большихъ барышей. Но такой взглядъ на данную дѣятельность банка крайне одностороненъ. Мы никогда не должны забывать, что въ Персіи мы имѣемъ не только коммерческія, но и политическія задачи. Дѣло въ томъ, что въ Персіи, какъ и во всѣхъ некультурныхъ странахъ, учетный процентъ вообще очень высокій; это обстоятельство, а также и отсутствіе какихъ бы то ни было учреждений для мелкаго кредита породило сильное распространеніе ростовщичества, которое пустило глубокіе корни въ жизнь населенія и процвѣтаетъ въ самыхъ ужасающихъ формахъ, не находя ни малѣйшаго противодѣйствія ни въ законахъ, ни въ общественномъ мнѣніи страны.

Мелкимъ ростовщичествомъ, какъ и разнѣмъ денегъ, занимаются главнымъ образомъ сарбазы (солдаты) и взимаютъ съ бѣднаго люда по 120% за данныя займы мелкія суммы, по преимуществу подъ залогъ движимости. Съ открытіемъ ломбарднаго отдѣленія ссуднаго банка практика тегеранскихъ ростовщиковъ сократилась до минимума. Ломбардное отдѣленіе банка постоянно переполнено бѣднымъ классомъ тегеранскаго населенія, которое получаетъ ссуды подъ залогъ движимости, сравнительно по самымъ ничтожнымъ процентамъ. Сравненіе, конечно, въ пользу дѣятельности русскаго банка, образъ дѣйствій котораго возбуждаетъ въ себѣ чувства уваженія и симпатіи въ населеніи Тегерана, а отсюда слухи, конечно, идутъ и въ провинцію. Поэтому, мнѣ кажется, что нашъ ссудный банкъ въ Тегеранѣ не только не долженъ стремиться отдѣлаться отъ своего ломбарднаго отдѣленія, но напротивъ, открывая свои отдѣле-

нія въ Тавризѣ, Рештѣ, Испагани и Бендерѣ-Буширѣ, ссудный банкъ обязательно долженъ былъ бы открывать при каждомъ такомъ отдѣленіи и операціи по выдачѣ ссудъ подѣ мелкую движимость, даже и въ такомъ случаѣ, если бы банкъ отъ этой операціи никакой прибыли не имѣлъ.

Персидской внутренней торговлѣ неизвѣстенъ вексель. Персидскій купецъ учитываетъ въ нашемъ ссудномъ или англійскомъ банкѣ свою росписку за своею печатью (на Востокѣ печать повсюду замѣняетъ собою подпись). Протеста въ неплатежѣ тоже не существуетъ; равнымъ образомъ немислимо даже и принудительное взысканіе въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли его понимать. Для принудительнаго взысканія, напримѣръ, нанимается любой толковый феррашъ, который въ одно и то же время можетъ быть сторожемъ, разсылнымъ и палачомъ; такой субъектъ является къ неаккуратному плательщику, усаживается у порога его жилища, гдѣ просиживаетъ цѣлые дни, громко требуя денегъ и браня его на чемъ свѣтъ стоитъ. Мало того, феррашъ слѣдуетъ повсюду за злосчастнымъ должникомъ, какъ тѣнь, сопровождая его на улицѣ и на базарѣ криками и бранью. Въ концѣ концовъ онъ до того надоѣстъ должнику, что тотъ отдаетъ послѣднее, лишь бы избавиться отъ вѣчныхъ скандаловъ.

Въ Тегеранѣ нерѣдко можно наблюдать курьезную картину личнаго взысканія кредиторомъ денегъ со своего должника. Кредиторъ въ этомъ случаѣ становится у воротъ дома должника, кричитъ благимъ матомъ на всю улицу, ударяетъ себя «дланями въ перси», расцарапываетъ до крови лицо, рветъ на себѣ одежду и истязуетъ себя до тѣхъ поръ, пока не получитъ слѣдуемыхъ денегъ. Иногда эта церемонія продолжается по нѣсколько дней. Лучшимъ примѣромъ такого самоистязанія служитъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто года три-четыре назадъ въ одномъ изъ нашихъ закавказскихъ горо-

довъ. Рабочій персъ считалъ себя обиженнымъ однимъ изъ учреждений, которое, по мнѣнію перса, не доплатило ему слѣдующихъ за работу денегъ. Виновникомъ такой неуплаты онъ считалъ одного изъ служащихъ въ этомъ учрежденіи. Нѣсколько разъ злосчастный персъ являлся въ помѣщеніе учрежденія и пробовалъ, по обычаямъ своей родины, истязать себя, но каждый разъ былъ уводимъ блюстителемъ порядка въ мѣста прохладныя. Не добившись ничего такимъ путемъ, персъ, въ припадкѣ крайней досады, окуталъ себя съ ногъ до головы рогожей, облилъ керосиномъ и, вбѣжавъ въ переднюю даннаго учрежденія, зажегъ на себѣ окутывавшую его рогожу. «Пусть онъ такъ горитъ на томъ свѣтѣ, какъ я горю здѣсь!»—кричалъ онъ, называя имя виновника своего бѣдствія и катаясь по полу передней. Пока прислуга успѣла потушить этотъ живой факель, несчастный получилъ такіе ожоги, что спустя нѣсколько часовъ умеръ въ ужасающихъ мученіяхъ.

Даже очень порядочные купцы-персы зачастую просрочиваютъ свои росписки; въ такомъ случаѣ они уплачиваютъ проценты, и росписки ихъ остаются въ банкѣ до уплаты. Говоря вообще, строгое соблюденіе сроковъ платежей—понятіе на Востокѣ немыслимое: время, по обычаямъ Востока, далеко не деньги, но деньги въ Персіи очень дороги. Обыкновенный учетный процентъ, какъ я указалъ ранѣе, не бываетъ менѣе 12⁰/₁₀₀; такой процентъ обыкновенно взимаютъ банки; частный же дисконтъ весь въ рукахъ ростовщиковъ; для болѣе или менѣе крупнаго дисконта мѣстные ростовщики, по преимуществу сарбазы (солдаты), соединяются вмѣстѣ и учитываютъ обязательства не менѣе чѣмъ изъ 10⁰/₁₀₀ въ мѣсяць.

Среди богатыхъ персовъ мало кто занимается ростовщичествомъ, уже потому, что богатые персы, вслѣдствіе существующаго режима, употребляютъ всѣ усилія, чтобы скрыть свое состояніе. Зачастую можно встрѣ-

тить богатаго перса, закладывающаго свое золото въ иностранномъ банкѣ, чтобы уплатить свое обязательство; своихъ наличныхъ денегъ персъ, конечно, не вынетъ, чтобы не подумали, что онъ богатъ. Мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ однимъ изъ очень богатыхъ персовъ, обладателемъ цѣлаго десятка милліоновъ рублей. Но когда ему нужно было произвести крупный платежъ персидскому правительству, онъ съѣжившись пошелъ по всѣмъ банкамъ и учелъ свои векселя, хотя въ этомъ не представлялось ни малѣйшей надобности. Въ данномъ случаѣ персидское правительство вынудило этотъ очень крупный платежъ, придравшись къ богачу по поводу какого-то казуса. Бѣдный персъ былъ предварительно посаженъ въ тюрьму и подвергнутъ мучительнымъ истязаніямъ.

Пытка въ Персіи въ полномъ ходу, при чемъ она примѣняется безразлично ко всѣмъ подсудимымъ, будетъ ли это мелкій воришка или заправской душегубецъ. Кромѣ шаблонныхъ способовъ пытки, какъ, напримеръ, сдавливанія пальцевъ руки въ особыхъ тискахъ, мученія голодомъ и жаждою, родъ пытки за-зависитъ еще отъ изобрѣтательности палача или полицейскихъ чиновъ. Въ тавризской тюрьмѣ, напримеръ, одинъ изъ полицейскихъ, чтобы заставить обвиняемаго признаться во взводимомъ на него обвиненіи, насыпалъ въ небольшую жестяную коробку клоповъ, сороканожекъ и всякихъ мелкихъ ядовитыхъ насекомыхъ и, приложивъ эту коробку открытою стороною къ правому глазу обвиняемаго, приказалъ привязать коробку веревками. Въ такомъ положеніи несчастный оставался въ теченіе двухъ сутокъ, но въ преступленіи онъ не сознался, такъ какъ въ послѣдствіи выяснилось, что онъ былъ не причемъ. Персидскія тюрьмы въ большинствѣ случаевъ самая гнусныя грязныя подземелья, гдѣ люди задыхаются отъ вони и недостатка воздуха.

ХІІІ.

Домашній бытъ персовъ и ихъ національныя черты.

Меня не мало смѣшатъ существующія въ воображеніи публики картины восточной роскоши. Всѣ эти сказки о великолѣпіи Востока, его поражающемъ богатствѣ и неслыханной роскоши—все это только или плодъ досужей фантазіи господъ белетристовъ, или рассказы путешественниковъ сродни господину Ноздреву. Досадно то, что этими вздорными баснями пичкаютъ голову каждаго европейца чуть ли не съ пеленокъ. Между тѣмъ все дѣло въ томъ, что какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ богатые люди живутъ, что называется, богато, а бѣдняки живутъ вездѣ по-нищенски. Разница состоитъ только въ томъ, что въ богатыхъ домахъ европейцевъ ихъ обстановка приспособлена сообразно условіямъ ихъ жизни, обычаямъ, климату и понятію о комфортѣ. Жилище богатаго перса или турка, согласно условіямъ его жизни, обставлено тоже сравнительно богато, и если первый привыкъ валяться на мягкой кушеткѣ или широкомъ диванѣ, то послѣдній любитъ поваляться на хорошемъ коврѣ, подъ которымъ подосланъ тонкій матрасикъ. Но сравнивая съ полнымъ безпристратіемъ обстановку жизни богатаго челоѣка на Востокѣ и ту же обстановку богатаго европейца,

нельзя не придти къ заключенію, что обстановка европейца куда роскошнѣе, комфортабельнѣе и богаче.

Мнѣ приходилось не разъ бывать у самыхъ богатыхъ, а также и у многихъ власть имущихъ людей на Востокѣ, но никакой такой ослѣпительной обстановки, по крайней мѣрѣ такой, какою она рисуется европейцамъ, я не видѣлъ. Въ послѣднее время всѣ богатые люди на востокѣ начинаютъ исподволь обзаводиться европейскою мебелью. Но это пока только нововведеніе, не проникающее пока даже въ нравы и обычаи самихъ же обладателей европейской обстановки.

Востокъ—это юноша, одержимый болѣзью, извѣстною подъ названіемъ «собачьей старости». При всей своей древней культурѣ, которая придаетъ ему столь почтенный видъ, Востокъ любитъ яркіе цвѣта, съ восторгомъ слушаетъ сказки, вѣритъ во всякіе нелѣпные страхи, словомъ, это ребенокъ со старческою наружностью.

Что же касается собственно Персіи, то это несчастная страна, запертая со стороны запада тройною цѣпью Эльбурскихъ горныхъ хребтовъ и высотами Афганистана—съ востока, задыхается какъ среди этой природной клѣтки, такъ и подъ скорлупою своей древней цивилизаціи. Персы—народъ исковерканный арабами и турками, заставившими его силою меча перемѣнить свою древнюю свѣтлую религію на магометанство, плохо усвоенное народомъ и плохо понимаемое малообразованнымъ и фанатичнымъ духовенствомъ.

Можно смѣло утверждать, что будь только Константинополь въ рукахъ персовъ, Персія давно стала бы культурною странюю наравнѣ съ οποю западно-европейскою державою. У персовъ отъ природы и вслѣдствіе ихъ древней культуры имѣются всѣ данныя для полного воспріятія западной культуры, между тѣмъ какъ турки—только дикіе кочевники-завоеватели, люди вчерашняго дня, что называется не-

помнящіе родства, и ихъ историческая судьба — это судьба любой татарской орды: разгромить и затѣмъ, ничего не создавъ, исчезнуть, словно дымъ. И если Турцію еще не постигла эта участь, то, какъ извѣстно, только благодаря недоразумѣніямъ среди государствъ Европы.

Турція не только ничего не создала въ Европѣ, но на ней еще лежитъ великій грѣхъ передъ всѣмъ мусульманскимъ міромъ: турки, полу-дикіе кочевники, исказили исламъ, погубивъ тотъ расцвѣтъ его, который столько общалъ человѣчеству. Достаточно только вспомнить ту высокую культуру, которую проявили арабы послѣ завоеванія ими Испаніи, чтобы понять, что завоеватели арабовъ, турки, не только не воспользовались ихъ наслѣдіемъ, но окончательно убили въ зародышѣ культурную мисію арабовъ. Въдь и по настоящее время изъ Константинополя, столицы падишаха (главы мусульманства), продолжаетъ исходить тотъ мракъ, который все болѣе и болѣе окутываетъ мусульманство и ведетъ его къ гибели. Изъ Константинополя главнымъ образомъ исходитъ ложное пониманіе и ложное толкованіе корана. Дѣло въ томъ, что коранъ, если отбросить его историческую сторону, т. е. тѣ положенія, которыя были созданы для полудикихъ кочевыхъ арабовъ и вызывались необходимостью постоянныхъ войнъ съ сосѣдними племенами, то эта священная книга мусульманъ заключаетъ въ себѣ массу положеній, которыя могли бы дать основаніе, какъ къ религіозному сближенію могометанъ съ христіанами, такъ и къ прогрессивному движенію всѣхъ магометанскихъ національностей.

Имамъ-Мударисъ Баязитовъ, въ своей брошюрѣ «Исламъ и Прогрессъ», указываетъ на эту сторону корана. Между прочимъ, коранъ говоритъ своимъ послѣдователямъ:

«О вы, получившіе писанія! Не измѣняйте въ вашей

религіи истинной вѣры, не говорите о Богѣ, кромѣ истины. Мессія, Иисусъ, Сынъ Маріи, Апостоль Бога и Его слово, которое онъ бросилъ въ Марію. Онъ духъ, происходящій отъ Бога» (гл. 4-я, стихъ 169—Коранъ).

«По слѣдамъ другихъ пророковъ мы послали Иисуса, сына Маріи, для подтвержденія Пятикнижія. Мы дали Ему Евангеліе, которое содержитъ направленіе и свѣтъ; оно подтверждаетъ Пятикнижіе. Евангеліе тоже содержитъ направленіе и предостереженіе тѣмъ, которые боятся Бога (стихъ 50, тамъ же).

«Однажды Ангелы сказали Маріи: Богъ возвѣщаетъ тебѣ свое слово, онъ назовется Мессія, Сынъ Маріи, знаменитый на этомъ свѣтѣ и на томъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Богу (гл. 3, стихъ 40, тамъ же).

«Ибо Онъ будетъ говорить человѣчеству дитятей въ колыбели и человѣкомъ взрослымъ и будетъ Онъ въ числѣ правыхъ» (стихъ 41, тамъ же).

«Всѣ вы возвратитесь ко Мнѣ, говоритъ Господь, и Я между васъ разсужу о предметѣ вашихъ споровъ» (стихъ 48).

«И не говорю Вамъ (говоритъ Магометъ о себѣ), что я владѣю сокровищами Бога, что знаю тайныя дѣла; не говорю вамъ, что я Ангелъ, но заставлю слѣдовать только тому, что мнѣ открыто. Скажи имъ: слѣпой и зрячій развѣ одно и то же? Не размыслите ли это?» (стихъ 50).

«Призывай людей на путь Божій мудростью и кроткими увѣщаніями. Если ты входишь съ нимъ въ споръ, веди его честнѣйшимъ образомъ» (гл. 16, ст. 126).

«Несовершенна вѣра мусульманина, пока онъ не полюбитъ брата (ближняго), какъ самого себя» говоритъ Магометъ.

Приведенныя выдержки изъ корана достаточно ясно рисуютъ отношеніе первоначальнаго, не искаженнаго ислама, къ христіанству и къ человѣчеству вообще.

Онѣ же указываютъ на скромность, съ которою Магометъ глядѣлъ на самого себя и на свою миссію.

Въ такомъ ли духѣ проповѣдуется нынѣ исламъ въ Константинополь и Тегеранъ? Такъ ли его понимаютъ господа муштаиды, муллы и сеиды, потомки пророка, которые стремятся монополизировать въ своемъ словіи толкованіе ученія Магомета; такъ ли понимаетъ ученіе ислама шейхъ-уль-исламъ.

Все, что осталось нынѣ отъ ислама—одинъ только сухой внѣшній ритуаль; нынѣ въ немъ нѣтъ «духа жива»: все лучшее общечеловѣческое погребено подъ мусоромъ историческихъ и новыхъ наслоеній. Въ этомъ отношеніи нынѣшній исламъ напоминаетъ собою во многомъ современный юдаизмъ, исповѣдуемый той еврейской толпою, которая находится еще подъ влияніемъ своихъ цадиковъ. Та же фанатичная приверженность къ обряду и то же полное непониманіе духа религіи. А между тѣмъ, «первое, что сотворилъ Господь — это разумъ», сказалъ Магометъ.

«Ученые на землѣ—наслѣдники пророковъ», ученый есть свѣточъ, факель земли»; «ученые превосходятъ богомольцевъ отшельниковъ, какъ разнится свѣтлая луна надъ звѣздами»; таково ученіе ислама, которое, пожалуй, съ большимъ успѣхомъ могло бы быть примѣнено кое-гдѣ и въ Европѣ.

Выше я указалъ на тѣ положенія корана, которыя противорѣчатъ нашей европейской культурѣ и которыя навсегда останутся чуждыми европейцу. Дѣло въ томъ, что коранъ написанъ не сразу, да при томъ магометане вовсе не имѣютъ подлиннаго корана, а только позднѣйшіе списки его. Въ большинствѣ случаевъ Магометъ диктовалъ свои изреченія писцамъ, которые, очевидно, не отличались ни высокимъ образованіемъ, ни даже грамотностью. Но если принять во вниманіе, что позднѣйшіе списки корана подверглись, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, всевозможнымъ искаженіямъ, то станетъ по-

нятнымъ, почему, на ряду съ высоконравственными изреченіями, попадаются изреченія невозможныя не только съ точки зрѣнія европейца, но даже и магометанина.

Къ величайшему сожалѣнію, нужно признать, что девяносто процентовъ современнаго магометанскаго духовенства, если оно и вѣруеть въ коранъ, то вѣрують не въ духъ корана, а въ его букву. Лучшая же часть магометанскаго духовенства составляетъ такую незначительную долю среди цѣлаго моря изувѣровъ-фанатиковъ, что вліяніе ея на народъ самое незначительное. Многіе изъ лучшихъ духовныхъ лицъ даже опасаются высказываться, изъ боязни быть заподозрѣнными въ ереси или невѣріи и быть призванными къ духовному суду, который по традиціонной дѣятельности ничуть не лучше блаженной памяти испанской инквизиціи. Боязнь духовнаго суда въ Персіи столь велика, что цѣлая масса очень порядочныхъ людей принуждена фарисейничать, питая въ душѣ полное презрѣніе и даже ненависть къ представителямъ дикаго темнаго фанатическаго духовенства. Вѣдь даже такая свѣтлая и глубоко-симпатичная личность, какъ муштаидъ Хаджи-Шейхъ-Гаади и тотъ находится въ подозрѣніи у приверженцевъ буквоѣдства и фанатиковъ.

Исламъ ждетъ своего обновленія, ждетъ своего Лютера. Первые симптомы броженія умовъ въ этомъ направленіи уже имѣются налицо. Младотурецкая партія среди сунитовъ и бабиты въ Персіи предвозвѣщаютъ кромѣ политической и религіозную реформу. Все будетъ, конечно, зависѣть отъ успѣха ихъ пропаганды и отъ возможности нарушить косность народныхъ массъ Востока.

Здѣсь неволью навязывается вопросъ о томъ, что мы сдѣлали для религіозно-нравственнаго просвѣщенія тѣхъ милліоновъ магометанъ, которые входятъ въ составъ нашего государства? Къ сожалѣнію, почти

что ничего. Одно время была попытка, исходившая изъ частной инициативы, основанія ежемѣсячнаго журнала на одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ, на которомъ говорятъ наши мусульмане. Но оказалось, что основаніе такого журнала было признано почему-то неудобнымъ. Можно смѣло утверждать, что такой взглядъ на данный предметъ является крайне ошибочнымъ. Очевидно, было упущено изъ виду, что здѣсь ставился ребромъ вопросъ о томъ, питаться ли нашимъ мусульманамъ тѣми здоровыми идеями, которыя находили бы себѣ мѣсто въ издаваемомъ въ Петербургѣ журналѣ подъ руководствомъ просвѣщенныхъ мусульманъ, или тѣми религіозными бреднями, полными дикаго фанатизма, которыми переполнены брошюры, издающіяся разными мусульманскими изувѣрами въ Турціи и Остѣ-Индіи. Несмотря на всѣ таможи и заставы, брошюры эти въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ попадаютъ въ Россію, читаются на захватъ и чуть ли не наизусть заучиваются мусульманскимъ населеніемъ; онѣ-то главнымъ образомъ и даютъ въ результатѣ весьма многія печальныя явленія, за которыя приходится расплачиваться и нашему государственному организму, и злополучному темному мусульманскому населенію. Меня упорно преслѣдуетъ мысль, что и въ Андиганскомъ возстаніи брошюры эти сыграли немаловажную подготовительную роль. Пора бы намъ давно убѣдиться въ томъ, что затхлои умственной пищѣ необходимо противопоставить такую же пищу здоровую, и что никакія таможенныя заставы не могутъ воспрепятствовать появленію среди нашего мусульманства тѣхъ брошюръ, о которыхъ сказано выше.

XIV.

Пути сообщенія.

Турція еще не изгнана изъ Европы, вслѣдствіе соперничества западно-европейскихъ державъ. Китай и Африка по той же причинѣ представляютъ собою арену грызни соперничающихъ государствъ, а Персія не имѣетъ ни одной желѣзной дороги—вслѣдствіе соперничества Россіи и Англїи. Тѣмъ не менѣе Англїя, а теперь уже и Германія, давно прилагаютъ всяческія заботы о соединеніи желѣзною дорогой Персидскаго залива со средней Персіею, Остъ-Индіею и средиземнымъ моремъ. Около 26-ти лѣтъ тому назадъ, кажется въ 1872 г., вслѣдъ за первымъ путешествіемъ шаха Насръ-Эддина въ Европу, англичане умудрились получить неслыханную еще въ лѣтописяхъ концессию на постройку желѣзной дороги съ юга Персіи на сѣверъ: отъ Персидскаго залива къ Тегерану и Тавризу съ различными развѣтвленіями. Если не ошибаюсь, концессія эта была выдана барону Рейтеру, основателю нынѣшняго англійскаго банка въ Персіи. Кромѣ всяческихъ правъ, монополій и т. д., одинъ изъ пунктовъ этой пресловутой концессіи гласилъ, что англичане имѣютъ право въ теченіе девяноста лѣтъ (срокъ концессіи) занять по одному фарсаку земли по обѣ стороны желѣзной дороги на всемъ ея протяженіи, при-

чемъ могутъ заселить эту землю, и всѣ жители, поселившіеся на этой полосѣ, должны считаться подъ протекторатомъ Англій. Appetitъ былъ проявленъ чисто британскій. Фарсакъ означаетъ протяженіе отъ 6 до 8 верстѣ, слѣдовательно, въ обѣ стороны желѣзнодорожной линіи уже никакъ не менѣе 15 верстѣ.

Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что на эту благодатную полосу стеклась бы масса трудолюбиваго персидскаго населенія, убѣгая отъ поборовъ и жестокостей своихъ хановъ и чиновниковъ. Такимъ образомъ, среди Персіи образовалось бы независимое государство подъ протекторатомъ Англій или, лучше сказать, всю Персію по различнымъ направленіямъ прорѣзали бы англійскія владѣнія; словомъ, задумано было недурно и, пожалуй, даже могло бы быть приведено въ исполненіе, еслибы не случились кое-какія обстоятельства, помѣшавшія столь блистательнымъ планамъ господъ бриттовъ. Во-первыхъ, нашлись добрые люди, которые уяснили покойному Насръ-Эддину, что такая концессія не только обезлюдитъ его страну и онъ рискуетъ остаться императоромъ безъ подданныхъ и податей, но и вся страна исподволь перейдетъ подъ протекторатъ Англій, и во-вторыхъ, въ концессіи былъ указанъ срокъ, въ теченіе котораго англичане должны были приступить къ работамъ, иначе они теряли право на концессію.

Покойный шахъ, обсудивъ всѣ возможныя послѣдствія совершеннаго имъ промаха, говорятъ, пришелъ въ ужасъ. Когда наступилъ срокъ начала работъ, англичане не могли уже найти рабочихъ среди персовъ, а выписанные ими инструменты и машины застряли отчасти на Закаспійской дорогѣ (тогда еще существовалъ транзитъ), отчасти въ портахъ Каспійскаго моря. Насръ-Эддинъ, конечно, былъ въ восторгѣ, избавившись отъ столь грозной перспективы.

Взамѣнъ этой концессіи, англичане удовольствовались

лись концессією на судоходство по рѣкѣ Каруну, главному притоку р. Шатъ-эль-Арабъ, гдѣ они и поднесъ хозяйничаютъ въ свое полное удовольствіе.

Еще за нѣсколько лѣтъ до полученія барономъ Рейтѣромъ упомянутой концессіи, если не ошибаюсь, въ 1870 году былъ составленъ инжен. путей сообщенія С. Е. Палашковскимъ подробный проектъ желѣзнодорожнаго пути отъ Энзели, т. е. отъ береговъ Каспійскаго моря на югъ къ Индійскому океану. Но несмотря на проявленную персидскимъ правительствомъ готовность выдать концессію на постройку этой линіи и на предложенные группою капиталистовъ крупныя средства для осуществленія даннаго предпріятія, предпріятіе это не могло быть осуществлено въ силу особыхъ политическихъ обстоятельствъ. Въ этомъ сказалась общая судьба начинаній русскихъ даровитыхъ людей. Большинство нашихъ выдающихся начинаній, проектовъ и изобрѣтеній приводятся въ исполненіе иностранцами.

Въ противовѣсъ англійской концессіи на судоходство по рѣкѣ Каруну, мы тоже получили концессію на всѣ желѣзныя дороги въ Персіи, но концессію лишь отрицательнаго свойства. Въ силу столь блистательной концессіи, Персія обязалась не давать кому бы то ни было, въ томъ числѣ и намъ, никакихъ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и, признаться, она выполнила свято свое обязательство. Съ точки зрѣнія персовъ, строгое выполненіе такого обязательства было имъ даже очень пріятно, такъ какъ, во-первыхъ, это не требовало никакихъ расходовъ и, во-вторыхъ, потому, что девять десятыхъ персовъ твердо убѣждены въ томъ, что въ Европѣ желѣзныя дороги строятся только потому, что тамъ нѣтъ такихъ хорошихъ вьючныхъ животныхъ, какъ въ Персіи.

Проведеніе желѣзнодорожной линіи отъ границъ Остъ-Индіи черезъ юго-западную Персію и соединеніе этой линіи съ той магистралію турецкой желѣзной

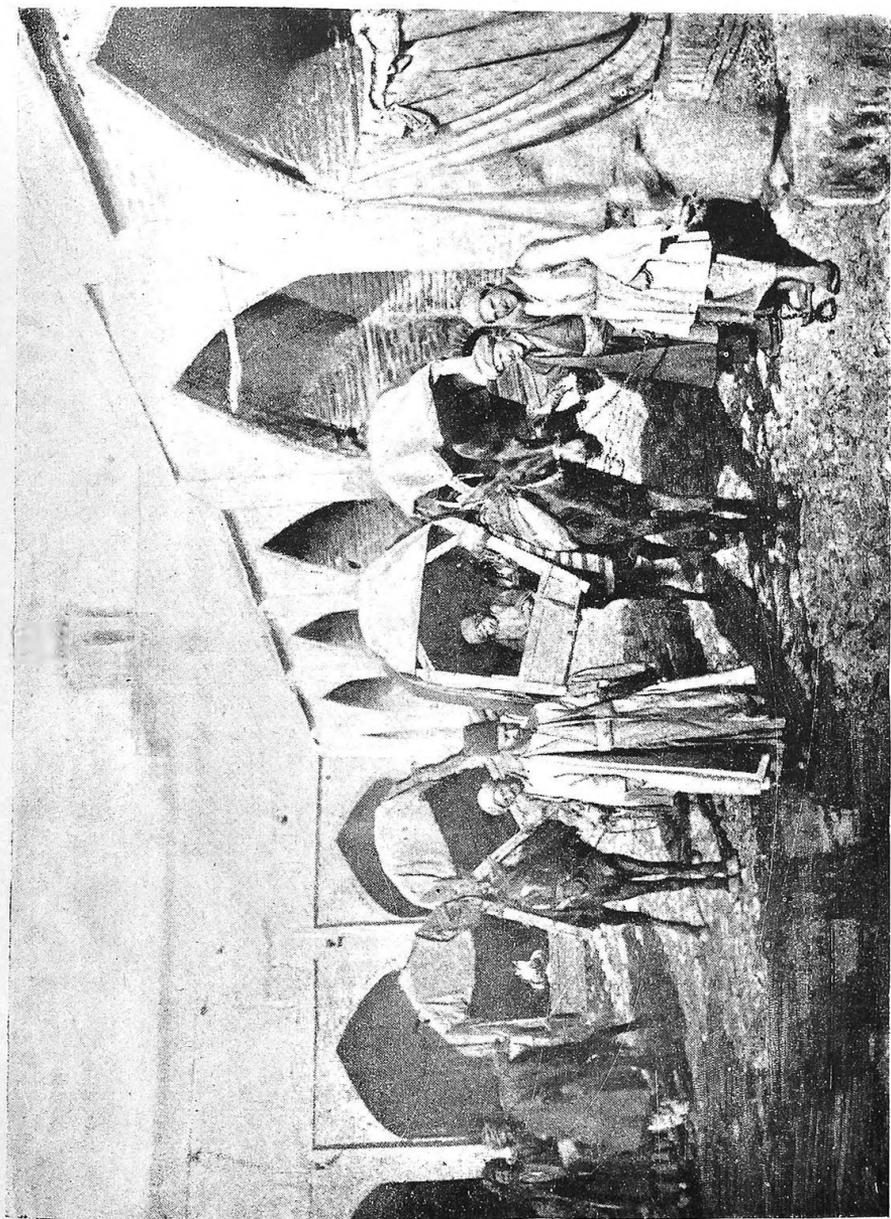
дороги, которая получить выходъ въ средиземное море, будетъ большимъ политическимъ ударомъ для насъ. Поэтому, пока еще не поздно, мы должны принять все мѣры къ тому, чтобы предупредить этотъ шагъ господъ англичанъ и нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, у насъ пока даже не имѣется ни одной желѣзнодорожной линіи, которая соприкасалась бы съ границами Персіи. Оставляя даже въ сторонѣ всякія политическія соображенія, у насъ, къ сожалѣнію, никто и подумать не желаетъ о томъ, что проведеніемъ такой линіи мы дали бы громадный толчекъ нашей вывозной торговлѣ въ Персію.

Заинтересованныя къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Персіи различныя финансовыя группы пронюхали, что срокъ концессіи о «непостройкѣ» вскорѣ оканчивается, и я лично видѣлъ въ Тегеранѣ одного нѣмца, представителя нѣмецкой группы капиталистовъ, который, подъ видомъ скупки и вывоза изъ Персіи бараньихъ кишекъ, хлопоталъ подъ шумокъ о концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Багдада въ Испагань.

Можно предположить, что постройку дороги отъ Средиземнаго моря (Требизонда) до Багдада предупредительно возьмутъ нѣмцы (что и случилось уже), а затѣмъ англичане, вѣроятно, станутъ хлопотать и о концессіи на желѣзную дорогу отъ порта Бендеръ-Бушира у Персидскаго залива или другого морского пункта въ Тегеранъ черезъ Ширазъ, присоединивъ сюда отдѣльныя вѣтки на Испагань и другіе не менѣ важные торговые центры.

Итакъ, еще девять лѣтъ тому назадъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на англійскую концессію такою же концессіею на постройку желѣзной дороги отъ станціи Закавказской желѣзной дороги Евлахъ на Джебраиль и далѣе на Тавриздъ, какъ самый важный торговый центръ вообще всей Персіи и по преимуществу ея сѣверной

части, и соединивъ Батумъ и Баку съ Тавризомъ, взять въ руки всю торговлю сѣверной и сѣверо-западной Персіи, или же приступить къ осуществленію проектированной С. Е. Палашковскимъ желѣзнодорожной линіи, мы удовольствовались этой отрицательной концессіей, и успокоились, не скажу чтобы на лаврахъ... Соединеніе Баку съ Тавризомъ желѣзнодорожною линіею должно служить нынѣ главною нашею заботою, такъ какъ ареною всей нашей торговли съ Персіей является Волга и Каспійское море, куда въ настоящее время прибавилась еще линія на Петровскъ, связавшая Баку со всей сѣтью нашихъ дорогъ. Въ настоящее время товары наши направляются въ Тавриздъ караванными путями, главнымъ образомъ на Джебраиль и Джульфу по горнымъ тропамъ и высокимъ переваламъ. Такой путь могутъ выдержать только цѣнные и мало-громоздкіе товары. Такихъ товаровъ мы пока производимъ сравнительно мало, да и Персія для нихъ не представляетъ широкаго спроса. Персидскому населенію главнымъ образомъ нужны: желѣзо, миткаль, сахаръ, мыло, керосинъ, бумага, спички,—словомъ, такіе продукты, которые могутъ имѣть хорошій сбытъ только при условіи дешевой перевозки, между тѣмъ какъ въ настоящее время доставка пуда товара изъ Россіи въ Тавриздъ, включая сюда и 5-ти проц. пошлину и накладные расходы, обходится не менѣе 2 р. 50 к., а то, пожалуй, и больше. Если пудъ бумаги въ Россіи стоитъ 5 р., то въ Тавриздъ онъ будетъ продаваться оптомъ по 8 р., а въ Тегеранѣ цѣна его будетъ не менѣе 10 р. Между тѣмъ при существованіи желѣзнодорожной линіи Евлахъ-Тавриздъ всѣ расходы на пудъ товара едвали превысятъ 80—90 к. Разница, кажется, не малая. Если нынѣ Россія караванными путями ввозитъ въ Персію болѣе чѣмъ на 2 милліона руб. сахара, то при существованіи желѣзной дороги она могла бы ввозить на 4 милліона руб.—и такъ во всемъ.

Передвижение въ кеджэвэ.

Англійскіе и вообще иностранные товары по закрытіи транзита по Закавказской жел. дорогѣ ввозятся въ Персію главнымъ образомъ двумя путями: черезъ портъ Бендеръ-Буширъ у Персидскаго залива и черезъ Требизондъ (Черное море) на Багдадъ-Тавризь. Товары, направленные съ юга черезъ Бендеръ-Буширъ въ Тегеранъ, должны выдерживать тридцатидневный караванный путь при сильнѣйшей жарѣ и крайне неудобныхъ путяхъ сообщенія. Масса товара при этомъ портится и пропадаетъ: коробки съ консервами и бутылки лопаются отъ образовавшихся газовъ, а стеариновые свѣчи таютъ. Доставка этимъ путемъ пуда товара въ Тегеранъ, включая и накладные расходы, обходится около двухъ рублей. Почти во столько же обходится и доставка пуда груза въ Тавризь черезъ Требизондъ (Трапезундъ).

Несмотря однако на всю трудность такой доставки, англійскіе товары конкурируютъ съ нашими нѣсколько слабѣе въ Тавризь и окончательно вытѣснили наши товары изъ южной и юго-западной части Персіи. Что же станется съ нашей торговлею съ Персіей, когда англичане или нѣмцы проведутъ двѣ желѣзнодорожныя линіи: одну по направленію отъ Требизонда въ Тавризь, а другую отъ Бендеръ-Бушира черезъ Ширазъ въ Тегеранъ съ вѣткою на Испагань? Если въ настоящее время я покупалъ на Тегеранскомъ базарѣ превосходныя въ красивыхъ коробкахъ японскія спички по цѣнѣ чуть-чуть дороже лапшинскихъ безобразныхъ издѣлій, то при существованіи указанной дороги наши товары не будутъ въ состояніи выдержать конкуренцію не только съ англійскими, но даже съ японскими товарами.

Нѣсколько лучшихъ тегеранскихъ магазиновъ торгуютъ исключительно лишь иностранными товарами.

XV.

Повелитель Персіи и его министры.

Сегодня, въ 10 ч. утра, намъ назначена аудіенція у шаха въ его загородномъ дворцѣ. Дворецъ находится въ 18-ти верстахъ отъ Тегерана, у подножія Эльбурскихъ горъ, на высотѣ около тысячи футъ выше столицы. Къ девяти съ половиною часамъ поданъ экипажъ: съ нами садится старшій драгоманъ посольства, на обязанности котораго лежитъ представить насъ повелителю Персіи.

Полчаса подъема вверхъ (мы отправляемся изъ Зергэндэ) среди жары и пыли, и нашъ экипажъ въѣзжаетъ въ маленькую деревушку, дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ и останавливается среди небольшого двора, наполовину занятаго десяткомъ экипажей. Десятка два сарбазовъ, одѣтыхъ въ красные мундиры, подходятъ къ нашему экипажу съ твердымъ намѣреніемъ проводить насъ до большой арки, закрытой парусиновой занавѣсью. У арки насъ встрѣчаетъ нѣсколько придворныхъ чиновъ, рангъ и званіе которыхъ такъ и остались для меня неизвѣстными. Парусиновая портьера отдѣляетъ дворъ отъ дворцоваго сада, куда мы входимъ по дорожкѣ, свѣжеусыпанной пескомъ. Съ правой стороны виднѣется длинное двухэтажное зданіе для помѣщенія дворцовой стражи, слѣва вверхъ по-

дымается красивый садъ. Бѣгущая съ горъ вода, проходя черезъ этотъ садъ, разбивается здѣсь на нѣсколько ручьевъ, берега и дно которыхъ выложены полу-обоженымъ кирпичемъ. Пройдя шаговъ двадцать, мы подходимъ къ такому звенящему ручью; въ это время драгоманъ обращается къ намъ съ фразою: «а вотъ и шахъ».

Въ тридцати шагахъ отъ насъ вверхъ, подъ большимъ тѣнистымъ деревомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ ручей переброшенъ крохотный мостикъ, повелитель Персіи сидитъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ. Выше средняго роста, смуглый, съ выбритымъ лицомъ и большими черными усами, шахъ производитъ впечатлѣніе добродушнаго малороссійскаго помѣщика былыхъ временъ. Мягкое выраженіе его добрыхъ красивыхъ глазъ, благодушіе, разлитое на нѣсколько полномъ, но очень породистомъ лицѣ, спокойная ровная походка, скромность и даже нѣкоторая застѣнчивость въ движеніяхъ—все это привлекаетъ на его сторону общія симпатіи.

Шахъ, по обычаю восточныхъ властелиновъ, никому не отвѣчаетъ на поклоны. Въ отвѣтъ на нашъ поклонъ, онъ сдѣлалъ движеніе рукой, поманилъ насъ ближе къ себѣ и, когда мы остановились въ десяти шагахъ отъ него, онъ вторично сдѣлалъ рукою такое же движеніе; мы приблизились. Мой товарищъ въ нѣсколькихъ словахъ благодаритъ шаха за его благосклонное отношеніе къ нашему дѣлу; затѣмъ пишущій эти строки добавляетъ, что развитіе промышленности въ Персіи повліяетъ на экономическое положеніе страны и вообще дастъ возможность мѣстному населенію зарабатывать кусокъ хлѣба. Шахъ благосклонно выслушиваетъ наши рѣчи, затѣмъ съ интересомъ осматриваетъ преподнесенные нами подарки и заявляетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы думаемъ вести развѣдки, у него имѣются двѣ излюбленныя деревни, гдѣ онъ охо-

тился на медвѣдей, еще будучи наслѣдникомъ. Шахъ большой любитель охоты и, заговоривъ о ней, ожилъ, приподнялся съ кресла и, подойдя къ намъ очень близко, говорилъ на эту тему нѣсколько минутъ. Шахъ говорилъ по-французски, и хотя онъ не владѣетъ этимъ языкомъ въ совершенствѣ, но все же излагаетъ на немъ свои мысли. Мы все время стояли въ шляпахъ: снять шляпу по восточнымъ обычаямъ значитъ оказать неуваженіе. Даже близкіе люди, придя другъ къ другу въ гости, не снимутъ ни шапки, ни чалмы, пока хозяинъ дома или старшій изъ присутствующихъ не предложитъ этого.

Въ своей частной жизни шахъ живетъ, какъ и всѣ персы: ложится спать рано, встаетъ съ разсвѣтомъ и трижды въ день совершаетъ краткую молитву. Онъ вообще человѣкъ очень религіозный, чѣмъ отчасти и объясняется то обстоятельство, что въ его царствованіе очень усилились власть и вліяніе духовенства, а равно и сеидовъ.

Шахъ, къ сожалѣнію, не отличается крѣпкимъ здоровьемемъ, хотя съ виду нельзя предположить въ немъ болѣзненнаго человѣка.

Въ общегитіи шахъ выказываетъ много сердечной доброты и снисходительности и большой врагъ всякихъ жестокихъ казней, которыя практиковались ранѣе въ Персіи. Шахъ противится также выколачиванію всякихъ податей съ народа, но, къ сожалѣнію, это его благое желаніе далеко не исполняется его чиновниками. Музаферъ-Эддинъ, въ противоположность своему отцу, не придаетъ деньгамъ никакого значенія; онъ раздаетъ ихъ очень щедро.

Покойный Насръ-Эддинъ былъ очень расчетливъ; онъ завелъ даже особый ящикъ, который носилъ названіе «Ящикъ дураковъ». Кто желалъ получить титулъ хана или «Меча государства», или «Опоры правосудія» и т. д., то вносилъ шаху извѣстную приличную сумму

денегъ, которыя поступали затѣмъ въ «ящикъ дураковъ»; къ концу года ящикъ, къ вящему удовольствію шаха, всегда былъ полонъ.

Гаремъ шахскій очень не великъ; всѣхъ женъ у шаха около двадцати. Покойный Насръ-Эддинъ имѣлъ ихъ болѣе двухсотъ. Каждый разъ, когда покойный шахъ возвращался съ охоты, такъ всѣ и знали, что онъ везетъ новую жену; въ этомъ отношеніи онъ всегда охотился безъ промаха.

Всѣ жены шаха, какъ и вообще весь женскій придворный штатъ, безропотно повинуются старшему евнуху и его помощникамъ. Ни одна изъ женъ не имѣетъ права отлучиться изъ эндерума безъ разрѣшенія евнуха, а въ случаѣ жалобы на его деспотизмъ, тотъ въ оправданіе себя лишь глубокомысленно заявляетъ: «знаю, зачѣмъ этотъ выѣздъ былъ такъ необходимъ ханумъ; здѣсь пахнетъ измѣной»; противъ такой аргументаціи даже властелинъ Персіи безсиленъ; евнухъ всегда выходитъ побѣдителемъ, но горе побѣжденной: евнухъ животное мстительное и не только оклеветаетъ при удобномъ случаѣ ни въ чемъ неповинную женщину, но и подведетъ. Поэтому жены какъ шаха, такъ и вельможъ всегда стараются задабривать деньгами и подарками приставленныхъ къ нимъ подобныхъ стражей, состоящихъ въ большинствѣ случаевъ изъ кастрированныхъ рабовъ-негровъ.

Главный евнухъ шаха и садръ-азама—сильные люди, особы, играющія видную роль въ Тегеранѣ. Населеніе относится къ нимъ съ крайнимъ презрѣніемъ, хотя и побаивается ихъ. Въ штатѣ шахскихъ евнуховъ имѣются два карлика, которые во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ слѣдуютъ въ шахскомъ кортежѣ въ отдѣльной старой каретѣ и какъ своею наружностью, такъ и выѣздомъ представляютъ крайне жалкое зрѣлище. Не менѣе отталкивающее зрѣлище представляетъ собою десятокъ палачей, одѣтыхъ въ красные казакины,

и въ парадныхъ случаяхъ сопровождающихъ шахскій кортежъ. Личную охрану шаха, его конвой, составляютъ всадники изъ племени каджаръ. Каджары племя, изъ котораго происходитъ нынѣ царствующая династія, и поэтому неудивительно, что они пользуются большимъ довѣріемъ шаха. Кромѣ всѣхъ прочихъ мотивовъ, охрана престола является для каджаръ въ то время охраною главенства ихъ племени среди другихъ многочисленныхъ племенъ, населяющихъ Персію. Въ свое время это племя было однимъ изъ самыхъ воинственныхъ и въ тоже время самыхъ красивыхъ; это сказывается и нынѣ, глядя на ихъ красивыя, умныя и энергичныя лица.

Придворный штатъ составляютъ лакеи и камергеры, при чемъ переходъ изъ первой должности въ послѣдующую, высшую, зависитъ не отъ породы, а отъ личныхъ заслугъ. Въ придворномъ штатѣ состоятъ тоже два медика: англичанинъ и персъ—Хахимъ-Уль-Мулькъ. Послѣдній пользуется большимъ довѣріемъ шаха и даже состоитъ его личнымъ другомъ. Шахъ только наблюдаетъ за управленіемъ государства. Управляетъ фактически государствомъ первый министръ, садръ-азамъ, при чемъ власть его почти неограниченна, а главное ни объемъ, ни пространство власти не опредѣляются закономъ, да такого опредѣленія и быть не можетъ по той простой причинѣ, что въ Персіи законовъ для управленія государствомъ не существуетъ. Въ большинствѣ случаевъ первый министръ, съ согласія шаха, назначаетъ всѣхъ прочихъ министровъ.

Нынѣшній садръ-азамъ Амиръ-Султанъ принадлежитъ къ числу далеко недюжинныхъ людей. Онъ чуть ли не единственный человѣкъ въ современной Персіи, котораго можно назвать государственнымъ мужемъ. Это человѣкъ широкихъ взглядовъ и широкой натуры. Къ сожалѣнію, государственный организмъ Персіи до того расшатанъ, что даже такой умный и талантливый

человѣкъ, какъ Аминъ-Султанъ, едвали въ состояннн будеть привести въ порядокъ вѣками разрушающееся зданіе имперіи. Наружность садръ-азамъ очень симпатична: брюнетъ, выше средняго роста съ очень умными проннцательными глазами и прнвѣтливою улыбкою, онъ всегда умѣеть очаровать каждаго, кто почему-либо прнходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Желаніе помочь каждому, широкое гостепрнмство и пониманіе людей составляютъ главныя черты его характера. Садръ-азамъ прнсходитъ отъ отца перса и матери грузннки. Онъ даже по типу болѣе напоми наеть южанина европейца.

Прннадлежащій Аминъ-Султану двухэтажный красивый домъ, убранный внутри вполнѣ по-европейски—лучшее зданіе въ Тегеранѣ. Домъ окруженъ громаднымъ садомъ съ искусственными озерами, фонтанами и ручьями. Доступъ въ садъ европейцамъ всегда свободенъ — это единственное мѣсто въ Тегеранѣ, гдѣ можно отдохнуть и погулять послѣ знойнаго и пыльнаго дня. Такой садъ прнобрѣтаетъ для европейца тѣмъ большее значеніе, что Тегеранъ не имѣеть и даже не знаетъ ни театра, ни цирка, ни даже сада съ буфетомъ.

Около года назадъ Аминъ-Султанъ избралъ себѣ въ помощннкн и назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ бывшаго мушнръ-уль-мулька. Садръ-азамъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Бывшій мушнръ-уль-мулькъ, нынѣшннй мушнръ-эдъ-доуле прннадлежнтъ къ патрн-архальной скромной семьѣ, извѣстной своей порядочностью, чнстотою нравовъ и любовью къ просвѣщенію. Мушнръ-эдъ-доуле всю жизнь прожнлъ съ одною женою, отъ которой имѣеть трехъ сыновей. Одынъ изъ ннхъ окончнлъ курсъ Московскаго университета, другіе два воспитываются въ высшнхъ учебныхъ заведенняхъ Парнжа.

Можно утверждать, что Персія рѣдко выдывала та-

кого труженика, какимъ является муширъ-эдъ-доуле. Благодаря такому умѣнью работать, выдержкѣ, уму и большой опытности, муширъ-эдъ-доуле выдвинулся на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ въ Персіи, гдѣ все продажно, это рѣдкая карьера, созданная умомъ и тяжелымъ трудомъ.

XVI.

Б а б и т ы.

Садръ-азамъ и муширъ-эдъ-доуле могли бы реформировать государственный строй Персіи, еслибы могли встрѣтить сочувствіе въ этомъ отношеніи со стороны духовенства; къ сожалѣнію, большинство муштаидовъ и муллъ самые ярые представители мракобѣсія; для нихъ пропадай государство пропадомъ, лишь бы уцѣлѣло ихъ вліяніе и ихъ доходы. Каждого, кто идетъ въ разрѣзъ съ ихъ взглядами, они немедленно объявляютъ бабитомъ, т. е. врагомъ ислама и государства. Между тѣмъ бабиты, въ сущности, лучшіе магометане и лучшіе граждане своего отечества. Бабъ сыгралъ роль реформатора въ исламѣ, и возникновеніе бабизма явленіе, глубоко коренящееся въ исторической жизни народа. Бабиты, какъ и всѣ секты, возникавшія и нынѣ возникающія въ Персіи, являются прежде всего результатомъ ненормальнаго развитія персидской культуры со времени вторженія въ Персію арабовъ.

Высококультурное въ свое время племя персовъ, исповѣдывавшихъ ученіе Зороастра, перенесло сильнѣйшую ломку, начиная съ навязаннаго ему арабами ислама и кончая алфавитомъ. Имѣются достовѣрныя историческія свѣдѣнія о существовавшемъ до нашествія арабовъ государственномъ архивѣ Персіи, кото-

рый, какъ и большинство необыкновенно цѣнныхъ памятниковъ древне-персидской культуры, былъ уничтоженъ полудикими арабами. Несоответствующій ни міровоззрѣнію, ни культурѣ и вообще національному духу персовъ, исламъ остался и по настоящее время только формою и ритуальною стороною жизни народа; по существу персъ все же остался скептикомъ и искателемъ истины, которую не далъ ему коранъ. Персъ способенъ быть гуманнымъ и вѣротерпимымъ, чего онъ тоже не находитъ въ коранѣ. На почвѣ этого разлада національныхъ душевныхъ качествъ и человѣконенавистническихъ ученій послѣдователей корана возникло множество сектъ, въ томъ числѣ и бабизмъ. Первымъ проповѣдникомъ бабизма былъ нѣкто Шейхъ-Ахмедъ-Асаи. «По его мнѣнію, говоритъ г. Батюшковъ въ своей брошюрѣ «Бабида», въ людяхъ и во всѣхъ тваряхъ отражается создатель ихъ, почему всѣ и вся чисты, слѣдовательно, нельзя питать той ненависти къ иновѣрцамъ, которой отличались фанатичные мусульмане. Ахмедъ-Асаи поручалъ своимъ помощникамъ наставлять свою паству въ вѣрѣ, въ любви къ ближнему и въ почитаніи единого Бога. Онъ стремился къ нравственному обновленію, отнюдь не желая произвести какого-либо политическаго переворота». Ученикомъ и прямымъ послѣдователемъ Ахмеда-Асаи былъ Бабъ (родившійся въ 1819 году).

«Бабъ училъ, говоритъ г. Батюшковъ, что Божество проявляется преимущественно въ наставникахъ рода человѣческаго, и Богъ неустанно направляетъ родъ человѣческій къ постиженію истины, которая и есть «Онъ самъ». Всякое такое воплощеніе только шире раскрываетъ человѣчеству тайну безконечнаго совершенства Бога въ зависимости отъ культуры народовъ. Моисей взывалъ къ чувству страха, Магометъ хотя угрожалъ адомъ, но добрымъ обѣщалъ рай, а Бабъ думаетъ, что всѣ люди послѣ смерти сольются съ боже-

ствомъ, какъ капли воды сливаются въ морѣ, и не будетъ уже возможности отличать, во что была воплощена каждая частица этого моря. Слѣдовательно, люди должны поступать хорошо вслѣдствіе ихъ нравственнаго убѣжденія, сознанія обязательности такого образа дѣйствій, а отнюдь не изъ страха передъ будущими мученіями или ради надежды на награду». Бабъ, между прочимъ, училъ, что никто въ государствѣ не долженъ оставаться безъ призорія и воспитанія.

Самой вдохновенной проповѣдницей ученія Баба была Куретъ-уль-Айнъ, дочь казвинскаго муштаида (правильнѣе муджтхида). Ея проповѣдь имѣла громадный успѣхъ, но когда вслѣдъ за покушеніемъ на жизнь шаха Насръ-Эддина (въ 1852 г.) началось гоненіе противъ бабитовъ, Куретъ-уль-Айнъ (въ переводѣ свѣтъ очей), была казнена въ Тегеранѣ. Она такъ же, какъ знаменитый Надиръ-Шахъ, могла бы крикнуть своимъ «убійцамъ»: негодяи, вы не меня убиваете—вы убиваете всю «Персію». Существуютъ различныя версіи о способѣ казни, которой была подвергнута эта проповѣдница высокихъ гуманныхъ идей среди дикаго фанатическаго духовенства и чиновничества; народъ былъ на ея сторонѣ. Одни увѣряютъ, что она была задушена и затѣмъ брошена въ старыи колодезь; другіе утверждаютъ, что она была зарѣзана. Наконѣцъ, существуетъ версія о томъ, что она была разстрѣляна, при чемъ даже указываютъ мѣсто въ городскомъ рву. Мнѣ рассказывалъ одинъ тегеранскій старожилъ, что онъ слышалъ рассказъ очевидцевъ, присутствовавшихъ при разстрѣляніи Куретъ-уль-Айнъ. По его словамъ, казнимая просила дозволить ей сказать нѣсколько словъ сарбазамъ и затѣмъ уже произвести залпъ, что и было ей дозволено.

Въ то же время начались казни бабитовъ. Около тридцати сектантовъ были водимы по городу съ продѣтыми сквозь ноздри веревками, съ прорѣзами кожи на груди; въ эти прорѣзы были вставлены восковыя

зажженные свѣчи; каждый встрѣчный имѣлъ право терзать несчастныхъ. Къ чести персидскаго народа нужно сказать, что народъ безмолствовалъ; въ истязаніяхъ этихъ жертвъ фанатизма принимали самое дѣятельное участіе лишь чиновничество и духовенство. Многіе бабиты, вслѣдствіе гоненій, поселились въ предѣлахъ Россіи, въ Закаспійской области, по преимуществу въ Асхабадѣ, гдѣ они мирно трудятся подъ охраною нашихъ законовъ. Здѣсь они могутъ исповѣдывать свое вѣроученіе открыто, между тѣмъ какъ бабиты, проживающіе въ Персіи, должны скрывать свой образъ мыслей и, чтобы не быть заподозрѣнными, притворяются самыми корректными шиитами. Многіе персы, пользующіеся общимъ уваженіемъ мѣстнаго населенія и занимающіе довольно видное положеніе среди персидскаго чиновнаго міра, тайно исповѣдуютъ ученіе бабитовъ.

Дальнѣйшій послѣдователь Бабы, Беха, (Бахуалла) еще болѣе смягчилъ ученіе своего предшественника. Онъ между прочимъ убѣждаетъ все человѣчество принять одинъ языкъ и одинъ алфавитъ, для чего воспользоваться или существующимъ, или же изобрѣсти новый.

Несмотря на всѣ гоненія, ученіе бабитовъ продолжаетъ распространяться. Очевидно, что задыхающійся подъ гнетомъ современнаго ислама народъ ищетъ другихъ идеаловъ жизни. Кромѣ бабитовъ, имѣется еще другая прогрессивная секта—алиоты. Проповѣдуя гуманность, общеніе съ христіанами и стремясь къ образованію, алиоты учатъ, что пророкъ Али былъ божествомъ, воплотившимся въ человѣка. Остальныя секты, какъ шейхи, элеазариты и т. п., слишкомъ малочисленны и руководствуются самыми узкими и дикими вѣрованіями, въ родѣ нашихъ хлыстовъ, духоборовъ и пр.

Бѣха, какъ я замѣтилъ, убѣждалъ человѣчество принять одинъ языкъ и одинъ алфавитъ. Такимъ образомъ, оказывается, что почти одновременно та же идея

появилась и въ Европѣ, съ тою только разницею, что Бѣха рассуждалъ умнѣ нашихъ воляпюкистовъ и прочихъ изобрѣтателей всемірнаго языка. Бѣха предлагаетъ выборъ между изобрѣтеніемъ новаго языка и возможностью воспользоваться однимъ изъ существующихъ.

Будь только арабы сильнѣе и культурнѣе и удержи надолго свою власть надъ народами Средней Азіи, всѣ эти народы въ настоящее время говорили бы на арабскомъ языкѣ.

XVII.

Персидскій языкъ.

Арабы, какъ я ранѣе замѣтилъ, успѣли лишь дать покореннымъ народамъ свою религію и свой алфавитъ, но языкъ каждаго покореннаго народа остался почти нетронутымъ: каждый подвластный народъ только изображалъ свои слова и мысли арабскими буквами, добавляя иногда къ арабскому алфавиту новыя буквы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ не хватало звуковъ, соответствующихъ родному языку. Такъ поступили турки, татары, бухарцы таджики, сарты и цѣлая масса средне-азіатскихъ мелкихъ народовъ. Въ такомъ же положеніи очутились и персы.

Большинство публики, вѣроятно, и не подозреваетъ того, что персы говорятъ на языкѣ, принадлежащемъ къ семьѣ индо-германскихъ языковъ. Я не говорю, что персидскій и нѣмецкій языки—родные братья, но во всякомъ случаѣ онѣ дальніе родственники; такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ филологи и причисляютъ персидскій языкъ къ индо-германской вѣтви въ филологическомъ родословномъ древѣ.

Не вдаваясь въ ученія лингвистическія соображенія, въ коихъ я самъ далеко не твердъ, я все же долженъ сказать, что когда ухо европейца нѣсколько свыкнется со звуками персидскаго языка, то все чаще и

чаще начинаешь находить отдаленное родство между нимъ и нѣмецкимъ. Прежде всего васъ поражаетъ сходство спряженія и употребленія глагола быть. Какъ персь, такъ и нѣмецъ, въ разговорѣ и письмѣ никогда не выпускаютъ этого глагола, какъ это дѣлаемъ мы. Затѣмъ имѣются слова почти что одинаковыя съ нѣмецкими, какъ по значенію, такъ и по произношенію, на примѣръ, слово дочь — по-нѣмецки — *tochter*, по-персидски *dochter*; точно такое же сходство существуетъ въ словахъ отецъ, мать и т. д. Но если порыться глубже въ корняхъ словъ, то филологъ обрѣтетъ въ нихъ массу сходства даже тамъ, гдѣ обыкновенный смертный только разинетъ ротъ отъ удивленія. Наконецъ, конструкція рѣчи, употребленіе глагола въ концѣ фразы, мѣсто, занимаемое нарѣчіемъ, окончаніе неопредѣленныхъ наклоненій глаголовъ и т. д. — все это въ результатъ обратитъ даже обыкновеннаго смертнаго на путь правый, приведетъ его къ признанію дальнаго родства между нѣмецкимъ и персидскимъ языками.

Меня между прочимъ поразило сходство употребленія буквы «м» въ глаголахъ для обозначенія перваго лица; оно то же, что въ польскомъ, чешскомъ и вообще у западныхъ славянъ, гдѣ буква «м» равносильна мѣстоимѣнію я. На примѣръ, персь говоритъ «будэмъ» — я былъ; полякъ всегда скажетъ былэмъ; «гастэмъ» — я есмь; — полякъ говоритъ іестэмъ; хандэмъ — я читалъ, по-польски читалэмъ и т. д. Что касается склоненій, то они, какъ и въ англійскомъ языкѣ, образуются путемъ прибавленія предлоговъ, исключая винительнаго падежа, гдѣ къ существительному прибавляется окончаніе «ра».

Склоненія и спряженія вещь очень скучная; къ этому заключенію пришелъ каждый изъ насъ путемъ горькаго опыта еще со школьной скамьи, а потому дальше я даже не заикнусь о грамматическихъ формахъ. Къ

этому отчасти меня побуждаетъ и чувство самохраненія; вѣдь не дай Богъ, если моя замѣтка о персидскомъ языкѣ попадетъ въ руки филолога-спеціалиста; выискавъ гдѣ-нибудь ошибку, онъ съѣстъ меня цѣликомъ, при чемъ сей ученый мужъ далеко не приметъ во вниманіе того обстоятельства, что первоначальныя основанія персидскаго языка преподавалъ мнѣ профессоръ, сравнительно слабый въ знаніи теоріи, но зато необыкновенно сильный въ практикѣ, даже до того, что въ этомъ отношеніи могъ бы заткнуть за поясъ любого заправскаго профессора. Такимъ первоначальнымъ моимъ руководителемъ въ дебряхъ персидской премудрости была моя маленькая трехлѣтняя Фатъма; она настойчиво преподавала мнѣ практику персидскаго языка, и въ этомъ отношеніи всегда была строга, но не всегда справедлива—никакъ не хотѣла принять во вниманіе, что мнѣ, европейцу, вначалѣ было очень трудно произносить гортанные звуки, добывая ихъ гдѣ-то изъ-подъ селезенки. Въ большинствѣ случаевъ, когда я обнаруживалъ такое упорное неумѣнье, мой строгій профессоръ ограничивался тѣмъ, что обзывалъ меня глупымъ урусомъ; но зато, слава Богу, я ни разу «не стоялъ въ углу» и «не оставался безъ обѣда».

Впослѣдствіи я принялся за теорію языка, и въ этомъ отношеніи мнѣ принесла не мало пользы очень толково составленная и изданная въ Москвѣ грамматика Мирзы Джаффара.

Персидскій языкъ, къ сожалѣнію, не сохранился до настоящаго времени во всей своей чистотѣ. Послѣ завоеванія Персіи арабами послѣдніе не только обратили силою персовъ въ магометанство, но и навязали имъ свой алфавитъ; поэтому персы пишутъ и печатаютъ книги арабскимъ шрифтомъ. Но такъ какъ въ арабскомъ языкѣ не оказалось нѣкоторыхъ звуковъ, свойственныхъ персидскому языку, то персы добавили къ арабскому алфавиту четыре буквы—*ч, ж, н* и *г* (гафъ).

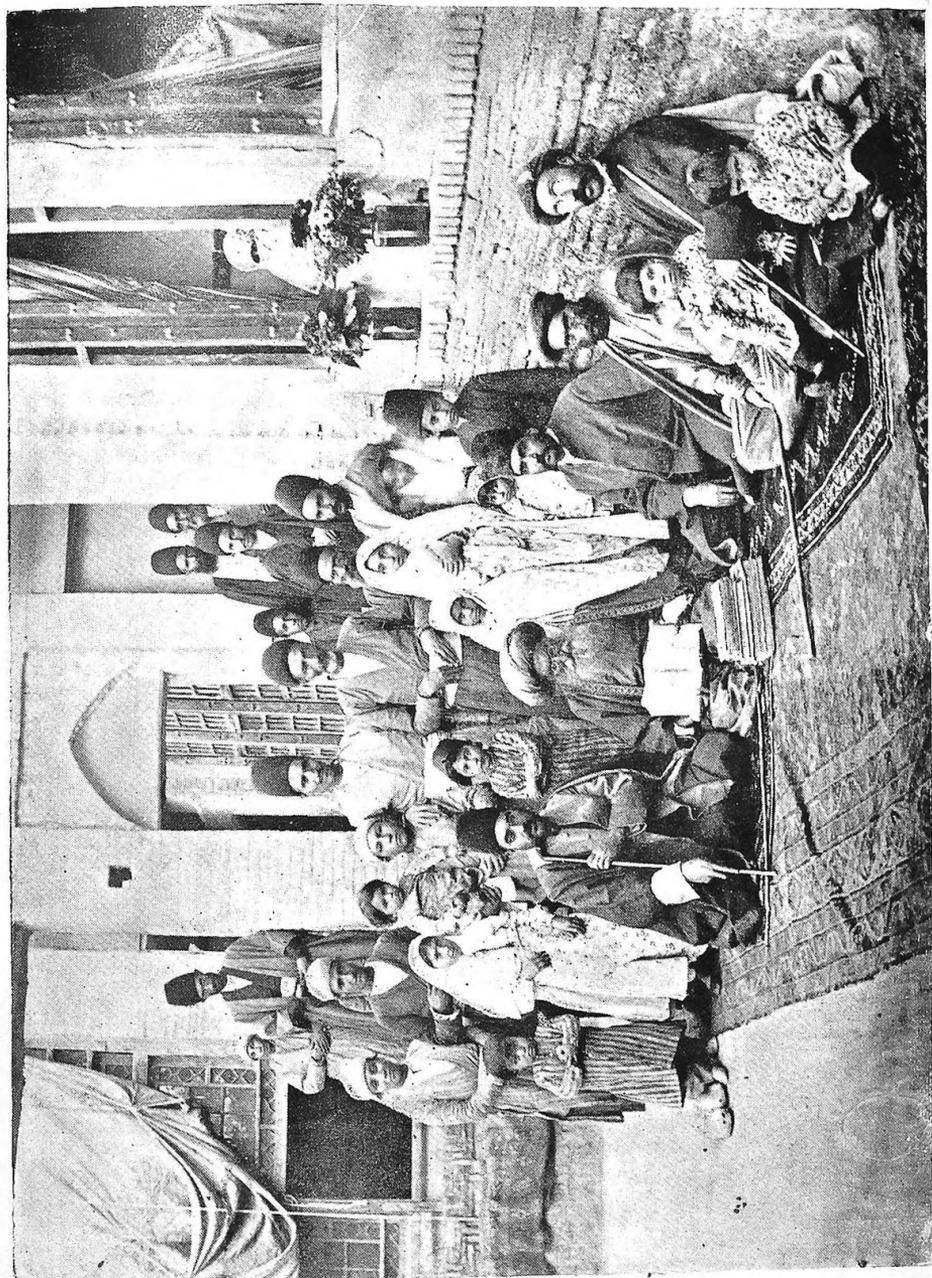
Впослѣдствіи, для удобства скорописи, персы нѣсколько упростили очертаніе арабскихъ буквъ и стали писать и печатать такъ называемымъ ломанымъ почеркомъ, крайне некрасивымъ и неудобопонятнымъ. Исключая буквы «а» и буквы «и» въ персидскомъ алфавитѣ нѣтъ буквъ для изображенія прочихъ гласныхъ; ихъ замѣняютъ особыя черточки, которыя пишутся наверху или внизу слова. Впрочемъ, и черточки эти нынѣ не употребляются ни въ письмѣ, ни въ печати, что крайне затрудняетъ чтеніе и пониманіе написаннаго. Необходимо замѣтить, что очертанія буквъ какъ въ письмѣ, такъ и въ печати одни и тѣ же, при чемъ каждая буква имѣетъ три очертанія, смотря по тому, гдѣ она находится: въ началѣ слова, въ срединѣ или въ концѣ. Персы, какъ и арабы, пишутъ отъ правой руки къ лѣвой, что тоже сначала не мало затрудняетъ европейца.

Большимъ затрудненіемъ при изученіи персидскаго языка является полное отсутствіе у насъ сколько-нибудь порядочнаго русско-персидскаго словаря. Намъ слѣдовало бы взять примѣръ съ англичанъ: у нихъ давно уже имѣется превосходный англо-персидскій словарь.

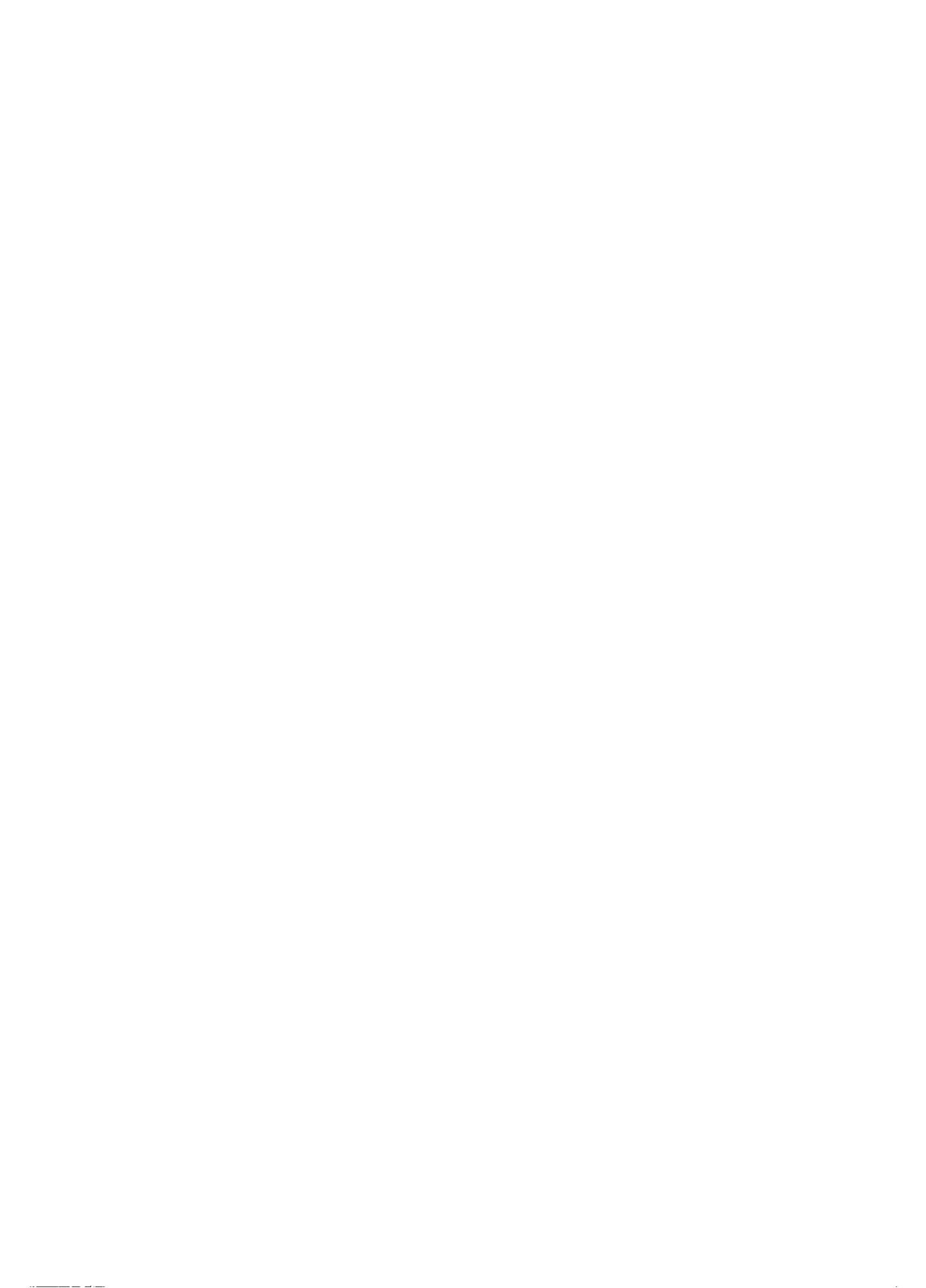
Вскорѣ послѣ арабскаго нашествія, въ персидскій языкъ вошло множество арабскихъ словъ, но какъ только персы избавились отъ арабскаго ига и національное самосознаніе стало проявляться сильнѣе, то появились заботы о совершенномъ удаленіи этой чуждой персидскому языку примѣси, и когда шахъ Махмудъ предложилъ извѣстному поэту Фердоусси написать знаменитую «Шахъ-намэ», то онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ поэмѣ не было ни одного арабскаго слова: и когда во всей поэмѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ тысячъ строкъ, оказалось одно арабское слово — восклицаніе, то это какъ шахомъ, такъ и всѣми образованными людьми было по-

ставлено въ упрекъ поэту. «Это не мое восклицаніе», оправдывался тотъ, «это восклицаніе ангела, а ангелы, какъ извѣстно, говорятъ только на арабскомъ языкѣ, равно какъ и Аллахъ, который продиктовалъ Магомету коранъ ни на какомъ-либо другомъ языкѣ, а исключительно на арабскомъ». Такъ разсуждалъ не только Фердоусси, но и понынѣ такъ учить магометанское духовенство; при этомъ, конечно, забывается, что Магометъ былъ арабъ, и ни на какомъ другомъ языкѣ корана написать не могъ.

Въ настоящее время національное самосознаніе въ Персіи настолько подвинулось, что болѣе свѣтлые умы даже мечтаютъ о томъ, что не только алфавитъ, но и исламъ былъ силой навязанъ персидскому народу, и что не пора ли возвратится домой, т. е. къ древнему ученію Зороастра, какъ какъ исламъ остановилъ культуру народа и ведетъ его къ неминуемой политической и культурной гибели, чему лучшимъ примѣромъ служатъ всѣ средне-азіатскіе и мусульманскіе народы. На такой образъ мыслей наталкиваетъ многихъ персовъ примѣръ существующихъ среди нихъ гябровъ, правильнѣе — гябровъ и парсовъ въ Остѣ-Индіи. Первые, несмотря на весь гнетъ мусульманства, сохранили во всей чистотѣ древніе персидскіе обычаи и ученіе Зороастра; вторые, бѣжали изъ Персіи въ Индію, гдѣ и живутъ по настоящее время. Какъ гябры, такъ и парсы представляютъ собою одно и то же древнее племя персовъ, нетронутое мусульманствомъ. Какъ тѣ, такъ и другіе извѣстны своимъ трудолюбіемъ, безупречною честностью и стремленіемъ къ просвѣщенію. Я зналъ одного парса, профессора Кулькuttскаго университета. Женщины гябровъ и парсовъ не закрываются и пользуются свободой; въ Индіи онѣ даже одѣваются въ европейскіе костюмы. Необходимо добавить, что большинство изъ нихъ очень красивы. Гябрики обыкновенно носятъ очень длинныя

Тегеранскіе гябры.

платья и широкія шальвары, платье одинаковое для улицы, какъ и для домашней обстановки. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать такія привѣтливыя симпатичныя лица, какъ у гяброкъ. При встрѣчѣ съ европейцемъ каждая гябка непременно будетъ его привѣтствовать очень скромно и почтительно, но безъ малѣйшихъ слѣдовъ заискиванья или кокетства. Это едвали не единственная въ мірѣ женщина безъ вывертовъ.

Да и вся жизнь гябровъ отличается простотою честностью и трудолюбіемъ. Такъ же простъ у нихъ и обрядъ свадьбы. Въ присутствіи собравшихся друзей отецъ невесты подаетъ руку жениху и, пока священникъ читаетъ молитву, они держатъ другъ друга за руку. Молитва окончена, договоръ брачный подписанъ и молодые считаются повѣнчанными.

Каждый изъ насъ чуть ли еще не въ приготовительномъ классѣ навѣрное много слышалъ о цвѣтистости персидскаго языка; онъ дѣйствительно цвѣтистъ, но вся эта пышность выраженій можетъ только вызвать улыбку снисхожденія на лицѣ европейца; большинство этихъ пышныхъ фразъ отдастъ вычурностью и дѣтскимъ лепетомъ. Восхваляя, напримѣръ, искусство парикмахера персъ восклицаетъ: онъ брѣветъ не меня, а мою душу; онъ такъ легко брѣветъ, что я словно нахожусь за два дня пути до моей кожи. Когда персъ въ письмѣ обращается къ своему знакомому, а тѣмъ болѣе къ высокопоставленному лицу, то въ началѣ письма онъ напишетъ три коробка такихъ титуловъ, которые, какъ говорится, натошакъ и не выговоришь; здѣсь будетъ и высокопревосходительный, и высокочтимый, и священный, и великій господинъ и т. д. Затѣмъ письмо обыкновенно начинается словами «я рабъ вашъ»... и оканчивается опять такую массою самоунижительныхъ прозвищъ, что свѣжаго человѣка стошнить можетъ. Не меньшее разнообразіе существуетъ

и въ титулахъ; здѣсь уже положительно, кто во что гораздъ, при чемъ изобрѣтательность въ придумываніи титуловъ не знаетъ предѣловъ. Одинъ носить названье—мечъ государства, другой—блескъ правительства, третій—твердыня власти и т. д. А я лично знаю «спину государства» — загиредъ-доуле, симпатичнаго перса, женатаго на сестрѣ шаха.

Въ общемъ персидскій языкъ очень благозвученъ—сладкій, какъ о немъ отзываются сами персы, и сравнительно языкъ выработанный, но давно уже остановившійся на извѣстной точкѣ, далѣе которой онъ не подымается. Дѣло въ томъ, что мусульманство остановило развитіе персидской культуры, а съ этимъ конечно, и прогрессъ языка. Современная жизнь цивилизованныхъ народовъ выработала массу новыхъ идей, отношеній и предметовъ, которые потребовали изобрѣтенія новыхъ словъ для своего названія. Въ Персіи ничего подобнаго не было, а потому и понынѣ языкъ остался такимъ же, на какомъ написана знаменитая Шахъ-Намэ.

Когда-то давно персидскій языкъ игралъ очень большую роль въ государствахъ Средней Азіи, да и въ настоящее время, каждый образованный бухарецъ, афганецъ и белуджъ говоритъ, читаетъ и пишетъ поперсидски. Въ смыслѣ благозвучія, гибкости и выработанности персидскій языкъ несравненно выше всѣхъ прочихъ средне-азіатскихъ языковъ. Турецкій языкъ, на примѣръ, не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ персидскимъ—турки говорятъ на крайне бѣдномъ варварскомъ и неблагозвучномъ нарѣчій; пишутъ они тоже арабскимъ шрифтомъ.

Арабскій языкъ сыгралъ свою историческую роль среди азіатскихъ народовъ и въ культурномъ отношеніи канулъ въ Лету. Въ настоящее время, несмотря на употребленіе арабскаго алфавита персами, турками, татарами и многими племенами Средней Азіи, арабскій

языкъ рѣдко кто знаетъ. Коранъ, написанный на арабскомъ языкѣ, многіе знаютъ только путемъ заучиванія наизусть, совершенно не понимая его содержанія. Арабскій языкъ въ мусульманскомъ богослуженіи—это тотъ же латинскій въ католическомъ. Многіе образованные персы, желая придать характеръ учености своей рѣчи или своимъ скуднымъ писаніямъ, любятъ приводить арабскія цитаты, но все это фразы, больше «взятыя на прокатъ»; ученыхъ въ Персіи въ настоящее время нѣтъ, да и давно уже не бывало, а если и попадаются люди образованные, то всѣ они воспитывались въ европейскихъ университетахъ.

XVIII.

Послѣдніе дни въ Тегеранѣ. Сорга-Хассаръ.

Наше пребываніе въ Тегеранѣ приходитъ къ концу; миссія наша выполнена; мой товарищъ, Н. Н. Курмаковъ рѣшаетъ возвратиться въ Россію по другому пути, а именно пройти изъ Тегерана въ Мешедисеръ по, такъ называемому, сокращенному пути. Путь этотъ пролегаетъ по раменамъ не безъизвѣстнаго въ географіи потухшаго вулкана Демавенда и состоитъ болѣею частью изъ очень крутыхъ переваловъ съ подъемами до девяти тысячъ футъ и узкихъ мрачныхъ ущелій.

Изъ Тегерана на Мазандеранскій берегъ въ Мешедисеръ существуетъ еще и другой путь, по которому, главнымъ образомъ, направляются караваны въ обходъ крутымъ переваламъ, но этотъ путь отымаетъ сравнительно много времени: лѣтомъ не менѣе восьми-девяти дней, а зимой и цѣлыхъ пятнадцать.

Послѣдніе дни въ Тегеранѣ мы болѣею частью проводимъ среди маленькой русской колоніи, которая во все время нашего пребыванія высказывала намъ самыя искреннія симпатіи, окружала насъ заботами и доброжелательнымъ вниманіемъ. Наша русская миссія въ Тегеранѣ при нынѣшнемъ ея составѣ, одна изъ немногихъ, гдѣ русскій подданный находитъ доброе гостепримство и полное вниманіе къ своимъ интере-

самъ. Нынѣшній нашъ посланникъ въ Тегеранъ К. Э. Аргиропуло въ высшей степени гостепріимный и радужный хозяинъ дома и въ то же время это представитель Россіи, пользующійся большимъ авторитетомъ въ Персіи. К. Э. Аргиропуло представляетъ собою не малое исключеніе въ смыслѣ всегдашней готовности и умѣнья поддержать интересы подданныхъ своего отечества, что, къ сожалѣнію, далеко не практикуется нашими посольствами, по преимуществу въ Западной Европѣ. Наши европейскія посольства выработали традиціонное олимпійское отношеніе къ обыкновеннымъ смертнымъ и къ ихъ интересамъ. На Западѣ мнѣ всегда приходилось краснѣть при сравненіи такого образа дѣйствій нашихъ дипломатическихъ юпитеровъ съ тѣмъ энергичнымъ заступничествомъ и тѣмъ добрымъ, теплымъ отношеніемъ, которое проявляютъ чужестранныя посольства къ подданнымъ своего отечества. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать, какъ даже наша мелкая сошка на Западѣ, въ родѣ любого консула, и та едва удостоивала своимъ вниманіемъ кровные интересы обращающихся къ ней русскихъ. Я вынесъ убѣжденіе, что большинство этихъ нашихъ торговыхъ агентовъ на Западѣ добросовѣстнѣйшимъ образомъ посвящаютъ свое время сладкому *far niente*. Для подтвержденія такой моей ереси я предлагаю только сравнить отчеты англійскихъ консуловъ съ отчетами нашихъ такихъ же агентовъ. Въ сущности весь консульскій институтъ слѣдовало бы передать въ вѣдѣніе министерства финансовъ; тогда консульскія должности на Западѣ замѣщались бы лицами вполнѣ опытными въ вопросахъ торговли и промышленности, и отчеты такихъ представителей сослужили бы намъ службу и замѣнили бы собою современныя невинныя словоизліянія. Кромѣ того, при такомъ положеніи вещей министерство финансовъ не встрѣчало бы надобности держать за границею своихъ особыхъ финансовыхъ

агентовъ. Каждый консуль «eo ipso» являлся бы и финансовымъ агентомъ.

За нѣсколько дней до нашего отъѣзда какъ-то незначай устроился маленькій пикникъ въ загородномъ дворцѣ, принадлежащемъ принцу Джелалие, сыну Зюлли-Султана. Принцъ съ изысканной любезностью предложилъ намъ свой дворецъ. Этотъ дворецъ небольшихъ размѣровъ, двухъ-этажный, построенный въ европейскомъ вкусѣ, съ богатою мебелировкой, зеркалами, богатою бронзою и хорошими картинами. Стекланная дверь большого средняго зала въ нижнемъ этажѣ выходитъ на огромную, окруженную деревьями веранду. Со всѣхъ сторонъ обширнаго сада ко дворцу направляются тщательно шоссированныя дорожки, между которыми пестрятъ разноцвѣтныя клумбы и сверкаютъ синіе бассейны холодной, прозрачной воды. Какъ садъ, такъ и дворецъ содержатся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ.

За обѣдомъ, который по мѣстному обычаю сервируется въ восемь часовъ, было произнесено нѣсколько коротенькихъ спичей, нѣсколько добрыхъ пожеланій; мы не мастера говорить застольные и всякіе прочіе спичи — не такое воспитаніе получили. Послѣ обѣда всѣ присутствующіе направляются на веранду, куда персидская прислуга подаетъ чай и кофе. Дворецъ, садъ и веранда хорошо освѣщены, но освѣщеніе это меркнетъ и становится незамѣтнымъ при томъ сильномъ, но въ то же время мягкомъ бѣломъ свѣтѣ, которымъ заливаешь садъ и всю окрестность высоко поднявшаяся луна. Бѣлыя стѣны дворца, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, кажутся алебастровыми; на верандѣ, средняя часть которой устлана толстымъ сѣрымъ сукномъ, свѣтло, какъ днемъ, и только мѣстами падаютъ рѣдкія, словно дневныя тѣни отъ древесныхъ вѣтокъ. Высокіе тополи, большіе лапчатые чинары, угрюмые карагачи и полупрозрачныя грустныя

плакучія ивы, а за ними клумбы, полныя цвѣтовъ, и прочая мелкая зеленая братія словно устала отъ дневной жары и, очарованная этимъ льющимся холоднымъ свѣтомъ, вся погрузилась въ тихую дрему. Съ ближайшей къ верандѣ лужайки, окруженной высокимъ кустарникомъ, несутся звуки Штраусовскаго вальса—играетъ хоръ казачьей бригады.

Три дня спустя, мы выѣзжаемъ изъ Тегерана. Насъ провожаетъ одинъ изъ нашихъ друзей персовъ до мѣстности, называемой «Сорга-Хассаръ», въ двадцати верстахъ отъ Тегерана. Караванъ нашъ вышелъ заранее, и мы нагоняемъ его уже у самой деревушки.

Сорга-Хассаръ—мѣстность, гдѣ имѣется одинъ изъ многочисленныхъ дворцовъ шаха, разбросанныхъ въ окрестностяхъ Тегерана у подножія Эльбурсскаго горнаго кряжа. Почти всѣ лѣтніе дворцы шаха расположены на нѣсколько сотъ футъ выше Тегерана; тамъ прохладнѣе и нѣтъ той страшной жары и пыли, отъ которыхъ изнываетъ населеніе столицы.

По мнѣнію персовъ, Сорга-Хассаръ — излюбленное мѣстопробываніе дженовъ. Джены—это добрые духи-покровители. Охраняя своего кліента такой духъ обыкновенно любитъ сидѣть у порога той комнаты, гдѣ находится охраняемое имъ лицо, а потому никто изъ простонародья ни зачто не позволитъ себѣ выплеснуть кипятокъ на порогъ дома; вѣдь такимъ образомъ можно ошпарить Джена, что во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ неделикатно по отношенію къ своему благодѣтелю.

По случаю пребыванія шаха въ Сорга-Хассаръ всѣ помѣщенія въ крохотной деревушкѣ заняты, и мы помѣщаемся на ночь въ обширной палаткѣ, устланной войлокомъ; она была разбита заранее по приказанію нашего предупредительнаго пріятеля.

Сорга-Хассаръ превратилась въ военный лагерь; кругомъ большіе персидскіе шатры, военныя палатки, вездѣ мелькаютъ огоньки, слышится топотъ и фырганье лоша-

дей, иногда лязгъ холоднаго оружія; при вѣздѣ насъ останавливаетъ конный патруль и чинитъ подробный допросъ. Только послѣ объясненій нашего пріятеля, воинственные и красивые каджары отдаютъ намъ честь и пропускаютъ дальше мимо дворца. Какъ дворецъ, такъ и вся гора, на уступѣ которой онъ расположенъ, залиты огнями. Ночью это очень эффектное зрѣлище: освѣщеніе горы расположено такимъ образомъ, что кажется, будто у ея подножія начинается очень широкая лѣстница, которая площадками поднимается до самой вершины. Разочарованіе наступаетъ только по утру, когда глазамъ представляется большой садъ съ двухъ-этажнымъ домомъ, расположенный у подножія высокой скалистой и довольно мрачной горы, составляющей одинъ изъ многочисленныхъ отроговъ Эльбурской цѣпи. Возлѣ нашей палатки кругомъ привязаны лошади ко вбитымъ въ землю колышкамъ, которые придерживаютъ натянутое полотно. Какія-то двѣ лошади-сосѣдки, очутившіяся рядомъ, никакъ не могутъ ужиться; онѣ постоянно грызутся и лягаютъ другъ друга. Вслѣдствіе этой возни, мы ежеминутно рискуемъ очутиться подъ развалинами нашего шатра. Наконецъ, прислуга догадывается разъединить сварливыхъ лошадей, и въ нашей палаткѣ воцаряется тишина. Пловъ и бокалъ шампанскаго, которыми угощаетъ насъ нашъ пріятель, замѣняетъ собою поздній персидскій обѣдъ. За стѣнами палатки ужинаютъ наши люди.

Исподволь во всемъ лагерѣ воцаряется тишина; огни, которыми усыпана скала, постепенно гаснутъ, голоса замираютъ, и только по временамъ слышится лязгъ оружія каджаровъ, совершающихъ объѣздъ лагеря. Подложивъ подъ головы саквояжи и всякую рухлядь и завернувшись въ резиновые плащи, мы засыпаемъ подъ мирный, однообразный разговоръ нашей прислуги, жеваніе и фырканье лошадей.

Въ пять часовъ утра намъ подводятъ осѣдланныхъ

лошадей; послѣдніе поцѣлуи, пожатія рукъ, и длинная вереница нашего каравана бодро трогается по направлению къ Демавенду, снѣговая шапка котораго видна еще изъ Тегерана. Горы и море сильно скрадываютъ разстояніе и, глядя изъ Тегерана на полосатую шапку Демавенда, никакъ нельзя предположить, что васъ отдѣляетъ отъ нея разстояніе около 80 верстъ. Почти за 100 верстъ отъ Гязскаго берега вы видите съ парохода большую половину этого горнаго гиганта; его конусообразная вершина словно накренилась надъ Гязскимъ берегомъ, и вы ясно различаете, какъ параллельныя берегу горныя цѣпи рѣзкими уступами спускаются къ Каспійскому морю. Тегеранъ, какъ и все Иранское плоскогоріе, расположенъ на высотѣ около 4 тыс. футъ надъ уровнемъ моря. Сорга-Хассаръ выше Тегерана на нѣсколько сотъ футъ. Такимъ образомъ мы начинаемъ нашъ подъемъ, находясь уже на высотѣ около 5 тыс. футъ. Пройдя нѣсколько верстъ, мы поднимаемся на довольно обширную горную площадь—нѣчто въ родѣ плоскогорія на плоскогоріи. Вдали изъ-за краевъ этой площади выдвигаются отдѣльныя, покрытыя снѣгомъ вершины горнаго кряжа; эти бѣлыя вершины составляютъ очень рѣзкій контрастъ съ окружающею насъ лѣтнею обстановкою.

Мѣстность, по которой движется нашъ караванъ, угрюмая, съ выжженной солнцемъ растительностью. Слева, на разстояніи полуторы версты отъ дороги, поверхность земли словно вздулась, образовавъ длинный грандіозный валъ въ нѣсколько сотъ футъ вышины, окрашенный въ различные цвѣта съ преобладаніемъ свѣтло-голубого; это такъ называемые юрскіе песчаники. Весь этотъ валъ, одна сторона котораго обращена къ намъ, такъ хорошо отполированъ вѣтрами и зимними дождями, что мѣстами даже блеститъ на солнцѣ.

Послѣ пяти часовъ ѣзды въ караванъ замѣчается

усталость; впереди, въ нѣсколькихъ верстахъ у дороги, виднѣется группа деревьевъ, зеленый лугъ и маленький караванъ-сарай. Нѣсколько дальше, лѣвѣе, второй почти такой же пейзажъ. Очевидно, тамъ имѣется вода, оживившая эту мертвую почву.

Нашъ караванъ-баши далеко не похожъ по своей осанкѣ на прежняго, который вель нашъ караванъ изъ Решта въ Тегеранъ. Его скромное одѣяніе въ видѣ синяго короткаго персидскаго казакина, короткіе панталоны неопредѣленнаго цвѣта и персидскіе мелкіе неуклюжіе ботинки далеко не придаютъ его фигурѣ воинственнаго вида. Но лицо его, красивое и смышленное, обнаруживаетъ много энергіи и природнаго ума. Впрочемъ, по временамъ онъ проявляетъ свой воинственный пылъ тѣмъ, что его палка съ быстротою молніи прилипаетъ къ спинамъ зазѣвавшихся погонщиковъ. По преимуществу достается небольшому плотному парню, очень добродушному, но обладающему необыкновенною способностью ничего кругомъ себя не видѣть. На него сыпятся удары, какъ изъ рога изобилія, но онъ не унываетъ и, получивъ встряску, черезъ пять минутъ уже подпрыгиваетъ возлѣ своей лошади и напѣваетъ пѣсенку о томъ, что у его сосѣда красавица дочь; она-де до того красива, что даже похожа на луну. Нѣсколько разъ я останавливалъ не въ мѣру расходившагося караванъ-баши и спасалъ малаго отъ хворостины, чѣмъ и пріобрѣлъ его неподдѣльную симпатію.

Въ нашемъ караванѣ имѣется пять новыхъ лицъ: два перса, состоящіе въ нашемъ распоряженіи, посланные съ нами въ качествѣ провожатыхъ, чиновникъ ссуднаго банка, уѣзжающій на родину, молоканъ, обманутый татаринѣмъ, которому онъ привелъ изъ Эривани лошадей и былъ брошенъ на произволъ судьбы, и очутившаяся въ такомъ же положеніи горничная полька, болѣзненная и захудалая; послѣднихъ двухъ

субъектовъ мы доставляемъ на родину. Въ общемъ, въ караванѣ четырнадцать головъ животныхъ, лошадей и муловъ. На этотъ разъ вожаконъ каравана является сѣрый красивый мулъ, необыкновенно сильный и рѣзвый. Съ восьмипудовымъ выюкомъ на спинѣ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, перепрыгиваетъ рытвины и канавы и нерѣдко идетъ порядочною рысью. Авторитетъ его среди прочихъ животныхъ поддерживается имъ довольно внушительно; каждаго ослушника онъ немедля лягаетъ со страшною силой.

Наши тѣлохранители, лезгинъ и осетинъ, идутъ по обыкновенію бойко. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ осетинъ всегда старается держаться возлѣ меня. Со времени нашего пребыванія въ Тегеранѣ взаимныя недоразумѣнія между нашими тѣлохранителями совершенно прекратились—осетинъ отчасти подпадаетъ подъ вліяніе выдержаннаго и серьезнаго лезгина.

Несмотря на многочисленность нашего каравана, въ немъ далеко не замѣтно веселаго настроенія: лица у большинства задумчивы и серьезны, каждый сознаетъ всю трудность семидневнаго перехода по невѣдомому, намъ, европейцамъ, пути.

Несмотря на октябрь, въ воздухѣ сухо и жарко; къ полудню даже становится тяжело въ сѣдлѣ, а тѣмъ болѣе послѣ шестичасоваго безпрерывнаго хода. Но вотъ, наконецъ, и караванъ-сарай съ разбитой возлѣ него палаткой, полъ которой немедленно устилается войлокомъ и ковриками; быстро соскакиваешь съ сѣдла и во всю длину растягиваешься въ палаткѣ на коврѣ — страшно хочется полежать. Если «голодь не тетка», то сѣдло — далеко не люлька. Шестичасовое сидѣніе въ сѣдлѣ, въ перспективѣ вновь очутиться въ немъ спустя два часа и все «продолжать въ томъ же духѣ» въ теченіе цѣлыхъ шести дней — все это не особенно улыбается такому кавалеристу, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, который если и много ѣздилъ вер-

хомъ, то по преимуществу на лучинѣ въ возрастѣ приблизительно отъ трехъ до пяти лѣтъ.

Даже изрядно проголодавшись, я сравнительно индифферентно отношусь къ подрумяненному на желѣзныхъ палочкахъ шашлыку, при одной мысли, что придется прервать мое лежаніе на коврѣ—это своеобразное «*dolce far niente*» и передвинуться къ мѣсту, гдѣ на небольшомъ коврикѣ сервированъ восточный завтракъ. Но все же голодъ одолеваетъ, и съ чувствомъ досады присосѣживаешься къ общей трапезѣ. Черезъ полчаса—та же исторія съ чаемъ. Часъ такого лежанья порождаетъ потребность пройтись, какъ говорятъ, размять кости. Выхожу изъ палатки и оглядываюсь: пройденное нами пространство выжжено солнцемъ, угрюмо и пустынно: кругомъ горизонтъ охватываютъ горныя цѣпи, ни подножіе, ни средняя часть которыхъ не видна глазу съ нашего маленькаго плоскогорья; видишь только зубчатый рядъ вершинъ, которыя словно вырастаютъ изъ пропасти, которою оканчивается наша нагорная площадка. Сѣверная часть горизонта, какъ и мѣсто нашей остановки, болѣе оживлены; съ сѣверо-запада на югъ пробѣгаетъ быстрый холодный ручей, каждая капля воды котораго утилизируется здѣсь очень разумно. Но, несмотря на присутствіе влаги, растительность здѣсь слабая. Мнѣ кажется, что объясняется это отчасти высокимъ положеніемъ мѣстности надъ уровнемъ моря, отчасти плохимъ качествомъ почвы, состоящей изъ суглинистаго песку. Растущіе здѣсь арбузы и дыни безъ запаха и вкуса, никогда не превосходятъ величиной большаго апельсина. Синіе баклажаны, достигающіе въ Персіи величины бутылки отъ шампанскаго, имѣютъ видъ крупной сливы; всѣ плоды и овощи созрѣваютъ не ранѣе половины октября. По теченію ручья мѣстами попадаетъ неприхотливая верба да еще одинъ-два вида древесной породы, похожей на нашу осину. По зелени, обрамляющей берега

этого студенаго ручья, можно прослѣдить его теченіе на далекое пространство. Эти зеленые берега служать мѣстомъ пастбища стадамъ овецъ и небольшому количеству рогатаго мелкаго скота.

Когда послѣ моей маленькой экскурсіи я возвращаюсь въ палатку, то нахожу мою лошадку осѣдланной; ее держитъ подъ уздцы владѣлецъ караванъ-сарая и почтительно подводитъ мнѣ навстрѣчу: это обозначаетъ, что онъ ждетъ отъ меня уплаты за оставку въ его палаткѣ и за приготовленный шашлыкъ. Хлѣба у него въ караванъ-сарай не имѣлось, но шашлыкъ оказался хорошимъ; что же касается его желанія угостить насъ крохотными арбузами и дынями, то, несмотря на цѣлыхъ два десятка разрѣзанныхъ нами, ни одинъ арбузъ и ни одна дыня не могли быть съѣдены даже на голодные желудки. Гостепріимный персъ получаетъ слѣдующую мзду и, придерживая стремя, произноситъ персидское «тегісі»: «иль-ты-фатъ-шумазіатъ» — фраза, почти непереводаемая на русскій языкъ, но долженствующая обозначать: да не уменьшится ваша тѣнь на землѣ.

Навьюченные животныя потянулись длинною вереницею, гудя своими многочисленными колокольчиками и бубенцами. Еще двухчасовой утомительный переходъ, и караванъ начинаетъ спускаться съ горной площадки. Пейзажъ мѣняется; предъ вами нѣчто въ родѣ грандіозной котловины не менѣе двадцати верствъ отъ края до края; въ сѣверо-восточномъ углу ея темно-зеленымъ пятномъ выгладитъ небольшая деревушка Бумэ-Гэнтъ, принадлежащая одному изъ принцевъ крови, если не ошибаюсь, брату шаха, Зюлли-Султану. Большая часть земель воздѣлана; повсюду луга и пахотныя поля. Мы спускаемся внизъ, пересѣкаемъ по крутому косоугору котловину въ ея лѣвомъ углу и начинаемъ новый подъемъ. Очевидно, предстоитъ перевалъ: вдали горная цѣпь съ своими темно-сѣрыми

вершинами стоитъ передъ нами сплошною стѣною въ видѣ темной зазубреной ленты.

Въ началѣ подъемъ едва замѣтенъ. Мы проходимъ мимо деревни Рудэ-Ганъ, расположенной у горнаго потока; отсюда подъемъ становится нѣсколько круче и при поворотѣ вправо приходится убѣдиться, что, поднявшись до половины высоты горнаго края, мы огибаемъ ту же котловину: здѣсь оканчивается одно изъ ея ущелій, подымающееся вверхъ къ той узкой горной тропѣ, по которой мы идемъ. Ущелье начинается небольшою отлогостью, покрытою низко растущею травою и мелкимъ рѣдкимъ кустарникомъ; затѣмъ спускъ его на протяженіи версты становится все круче и круче, и у самой котловины оно оканчивается очень высокою отвѣсною скалою, у которой словно притаилась маленькая персидская деревушка. Въ общемъ видъ грандіозный, суровый, но очень красивый. При нашемъ появленіи цѣлыя стада горныхъ курочекъ перебѣгаютъ черезъ тропу и послѣдно прячутся въ рѣдкомъ разбросанномъ кустарникѣ ущелья; у моего осетина такъ и чешутся руки схватиться за ружье; онъ даже не прочь палить по курочкамъ изъ берданки, но удерживается изъ опасенія возбудить общій смѣхъ въ караванѣ и крайнее неодобреніе своего товарища-лезгина, хотя, признаться, и тотъ поглядывалъ завидушимъ окомъ на это множество дичи, напрашивающейся на выстрѣлъ.

На одномъ изъ поваротовъ мы встрѣчаемъ маленькій караванъ человекъ пять шесть здоровенныхъ красивыхъ парней въ возрастѣ отъ 17 до 20-ти лѣтъ. Всѣ они въ бѣлыхъ убогихъ чалмахъ, старыхъ полинялыхъ халатахъ и безобразныхъ полотняныхъ туфляхъ на босую ногу. Маленькіе ослики, на которыхъ странствуютъ парни, кажется, совсѣмъ исчезаютъ подъ здоровенными фигурами ѣздоковъ. Мой сосѣдъ персь

перекидывается съ ними нѣсколькими отрывочными фразами.

— Все это будущіе муллы; возвращаются въ Тегеранъ въ духовное медресэ: были на побывкѣ у родныхъ, сообщаетъ мнѣ мой спутникъ.

— Скажите, спрашиваю, — продолжительный курсъ въ духовномъ медресэ?

— Да, сидятъ кто пять, кто шесть лѣтъ, пока не выучатся;—да только скажу вамъ, что плохо у нихъ теперь дѣло идетъ. Въ прежнія времена хоть чему нибудь выучивались, арабскій языкъ хорошо знали; въдъ на арабскомъ языкѣ всѣ науки, были изложены, даже ранѣе, чѣмъ на французскомъ и нѣмецкомъ и медицина, и математика, и философія; а теперь каждый изъ нихъ старается только подзубрить кое что, да поскорѣе хлѣбъ зарабатывать.

— Все люди бѣдные?

— Одна голь, да нищета; еслибъ не частые браки, такъ большинство буквально съ голоду пропало бы.

— Часто женятся на богатыхъ?

— Какой тамъ; рассказать вамъ — одинъ смѣхъ и только.

— Въ чемъ же дѣло?

— Видите ли, началъ мой сосѣдъ, — у насъ по нашему закону каждая женщина, когда она вступаетъ въ такой возрастъ, что не можетъ уже быть матерью, получаетъ право выходить замужъ столько разъ, сколько ей вздумается. Конечно, законъ говоритъ о вдовахъ и разведенныхъ женахъ. Впрочемъ, сюда входятъ и старыя дѣвы, которыхъ у насъ ранѣе совсѣмъ не было, но которыя стали заводиться за послѣднее время; стали портиться мусульманскія нравы; такихъ вдовъ и разведенныхъ женъ въ Тегеранѣ тьма тьмушая. Вы вотъ видѣли этихъ молодцевъ — все народъ молодой, здоровый и красивый, но въ животѣ у него вѣчно бурчить отъ голодухи, ну, а бабье то чертовски лакомое.

Необходимо вамъ знать, что по нашему закону, какъ бракъ, такъ и разводъ, въ крайнемъ случаѣ, за отсутствіемъ муллы, можетъ быть совершенъ и самимъ брачующимся; для этого достаточно прочесть установленную формулу — нѣчто въ родѣ молитвы. Бабы все это тоже хорошо знаютъ. И вотъ рано утромъ или подъ вечеръ вы можете наблюдать, какъ черные чадурѣ шмыгаютъ въ калитку флигеля, гдѣ находятся кельи семинаристовъ.

— «Салямъ алейкумъ!» раздается тонкій голосъ у дверей кельи.

— «Алейкумъ-Салямъ!» баситъ въ отвѣтъ семинаристъ, потирая руки отъ удовольствія.

— «Не желаетъ ли ваша милость вступить со мною, рабынею вашею, въ бракъ?»

Сквозь пріотворенную дверь семинаристъ чувствуетъ уже запахъ хорошо приготовленнаго плову и жареной курицы, ну, а на молодой да при томъ еще голодный желудокъ это вѣдь самый райскій запахъ. Кромѣ того, семинаристъ знаетъ, что его временная супруга довольствуется обѣщаннымъ магометомъ ширабъ-антагуръ — райскимъ виномъ, а въ большинствѣ случаевъ, подъ широкимъ чадуромъ спрятана, кромѣ вкуснаго обѣда, еще и бутылка настоящей русской поповки или же баклага стараго ширазскаго вина, да, быть можетъ, припасено еще, нѣсколько кранъ (кранъ—20 коп.). Все это вмѣстѣ взятое не оставляетъ ни малѣйшихъ колебаній въ душѣ семинариста; дверь гостепрѣимно открывается, и женихъ, поглядывая однимъ глазомъ въ книгу, а другимъ на оттопырившееся мѣсто чадурѣ, гдѣ запрятанъ предполагаемый обѣдъ, скоропалительно произноситъ формулу заключенія брака. Послѣ этой процедуры молодожены садятся обѣдать. Часа два спустя, когда какъ отъ обѣда, такъ и отъ порывовъ любви остались лишь однѣ пріятныя воспоминанія, семинаристъ быстро читаетъ формулу раз-

вода, и черный чадуръ, проскользнувъ въ открытую дверь кельи, исчезаетъ въ той же калиткѣ, въ которую онъ ранѣе боязливо прокрадывался.

Тамъ, очень далеко, въ глубинѣ ущелья и въ котловинѣ, уже наступили прозрачные сумерки, но у насъ, наверху, еще играютъ лучи заходящаго солнца, и мы спѣшимъ засвѣтло добраться до повисшей надъ обрывомъ деревушки, которая виднѣется въ пяти верстахъ по направленію нашей тропы. Все время мы идемъ узкою тропою по крутому склону горнаго хребта.

Въ двухъ мѣстахъ образовавшіеся осыпи снесли тропу на протяженіи десятка аршинъ. «Какъ тутъ пройти», думаешь про себя, и въ то же время лошадь, словно дикая коза, все же умудряется пройти это мѣсто, не скатившись внизъ съ своимъ неловкимъ сѣдокомъ. Въ одномъ очень скверномъ мѣстѣ жители сосѣдней деревни, которымъ, очевидно, часто приходится проходить этотъ путь, примостили на снесенномъ карнизѣ длинную узкую доску, считая, что она можетъ замѣнить собою какую ни на есть тропу. Возлѣ этой доски работало трое сельчанъ, стараясь очистить мѣсто отъ осыпавшихся камней и выковырять своими допотопными орудіями въ склонѣ горы новую тропу на мѣстѣ снесенной. Кое-какъ проходимъ и эту ловушку, причемъ приходится наблюдать, какъ лошадь обдумываетъ и соразмѣряетъ каждый свой шагъ. Подъѣзжая ближе къ деревнѣ, гдѣ предполагается ночлегъ, вступаемъ въ маленькое нагорное ущелье съ очень отлогими, но въ то же время высокими краями. Съ лѣвой стороны ущелья площадка оканчивается обрывомъ, внизу котораго быстро бѣжитъ маленькая горная рѣчка. На этой площадкѣ помѣстилась деревушка Ахъ.

Въ Ахѣ цѣлыхъ два караванъ-сарая: одинъ похуже, куда желаетъ насъ запрятать нашъ караванъ-баши въ силу своихъ особыхъ коммерческихъ соображеній; другой—попросторнѣе и чище, куда я приказываю напра-

вится каравану. При этомъ происходитъ раздирательная сцена. Черводаръ съ крикомъ, бѣя себя дланями въ грудь, становится передъ вожакомъ и не пропускаетъ его въ ворота, увѣряя, что здѣсь околѣютъ всѣ его лошади, но я остаюсь непреклоненъ, несмотря на всѣ его жалобные вопли. Наконецъ, караванъ-баши сбрасывается на суетящагося приказчика караванъ-сарая и между ними начинается шумная перебранка съ отчаянной жестикуляціей и крикомъ. Желая дать возможность нашему караванъ-баши накричаться вдоволь — я уже давно привыкъ считать это крайнею необходимостью для восточнаго человѣка — я довольно равнодушно жду окончанія спора, но видя, что караванъ-баши положительно злоупотребляетъ моею любезностью, приказываю осетину успокоить разбушевавшихся персовъ. Круго повернувъ свою лошадь, осетинъ словно изъ-подъ земли вырастаетъ между крикунами и, дѣлая необыкновенно грозный видъ, приподнимаетъ свою увѣстистую нагайку; этотъ жестъ воздѣйствовалъ охлаждающимъ образомъ на спорящихъ, и нашъ караванъ побѣдоносно вступаетъ въ ворота лучшаго караванъ-сарая. Пока развьючиваются лошади, мы занимаемъ маленькую комнату во дворѣ, которую мѣстный архитекторъ умудрился выстроить такъ, что изъ двухъ ея сквозныхъ дверей одна выходитъ во дворъ, а другая — въ маленькій садикъ, повисшій надъ обрывомъ; вверху у самаго потолка во всѣхъ четырехъ стѣнахъ размѣщенъ десятокъ маленькихъ широкихъ оконъ. Вся комната устлана гилимомъ, и, къ общему удивленію, имѣетъ довольно опрятный видъ. У нашего порога со стороны садика бѣжитъ ручеекъ такой холодной воды, что очень трудно вымыть въ немъ руки, не прерывая этой операціи нѣсколько разъ, иначе руки совсѣмъ коченѣютъ отъ холода; такую температуру имѣютъ почти всѣ рѣки Иранскаго плоскогорія, ихъ притоки и горные ручьи.

Садикъ, куда выходятъ двѣ наши комнаты, представляетъ собою маленькую площадку, воздѣланную подъ огородъ. Отъ дверей до обрыва идетъ нѣчто въ родѣ длинной бесѣдки изъ сплетающихся виноградныхъ лозъ, но виноградъ мелкій и, несмотря на осень, далеко еще не зрѣлый. Въ грядкахъ—маленькіе, мизерные, только еще начинающіе желтѣть помидоры и такіе же баклажаны, величиною съ сливу. Далѣе—капуста и всякіе другіе овощи. Съ правой и лѣвой стороны—небольшія деревья, между прочимъ два-три вишневыхъ. На вѣтвяхъ этихъ деревьевъ поразвѣшаны вымытыя и сохнушія принадлежности женскаго костюма, но женщинъ нигдѣ не видно.

Противоположная сторона обрыва представляетъ собою почти что каменистую желтобураго цвѣта гору, лишенную всякой растительности. Нѣкоторые признаки говорятъ о томъ, что сравнительно въ недавнее время гора эта была покрыта лѣсомъ: въ двухъ-трехъ мѣстахъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли большіе карагачи; они вцѣпились своими могучими корнями въ расщелины скалы, охватили груды камней и умудрились сохранить центр тяжести на такой кручѣ. Лѣсъ, покрывавшій ранѣе этотъ склонъ, очевидно, былъ вырубленъ мѣстнымъ населеніемъ, которое не щадитъ вообще лѣсовъ, видя въ этомъ часто единственный заработокъ. Лучшій лѣсъ идетъ въ Тегеранъ, гдѣ продается очень дорого; худшіе сорта сжигаются на уголь, который продается тамъ же около семи копѣекъ за фунтъ. Лѣсъ и уголь доставляются въ Тегеранъ изъ-за сотенъ верстъ. Такимъ образомъ были уничтожены богатѣйшіе лѣса Азарбайджанской провинціи, и въ настоящее время, несмотря на громадныя минеральныя богатства этой области, они остаются втуне за полнымъ отсутствіемъ топлива для плавки рудъ. Уцѣлѣли поѣа лѣса на Гилянскомъ, Мазандеранскомъ и Гязскомъ берегахъ Каспійскаго моря и только потому, что везти дѣсь выю-

ками въ Тегеранъ немислимо изъ-за дальности разстоянiя; что же касается мѣстнаго потребленiя, то оно очень ничтожно. Объ охранѣ лѣсовъ, конечно, никто не заботится и можно опасаться, что, по истребленiи лѣсовъ Гилянскаго и Мазандеранскаго береговъ, южные берега Каспiйскаго моря превратятся въ такую же пустыню, какой нынѣ является Закаспiйская область.

Расположившись въ маленькой комнатѣ, какъ кто могъ, ожидаемъ появленiя нашего самовара. При самомъ страстномъ желанiи полежать въ ожиданiи чая, я все же не могу отказать себѣ въ удовольствiи совершить маленькую экскурсiю въ деревушку. Оказывается, что деревушка больше, чѣмъ я предполагалъ, но такъ какъ ея усадьбы расположены на отдѣльныхъ площадкахъ, спускающихся внизъ къ обрыву, то со стороны нашего пути былъ видѣнъ только первый рядъ домиковъ.

Въ деревнѣ имѣются двѣ-три лавочки съ очень мизернымъ товаромъ русскаго и персидскаго происхожденiя. Часть деревни, въ томъ числѣ и нашъ караванъ-сарай, расположены надъ обширными катакомбами, которыя, какъ утверждаютъ мѣстные жители, были устроены шахомъ Аббасомъ; но съ какою цѣлью онъ приказалъ строить это обширное подземелье имъ, жителямъ, неизвѣстно. Можно скорѣе предположить, что эти подземные караванъ-сарай были вырыты самимъ населенiемъ, спасавшимся при нашествiяхъ турокъ, арабовъ и другихъ кочевыхъ племенъ.

Вечерѣтъ. Солнце садится за ближайшiй горный хребетъ, и его лучи скользятъ высоко надъ нашею деревушкою по отдѣльнымъ очень высокимъ вершинамъ, освѣщаютъ ярко-золотистымъ свѣтомъ словно приклеенные къ противоположной горѣ чинары и подымаются все выше и выше. Гдѣ-то очень-очень далеко, за хребтами горъ, надъ заходящимъ солнцемъ по-

висла громадная черная туча. Длинной полупрозрачной бахромой она опускается къ землѣ, а на противоположномъ горномъ хребтѣ, упершись двумя концами въ его вершины, подымается вверхъ необыкновенно яркая радуга. Въ этомъ горномъ разрѣженномъ и необыкновенно чистомъ воздухѣ она кажется шире, больше и ея цвѣта ярче и живѣе.

— Неправда ли, какъ хороша эта картина, обратился ко мнѣ владѣлецъ нашего караванъ-сарая, замѣтивъ, что я люблюсь этимъ своеобразнымъ пейзажемъ. Умное и выразительное лицо и почтенный видъ этого перса невольно внушали къ нему уваженіе.

— Да, картина восхитительная.

— Скажите, саабъ, бываютъ ли въ Русистанѣ такіе чудные виды?

— Въ южной части Русистана, въ Крыму и на Кавказѣ.

— Тамъ у васъ много магометанъ,—вѣдь Кавказъ когда-то принадлежалъ намъ.

— Не весь, только часть, которая прилегаетъ къ Каспійскому морю. Впрочемъ, добавилъ я, чтобы перемѣнить тему разговора,—всѣ мы принадлежимъ Богу, отъ Него мы изошли и всѣ къ нему возвратимся, какъ говоритъ коранъ.

Услышавъ слова корана изъ устъ невѣрнаго, персъ пришелъ въ восторгъ.

— Скажите, обратился я къ нему,—въ какой это сторонѣ, идетъ дождь?

— На Гилянскомъ берегу, саабъ,—знаешь гдѣ расположены Рештъ и Энзели.

На моемъ лицѣ выразилось недоумѣніе; на Иранскомъ плоскогоріи дожди еще не начинались; туча висѣла на сѣверо-западѣ по направленію Гилянскаго берега. Отсюда до Энзели никакъ не менѣе трехсотъ верстъ, а то пожалуй и болѣе.

— Я говорю правду, саабъ, мы такъ высоко здѣсь

живемъ, что если бы не эти горы, онъ сдѣлалъ жестъ по направленію подымавшейся горной цѣпи, — то вы могли бы видѣть отсюда берегъ Каспійскаго моря.

— Вы часто бываете на Мазандеранскомъ берегу?

— Раза два былъ; очень сыро тамъ, лихорадки; чаще всего бываю въ Тегеранъ; отсюда вѣдь два дня пути, а на Мазандеранъ (Мешедисеръ персы часто называютъ Мазандераномъ), пожалуй, пять дней будетъ.

— Каковъ дальнѣйшій путь на Мазандеранъ?

— До нашей деревни, какъ вы изволили видѣть, путь хорошій, но дальше пойдетъ похуже; не привыкли вы къ нашимъ дорогамъ, будетъ вамъ жутко (тяжело на сердцѣ, какъ выражаются персы).

— Чай готовъ, слышался голосъ изъ комнаты.

Раскланявшись съ моимъ симпатичнымъ собесѣдникомъ, лѣниво направляюсь въ нашу лачугу.

Два яйца вкрутую и стаканъ чаю, вотъ и весь обѣдъ. Въ жаркомъ климатѣ организмъ не требуетъ много пищи; даже рюмка водки была бы излишнею, еслибъ усталось не вызывала иногда потребности въ небольшой дозѣ алкоголя.

Прохладная ночь, горный воздухъ и четырнадцати часовой переходъ даютъ прекрасный сонъ. При такихъ обстоятельствахъ, кажется, никакихъ сновидѣній не бываетъ, а если они и появляются, то, проснувшись, никогда ничѣго не вспомнишь.

XIX.

На склонахъ Демавенда.

На вершинахъ давно уже день, но для нашего маленькаго ущелья солнце еще не взошло; у насъ пока только чувствуется близкій разсвѣтъ. Спустя полчаса, когда, оставивъ «Ахъ», мы начинаемъ подыматься къ высшей точкѣ перевала, солнце вдругъ заливаешь всю окрестность утреннимъ золотистымъ свѣтомъ. Отсюда можно наблюдать, какъ этотъ свѣтъ, опускаясь все ниже и ниже, заглядываетъ въ долины, проникаетъ въ ущелья и гонитъ передъ собою ночныя тѣни.

Отдохнувшій караванъ идетъ бодро. Мой товарищъ по путешествію употребляетъ тщетныя усилія получить необходимыя свѣдѣнія отъ одного изъ сопровождающихъ насъ персовъ. Персъ—человѣкъ довольно интеллигентный, бывавшій въ Европѣ, даже работавшій въ Бельгій на механическихъ заводахъ съ цѣлью уяснить себѣ премудрость практической механики, но всѣ эти подвиги были имъ совершены когда-то очень давно, во дни юности, и въ настоящее время не только его спеціальныя познанія, но и заученныя имъ слова и фразы—все это улетучилось подъ жаркимъ солнцемъ Тегерана. Я наблюдаю, какъ мой пріятель, въ потѣ лица своего, старается объяснить персу какое-нибудь понятіе на французскомъ языкѣ. Добродушное лицо

перса принимаетъ глубокомысленное выраженіе, затѣмъ онъ съ нѣкоторымъ торжествомъ прикладываетъ указательный палецъ ко лбу и, послѣ продолжительнаго молчанія, вытягиваетъ шею, слегка пощелкиваетъ языкомъ и лаконически произноситъ «нонъ». Та же самая исторія повторяется, когда мой colega обращается къ своему спутнику на турецко-татарскомъ нарѣчьи. Оказывается, что персъ, какъ истый «фарси», ни турецкаго, ни татарскаго языка тоже не знаетъ; наконецъ, мое вмѣшательство тоже мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ моя крохотная Фатма не обладала никакими познаніями ни по механикѣ, ни по горному искусству. Послѣ третьяго слова у меня вдругъ не хватаетъ техническаго выраженія и, съ полнымъ сознаніемъ невозможности подобрать подходящее, я дѣлаю рукой жестъ полной безнадежности и составляю ихъ бесѣдовать вдвоемъ. Среди этихъ глубокопоучительныхъ бесѣдъ мы начинаемъ спускаться, чтобы пересѣчь небольшое ущелье, по которому бѣшено мчится рѣка Плуръ или Ларъ, какъ ее различно называютъ мѣстные персы. Черезъ рѣку перекинуть въ самомъ узкомъ мѣстѣ ея теченія довольно сносный мостъ. Холодная, прозрачная вода рѣки шумитъ по камнямъ, дѣлая массу самыхъ неожиданныхъ и красивыхъ зигзаговъ. Ларъ изобилуетъ превосходною форелью, которую часто доставляютъ въ Тегеранъ.

Внизу, за мостомъ, расположилась небольшая деревня; она, какъ и многія персидскія горныя деревушки, имѣетъ довольно опрятный видъ. Нѣсколько времени мы идемъ наряду съ русломъ рѣки; я люблю ея дикими берегами и необыкновенною прозрачностью и яркостью красокъ всей картины. Здѣсь, на этихъ высотахъ, нѣтъ ни влаги, ни пыли, нѣтъ той густоты воздуха, которая смячаетъ и часто даже совсѣмъ ступшеываетъ рѣзкость очертаній и яркость красокъ: вода подъ солнечными лучами блеститъ здѣсь ярче, крутые известко-

вые берега рѣки бѣлѣютъ, какъ алебастровые. Попадающаяся мѣстами зелень имѣетъ такой видъ, словно она только что вспрыснута дождемъ. Но все же окрестность мертва; ее не оживляютъ ни птицы своимъ щебетаніемъ, ни насѣкомыя своею своеобразною трескотнею; изрѣдка только слышится оригинальное кудахтанье, не то чириканіе горной курочки, да высоко въ синевѣ рѣветъ ея врагъ—коршунъ или стрѣлоу проносится красивый соколъ. Соколиная охота и въ настоящее время въ ходу въ Персіи, и на базарѣ въ Тегеранѣ можно всегда купить красиваго охотничьяго сокола. Какъ разъ навстрѣчу намъ попадается охотникъ съ прирученнымъ соколомъ, и мнѣ приходитъ на мысль одинъ изъ забавныхъ персидскихъ разсказовъ.

Вотъ что, между прочимъ, разсказываютъ персы объ одномъ случаѣ соколиной охоты: какой-то юный ханъ или бузургунъ (помѣщикъ) выѣхалъ на охоту со своимъ соколомъ. Проѣзжая мимо деревушки, онъ замѣтилъ подъ тѣнью большого чинара красивую персіанку. «Салямъ алейкумъ» (да будетъ миръ съ вами—самое употребительное привѣтствіе въ магометанскихъ странахъ), обратился онъ къ ней, подѣхавъ ближе на своей стройной арабской лошади. «Алейкумъ салямъ», отвѣтила она скромно и, опуская покрывало на свое красивое лицо, сдѣлала замѣчаніе всаднику:

— Однако ты очень смѣлъ; вѣдь знаешь, что, по правиламъ нашей религіи, мужчина не имѣетъ права заговаривать съ незнакомой ему посторонней женщиной.

— Знаю, но я въ этомъ неповиненъ.

— Какъ?

— Это твоя вина; твоя красота толкаетъ меня на такой безумный поступокъ, и не будь у меня только вотъ этого сокола въ рукѣ, я сошелъ бы съ лошади и охотно побесѣдовалъ бы съ тобою.

Молодая женщина улыбнулась.

— Однако, я вижу, добавила она, — ты совсѣмъ еще глупый мальчикъ. Умный человекъ догадался бы въ такомъ случаѣ привязать сокола къ сѣдлу.

Осѣненный такою мыслью, молодой человекъ въ одну минуту уже былъ у ногъ красавицы.

— На этотъ разъ я тебѣ прощаю твою выходку; садись здѣсь рядомъ, только подальше; поболтаемъ; но если ты осмѣлишься придвинуться ближе, я закричу, позову мужа; наша усадьба въ двухъ шагахъ отсюда, и ты долженъ будешь бѣжать со срамомъ.

Молодой ханъ и на этотъ разъ оказался непослушнымъ: онъ сѣлъ вплотную къ своей собесѣдницѣ; покрывало какъ-то само собой соскользнуло съ ея лица, и юноша напечатлѣлъ на ея губахъ горячій поцѣлуй.

— Какъ ты смѣешь цѣловать меня? говорила она уже болѣе ласковымъ голосомъ, — вѣдь если я закричу то вся деревня сбѣжится сюда; смотри, не сдобровать тебѣ, молокососъ.

Несмотря на такую угрозу, руки предприимчиваго охотника скользнули подъ чадуръ и охватили талію протестующей сосѣдки.

— А теперь кого ты позовешь на помощь? обратился онъ къ ней, глядя ей въ лицо и хитро улыбаясь.

— Теперь, повторила она, теперь... Послушай, если ты теперь вздумаешь уйти отсюда, я вытащу твоего отца изъ могилы (это самое сильное заклятіе у персовъ).

Въ заключеніе, пожалуй, можно добавить: «partout comme chez nous».

Продолжая нашъ путь, мы двигаемся по направленію къ деревушкѣ Мошугъ, гдѣ караванъ отдыхаетъ часа два-три. Мошугъ едвали даже можно назвать деревушкой; это скорѣе хуторокъ съ двумя-тремя хижинами и очень маленькимъ караванъ-сараемъ, что доказываетъ очень рѣдкое и небольшое движеніе по этой тропѣ. Несмотря на лѣтнее время, отсутствіе дождей

и вообще всякихъ препятствій, здѣсь очень рѣдко попадаются караваны, да и то въ три-четыре лошади.

Крохотный караванъ-сарай, маленькій быстрый ручей, два-три тощихъ, согнутыхъ сильнымъ вѣтромъ деревца и нѣсколько мизерныхъ хижинъ, разбросанныхъ какъ попало, вотъ и вся картина Мошуга, тяжелая, безотрадная. Отсюда тропа идетъ по лѣвой сторонѣ склона невысокаго горнаго хребта, затѣмъ она понижается, и мы пересѣкаемъ тотъ же горный ручей, который недавно встрѣтили въ Мошугѣ; направляясь по руслу ручья, переходимъ опять на лѣвый склонъ другой очень высокой горы; здѣсь тропа расширяется, становится ровнѣе и представляетъ собою даже нѣчто въ родѣ дороги, которая постепенно спускается внизъ.

Съ правой стороны замѣчается нѣкоторое оживленіе мѣстности: на лугахъ видна зеленая сочная трава, иногда группы деревьевъ, скрывающія за своею листвою маленькія хижины; по временамъ даже мелькнетъ невысокій шпиль мечети, которыя въ этой части Персіи имѣютъ своеобразную архитектуру. Очень маленькія, выбѣленные, онѣ похожи на восьмиугольныя призмы, суживающіяся кверху и оканчивающіяся невысокимъ шпилемъ, при чемъ окна такой мечети, расположенныя очень высоко, имѣютъ видъ глубокихъ щелей въ каждой изъ стѣнокъ призмы. Въ горныхъ деревняхъ я почти нигдѣ не замѣчалъ минаретовъ. Тамъ достаточно мултѣ взобраться на любой уступъ, и онѣ сразу будутъ видны и слышны всей своей маленькой деревушкѣ. Виднѣющіяся съ правой стороны небольшія пахотныя поля, маленькіе луга и группы деревьевъ— все это извивается зигзагами по направленію теченія горной рѣчки; по изгибамъ ея русла и расположились всѣ эти деревушки. Самой рѣчки не видно; трудно также ориентироваться, гдѣ она, хотя приблизительно, беретъ свое начало, но, судя по ея общему направленію, мнѣ кажется, что это та же самая рѣчка, кото-

рую мы видѣли въ Мошугѣ. Мѣстами путь мѣняется, становится хуже, но въ общемъ онъ довольно сносенъ. Весь нашъ караванъ, хотя порядкомъ усталый, спѣшитъ засвѣтло дойти до Рэнэ—одна изъ самыхъ большихъ виднѣющихся вдали деревень.

Отъ мѣста, гдѣ мы находимся, до Рэнэ еще цѣлый фарсахъ (6—7 верстѣ), между тѣмъ солнце уже еле выглядить изъ-за горъ, а луна должна взойти довольно поздно. Очень красивую картину представляетъ собою этотъ рядъ деревушекъ, тонущихъ въ зелени разнообразныхъ деревьевъ. Косые лучи солнца, стелясь по вершинамъ хребта, по склону котораго мы идемъ, высоко проходятъ надъ нашими головами и, ударяясь о противоположную цѣпь горъ, золотятъ листву высокихъ тополей и маленькія бѣлыя мечети. Въ мѣстности, по которой мы проходимъ, уже настали сумерки, но тамъ въ деревушкахъ еще свѣтло.

Несмотря на всю поспѣшность, мы вступаемъ въ Рэнэ позднимъ вечеромъ, пройдя послѣднія три версты въ потемкахъ. Въ горныхъ мѣстахъ свѣтъ луны въ малой мѣрѣ замѣняется свѣтомъ звѣздъ; здѣсь звѣзды не только блестятъ, но и свѣтятъ. Ни Петербургъ, ни вся сѣверная Европа никогда не видѣли звѣздъ такими, какими онѣ глядятъ на большихъ высотахъ сквозь слой очень сухого и разрѣженного воздуха. Въ Европѣ вообще, даже на большихъ высотахъ, сравнительно больше влаги въ воздухѣ, а потому и звѣзды кажутся менѣ яркими. Можно предположить, что одинъ изъ южныхъ уступовъ Демавенда на высотѣ около двѣнадцати тысячъ футъ могъ бы быть превосходнымъ мѣстомъ для устройства обсерваторіи.

Рэнэ сравнительно большая деревня; вся она словно прилипла къ западному склону Демавенда и маленькими площадками круто спускается внизъ къ гигантскому оврагу—скорѣе ущелью.

Съ одной площадки на другую, со ступеньки на

ступеньку переходить узенькая каменистая улица деревни, извиваясь многочисленными зигзагами по склону горы. Ухвативше впередъ товарищи употребляютъ старанія разыскать караванъ-сарай поудобнѣе и почище. Лучшимъ все же оказывается тотъ, возлѣ котораго остановился нашъ караванъ, въ ожиданіи результатовъ развѣдокъ. Въ то время, какъ мы занимаемъ небольшую комнату, караванъ нашъ огибаеть уголъ зданія, спускается внизъ и вступаетъ во дворъ этой восточной гостинницы. При тускломъ освѣщеніи двухъ-трехъ лампъ все же можно различить, что дворъ нашего караванъ-сарая находится сажени три ниже улицы, а его плоская крыша приходится въ уровень съ нею. Что касается нашей комнаты, то она представляетъ собою небольшую надстройку на крышѣ. Несмотря на то, что эта комната имѣетъ не болѣе пяти аршинъ въ длину и аршина два съ половиною въ ширину, она снабжена четырьмя дверьми—по одной съ каждой стороны, и шестью окнами. Вымазанная внутри простой глиной, съ самодѣльнымъ комелькомъ у правой стороны отъ входа и съ протянутымъ на полу войлокомъ, наша комната представляетъ собою верхъ мѣстнаго комфорта. Одна дверь—главная, выходитъ на улицу, а остальные три на крышу караванъ-сарая. Крыша до того просторна, что на ней располагается на ночлегъ вся наша прислуга.

Часть выюковъ распакована, добыта дорожная посуда, поставленъ самоваръ и идетъ обычный пиръ: скверный кѣбабъ, тонкій, какъ листъ бумаги, грязный и хрустящій на зубахъ персидскій хлѣбъ, рюмка коньяку и стаканъ чаю.

Черезъ полчаса на крышѣ появляется персъ съ огромнѣйшимъ блюдомъ плова: превосходный по качеству и хорошо сваренный рисъ съ кусками баранины пришелся всѣмъ по вкусу. Оказалось, что пловъ присланъ намъ въ пешкешъ проживавшимъ въ Рэнэ бра-

томъ одного изъ путешествовавшихъ съ нами персовъ. Нѣсколько рублей на чай слугѣ, принесшему подарокъ, были отвѣтомъ на эту любезность. Черезъ нѣкоторое время явился и нашъ товарищъ по путешествію — персъ. Очевидно, встрѣча братьевъ была очень радостна, такъ какъ нашъ спутникъ былъ на-веселѣ или, выражаясь по-мѣстному, хорошо полечился отъ лихорадки. Поболтавъ съ нами на турецко-персидско-французскомъ нарѣчій, на которомъ онъ всю дорогу велъ бесѣду, нашъ собесѣдникъ опять отправился къ брату и затѣмъ вновь явился въ сопровожденіи слуги, который несъ за нимъ на подносѣ нѣсколько маленькихъ арбузовъ и дынь, оказавшихся очень плохими. На этотъ разъ нашъ спутникъ уже не вязалъ лыка и безъ зазрѣнія совѣсти выписывалъ ногами мыслете; а такъ какъ дѣло происходило на крышѣ, то невольно являлось опасеніе, какъ бы рабъ Божій не очутился внизу во дворѣ караванъ-сарая. Теперь языкъ его уже не повиновался никакому нарѣчію.

— Хабиденъ (спать), произнесъ онъ, наконецъ, послѣ долгихъ усилій и, въ смущеніи махнувъ рукою, поплелся къ брату, почтительно поддерживаемый своимъ слугою.

Пловъ пришелся очень кстати; мы давно уже отказались отъ употребленія всякихъ консервовъ, и потому каждое свѣже-сваренное кушанье имѣло для насъ свою прелесть; всѣ мясные и рыбные консервы, какъ бы хороши они ни были, не годятся при путешествіяхъ въ жаркомъ климатѣ. Употребленіе ихъ въ пищу почти всегда даетъ въ результатъ нѣчто въ родѣ холерины.

Горсть варенаго рису и маленькій кусочекъ баранины, а то просто одинъ лишь вареный рисъ и стаканъ чаю—лучшая пища во время большихъ переходовъ въ жаркомъ климатѣ. Только пробывъ нѣкоторое время на Востокѣ, начинаешь понимать значеніе риса для мѣстнаго населенія; и нужно отдать справедли-

вость персамъ, они умѣютъ такъ хорошо варить рисъ, какъ нигдѣ въ Европѣ, при чемъ болѣе состоятельные люди употребляютъ для своего стола рисъ лучшаго сорта. Поданный на громадномъ блюдѣ, онъ имѣетъ видъ полупрозрачнаго свѣжной бѣлизны желе и нѣсколько другой вкусъ и запахъ, чѣмъ тотъ, къ которому мы привыкли въ Европѣ. Точно также своеобразнымъ вкусомъ и запахомъ отличаются приготовленные въ Персіи сиропы, такъ называемые на мѣстномъ нарѣчій шербеты. Лучшій готовится изъ ширазскихъ лимоновъ. До поѣздки въ Тегеранъ мнѣ нигдѣ въ Европѣ не приходилось ихъ видѣть, да и едвали возможно привезти ихъ въ Европу въ свѣжемъ видѣ. Круглый, величиною въ большой волошскій орѣхъ, лимонъ этотъ обладаетъ необыкновенно тонкою кожицею, которая въ два-три дня послѣ того, какъ лимонъ сорванъ съ дерева, сохнетъ и превращается въ пергаментъ. Мой опытъ перевозки въ Россію нѣсколькихъ ширазскихъ лимоновъ вышелъ неудаченъ, несмотря на принятія предосторожности. Изъ Шираза лимоны доставляются въ Тегеранъ въ корзинкахъ, упакованные въ свѣжую траву, которую часто поливаютъ водою. Присутствіе такого лимона въ домѣ сказывается необыкновенно тонкимъ и пріятнымъ ароматомъ, наполняющимъ всѣ комнаты.

Пока прислуга возится съ установкой походныхъ кроватей, я выхожу на крышу, откуда видна почти вся деревня. Рѣнэ уже спитъ, деревенскіе огни погасли и болѣе не пробиваются сквозь темную зелень; только поодаль, въ одномъ изъ заросшихъ деревьями уголковъ, искрятся сквозь листву сада огоньки и слышится звукъ бубна: тамъ празднуютъ свадьбу. Время отъ времени въ честь молодыхъ раздаются ружейные выстрѣлы. Въ занимаемой нами комнатѣ тоже идетъ пиръ: громадное блюдо плова высится на опрокинутыхъ выючныхъ ящикахъ, предъ каждымъ изъ насъ. стаканъ

чаю, и все убранство стола довершаетъ бутылка хорошаго коньку. На крышѣ наши люди подражаютъ господамъ; тамъ кипитъ самоваръ, на подносѣ тотъ же пловъ и чай въ жестяныхъ эмалированныхъ чашкахъ. Только бѣдный молоканъ Яковъ все кряхтитъ; онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ лихорадки, которую захватилъ еще во время своихъ скитаній по Тегерану и продолжительной голодовки. Подъ видомъ рюмки водки, передъ ужиномъ я преподношу ему чуть ли не полстакана коньяку, съ разбавленными въ немъ двадцатью гранами хинина. Яковъ залпомъ выпиваетъ всю эту порцію и принимается за пловъ.

Наконецъ, въ нашемъ караванъ-сараѣ наступаетъ тишина. Походныя кровати разложены, люди поприбрались и, лежа на своихъ кавказскихъ бургахъ, изрѣдка перекидываются словами; снизу со двора доносится жеваніе и фырганье лошадей. Свадебный пиръ тоже замолкъ, и по разнымъ направленіямъ въ деревнѣ замелькали рѣдкіе огоньки: приглашенные возвращаются со свадьбы съ фонарями. Стоя на крышѣ, я люблю картину восточной ночи, яркимъ блескомъ звѣздъ и необыкновенной царящей кругомъ насъ тишиною. Вотъ въ концѣ нашей улицы замелькалъ огонекъ; онъ постепенно растетъ, приближается. На болѣе близкомъ разстояніи можно различить двухъ персіанокъ съ маленькими подсвѣчниками въ рукахъ, которые замѣняютъ имъ фонари; видно, что онѣ возвращаются со свадьбы. Оживленныя, разгорѣвшіяся лица, блестящіе глаза и быстрое въ перебивку щебетаніе говоритъ о томъ, что онѣ только-что оставили веселый пиръ и теперь продолжаютъ обсуждать, какъ была одѣта невеста, какъ она себя держала въ обществѣ, какое у нея приданое; будетъ ли она любить своего мужа... Все это, конечно, вопросы первостатейной важности, которые еще долго будутъ предметомъ обсуждения со стороны волоокихъ обитательницъ Рэнэ.

При появленіи этихъ дамъ, дверь лавчонки, находящейся по ту сторону улицы, слегка приотворяется, и любопытный лавочникъ-персъ выглядываетъ оттуда, словно мышь изъ щели; вѣдь для него это очень рѣдкій случай видѣть расфранченныхъ чужихъ женъ, да еще съ открытыми лицами. Вдругъ съ нашей крыши раздается не кстати «саяямъ-алейкумъ»! Это нашъ осетинъ, большой цѣнитель женской красоты, не выдержалъ, чтобы не привѣтствовать представительницъ прекраснаго пола. Въ отвѣтъ на привѣтствіе, обѣ женщины быстро опускаютъ свои покрывала и, прижавшись другъ къ другу, ускоряютъ шаги... видѣніе исчезаетъ. Разсерженный лавочникъ дѣлаетъ отчаянную гримасу въ сторону нашей крыши и съ досадою захлопываетъ полуоткрытую дверь.

Спитъ Рэнэ въ своемъ глубокомъ оврагѣ, точно въ люлькѣ: слѣва на деревушку легли черныя тѣни, отбрасываемыя хребтомъ зубчатыхъ горъ, изъ-за которыхъ постепенно подымается ярко-свѣтлая луна. Ея мягкій серебристый свѣтъ, словно разсыпавшись, блеститъ на листьяхъ тополей; карагача и вишневыхъ деревьевъ, придаетъ ослѣпительную бѣлизну выкрашеннымъ известью стѣнамъ деревенскихъ домиковъ, заглядываетъ глубоко въ пронасти и овраги и освѣщаетъ, словно дневнымъ свѣтомъ, правый склонъ отроговъ Демавенда. Черными гигантскими массами съ рѣзкими суровыми очертаніями охватили горизонтъ сосѣдніе горные кряжи, и ихъ мрачныя обнаженныя вершины хмуро глядятъ на уснувшую деревушку. Есть что-то чарующее и въ то же время грозное во всей этой картинѣ и, несмотря на всю усталость, я то и дѣло выхожу на крышу и каждый разъ нахожу новыя прелести въ этомъ чудномъ ландшафтѣ, напоминающемъ скорѣе сказочную феерію.

Часа два спустя, луна уходитъ съ горизонта, контуры горныхъ кряжей теряютъ рѣзкость своихъ очер-

таній — сливаются; зеленая листва деревьевъ перестаетъ блестѣть — темнѣетъ; вся картина тускнѣетъ, и только мириады звѣздъ, нависшихъ съ неба и мигающихъ тысячами чудныхъ отблесковъ, излучиваютъ свой слабый свѣтъ на всю окрестность, и вся она кажется словно залитой легкимъ таинственнымъ прозрачнымъ туманомъ.

Все время нашего пути мы огибаемъ правую восточную сторону Демавенда; его грандіозный конусъ темно-коричневаго цвѣта, съ бѣлой снѣговою шапкою, вѣчно у насъ передъ глазами. Дѣвственная бѣлизна снѣга на коричневомъ фонѣ выдѣляется еще рѣзче и получаетъ легкій прозрачный сине-голубой оттѣнокъ и главнымъ образомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ снѣговая шапка соприкасается съ нахмуреннымъ челомъ этого великана, подымающагося на двадцать тысячъ футъ надъ уровнемъ моря. Поднявъ голову въ заоблачныя выси, непривѣжливо и гордо глядитъ онъ на всю окрестность, подавляя ее своими грандіозными размѣрами и величественнымъ видомъ.

Простому наблюдателю становится очевиднымъ, что здѣсь въ извѣстныя эпохи шла неустанная вулканическая работа, главнымъ очагомъ которой, конечно, былъ Демавендъ. Прошли вѣка, грозный очагъ притихъ, говорятъ, даже совсѣмъ потухъ, но кругомъ него остался хаосъ, какъ результатъ могучей варварской неосмысленной работы. Горячіе сѣрные ключи, блестящіе словно послѣ сильнаго пожара потемнѣвшіе камни, рѣзкія очертанія ущелій, совершенно желтые канареечнаго цвѣта пласты известняковъ и отсутствіе малѣйшей растительности — все это говоритъ вамъ о томъ, что здѣсь когда-то работали силы, недоступныя человѣческому воображенію, и было царство огня, границу котораго не дерзало преступать ничто живущее.

Такъ какъ мы находимся на восточной сторонѣ Демавенда, то вечеръ у насъ начинается очень рано: едва

Демавандъ и его окрестности.

солнце, озолотивъ снѣжный конусъ горы, опустится нѣсколько ниже снѣговой линіи, какъ Демавендъ бросаетъ свою густую неизмѣримоі величины тѣнь на всю восточную окрестность.

Зато, какъ бы въ вознагражденіе за такую несправедливость, на нашей восточной сторонѣ утро начинается ранѣе, чѣмъ на западной; и когда деревушки, лежащія по ту сторону Демавенда, еще погружены въ ночной сумракъ, обращенная къ намъ сторона снѣжнаго конуса уже горитъ то нѣжными, то ослѣпительными желтовато-розовыми огнями. Съ восходомъ солнца все ниже и ниже сползаютъ тѣни съ угрюмаго горнаго колосса, и весь онъ постепенно окрашивается въ яркій темно-коричневый цвѣтъ; цвѣтъ этотъ наполняетъ собою всю окрестность, назойливо лѣзетъ вамъ въ глаза и словно заливаетъ васъ и проникаетъ во всѣ поры вашего тѣла. Страшной, грозной и подавляющей громадой лежитъ между вами и западной частью горизонта Демавендъ, и у васъ является страстное желаніе обойти какъ можно скорѣе эту громаду, которая давитъ васъ, словно кошмаръ, и застилаетъ предъ вами горизонтъ. Васъ назойливо преслѣдуетъ сознаніе, что вы и весь вашъ маленькій караванъ лѣпитесь съ видомъ и настойчивостью муравьевъ по узкимъ тропамъ надъ мрачными обрывами, составляющими склоны этого горнаго гиганта. Близость и подавляющее дѣйствіе Демавенда преимущественно наблюдается и чувствуется по дорогѣ между Рэнэ и деревней Бейджунъ, на протяженіи тридцати верстъ съ лишнимъ.

Изъ Рэнэ мы выступаемъ съ восходомъ солнца. Наскоро проглоченъ стаканъ чаю—и ногу въ стремя.

Въ то время, какъ нашъ караванъ тянется по одной сторонѣ улицы, по другой—идетъ длинная вереница персіанокъ, при чемъ у многихъ изъ-подъ чадура виднѣются громаднхъ размѣровъ металлическіе тазы;

за нѣкоторыми, очевидно, болѣе богатыми, такіе же тазы несутъ на головахъ ихъ рабыни-негритянки.

— Что это за процессія? спрашиваю своего сосѣда-перса.

— Сегодня пятница, саабъ, всѣ женщины въ баню идутъ. Вотъ тѣ, что съ тазами—все это дѣвушки, а безъ тазовъ, замужнія женщины.

— Почему такое различіе?

— Видите ли, саабъ, у насъ въ баняхъ, преимущественно въ небольшихъ городахъ, гдѣ одна баня на весь городъ, сначала купаются мужчины, а послѣ женщины, и вслѣдствіе этого было много несчастныхъ случаевъ съ дѣвушками, даже изъ самыхъ богатыхъ и лучшихъ семействъ. Случалось, что дѣвушка купаясь, сядетъ на то мѣсто, гдѣ ранѣ сидѣлъ мужчина, ну и несчастье... очень многія изъ нихъ, ни въ чемъ неповинныя, становились матерями; такъ вотъ съ тѣхъ поръ муллы приказали, чтобы каждая дѣвушка ходила бы въ баню со своимъ тазомъ и въ немъ бы сидѣла.

— Ну что же, средство помогло?

— Да, саабъ, очень помогло, хотя часто случается, что многія по разсѣянности — народъ, знаете, молодой—зазѣвается и сядетъ на то мѣсто, гдѣ ранѣ сидѣлъ мужчина и надѣлаетъ себѣ бѣды...

Сначала мы ѣдемъ деревней, расположившейся по склону горы, съ которой струятся маленькіе горные ручьи, виновники существованія самой деревушки. Чуть ли не каждая капля воды здѣсь очень разумно утилизируется населеніемъ; человѣкъ сумѣлъ направить работу этихъ ручейковъ и оживилъ землю. Глядя на существующую здѣсь группу растительности среди горной каменистой пустыни, я вновь вспоминаю разумное узаконеніе шаріата: «кто оживилъ землю, тому и его потомству она должна принадлежать во вѣки». И въ самомъ дѣлѣ, было бы величайшей несправедли-

востью отказать въ правѣ собственности на землю тому, кто высѣкъ въ этихъ твердыхъ, мрачныхъ, безлюдныхъ скалахъ канавки, очистилъ клочки земли отъ страшной массы мелкихъ камней и направилъ туда течение ручья — такой труженикъ воистину оживилъ землю; здѣсь каждый аршинъ земли давался населенію съ боя, каждая пядь ея стоила крови и пота, а тѣмъ болѣе при тѣхъ первобытныхъ орудіяхъ, которыми оно и до настоящаго времени продолжаетъ работать. Эти маленькіе поля, сады и огороды даютъ наглядный урокъ того, какимъ путемъ образовался одинъ изъ основныхъ элементовъ права собственности; очевидный примѣръ того, что право собственности часто является результатомъ тяжелаго труда.

Снѣговая шапка Демавенда постоянно подтаиваетъ; изъ-подъ нея по всѣмъ направленіямъ бѣгутъ внизъ маленькіе студеныя прозрачныя ручьи. Далеко внизу, на разстояніи десятковъ верстъ, люди перехватили эти струи прозрачной ледяной воды, напоили ими землю и основались на этихъ мѣстахъ въ видѣ деревень, поселковъ и мѣстечекъ. Такимъ образомъ, вѣчно-снѣговой конусъ Демавенда даетъ жизнь землѣ и питаетъ массу людскихъ муравейниковъ,⁶ расположившихся у его подножія и жадно перехватывающихъ каждую каплю даримой имъ воды.

Въ концѣ Рэнэ мы спускаемся въ небольшой оврагъ; здѣсь пирамидальныя тополи и карагачи сверкаютъ своими небольшими блестящими подвижными листьями, лапчатые чинары словно озолотились, быстро бѣгутъ водяныя струи, сверкая своими изгибами, и, несмотря на осень, въ воздухѣ разлитъ ароматъ просыпающейся зелени. Схожу съ сѣдла и, съ поводомъ въ рукѣ, направляюсь по узкой тропѣ среди маленькихъ, но очень сердито ворчащихъ ручьевъ. Какой-то старательный домохозяинъ, загородивъ путь такому ворчуну лилипуту, пустилъ его вдоль горы парал-

лельно откосу. Ручеекъ бурлитъ, переливается черезъ свое искусственное русло и тонкими струйками покрываетъ тропу, по которой приходится идти. Нѣсколько ручьевъ падаютъ въ оврагъ и на его днѣ образуютъ небольшую рѣчку, берега которой обросли камышомъ, вербою и маленькими кустами растенія, похожаго на нашъ лознякъ. Такія мѣста—отрадное явленіе среди спаленной солнцемъ, пустынной и дикой окрестности.

Въ то время, какъ я пробираюсь по выступающимъ изъ воды камешкамъ, навстрѣчу мнѣ изъ-за изгороди выходитъ молодая женщина персіанка. Слегка наброшенный на голову маленькій платочекъ почти не закрываетъ ея лица, коротенькая до колѣнъ ярко-красная юбочка даетъ возможность судить о стройности ея фигуры. Она тоже маневрируетъ по камешкамъ, и мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу. Нашъ караванъ ушелъ немного впередъ, кругомъ ни одного перса, и потому она, улыбаясь, отвѣчаетъ мнѣ на привѣтствіе.

— Салямъ алейкумъ, обращаюсь къ ней, загоразживая дорогу.

— Алейкумъ салямъ, саабъ, произноситъ она, мило и скромно улыбаясь.

Съ чувствомъ неизъяснимаго удовольствія гляжу на это прелестное лицо съ тонкими чертами и изящнымъ оваломъ; ея большіе миндалевидные глаза весело, но въ то же время скромно глядятъ изъ-подъ длинныхъ загнутыхъ вверхъ блестящихъ рѣсницъ, маленькія губы и правильный носъ чуть-чуть вздрагиваютъ отъ улыбки, а приподнятыя слегка тонкія красивыя брови выражаютъ удивленіе. Она выше средняго роста, стройная и гибкая, и такъ и кажется, что вся ея фигура вылита изъ свѣтлой бронзы—это настоящая горная «Джерамъ-Ханумъ».

— Нѣтъ ли при тебѣ кружки, чтобы зачерпнуть воды? спрашиваю, продолжая любоваться ею.

Дьвушши курдинши.

Дѣвушки кочевыхъ курдовъ.

Типъ женщины кочевыхъ горныхъ племенъ.

— Нѣтъ, саабъ, придется тебѣ пить воду вотъ такъ, руками, при этомъ она складываетъ свои маленькія изящныя руки, чтобы показать мнѣ, какъ слѣдуетъ черпать воду. Минуту мы стоимъ, улыбаясь и взаимно разглядывая другъ друга, наконецъ, она боязливо оглядывается.

— Прощай, саабъ, въ добрый часъ тебѣ, говоритъ она, огибая меня по камушкамъ съ легкостью и граціей дикой козы.

— Прощай, красавица, отвѣчаю, протягивая ей руку. Быстрымъ взглядомъ она еще разъ окидываетъ всю окрестность и, убѣдившись, что никто не можетъ ее видѣть, протягиваетъ мнѣ руку.

— Въ добрый часъ, саабъ, повторяетъ она еще разъ и быстро удаляется, перепрыгивая съ камешка на камешекъ, при чемъ ея маленькія ноги, обутыя въ красныя туфли на маленькихъ каблучкахъ безъ задковъ, съ необыкновенной легкостью чуть прикасаются къ выступающей изъ воды галькѣ.

«На тебя заглядѣться не диво», вспоминается мнѣ стихъ Некрасова, который я мысленно посылаю вдогонку этой милой юной феѣ.

Въ то же время я замѣчаю, что забрелъ чуть ли не по щиколку въ ледяную воду.

Далѣе мѣстность носитъ все тотъ же характеръ, но горные ручьи попадаютъ рѣже и рѣже. Черезъ часъ мы останавливаемся на нѣсколько минутъ въ маленькой деревнѣ, славящейся во всей окрестности своими виноградниками. По преимуществу здѣсь хорошъ красный виноградъ: тонкокожій съ крупными ягодами и необыкновенно пріятнымъ вкусомъ.

На разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ послѣдней деревушки начинается подъемъ, и картина мѣняется быстро и рѣзко. Съ лѣвой стороны подымается громадный горный кряжъ, съ правой—открывается видъ внизъ на громадное разстояніе: простому глазу ясно,

что мы находимся на высотѣ не менѣе семи тысячъ футъ. Грандіозныя уступы, которыми горный край опускается въ долину, величественны, и чѣмъ ближе къ долинѣ, тѣмъ гуще они покрыты зеленью. Въ самомъ низу темнозелеными пятнами обозначаются деревеньки, разбросанныя сообразно извилинамъ протекающей рѣчки. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать на Кавказѣ болѣе красивыя панорамы, каковы, напримеръ, видъ, открывающійся съ вершины горы Жушки на Мингрелію, видъ съ кульминаціонной точки знаменитаго по красотѣ Зикарскаго перевала; но никогда я не видывалъ столь грандіозной картины, величественной по своей дикости, простору и угрюмости.

Наша узкая тропа бѣлой лентой вьется по косо-гору, круто подымаясь все выше и выше. Вся она представляетъ собою нѣчто въ родѣ лѣстницы съ крайне разнообразными по величинѣ ступенями. И только привычныя къ такимъ горнымъ путямъ умныя и очень осторожныя персидскія лошади могутъ совершать подъемы и спуски по такимъ кручамъ. Тяжело дыша, подымаясь со ступеньки на ступеньку, осторожно шагаетъ бѣдное животное, сознавая вполнѣ, что каждый невѣрный шагъ грозитъ ему неминуемой смертью. Покатиться внизъ, съ такой высоты по уклону, который скорѣе можно назвать грандіознымъ обрывомъ и который гдѣ-то очень далеко внизу оканчивается высоко отвѣсною стѣною, значитъ превратиться вмѣстѣ съ лошадыю въ одну безформенную массу.

Въ долинахъ, а тѣмъ болѣе въ котловинахъ, воздухъ болѣею частію недвижимъ, но на большихъ высотахъ вѣтеръ, и довольно сильный—обыкновенное явленіе. Чѣмъ выше мы подымаемся, тѣмъ онъ становится сильнѣе и сильнѣе; онъ кружитъ въ воздухѣ мелкую известковую пыль, выхватываемую изъ-подъ копытъ идущихъ впереди лошадей, и засыпаетъ вамъ глаза, уши и ротъ; обыкновенно въ такого рода опас-

ныхъ мѣстахъ стараешься зорко глядѣть то впередъ, то подъ ноги своей лошади; но сильные порывы вѣтра вдругъ заносятъ вамъ глаза, совершенно ослѣпляютъ и дѣлаютъ васъ безпомощнымъ. Не менѣе страдаютъ и бѣдныя лошади; ихъ прижмуренные глаза, развѣвающіеся по вѣтру хвосты и гривы, тяжело дышашія груди и невѣрныя движенія, говорятъ о тяжеломъ непосильномъ трудѣ. Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы въ такихъ мѣстахъ сѣдокъ управлялъ движеніями лошади; напротивъ, ей необходимо предоставить полную свободу дѣйствій и вполнѣ положиться на ея опытность, осторожность и благоразуміе. Вмѣшательство сѣдока въ данномъ случаѣ можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Здѣсь въ сотый разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что лошадь превосходно понимаетъ грозящую ей опасность и вообще серьезность положенія. Только послѣ такихъ длинныхъ, тяжелыхъ и опасныхъ переходовъ начинаешь понимать и истинно любить лошадей, научаешься цѣнить ихъ душевныя качества. Какими мелкими и даже пошленькими кажутся въ сравненіи съ такимъ разумнымъ трудомъ животнаго наши скачки и спортсменскія затѣи, которыя требуютъ столько средствъ, не принося положительно никому ни малѣйшей пользы.

Часть нашего каравана уже достигаетъ гребня перерала; мнѣ остается пройти еще около полуверсты, и въ то время, какъ я поднимаю глаза вверхъ, слѣдя за тѣмъ, какъ усталыя лошади, сдѣлавъ послѣднее усиліе, останавливаются, группируясь на самой высшей точкѣ горы, моя лошадь спотыкается на обѣ переднія ноги. Я не успѣваю соскочить съ сѣдла, какъ лошадь уже начинаетъ подыматься; минута была тяжелая — все зависѣло отъ того, успѣетъ ли она подняться прямо или же, чуть-чуть пошатнувшись въ правую сторону, покатится вмѣстѣ съ сѣдокомъ съ быстротою мячика по страшно крутому склону къ тому мѣсту, гдѣ онъ

оканчивается отвѣсной скалой, уходящей въ пропасть.

«Вотъ когда смерть своимъ холоднымъ мертвящимъ взглядомъ заглянула прямо въ глаза», думаю про себя; но въ это время лошадь однимъ быстрымъ движеніемъ выпрямляетъ обѣ ноги и становится прямо. Сколько мыслей съ быстротою молніи пронеслось въ головѣ въ эту жуткую минуту!

Вскорѣ я уже былъ на горной площадкѣ и не скажу, чтобы очень дружелюбно поглядывалъ внизъ на мѣсто злополучнаго приключенія.

Давъ передышку лошадямъ, мы продолжаемъ путь по маленькому плоскогорію на высотѣ около девяти тысячъ футъ. Усиливающийся вѣтеръ вмѣстѣ съ пылью подхватываетъ очень маленькіе, словно бекасиная дробь, камушки и больно сѣчетъ васъ по лицу. Въ общемъ здѣсь все еще тепло, исключая крайнихъ точекъ переваловъ, а днемъ между 12-ю и 3-мя часами даже очень жарко. Но на вершинѣ Демавенда тотъ же вѣтеръ производитъ снѣжную бурю; тамъ давно уже глубокая зима. Вокругъ насъ безлюдно и пустынно, слѣва все тотъ же Демавендъ, со всѣхъ прочихъ сторонъ горизонтъ попрежнему закрытъ черными цѣпями, темные профили которыхъ рѣзко вырисовываются на безоблачномъ темно-синемъ небѣ. Ни караваны, ни отдѣльные путники почти не попадаются по дорогѣ. Нашъ путь—сокращенный проселочный путь, который подальше, верстъ за сорокъ впереди, сливается съ обыкновеннымъ караваннымъ путемъ, а пока, въ общемъ, это скучнѣйшая дорога и къ тому же чрезвычайно тяжелая. Медленно тянется по ней нашъ караванъ, среди разгуливающего вѣтра, порывистыя движенія котораго еще сильнѣе разрѣжаютъ и безъ того рѣдкій воздухъ.

Путь нашъ пересѣкаетъ горная тропа, ведущая, очевидно, въ одну изъ горныхъ деревушекъ, куда на-

правляется на богато осѣдланномъ мулѣ весьма почтеннаго вида бузургунъ; его сопровождаетъ на осликѣ негрѣ-мальчуганъ лѣтъ десяти.

— Откуда здѣсь негры? спрашиваю у сосѣда-перса.

— Это рабы, саабъ. Очень дорогъ нынѣ сталъ этотъ товаръ.

— Почему это?

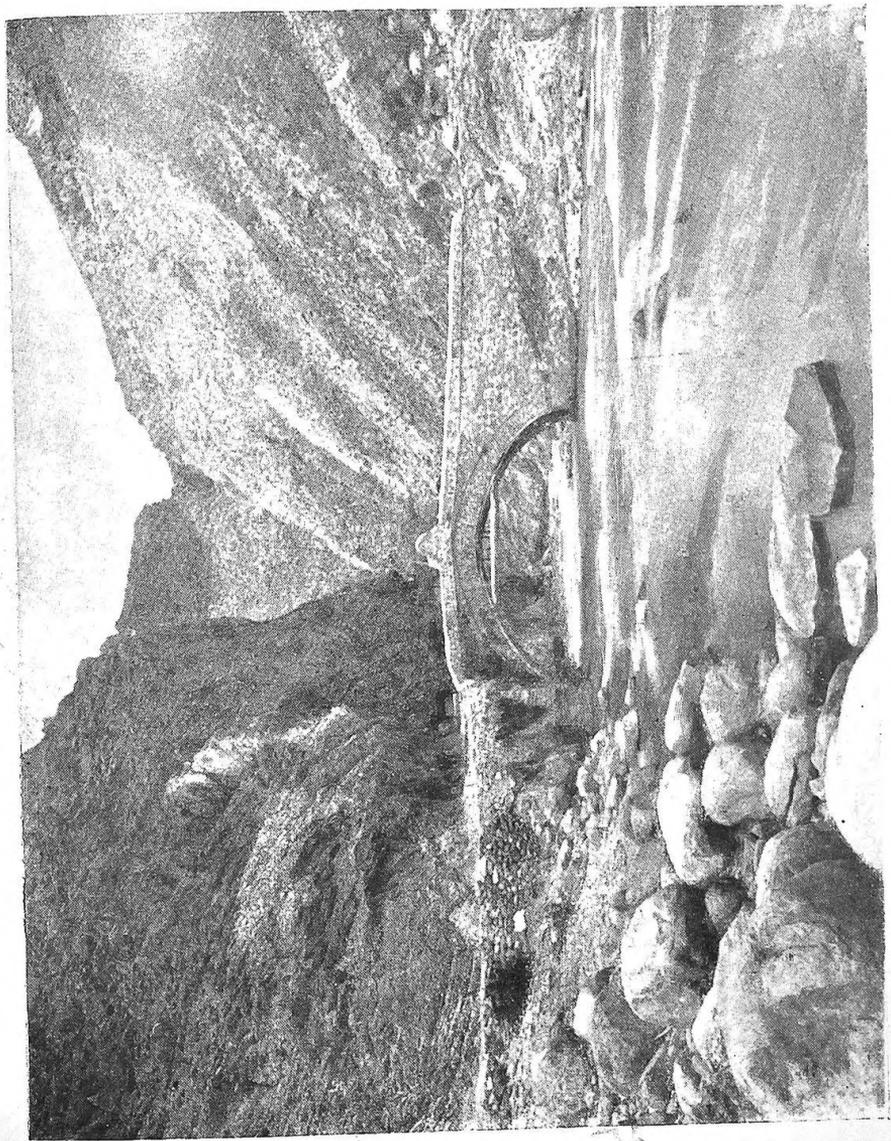
— Прежде много ихъ привозили въ Персію съ юга, со стороны Индійскаго океана, а теперь совсѣмъ плохо стало, англичане стали строго слѣдить за этой торговлею; теперь приходится довольствоваться тѣми, которые родились въ Персіи.

Горная площадка, по которой тянется нашъ караванъ, оказывается сравнительно небольшою, и, глядя впередъ, я наблюдаю, какъ лошади нашего каравана, доходя до извѣстнаго пункта, исчезаютъ одна за другою, словно проваливаются сквозь землю: очевидно, предстоитъ спускъ невидимый съ мѣста моего наблюденія.

Каждый поворотъ, каждый спускъ въ этихъ мѣстахъ открываетъ глазамъ новыя своеобразныя картины то необыкновенно красивыя, ласкающія глазъ и заставляющія забывать о всѣхъ невзгодахъ пути, то дикія и угрюмыя, подавляющія воображеніе и угнетающія душу. Во всякомъ случаѣ мое любопытство подзадорено; ускоряю шагъ лошади и черезъ нѣсколько минутъ въ изумленіи останавливаюсь на краю спуска: чуть ли не на полверсты внизъ идетъ почти-что отвѣсная скала, по которой острыми зигзагами вьется свѣтло-сѣрая тропа, высѣченная карнизамъ въ громадныхъ массивахъ цѣльнаго камня. Каждый поворотъ тропы представляетъ собою острый уголъ, отъ вершины котораго внизъ идетъ совершенно отвѣсная скала. Кругомъ по сторонамъ спуска изъ пропасти поднимаются полуразрушившіяся скалы то тупыя, то чрезвычайно острыя. Въ общемъ хаотическая мрач-

ная картина разрушенія, которая могла бы послужить превосходной декорацией для вальпургіевой ночи. Медленно и очень осторожно спускается нашъ караванъ, растянувшійся длинною цѣпью по узкой тропѣ; онъ весь видѣнъ, какъ на ладони, и можно наблюдать за движеніемъ каждой лошади. Къ счастью, на тропѣ не попадаетъ ни одного встрѣчнаго каравана, ни даже одинокаго навьюченнаго животнаго; разминуться на такомъ спускѣ почти немыслимо. Идя въ концѣ каравана, я могу наблюдать за картиной спуска; но такое удовольствіе можно себѣ доставлять не часто, такъ какъ приходится строго слѣдить за движеніями своей лошади: споткнись она, и гдѣ-нибудь глубоко внизу на острыхъ камняхъ осталось бы только мокрое пятно отъ нея и ея всадника.

Спускъ продолжается при сильномъ вѣтрѣ, который по временамъ заноситъ глаза крупной каменистой пылью. Почти на половинѣ пройденнаго пути я вдругъ слышу за спиною довольно сильныя понуканія животнаго, произносимыя тонкимъ симпатичнымъ голоскомъ, и хотя поворачиваться назадъ на сѣдлѣ въ такомъ опасномъ мѣстѣ нѣсколько неудобно, но любопытство превозмогаетъ; я дѣлаю полуоборотъ, и моимъ глазамъ представляется слѣдующая картина: на большомъ красивомъ темномъ лошацѣ помѣстилась цѣлая персидская семья, состоящая изъ матери и двухъ дѣтей; мать усѣлась на большомъ широкомъ персидскомъ сѣдлѣ, уперевъ ноги въ очень короткія стремяна; впереди нея преважно возсѣдала двухлѣтняя дѣвочка, привязанная къ матери большимъ кушакомъ, а сзади восьмилѣтній мальчуганъ судорожно вцѣпился рученками въ тотъ же кушакъ и всѣмъ туловищемъ тѣсно прижался къ матери. Лошакъ, по обыкновенію, ступаетъ своими тонкими, упругими, какъ сталь, ногами, по самому краю пропасти. Видъ этого бѣднаго мальчугана, жизнь котораго вполне зависѣла отъ самой ничтожной случай-

Мазандеранскій горный путь.

ности, заставилъ меня невольно слѣдить за этой храброй семьей персидскихъ горцевъ. На послѣднихъ ступеняхъ спуска, гдѣ тропа становится шире, я посторонился и, пропуская впередъ молодцоватую мамашу, привѣтствовалъ ее обычной фразой — «салямъ алейкумъ». Она отвѣтила на привѣтствіе и повернула въ сторону по направленію къ сосѣдней деревнѣ.

Черезъ полчаса нашъ караванъ остановился на нѣсколько минутъ въ ближайшей деревнѣ, чтобы перевести духъ. Не сходя съ сѣдель, наскоро выпиваемъ по стакану чаю, и опять въ путь-дорогу.

Сѣрыя однообразныя скалы, среди которыхъ оазисомъ выглядить деревушка съ десяткомъ искривленныхъ и согнутыхъ въ одну сторону деревьевъ — таковъ весь мѣстный ландшафтъ. По дальнѣйшему направленію горныхъ хребтовъ можно предположить, что мы находимся въ началѣ ущелья, которое постепенно понижается и становится все глубже. Съ лѣвой стороны подъ угломъ замѣтно другое ущелье; оно еще глубже и обрывистѣе перваго и, очевидно, гдѣ-то далеко впереди сливается съ тѣмъ ущельемъ, по которому пролегаетъ нашъ путь. Мое предположеніе начинаетъ оправдываться по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ.

Часа два пути, и оба ущелья сливаются въ одно очень величественное и угрюмое, по дну котораго съ шумомъ и грохотомъ бѣжитъ горная рѣка. Это все тотъ же Ларъ, который въ этихъ мѣстахъ, неизвѣстно почему, принялъ названіе «Хераспей». Здѣсь расположилось нѣсколько хижинъ, нѣчто въ родѣ хутора. Въ небольшомъ караванъ-сараѣ находимъ кормъ для лошадей, и возможность поставить нашъ самоваръ, который въ рукахъ нашихъ горцевъ умудряется закипать въ пять минутъ.

Въ караванъ-сараѣ довольно людно: человѣкъ пять-

шесть путешествующихъ персовъ и въ числѣ ихъ мулла со своими двумя женами.

По всему видно, что обѣ женщины—жены благочестиваго духовнаго отца персидской паствы; въ настоящее время въ Персіи лица духовнаго званія являются главнымъ образомъ многоженцами. Принадлежа къ болѣе обезпеченному сословію страны, эти господа могутъ позволять себѣ такую роскошь. Для другихъ низшихъ сословіи многоженство часто недоступно просто въ силу экономическихъ причинъ.

Въ то время, какъ нашъ осетинъ возится съ самоваромъ, возлѣ него вертится четырехлѣтній очень красивый мальчуганъ, сынъ муллы.

— Попробуй—сладкое, обращаюсь къ мальчугану, вынимая изъ карма леденцы, которыми снабдилъ меня еще въ Сорга-Хассаръ провожавшій насъ до перваго ночлега пріятель персъ.

— Не бери отъ ференги ничего; это осквернено (нѣджисъ), вдругъ раздается голосъ изъ-подъ рубандэ, и испуганный мальчуганъ роняетъ изъ рукъ конфету; но, быстро сообразивъ, что этимъ лишаетъ себя удовольствія погрызть леденецъ, онъ тутъ же другою рукою подымаетъ его и моментально захватываетъ въ ротъ, что производитъ всеобщій смѣхъ. Улыбается и самъ мулла и машетъ рукою своей супругѣ въ знакъ того, чтобы она оставила мальчугана въ покоѣ.

«Видно, она у тебя большая дура», лаконически заявляетъ нашъ лезгинъ, обращаясь къ муллѣ и указывая кивкомъ головы на его супругу. Мулла только машетъ рукою въ знакъ полнаго согласія и продолжаетъ вьочить своихъ красивыхъ рослыхъ лошаковъ. Сидѣвшая поодаль вторая жена муллы молча наблюдала весь этотъ потѣшный эпизодъ и, судя по выраженію ея глазъ, выглядывавшихъ изъ-подъ слегка приподнятаго рубандэ, она подсмѣивалась надъ критиче-

скимъ положеніемъ своей соперницы. Повидимому, это была вторая, младшая жена, не ладившая со старшей.

Несмотря на осень, дневные переходы все же очень утомительны вслѣдствіе полуденныхъ жаровъ; солнце накаляетъ окружающія горы и скалы, едва успѣвшія остыть за ночь.

Имѣя въ виду провести ночь въ ближайшей деревнѣ, мы недолго засиживаемся на мѣстѣ, и къ пяти часамъ наши навьюченные животныя медленно выступаютъ изъ воротъ карванъ-сарая. Рѣка, протекающая въ ста саженьяхъ отъ насъ, пока еще не видна; мы только исподволь вступаемъ въ угрюмое ущелье, образуемое ея русломъ.

Къ семи часамъ вечера нашъ караванъ подходитъ къ правому очень крутому берегу рѣки. На самомъ краю берега у откоса на маленькой площадкѣ пріютился небольшой загонъ съ двумя крошечными глинобитными зданіями; одно изъ нихъ служитъ жилищемъ для бѣдной персидской семьи, другое—раздѣлено на двѣ половины: одна изъ нихъ наполнена соломой, единственнымъ кормомъ для животныхъ, который можно найти въ этой мѣстности, другая, состоящая изъ маленькой клѣтушки съ тремя дверьми,—отводится великодушнo для проѣзжихъ. Всѣ трое дверей очень хитро состряпаны изъ тонкихъ ящичныхъ досчечекъ и на веревкахъ прилажены къ такимъ же досчатымъ искривившимся косякамъ. Одна дверь потеряла свои среднія доски, и сквозъ образовавшуюся дыру вѣтеръ свободно разгуливаетъ по клѣтушкѣ. Наша комната при ея устройствѣ съ успѣхомъ могла бы служить астрономическою обсерваторією, но я не астрономъ, да и заниматься наблюденіями за теченіемъ свѣтилъ небесныхъ при такихъ обстоятельствахъ никому не придетъ въ голову; больше думаешь о томъ, какъ бы получше завернуться въ плащъ, чтобы какой-нибудь зо-

діакъ въ видѣ чернаго скорпіона не сверзился на тебя съ дыряваго камышеваго потолка.

Едва наши люди занялись распаковкой походныхъ кроватей, какъ вдругъ раздается глухой гулъ, сопровождаемый едва замѣтнымъ землетрясеніемъ: съ правой стороны сосѣдней скалистой горы сорвался громадный камень, вѣроятно въ нѣсколько тысячъ пудовъ, и рухнулъ въ глубокую пропасть. Не знаю почему, но случай этотъ не произвелъ ни на кого изъ насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; всѣмъ такъ и казалось, что въ такихъ мѣстахъ нужно всегда ждать подобныхъ случаевъ.

Небольшая лачуга съ тремя каморками составляетъ жилище хозяина каравана, пожилого перса, страдающаго лихорадкою и сильнѣйшимъ ревматизмомъ въ сочлененіяхъ; двѣ женщины съ непокрытыми лицами и двое маленькихъ дѣтей дополняютъ семейную обстановку больного. Одна изъ женщинъ обращается съ просьбою ко мнѣ дать больному лекарство. Я даю ей нѣсколько порошковъ салициловаго натра и нѣсколько капслюль хинина, съ указаніемъ, когда и какъ принимать лекарство. Персіанка благодарить и разсыпается въ любезностяхъ: «мы очень рѣдко видимъ здѣсь ференги», заявляетъ она мнѣ, — «но сколько мы ихъ ни видѣли, всѣ они были хорошіе люди— всегда чѣмъ-нибудь да помогали намъ. Присядь, саабъ, покури съ нами кальянъ», говоритъ она, указывая мнѣ мѣсто на коврикѣ»; я присаживаюсь, но отказываюсь отъ кальяна, который затѣмъ постепенно переходитъ изъ устъ больного въ уста другой женщины, пожилой и некрасивой. Включить себя въ эту цѣпь и служить передаточнымъ звеномъ, не представляло для меня ни малѣйшаго удовольствія.

Мѣстность нашей остановки носитъ названіе Бейджунъ и представляетъ собою небольшую площадку надъ крутымъ обрывомъ, по которому идетъ тропа

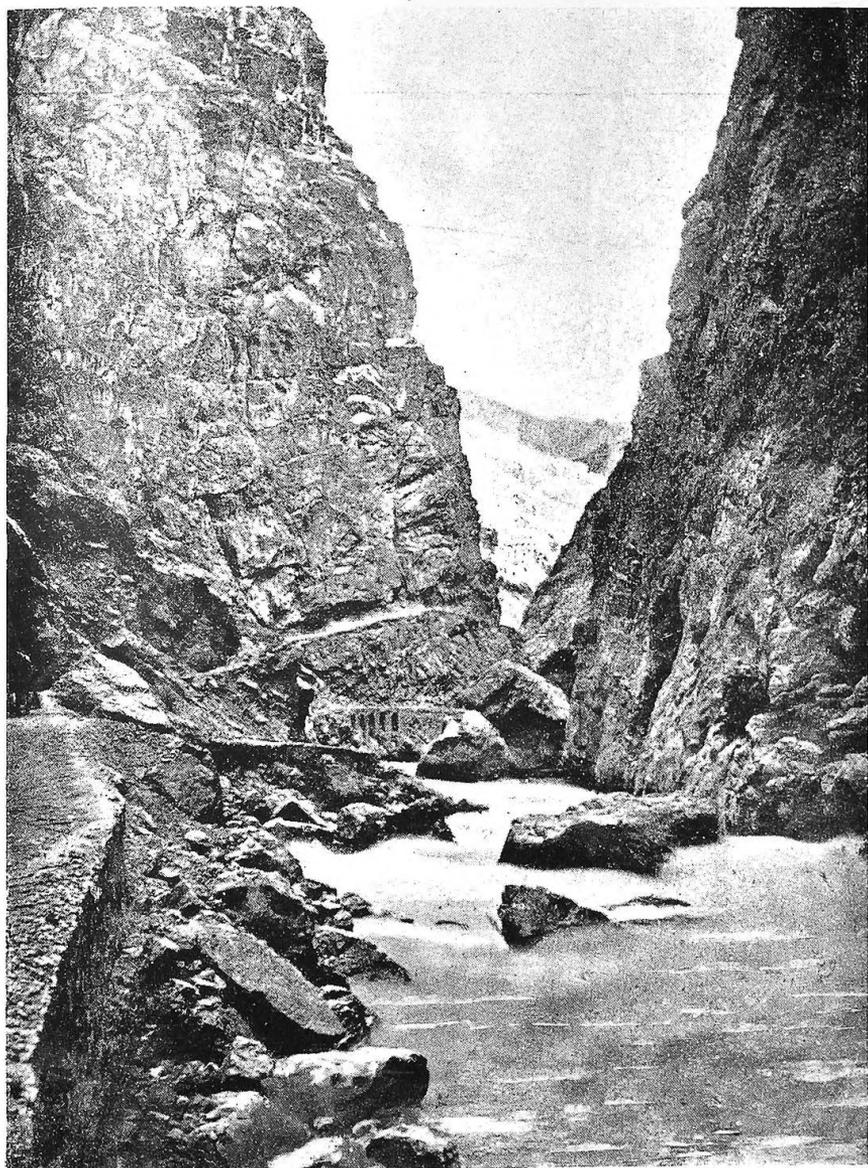
къ своеобразному очень высокому персидскому мосту, переброшенному съ одного крутого берега рѣки на другой такой же. Всѣ персидскіе мосты, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, построены въ видѣ тупого угла, вершина котораго находится на срединѣ моста, такъ что каждый мостъ представляетъ собою порядочный подъемъ и спускъ. вмѣсто перилъ, небольшой, въ одинъ-два кирпича барьеръ, а на мостахъ попроче даже и такихъ барьеровъ не полагается.

XX.

Ущелье Бендеръ-Бира.

Чуть-свѣтъ нашъ караванъ спускается уже по тропѣ къ мосту, переходитъ его, и мы начинаемъ наше шествіе по лѣвому берегу рѣки, по очень крутому косогору. Наша тропа вьется извилисто, то подымаясь, то вновь опускаясь внизъ на нѣсколько сотъ футовъ. На днѣ ущелья со страшною быстротою шумно бѣжитъ по камнямъ прозрачная рѣка «Хераспей». Рѣка изобилуетъ превосходною форелью, которая водится почти во всѣхъ горныхъ рѣкахъ Персіи. Вода здѣсь до того холодна, что рука, опущенная въ нее, немедленно коченѣетъ; о купаніи при такой температурѣ воды, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Каждая пять-шесть верствъ окрестности рѣки мѣняются, хотя въ общемъ страна очень угрюма. Въ одномъ мѣстѣ на правомъ берегу издали замѣтна зеленѣющая горная площадка съ десяткомъ деревьевъ, садомъ, огородомъ и довольно большимъ круглымъ, очевидно, насвѣжо выбѣленнымъ известкою зданіемъ. Это казенная станція для остановокъ—«мензиль», какъ называютъ персы всѣ такія зданія. Мензиль видѣнъ издали верствъ за десять, и намъ остается еще добрыхъ полтора часа ходу. Между тѣмъ уже десять часовъ дня; солнце припекаетъ изрядно, и на всемъ ка-

Мазандеранский горный путь. Ущелье Бэндэръ-Бира.

раванъ отражается чувство усталости; мы уже четыре часа идемъ безъ перерыва, и только время отъ времени кто-нибудь, соскочивъ съ сѣдла, бѣжитъ къ рѣкѣ съ кружкою въ рукахъ испить студеной воды; наши персы продѣлываютъ то же, черпая воду пригоршнями. Вскорѣ дорога переходитъ на правый берегъ пути, и послѣ продолжительнаго странствованія по всяческимъ обрывамъ подъѣзжаемъ къ мензилью.

Мензиль, къ величайшему удивленію, оказался чистенькимъ и выбѣленнымъ не только снаружи, но и внутри. Это восьмиугольное зданіе съ куполомъ, напоминающее собою наши деревенскія церкви. Въ мензилѣ каменный полъ и очень широкіе подоконники, замѣняющіе собою диваны для сидѣнія, что доказываетъ немовѣрную толщину стѣнъ этого зданія. Какъ морозы сѣвера, такъ и солнечный жаръ на востокѣ вызываютъ потребность въ постройкахъ съ очень толстыми стѣнами. Стѣны нашего мензиля, его каменный полъ, облитыи водою, среди котораго помѣщается маленькій бассейнъ холодной проточной воды, и высокій куполь — все это даетъ прохладу. Съ правой стороны у входа маленькая плита съ десяткомъ чайниковъ и двумя самоварами по бокамъ; здѣсь же двѣ-три дюжины маленькихъ персидскихъ чайныхъ стакановъ. Вся наша компанія, въ томъ числѣ черводаръ и трое его рабочихъ, захватили почти всѣ стаканы и жадно принялись за чаепитіе и истребленіе холоднаго кислаго молока. Хозяинъ-персъ въ восторгѣ; онъ едвали когда-нибудь такъ много торговалъ въ теченіе столь короткаго времени. При расчетѣ онъ присчитываетъ лишній десятокъ стакановъ чаю, твердо рѣшивъ взять съ глупыхъ ференги двойную цѣну (самый замухрышка персъ всегда считаетъ себя гораздо умнѣе и лучше всякаго европейца), преподноситъ мнѣ счетъ въ одинъ туманъ, почти что въ два рубля, при чемъ такъ и видно, по выраженію его плутоватой физіономіи, что самъ онъ не въ-

рить собственному счастью. Но принимая во вниманіе, что всѣхъ насъ было девять человѣкъ, и что такимъ образомъ все же приходится только по двугривенному на человѣва, я плачу безпрекословно, и оба мы остаемся довольны другъ другомъ, при чемъ персъ даже присѣдаетъ отъ переполняющаго всю его особу чувства благодарности.

Расположившись на подоконникахъ, вся экспедиція отдыхаетъ. Здѣсь въ жаркомъ климатѣ, когда жара достигаетъ высшей кульминаціонной точки между 12-ю и 2-мя часами, человѣкомъ часто овладѣваетъ сонливое состояніе; если добавить сюда усталость отъ верховой ѣзды и то обстоятельство, что въ пути приходится вставать въ четыре часа утра, то станетъ понятнымъ всегдашнее желаніе вздремнуть при всякомъ удобномъ случаѣ. Прислонившись спиною къ боковой стѣнѣ подоконника, я и не замѣтилъ, какъ забылся и заснулъ сномъ по крайней мѣрѣ десяти праведныхъ.

— Баринъ, ваша лошадь осѣдлана, говоритъ мнѣ надъ самымъ ухомъ мой осетинъ.

Дѣлать нечего, быстро вскакиваю съ подоконника, также быстро сажусь въ сѣдло и стараюсь догнать караванъ, ушедшій уже за версту впередъ. Версты три тропа ровная, никакихъ особыхъ спусковъ и подъемовъ не предвидится, значитъ, можно еще подремать въ сѣдлѣ. Подъ ровный, еле покачивающійся шагъ моей лошадки и однообразный гудящій звонъ бубенцовъ дремлетъ недурно; только время отъ времени высокая пробковая англійская каска, вслѣдствіе ритмическихъ качаній на сѣдлѣ, исподволь сползаетъ на носъ. Такой пассажъ каждый разъ заставляетъ меня встрепенуться и оглядѣться кругомъ, нѣтъ ли впереди какой-нибудь новой западни въ родѣ чуть ли не перпендикулярной каменной лѣстницы или еще чего-нибудь похуже. Черезъ полчаса дремота проходитъ и, признаться, довольно кстати, такъ какъ предъ нами вид-

нѣтся небольшая площадка, на которой, судя по свѣжеобработанной землѣ, очищенной отъ гальки и крупныхъ обломковъ, недавно водворилась земледѣльческая семья. Площадка эта упирается въ грандіозныя каменныя ворота, образуемая разрѣзаннымъ поперекъ очень высокимъ горнымъ хребтомъ; миллионы лѣтъ Хераспей безостановочно трудился, чтобы прорыть себѣ русло въ этихъ каменныхъ громадахъ. На протяженіи около двадцати верстѣ рѣка прорѣзала нѣсколько параллельныхъ горныхъ цѣпей сверху до подошвы, чѣмъ и образовала для своего теченія узкій коридоръ. Прямо съ площадки мы вступаемъ въ этотъ коридоръ, извѣстный у персовъ подъ именемъ Бендеръ-Бира, и лѣпимся по карнизу его лѣвой стороны. Карнизъ—очень узокъ; сверху съ обѣихъ сторонъ нависли страшной высоты мрачныя отвѣсныя стѣны, внизу бѣшено мчится рѣка, съ ревомъ и шумомъ прыгая со ступеньки на ступеньку. Уклонъ русла здѣсь очень великъ, а потому и сила теченія неимоверная. Мнѣ много на вѣку приходилось видѣть горныхъ рѣкъ и ручьевъ, но подобной силы и быстроты теченія я еще не наблюдалъ нигдѣ ни разу; вода здѣсь часто пѣнится и принимаетъ мутный бѣлесоватый цвѣтъ; мутность ея объясняется сильнымъ вымываніемъ известковыхъ и другихъ породъ.

Можно себѣ представить, что творится здѣсь раннею весной въ февралѣ, когда подъ вліяніемъ вешняго солнца начинаютъ быстро таять снѣга, накопившіеся на вершинахъ этихъ грандіозныхъ горныхъ цѣпей и ихъ патріарха, Демавенда. Зимой и раннею весною этотъ путь непроходимъ; никто изъ смертныхъ не осмѣливается наблюдать здѣсь грозное и величественное пробужденіе природы. Развѣ только пріютившійся гдѣ-нибудь на горной площадкѣ и временно отрѣзанный отъ всего міра бѣдный персъ-земледѣлецъ не безъ робости и смущенія глядитъ на эти загадочныя и подавляющія его воображеніе картины. Сколько могъ бы

поразсказать такой обитатель горныхъ странъ, если бы онъ умѣлъ сообщить то, что онъ видѣлъ. Но бѣднякъ считаетъ себя счастливымъ, когда вода прошла, не затопивъ клочка воздѣланной имъ земли, и когда горный духъ былъ милостивъ къ нему и не толкнулъ на его хижину и поле большой каменной глыбы. Горнаго духа вѣдь необходимо благодарить и умилостивить, но персидскій духъ не менѣе, чѣмъ простые смертные, любитъ пешкешъ, поэтому въ видѣ приношенія вѣшается на вѣтвяхъ любого дерева лоскутокъ цвѣтной тряпки, благо такой пешкешъ ничего не стоитъ, а горный духъ ни крановъ, ни тумановъ не требуетъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды когда-то существовавшаго здѣсь благоустроеннаго пути, который шелъ по правой сторонѣ ущелья. Къ отвѣсной стѣнѣ были пристроены арки изъ кирпича; но теперь остались только кое-гдѣ уцѣлѣвшія части такихъ арокъ. Рѣка съ тѣхъ поръ ушла внизъ еще глубже, и остатки бывшаго пути высоко висятъ надъ быстро несущеюся водою. Позади меня трясется на своей маленькой лощадкѣ нашъ караванъ-баши, и мы продолжаемъ нашъ безконечный разговоръ.

— Деревни здѣсь попадаютъ, саабъ, очень рѣдко, да и то какія это деревни, сами вы видѣли; хлѣба мало, а тотъ, что имѣется, скверный, темный съ примѣсью песку. Крестьяне здѣшніе — дикари. Никто изъ нихъ дальше своей деревни не бывалъ. Одно у нихъ хорошо — женщины очень красивы. Въ Тегеранѣ ихъ очень цѣнятъ; даже больше, чѣмъ грузинокъ и черкешенокъ. Въ шахскомъ гаремѣ ихъ всегда было много.

— Скажите, очень разнообразенъ гаремъ вашихъ шаховъ?

— Нынѣшній шахскій эндерунъ (гаремъ) очень малъ, а прежніе шахи имѣли по триста женъ. Кого только тамъ не было; были даже и европейки; впрочемъ, однѣхъ армянокъ только не было.

— Почему?

— А вотъ видите ли. У одного изъ прежнихъ шаховъ было три любимыя жены: персіанка, европейка и армянка. Кромъ всего прочаго, шахъ любилъ ихъ за порядокъ. Каждая изъ нихъ, когда наступала ея очередь оставаться въ спальнѣ шаха до утра, всегда будила своего повелителя во-время, т. е. ровно за часъ до восхода солнца, такъ что, согласно требованіямъ нашей религіи, шахъ успѣвалъ умыться, одѣться и встрѣчалъ съ молитвою на устахъ первый лучъ восходящаго свѣтила. Многія жены, которыя не умѣли во-время разбудить шаха, были прогнаны изъ его эндеруна, а нѣкоторыя даже и наказаны. Удивленный такого необычайною аккуратностью своихъ любимыхъ женъ, шахъ сталъ разспрашивать ихъ, какъ это онѣ умудряются будить его ровно за часъ до восхода солнца.

«— Господинъ мой», отвѣчала шаху жена, персіанка,—«за часъ до восхода солнца жемчугъ всегда начинаетъ холодѣть, и вотъ, когда я почувствую, что мое жемчужное ожерелье становится холоднѣе, я бужу тебя».

«— Господинъ мой», отвѣчала шаху жена-ференгійка (европейка),—«за часъ до восхода солнца цвѣты начинаютъ сильнѣе пахнуть, и вотъ, когда я почувствую этотъ сильный запахъ, я и бужу тебя».

— Когда шахъ обратился съ такимъ же вопросомъ къ женѣ—армянкѣ, та отвѣтила ему слѣдующее:

«— Когда свечера я хорошо покушаю, господинъ мой, то ровно за часъ до восхода солнца у меня начинаетъ сильно пучить животъ, и вотъ, когда я почувствую это, я начинаю будить тебя».

— Услыхавъ такой отвѣтъ, шахъ улыбнулся, но затѣмъ отпустилъ ее изъ эндеруна, и съ тѣхъ поръ никто изъ нашихъ шаховъ не бралъ армянокъ въ жены. Ужъ очень онѣ не поэтичны, заключилъ свою рѣчь мой собесѣдникъ.

Нашъ карнизъ то опускается внизъ къ самому руслу

рѣки, то подымается вверхъ на большую высоту и часто переходитъ отъ одного берега рѣки на другой, т. е. съ одной стѣны на другую. Въ ущельи ни малѣйшаго движенія воздуха, и накаленные стѣны сильно повышаютъ и безъ того очень высокую температуру. По временамъ положительно нечѣмъ дышать, и всею грудью жадно ловишь раскаленный воздухъ. Въ началѣ на протяженіи двухъ-трехъ верстъ ущелье идетъ по прямой линіи; затѣмъ далѣе рѣка дѣлаетъ очень частые рѣзкіе изгибы, бѣльшею частью подъ прямымъ угломъ. Вслѣдствіе особыхъ свѣтовыхъ эффектовъ, царящихъ въ ущельи, нѣтъ возможности различить, гдѣ начинается поворотъ, и вамъ кажется, что ущелье оканчивается тупикомъ и вы должны упереться въ такую же высокую стѣну, какъ и обѣ боковыя. Съ любопытствомъ начинаешь слѣдить за движеніемъ вожака, который бодро шагаетъ впереди, несмотря на свой восьмипудовый вьюкъ. Его крѣпкія тонкія ноги необыкновенно ловко пробираются среди углубленій, выбитыхъ въ карнизѣ кованными копытами животныхъ, проходившихъ по этой тропѣ въ теченіе многихъ столѣтій. Каждую минуту вамъ кажется, что вожакъ вотъ-вотъ и упрется въ громадную отвѣсную стѣну, къ которой караванъ приближается. Но вотъ вожакъ почти подошелъ къ стѣнѣ и вдругъ медленно и осторожно дѣлаетъ поворотъ влѣво подъ прямымъ угломъ. Только тогда замѣчаешь, что карнизъ не продолжается вплотную до противоположной стѣны, и глазъ начинаетъ различать ту едва замѣтную линію, которою оканчивается та стѣна, по карнизу которой движется караванъ. Во многихъ мѣстахъ карнизъ укрѣпленъ искусственно и получаетъ видъ нѣсколько расширенной тропы. Въ этихъ мѣстахъ сдѣлана пристройка; она какъ-то такъ прикрѣплена одной стороною къ отвѣсной скалѣ, что другая ея сторона виситъ надъ рѣкою. Когда-то очень давно здѣсь были даже попытки къ огражденію барь-

ерами самыхъ опасныхъ мѣстъ, но отъ низенькихъ въ одинъ кирпичъ барьеровъ въ большинствѣ случаевъ остались только одни слѣды. Существуютъ мѣста, гдѣ карнизъ укрѣпленъ бревнами; но какъ толщина бревень, такъ и способъ укрѣпленія ихъ таковы, что могли бы возбудить смѣхъ, если бы только можно было отъ души смѣяться, проходя по такимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ. Въ концѣ-концовъ, привыкаешь ко всѣмъ прелестямъ такихъ путей сообщенія; чувство опасенія притуляется скоро, и совершенно спокойно проходишь по такимъ мѣстамъ, гдѣ ранѣ слѣдилъ бы очень зорко за каждымъ движеніемъ лошади. Привычка курить заставляетъ иногда останавливаться для закуриванія сигары въ такомъ мѣстѣ, гдѣ любой петербургскій пшютъ, очень храбрый въ уютной гостинои, трижды умеръ бы отъ страха. Мѣста съ отвѣсными кручами надъ пропастями въ большинствѣ представляють собою лучшія обнаженія пластовъ, и я не разъ слѣдилъ съ замираніемъ сердца, какъ мой спутникъ, горный инженеръ, слѣзалъ съ лошади и, стоя на карнизѣ, отбивалъ молоткомъ отъ скалы куски различныхъ породъ, необходимые для его коллекціи. Достаточно только легкаго головокруженія въ такомъ мѣстѣ, и паденіе внизъ неизбѣжно, а такихъ мѣстъ слишкомъ много по, такъ называемой, «сокращенной Мазандеранской дорогѣ».

Часа два мы идемъ безъ перерыва, переходя то на правую, то на лѣвую сторону ущелья по высокимъ, болѣею частью полуразрушеннымъ персидскимъ мостамъ. Накаленные солнцемъ стѣны ущелья то сближаются, то вновь немного раздаются, и, сообразно этому, воздухъ въ ущельи становится болѣе или менѣе накаленнымъ. Каждая двѣ-три версты, а то пожалуй и чаще, громадныя горныя цѣпи загораживаютъ путь; рѣка круто поворачиваетъ вправо или влѣво, и черезъ полчаса вновь такой же поворотъ. Каждый разъ при

этомъ думаешь: авось это уже послѣдній поворотъ и затѣмъ горы раздадутся — будетъ больше простора, больше воздуха.

Съ каждымъ часомъ пребываніе въ этомъ ущельи становится тяжелѣе. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ караванъ нашъ долженъ былъ загнуть за уголь, медленно ступающая впереди сильно навьюченная рыжая лошадь вдругъ останавливается у самаго поворота, жметъ къ скалѣ и, жмуря глаза, опускаетъ голову внизъ; моя лошадь вполнѣ слѣдуетъ ея примѣру и вплотную прижимаетъ меня къ стѣнкѣ. Въ это время на висячемъ карнизѣ у поворота показывается рослый навьюченный мулъ и за нимъ другой такой же; оба они проходятъ мимо насъ по самому краю тропы надъ обрывомъ, и какъ мы ни жмемъ къ скалѣ, они все же очень сильно задѣваютъ насъ своими тяжелыми вьюками. Случись такая встрѣча на очень узкомъ карнизѣ, она могла бы имѣть самыя печальныя послѣдствія; нѣтъ возможности разминуться, а упрямый мулъ словно машина идетъ на васъ, не остановится и не посторонится. Обѣ лошади хотя и не видѣли муловъ за поворотомъ, но, очевидно, слышали ихъ приближеніе и отчетливо и ясно понимали грозившую имъ опасность встрѣчи на висячемъ карнизѣ, огибающемъ уголь отвѣсной скалы.

Еще часа полтора перехода по такому лабиринту, и вдругъ ущелье нѣсколько раздается; мы попадаемъ на небольшую площадку, покрытую разнообразной растительностью; мѣстами среди обломковъ скалъ и мелкаго камня пробивается высокая трава и рѣдкіе полевые цвѣты. Здѣсь уже дышется свободнѣе. Мѣста эти изобилуютъ горными курочками, которыхъ, очевидно, никто здѣсь не тревожитъ; громадная стада этой птицы постоянно перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто и прямо снуютъ подъ ногами. Одна изъ такихъ курочекъ, вѣроятно самая дерзкая и любопытная, усѣвшись на камень и повернувъ голову въ нашу сторону, все время ку-

дахтала по своему, провожая насъ взглядомъ, полнымъ любопытства. У моего осетина такъ и чесались руки, но стрѣлять по дикой курочкѣ изъ винтовки и смѣшно, и бесполезно.

— Сколько ихъ здѣсь, сколько ихъ здѣсь! повторялъ онъ съ досадою бездѣйствующаго охотника.

— А вы, милый другъ, обождите еще часика три, дальше будетъ дичь покрупнѣе; тамъ даю вамъ право стрѣлять сколько угодно.

— А какая тамъ дичь будетъ, баринъ?

— Будутъ тигры, барсы, а еще ниже, ближе къ морю, будетъ много дикихъ кабановъ.

Лицо осетина становится серьезнѣе, глаза загораются.

— Вотъ, говоритъ онъ, — хоть бы разъ въ жизни успѣшно поохотиться на тигра; кажется, ничего болѣе не желалъ бы, при этомъ онъ какъ бы невзначай поправляетъ свою винтовку.

Во время этихъ разговоровъ мы нагоняемъ персианку съ мальчикомъ лѣтъ десяти. Босая, въ своей очень коротенькой юбочкѣ, безъ чадура, съ свѣтло-бронзовыми точно точеными ногами, въ красномъ платочкѣ, наброшенномъ на голову, она переходитъ съ камня на камень. Усталый и оборванный мальчишка еле плетется за нею.

— Откуда и куда идешь? спрашиваю, когда моя лошадь поравнялась съ нею.

Женщина поворачиваетъ ко мнѣ нѣсколько удивленное, загорѣлое, но красивое и энергичное лицо.

— Иду, саабъ, изъ Тегерана въ Мазандеранъ (Мешедисеръ персы называютъ Мазандераномъ).

— Что тебя гонитъ туда?

— Бѣда гонитъ. Мужъ недавно умеръ, осталась я съ мальчикомъ; столяръ онъ былъ; зарабатывалъ деньги, кормилъ насъ; умеръ—пришлось и намъ уми-

рать съ голоду. Въ Мазандеранѣ у меня родные, быть можетъ, не пожалѣютъ горсточку рису.

— Неужели въ Тегеранѣ ты не могла найти заработка, служить пошла бы; тамъ много богатыхъ персовъ.

— У нихъ и безъ того много прислуги; а что они платятъ своей прислугѣ? туманъ въ мѣсяцъ, да и то больше общають, чѣмъ даютъ, а къ ференги служить идти не смѣй; они же не пускаютъ; при этомъ она укоризненно указала на двухъ моихъ спутниковъ персовъ; тѣ только завертѣлись на сѣдлахъ. Одинъ изъ нихъ, повѣренный самаго крупнаго тегеранскаго купца, полѣзъ въ карманъ и, доставъ нѣсколько мѣдяковъ, сунулъ ей въ руку. Густая краска залила все лицо бѣдной женщины; особое дрожаніе мускуловъ на лицѣ и наверхувшіяся слезы такъ и говорили, что она не привыкла получать милостыню.

— Возьми это у меня взаймы, обращаюсь я къ ней, зажимая ей въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ, — когда-нибудь разбогатѣешь, встрѣтимся, возвратишь. Прощай.

Я слегка тронулъ поводъ. Но лошадь не успѣла еще сдѣлать шага, какъ бѣдная женщина нервно охватила руками лѣвое стремя и вся прильнула къ моей ногѣ, слезы ручьемъ лились изъ ея глазъ.

— Да благословить тебя Аллахъ, ференги: никто изъ нашихъ персовъ не помогъ мнѣ; они только и умѣютъ, что кричать: ференги нѣдживсь (оскверненные); лучше бы они всѣ были такіе, какъ вы.

— Ну, прощай, сказалъ я ей вторично, отстраняя руками ея смуглыя руки, крѣпко обвившіяся вокругъ моей ноги.

Моя лошадь начинаетъ подыматься вверхъ по очень крутому правому берегу рѣки. Узенькая тропа, идущая по острымъ обломкамъ скаль, дѣлаетъ небольшой зигзагъ, и впереди намъ загорживаетъ дорогу громадный

хребетъ горъ, покрытый на самыхъ высокихъ мѣстахъ разными лѣсными породами. Съ нескрываемымъ удовольствіемъ я люблюсь этимъ лѣсомъ, ощущаю его влагу, обоняю его свѣжее, пахучее дыханіе. Тропа также круто опускается внизъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы спускаемся къ самому руслу рѣки. Совершенно прозрачный Хераспей разлился здѣсь широко и быстро несетъ по руслу, усѣянному бѣлой обточенной галькой. Издали кажется, что широкая прозрачная струя рѣки течетъ по красивому мозаичному ложу. Во многихъ мѣстахъ попадаются маленькія сосенки, иногда кусты дикаго шиповника или другихъ невѣдомыхъ мнѣ породъ. Горные хребты раздались и исподволь теряютъ свои рѣзкія очертанія. Въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. Лошади приободрились, повеселѣли и ступаютъ скорымъ и увѣреннымъ шагомъ. Кругомъ ни живой души, только стрекотаніе кузнечиковъ да тихій шумъ катящагося Хераспея нарушаютъ царящую тишину; но во всей этой картинѣ чувствуется что-то незаконченное, недосказанное, это уже не горная пустыня, но въ то же время и не вполне оживленная гористая мѣстность. Общій свѣрый фонъ картины, съ рѣзкими сврозелеными пятнами небольшихъ сосенокъ и коричневой листвою мелкаго кустарника, съ темно-стальной подвижной и прозрачной лентой рѣки, съ ея то кругыми, то отлогими берегами производитъ на зрителя хотя и успокаивающее, но нѣсколько тоскливое впечатлѣніе.

Солнце садится, въ воздухѣ повѣяло прохладой, краски очертаній смягчились, и только отдѣльныя высокія скалистыя вершины горятъ краснымъ отблескомъ на темно-синемъ небѣ.

Что теперь творится въ Россіи? Что творится въ Европѣ? Каковы-то будутъ результаты того крупнаго какъ въ промышленномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи важнаго дѣла, твердое основаніе котораго заложено нами на Востокѣ?

Предъ моимъ умственнымъ взоромъ вырастаетъ Петербургъ съ его бойкой нервной жизнью, съ его незамѣтно убѣгающими днями и годами, съ его дутымъ чванствомъ, уязвленными самолюбіями, съ его торжествующими и побѣжденными.

Какими ничтожными кажутся здѣсь, среди этой могучей горной природы, всѣ эти петербургскіе салоны и гостиныя съ ихъ притворствомъ, сплетнями и всяческимъ ломаніемъ. Только здѣсь, среди этой гордой пустыни, развивается чувство самостоятельности и разумной спокойной увѣренности въ своихъ силахъ. Здѣсь нѣтъ ни толкотни, ни суеты, ни злобы дня; нѣтъ твоихъ ближнихъ, отравляющихъ тебѣ каждую минуту существованія... Не знаю почему, но мнѣ вдругъ пришло на мысль поученіе Будды: «Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущій, никого не поносящій, свободный отъ страстей и желаній, не подчиненный никакимъ влеченіямъ и не связанный ими — ты гряди одиноко».

Проходишь ли по безбрежной пустынѣ Иранскаго плоскогорія, по горной площадкѣ среди столпившихся горныхъ великановъ или среди высокихъ зеленыхъ папоротниковъ и камышей прибрежной полосы — вездѣ тишина и спокойствіе разлиты въ природѣ; мысль сосредоточивается, работаетъ сильнѣе, и въ просыпающейся памяти ясно и отчетливо возстаютъ образы прошлаго. «Память», говоритъ одинъ польскій поэтъ, «это кладбище пережитыхъ чувствъ»; мысль часто навѣщаетъ эти могилы, исправляетъ покосившіеся кресты, перечитываетъ вырѣзанныя на нихъ надписи; надъ однѣми она останавливается, отъ другихъ бѣжитъ прочь. Невѣдомая сила заставитъ иногда мысль съ чувствомъ отвращенія приподнять надгробную плиту и съ ужасомъ взглянуть на покоящійся скелетъ, и не хватаетъ у нея силы уйти: объятая страхомъ, глядитъ она въ гробъ, ожидая въ ужасѣ, что мертвецъ

вдругъ оживеть. Иногда мысль, остановившись на могилѣ, робко, но охотно, отодвигаетъ плиту: страстно призываетъ она къ жизни этого мертвеца, но, увы, онъ никогда ужъ не воскреснетъ—это могила чуднаго, захватывающаго мгновенія, и долго, задумчиво съ тоскою стоитъ мысль у этой могилы, роняя жгучія слезы изъ затуманенныхъ очей».

Опустивъ поводья и ритмически покачиваясь на сѣдлѣ, я такъ задумался, что даже не замѣтилъ, какъ мы обогнули застилавшую намъ горизонтъ горную громаду и передъ нами вновь выросла другая такая же гора, но поменьше, вся покрытая темнымъ дремучимъ лѣсомъ: издали она имѣетъ видъ грандіознаго ежа, съ взѣрошенной иглистой щетиной. Здѣсь берега рѣки теряютъ характеръ перемежающихся обрывовъ и мѣстами виднѣются большія зеленыя поляны, на которыхъ пасутся многочисленные стада овецъ и рогатаго скота. За слѣдующимъ поворотомъ рѣки, прорывъ ущелье въ громадныхъ наслоеніяхъ суглинистаго чернозема, круто падаетъ внизъ. Вѣками весеннія воды сносятъ частицы разрушающихся горныхъ хребтовъ и здѣсь, пониже, образуютъ грандіозныя толщи самой плодородной земли. Эти толщи тянутся внизъ на цѣлую сотню верстъ, переходятъ на береговую полосу и дѣлаютъ всю эту мѣстность необыкновенно плодородною.

Рѣка постепенно прорѣзывала и вымывала эти мягкія вѣковыя наслоенія и, дойдя до каменнаго грунта, образовала свое ложе на сплошныхъ плитахъ известковыхъ породъ. По сторонамъ остались высокіе совершенно отвѣсные обрывы, прорѣзанные перпендикулярно рѣкѣ весенними потоками, направляющими свои воды въ Хераспей. Лучи заходящаго солнца проникаютъ сквозь узкіе прорѣзы въ высокыхъ, какъ скала, глыбахъ чернозема, и, пересѣкая ложе рѣки въ

видѣ красновато-желтыхъ блестящихъ лентъ, придаютъ всей картинѣ феерическій оттѣнокъ.

Въ полуверстѣ впереди виднѣется не то деревня, не то мѣстечко съ нѣсколькими караванъ-сараями. Главная часть деревни расположилась по обѣимъ сторонамъ небольшого притока р. Хераспея, другая—перешла по ту сторону рѣчки и своими плоскими крышами спустилась по крутому каменистому скату внизъ къ рѣкѣ. Нѣсколько поодаль деревушки правый берегъ рѣчки подымается вверхъ, образуя высокій кряжъ, покрытый громадными сплошными лѣсами.

Пыльною глинистою дорогою проходитъ нашъ караванъ черезъ деревню Парасъ или Фарасъ, какъ ее различно именуютъ (правильнѣе Фарасъ—такъ называютъ ее персы), взбирается на полуразрушенный мостъ, перекинутый черезъ притокъ Хераспея и беретъ правѣе по направленію ко второй половинѣ деревушки. Здѣсь ближе къ рѣкѣ воздухъ прохладнѣе, кругомъ зелень и кустарники дико растущей гранаты. Дорога все понижается къ рѣкѣ и затѣмъ принимаетъ видъ маленькой улицы на косогорѣ. По лѣвой сторонѣ улицы довольно приличный для деревни чай-ханэ, по правой—просторный караванъ-сарай, куда направляется нашъ усталый черводаръ.

Наступили сумерки, которыхъ я уже давно не видѣлъ; вечеръ теплый, мягкій и влажный съ очень обильной росой. Внизу слышенъ шумъ быстро катящейся рѣчки, напоминающей шумъ лѣса во время бури. Исподволь загораются звѣзды; онѣ здѣсь очень хороши, но уже не столь крупны и ярки, какими онѣ кажутся на вершинѣ Эльбурскаго хребта и въ Тегеранѣ. На обширной крышѣ караванъ-сарая уже вынуты и разложены походныя кровати; кипитъ нашъ походный самоваръ, варятся яйца въ смятку и даже заказанъ въ чай-ханэ супъ изъ нѣсколькихъ курицъ. У кого-то изъ насъ еще уцѣлѣла бутылка коньяку, и вотъ на крышѣ

персидскаго караванъ-сарая начинается «пиръ на весь мѣръ». Какими необыкновенно вкусными кажутся всѣ эти простыя блюда, послѣ пятидесятиверстнаго перехода. Можно смѣло поручиться, что никто изъ персидскихъ никогда не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ въ самомъ дорогомъ и модномъ ресторанѣ и не испытывалъ такихъ пріятныхъ вкусовыхъ ощущений.

Часа черезъ два на крышѣ воцаряется тишина, и только по временамъ слышны протяжные вздохи спящихъ людей; во снѣ никто даже не повернется, и утренняя заря найдетъ каждого въ той позѣ, въ какой застигъ его крѣпкій сонъ.

XXI.

Среди дѣвственныхъ лѣсовъ.

— Мы сегодня очень опоздали, уже пять часовъ. вставайте, говоритъ мнѣ вполголоса мой осетинъ, употребляя всѣ усилія, чтобы разбудить меня.

— Здѣсь можно опоздать, отвѣчаю, просыпаясь и вспомнивъ, что мы ночуемъ въ Фарасъ;— черезъ полчаса разбудите меня, добавляю просительскимъ тономъ и, повернувшись на другой бокъ, засыпаю, какъ убитый. Но сонъ длится недолго: привычка вставать въ пути въ 3—4 часа утра беретъ свое, и черезъ полчаса я уже на ногахъ. Мой плащъ и подушка совсѣмъ влажны отъ ночной сырости и утренней росы. И, несмотря на возможность захватить, такъ называемую, мазандеранскую лихорадку, я все-таки обрадовался и росѣ, и сырости, вѣдь это впервые за четыре мѣсяца.

Оглядываюсь кругомъ съ праздничнымъ выраженіемъ лица; въ данномъ случаѣ это отраженіе праздника въ природѣ. Этотъ праздникъ уже начался тамъ повыше, на шетинистыхъ вершинахъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ вѣковыми лѣсами. Вотъ зардѣлась, словно улыбнулась, ближайшая къ намъ вершина, и неслышно, незамѣтно вся гора, ея окрестности и вся

наша деревушка заблестѣли мягкимъ золотистымъ утреннимъ свѣтомъ. Нѣсколько лучей, проскользнувъ сквозь лѣсную чашу, заглянули на дно ущелья и заиграли въ мелкихъ волнахъ и брызгахъ быстро мчавшейся рѣки. Очарованный этою картиною, забываю всѣ злоключенія предшествовавшихъ дней.

Лошади навьючены, наскоро проглоченъ стаканъ чаю, и мы выступаемъ изъ Фараса. Впереди замѣтенъ безконечный очень отлогій спускъ внизъ; рѣка дѣлаетъ изгибъ, очень сильно углубляется въ свои берега, и мы прорѣзываемъ ея колѣно. Версты двѣ-три мѣстность идетъ въ перемежку: то она покрыта рѣдкою растительностью, то вновь попадаются сѣрыя бесплодныя каменные площадки; далѣе, за ними, опять идетъ суглинистая почва съ толстымъ верхнимъ слоемъ лѣса; растительность становится все гуще, сочнѣе; впереди виднѣется красивый лугъ, а еще далѣе вѣковой необыкновенно красивый густой лѣсъ. Небольшой кустарникъ дико растущей гранаты отдѣляетъ насъ отъ громадной поляны, покрытой ковромъ сочной зеленой травы. Слева, на разстояніи трехсотъ шаговъ, тянется субтропическій лѣсъ, справа— поляна простирается по крайней мѣрѣ на версту и оканчивается крутымъ обрывомъ у рѣки, гдѣ ея противоположный берегъ представляетъ собою склонъ горнаго кряжа, покрытый моремъ лѣса самыхъ разнообразнѣйшихъ породъ. Громадныя вѣковые тѣнистые чинары, карагачи, буки, липы и молодой самшидъ разбросаны по громадной изумрудной полянѣ. Большими темными пятнами на свѣтло-зеленомъ лугу выглядятъ бросаемыя деревьями тѣни. Цѣлыя семьи путешественныхъ персовъ пріютились для отдыха тамъ, то здѣсь въ тѣни этихъ деревъ, и лугъ пестрѣетъ красивыми картинами восточныхъ группъ. Мѣстами поляна засѣяна пшеницей, которая, судя по

росту, должна выколоситься не позже, какъ черезъ двѣ недѣли; почва даетъ здѣсь обыкновенно два сбора.

Узкою сѣрою лентою по зеленому полю тянется вдаль нашъ путь, теряясь далѣе среди болѣе частыхъ деревьевъ и высокихъ кустарниковъ. Несмотря на октябрь, вся картина напоминаетъ собою полный разгаръ лѣта въ средней полосѣ Россіи съ тою лишь разницею, что здѣсь лѣто теплѣе и мягче нашего, а растительность безъ сравненія богаче и разнообразнѣе. Мы живо проходимъ полями и прорѣзываемъ небольшой лѣсной мысъ, который косою потянулся отъ главной массы лѣса по полянѣ, по направленію къ рѣкѣ. Мнѣ приходилось видѣть прекрасные лѣса Сѣвернаго Кавказа и Закавказья, извѣстные по богатству и разнообразію древесныхъ породъ; я знаю тоже окрестности Батума съ ихъ культурною растительностью, съ массою растений, вывезенныхъ изъ Китая и Японіи, съ лавровыми рощами и чайными плантаціями. Но все это богатство этихъ мѣстъ меркнетъ и кажется мизернымъ въ сравненіи съ мазандеранскими дѣвственными лѣсами; лѣса эти тянутся на сотни верстъ по склонамъ Талишскаго хребта вдоль всего южнаго берега Каспійскаго моря.

Какой-то грекъ, Кусисъ, получивъ отъ персидскаго правительства право на эксплуатацію этихъ лѣсовъ, ограничился пока тѣмъ, что хищнически вырубилъ пальмовыя деревья (самшидъ) въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ берегу моря. Что же касается другихъ мѣстъ, то здѣсь сама природа положила предѣлъ непомятому аппетиту этого промышленника; многіе лѣса оказались неприступными по своему положенію среди крутыхъ и скалистыхъ горъ, другіе—по отсутствію какихъ бы то ни было путей сообщенія. Тѣмъ не менѣе, премудрый концессионеръ успѣлъ уже положить въ карманъ не одну сотню тысячъ рублей. Приходится только удивляться, какъ это ни одинъ изъ крупныхъ русскихъ

лѣсопромышленниковъ не додумался до того, что на южномъ берегу Каспійскаго моря, русскаго внутренняго озера, находится такое неисчерпаемое богатство. По этому факту можно судить о томъ, какими мизерными свѣдѣніями обладаютъ наши лѣсопромышленники въ области своей специальности и вообще на какомъ печальномъ уровнѣ общаго образованія обрѣтаются эти господа.

Недостаетъ только, чтобы Кусиса замѣнила любая нѣмецкая или англійская компанія и стала снабжать лѣсомъ Астрахань и Поволжье. Да оно, вѣроятно, такъ и будетъ.

Сырая и мягкая тропка, во многихъ мѣстахъ даже болотистая, прорѣзываетъ широкую полосу лѣса. Левѣе лѣсъ гуще и крупнѣе, правѣе—онъ рѣже и напоминаетъ собою скорѣе большой паркъ заброшенной и, нѣкогда богатой помѣщицкой усадьбы. Здѣсь, въ этомъ импровизированномъ паркѣ, уже замѣтны слабые признаки осени: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на черномъ фонѣ сырой земли самороднымъ золотомъ отливаютъ опавшіе лапчатые листья чинара, далѣе разбросаны блестящіе, совершенно пурпуровые продолговатые листья невѣдомаго мнѣ дерева; подъ нѣкоторыми кустами словно рассыпаны свѣтло-палевые, а иногда и бѣлые мелкіе листочки. Лучи горячаго южнаго солнца проникаютъ то здѣсь, то тамъ сквозь куполы древесной листвы, золотятъ выпучившіеся изъ земли корни деревъ и толстые змѣвидные стволы ползучихъ растений. Иногда такой лучъ случайно заберется въ маленькую полную воды колдобинку и вся она горитъ, словно полная расплавленнаго золота. Маленькіе ручейки то бѣгутъ изъ лѣсу по направленію къ рѣкѣ, то, застаиваясь во впадинахъ, образуютъ небольшія болота.

Во время переходовъ то по лѣсу, то по небольшимъ лужайкамъ, глазъ все время ищетъ человѣче-

скаго жилья, но его не найти на протяженіи многихъ верстъ. Несмотря на все богатство природы, населеніе здѣсь сравнительно рѣдкое. Нельзя также объяснить это безлюдье нездоровыми условіями климата; мѣстность, по которой мы теперь проходимъ, на тысячу двѣсти футъ выше уровня моря, а на такой высотѣ лихорадка—болѣзнь сравнительно рѣдкая, да и то проявляется она въ болѣе сырыхъ глубокихъ ущельяхъ, не продуваемыхъ вѣтромъ. Единственное объясненіе подобнаго безлюдья—общее для всей Персіи—это поголовный уходъ населенія на заработки въ Россію, по преимуществу въ Закаспійскій край. Вѣдь почти вся Закаспійская дорога была построена рабочими персами; большинство рабочихъ на бакинскихъ нефтяныхъ источникахъ и мелкихъ торговцевъ въ закавказскихъ городахъ—тоже персы. Населеніе въ данномъ случаѣ разсуждаетъ совершенно правильно: оно находитъ, что предпочтительнѣе нести самую тяжелую работу на чужбинѣ, но имѣть увѣренность въ томъ, что никто не отыметъ у тебя заработанный кусокъ хлѣба, чѣмъ трудиться у себя дома, даже при самой лучшей обстановкѣ, и подвергаться систематическому ограбленію со стороны чиновниковъ, хановъ и вообще бузургуновъ. Съ каждой пройденной верстой картина, сохраняя общій тонъ, мѣняется въ подробностяхъ, и глазъ не налюбуется на эти чудныя поляны, лѣса, бѣгущіе ручьи, на всю прелесть и богатство растительности.

— Вотъ такъ страна! восклицаетъ молоканинъ Яковъ, поровнявшись со мною.—Ужъ чего лучше, какъ у насъ въ Закавказьи, а вѣдь здѣсь куда лучше нашего.

— Ну вотъ здѣсь, обращаюсь я къ осетину,—можете охотиться безпрепятственно; встрѣтите тигра, и палите по немъ изъ берданки, сколько влѣзетъ,

Осетинъ недоувѣрчиво поглядываетъ на меня.

— Я не шучу, спросите вотъ у нашего черводара;

онъ здѣшній—мазандеранскій, я думаю, онъ не разъ въ жизни видывалъ тигровъ живыми или убитыми.

— Да, пожалуй, соглашается онъ со мною,—въ такихъ мѣстахъ всякому звѣрю лестно проживать. Охъ, хоть бы одного встрѣтить, тогда оставилъ бы онъ намъ на память свою шкуру.

— А вѣдь тигръ разсуждаетъ иначе, возражаю:— Онъ, вѣроятно, думаетъ, что и ему не мѣшало бы унести кого-нибудь изъ насъ, тоже—на память.

— Пусть попробуетъ, говоритъ тотъ, и его рука нервно сжимаетъ рукоятку аршиннаго кинжала.

Еще въ Тифлисѣ я замѣтилъ, какъ наши горцы старательно оттачивали свои кинжалы и пашки.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? спрашиваю, улыбаясь.

— Не говори, баринъ, зачѣмъ, развѣ знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься?

Мнѣ вспомнился случай, когда одинъ изъ нашихъ горцевъ, видя, что его баринъ закричалъ на какого-то нахала, обнажилъ кинжалъ и совершенно спокойно заявилъ: «ты не сердись, мы его сейчасъ рѣзать будемъ», и онъ немедленно превратилъ бы въ котлету виновника этого инцидента, если бы баринъ не удержалъ его за руку.

Почти всѣ кавказскіе горцы страстные охотники и хорошіе стрѣлки. Что касается Персіи, то такими качествами отличаются только кочевыя племена и горцы сѣверо и юго-западной ея части. Населеніе средней и восточной Персіи, а также побережья Каспійскаго моря давно уже замѣнило ружье аршиномъ. Тѣмъ не менѣе, мазандеранцы то и дѣло приносятъ въ Мешедисеръ на продажу тигровыя и барсовыя шкуры. Они умудряются ловить тигра въ капканы и сѣти. Случается, что тигръ, попавшійся въ капканъ, оставляетъ тамъ части своей лапы и уходитъ, но попавшійся въ сѣть непременно становится добычею ловца, такъ какъ чѣмъ болѣе свирѣпѣетъ тигръ, тѣмъ сильнѣе онъ за-

путывается и выбивается изъ силъ; въ концѣ концовъ онъ изнемогаетъ, и тогда являются персы и добиваютъ его глубинами.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ на Гилянскомъ берегу, возлѣ деревушки Рудбаръ, появилась пара тигровъ, самецъ и самка, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эта милая чета терроризировала мѣстное населеніе, причиняя ему громадныя убытки: стада опустошались, а по временамъ исчезали безслѣдно и люди. Наконецъ, тигръ-самецъ былъ выслѣженъ и убитъ. Счастливые охотники немедленно сдѣлали чучело изъ его шкуры и очень долго носили его по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, взявая по пяти шаги (5 к.) съ каждаго зрителя. «Взгляни и подумай, что было бы съ тобою, если бы ты встрѣтился съ нимъ», обращались они къ каждому зрителю, «а теперь возблагодари Аллаха за избавленіе тебя отъ неминуемой смерти и плати 5 шаги». Каждое такое представленіе, конечно, не обходилось безъ охотничьихъ разсказовъ: на востокъ всѣ охотники такіе же вральманы, какъ и наши. Одинъ изъ персовъ-охотниковъ обыкновенно становился рядомъ съ чучеломъ убитаго тигра и долго нараспѣвъ разсказывалъ исторію его походовъ и восхвалялъ необычайную храбрость и хитрость охотниковъ (при этомъ онъ каждый разъ не забывалъ похвалить и себя). Этотъ тигръ, по разсказу охотника, успѣлъ уже пожрать населеніе трехъ деревень со всѣми стадами, при чемъ были безжалостно пожраны всѣ деревенскіе кѣтхуде (старшины) и даже муллы со всѣми ихъ женами, чадами и домочадцами; здѣсь разсказчикъ даже называлъ имена «пострадавшихъ». «Этотъ свирѣпый звѣрь», добавлялъ онъ, «не пощадилъ даже ни одного хаджи, а что касается кѣрбелаевъ и мешеди, то онъ глоталъ ихъ, какъ пилули». (Кто паломничалъ въ Мекку, къ имени того присоединялось слово хаджи. Посѣтившій священный городъ Кѣрбалѣ, прибавляетъ къ своему

имени слово кэрбелай, а побывавшій въ Мешедъ — мешеди). Послѣ окончанія разсказа многіе изъ зрителей, расчувствовавшись, добавили въ пользу охотниковъ еще по одному шаги.

Ранѣе я упоминалъ о сохранившемся въ Персін обычаѣ соколиной охоты. Въ общемъ, всякая охота носить жестокій и кровожадный характеръ, но по преимуществу это сказывается въ соколиной охотѣ на дикихъ козъ. Выпущенный соколъ налетаетъ на дикую козу и, вонзивъ свои когти въ ея лобъ между рогъ, начинаетъ выклеивать ей глаза одинъ за другимъ. Кровь льется изъ пораненныхъ глазъ, несчастное животное то мчится, то дѣлаетъ зигзаги, часто бросается о землю, но по мѣрѣ потери зрѣнія, все больше и больше мечется въ разныя стороны и, наконецъ, совершенно ослѣпшее, съ кровавыми углубленіями вмѣсто глазъ, кружится на одномъ мѣстѣ и попадаетъ прямо въ руки охотника; онъ тутъ же перерѣзываетъ горло своей жертвѣ. Для такой охоты соколъ дрессируется особымъ образомъ: устраивается чучело дикой козы, при чемъ въ углубленіи головы, гдѣ полагается быть глазамъ, вставляютъ куски мяса. Проголодавшись въ теченіе дня сокола напускаютъ на такое чучело и онъ насыщается мясомъ, которое пожираетъ изъ глазныхъ впадинъ. Такъ продолжается нѣсколько дней. Въ слѣдующій затѣмъ промежутокъ мясо запрятываютъ глубже во впадины и пускаютъ голоднаго сокола съ болѣе дальняго разстоянія; наконецъ, его приучаютъ питаться такимъ образомъ въ то время, когда чучело посредствомъ веревки передвигаютъ съ мѣста на мѣсто и поворачиваютъ въ разныя стороны. Послѣ трехмѣсячной дрессировки, соколъ становится годнымъ для охоты. Цѣна хорошему выдрессированному соколу не превышаетъ пятидесяти тумановъ — нашихъ ста руб. Удивительно еще, что любой восточный тиранъ не выдрессировалъ своего сокола

выклевать глаза людямъ. Вѣроятно, это не было сдѣлано только изъ опасенія потери собственныхъ глазъ.

Персь-мазандеранецъ, состоящій у насъ черводаромъ, сообщаетъ, что по всему склону, гдѣ мы проходимъ, водится маленькій медвѣдь, масса зайцевъ и лисицъ. Имѣются также въ изобиліи фазаны. Но мелкой лѣсной птицы, оживляющей своимъ щебетаніемъ лѣсъ, здѣсь почти не видно. Чудные мазандеранскіе лѣса лишены этой живой музыки, что еще болѣе усиливаетъ царящую въ нихъ тишину и таинственность.

Послѣ четырехчасового перехода по зеленымъ лугамъ въ перемежку съ небольшими лѣсными полянами, мы находимъ горную лѣсную деревушку. У края дороги ближе къ рѣчкѣ помѣстился просторный деревянный шалашъ; нѣсколько лѣвѣе въ лѣсу десятокъ хижинъ, каждая на подобіе сруба, на высокихъ ножкахъ. Такія хижины строятъ и наши кавказскіе горцы—вотъ ужъ дѣйствительно хижины на курьихъ лапкахъ; подъ такую хижину можетъ свободно пройти пятилѣтній ребенокъ. Но зато обладатель такого палаца вполне гарантированъ, что весеннія воды не зальютъ и не снесутъ его жилища, да и лѣсной звѣрь или гадъ туда тоже не заберется. Ушло ли населеніе этой деревушки на заработки или переселилось на другое мѣсто, но деревушка не даетъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Большинство срубовъ почернѣли, покосились; изъ стѣнъ повывалились бревна; на многихъ сорвана крыша. Эти черныя хижины и ихъ скелеты, тонущіе среди яркой сочной зелени, выглядятъ очень своеобразно и, пожалуй, даже очень красиво; но въ то же время чѣмъ-то дикимъ, первобытнымъ вѣетъ отъ этой картины. Большая поляна окаймлена съ правой стороны самымъ разнообразнымъ кустарникомъ, съ лѣвой—на нее надвигается громадный густой лѣсъ, рѣдющій по мѣрѣ приближенія къ полянѣ; среди этой

части порѣдѣвшаго лѣса въ безпорядкѣ разбросаны горныя почернѣвшія хижины, за которыми въ десяти шагахъ слышится ворчаніе сильнаго горнаго потока. Этотъ потокъ прорѣзываетъ намъ дорогу; у его праваго берега расположился большой шалашъ, правильнѣе очень обширная свѣтлая землянка, которую сообразительный персъ превратилъ въ чай-ханэ. Лошади пущены на лугъ и съ жадностью щиплютъ сочную траву; каждый изъ насъ спѣшитъ къ рѣчкѣ—помыться въ ея холодной прозрачной водѣ. Но купаніе здѣсь невозможно, какъ вслѣдствіе почти ледяной температуры воды, такъ и потому, что въ результатъ такого купанія можетъ получиться страшная мазандеранская лихорадка, имѣющая, какъ увѣряютъ много, общаго съ остъиндской, такъ называемой, желтой лихорадкою. Бывали случаи, что послѣ третьяго пароксизма мазандеранской лихорадки больной отправлялся на тотъ свѣтъ. Но достаточно прожить нѣкоторое время на мазандеранскомъ берегу и нѣсколько акклиматизироваться, чтобы лихорадка въ отношеніи субъекта потеряла свой острый характеръ. Болѣютъ въ большинствѣ случаевъ люди ведущіе антигигіенической образъ жизни, при недостаткѣ питанія. Въ нашсмъ караванѣ лихорадкою страдалъ молуканъ, два мѣсяца голодавшій въ Тегеранѣ и проводившій ночи въ тегеранскихъ караванъ-сараяхъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ отъѣдался, болѣзнь ослабѣвала и пароксизмы становились рѣже.

Въ просторномъ шалашѣ, ушедшемъ наполовину въ землю, кромѣ чаю, мы находимъ много другихъ продуктовъ. Здѣсь и свѣже-вареный рисъ со сметаною, и кислое молоко, и творогъ; нѣтъ только хлѣба, но у насъ онъ сохранился еще изъ Тегерана. Завтракъ вышелъ даже съ десертомъ, появились арбузы и дыни. Арбузы были плохіе, ими съ апѣтитомъ позавтракала моя лошадь. Послѣ завтрака выходимъ на

лужайку, гдѣ каждый, сообразно своему вкусу, находитъ себѣ занятіе: въ то время, какъ Н. Н. Курмаковъ разсматриваетъ и собираетъ камешки въ руслѣ рѣки, я осматриваю невиданныя мною до того деревья и кусты, гдѣ къ величайшему удовольствію нахожу маленькихъ птичекъ, а въ ручьѣ притаившуюся за камнями форель. Наши горцы отыскиваютъ и вырѣзываютъ необыкновенно длинные гибкіе прутья и палки; черводаръ и остальная братья дремлютъ въ различныхъ позахъ на мягкой травѣ подъ густою тѣнью вѣковыхъ деревьевъ.

Нѣсколько поодаль, вверхъ по теченію этого горнаго потока, виднѣется жилая хижина. Ея дверь открывается медленно и также медленно крадучись появляется персіанка и, ускоривъ шаги, прячась за кусты, приближается къ нашему каравану. Очевидно, любопытство взяло верхъ надъ опасеніемъ получить за такую прочность колотушки отъ ревниваго мужа или тещи. Пробѣжкіе ференги — рѣдкая томаша (развлеченіе) въ здѣшнихъ краяхъ.

Не знаю, костюмъ ли этой горной дикарки или ея лицо напомнили мнѣ одну изъ тегеранскихъ танцовщицъ, а такъ возможность повидать кьяфыру-ференги персіанокъ-танцовщицъ явленіе очень рѣдкое, то я не могу не подѣлиться съ читателемъ моими впечатлѣніями, рискуя даже получить упрекъ въ нѣкотораго рода легкомысліи.

Обыкновенно къ шести часамъ вечера наша Европейская улица въ Тегеранѣ всегда наполнялась гуляющими персами. Къ этому времени начинался пріемъ у садръ-азама, дворецъ котораго расположенъ вблизи той же Европейской улицы, а потому большинство публики, имѣющей надобность побывать на пріемѣ или просто желающей погулять въ дворцовомъ паркѣ, не могло миновать нашего импровизированнаго проспекта. Бѣлыя и черныя широчайшія чалмы, высокія пирами-

дальныя барашковыя шапки, длинныя верблюжьяго цвѣта плащи и черныя казакины двигались по улицѣ медленно и чинно, словно похоронная процессія. Быстрая ходьба и вообще болѣе энергичная походка, какъ привыкли ходить мы, ференги, считается на Востокѣ признакомъ дурного тона: на Востокѣ вообще ничему не удивляются и никуда не спѣшать; здѣсь всё медленно и спокойно идутъ къ полному отупѣнію, вырожденію и національной гибели...

Въ большинствѣ случаевъ я любилъ потолкаться въ это время среди персовъ, повстрѣчать моихъ знакомыхъ, послушать ихъ толки о событіяхъ дня, побесѣдовать съ почтенными муллами о религіозныхъ вопросахъ, и, такимъ образомъ, хотя немного приподнять завѣсу, отдѣляющую меня отъ всего строя ихъ міросозерцанія. Здѣсь же во время гулянья зачастую совершались новыя знакомства. Въ одну изъ такихъ экскурсій я повстрѣчалъ знакомаго мирзу, котораго я иногда снабжалъ работой по письменной части.

Мирза былъ очень симпатичный человекъ, добродушный, большой любитель кутнуть, при чемъ, вопреки всѣмъ постановленіямъ корана, пилъ за здоровье своихъ знакомыхъ не шербаты, а настоящій французскій коньякъ.

Протянувъ мнѣ руку при прощаніи, мирза какъ-то вдругъ замялся, и по его смуглому лицу исподволь пробѣжали всѣ оттѣнки, начиная отъ испуга, затѣмъ сомнѣнія, колебанія и, наконецъ, полной рѣшимости.

— Я желалъ бы, еслибъ вы... здѣсь онъ замялся,— еслибъ вы сохранили въ полномъ секретѣ... я желалъ бы показать вамъ такое зрѣлище, которое рѣдко кому изъ европейцевъ удастся видѣть въ Тегеранѣ... У меня сегодня будутъ танцовщицы. Последнюю фразу онъ произнесъ шопотомъ, оглянувшись предварительно во всѣ стороны.—Въ девять вечера... Вы всегда были ко мнѣ столь добры, что я сочту себя счастливымъ, если

вы посѣтите мой домъ... Только полный секретъ, иначе я рискую головою, при этомъ мирза, ради большей наглядности, провелъ пальцемъ по горлу.

Около девяти часовъ вечера, выходя изъ калитки моего дома, я задумался: «А что если полиція пронюхаетъ, что у мирзы сегодня пляшутъ персіанки, да еще вдобавокъ въ присутствіи кьяфыра (гяуръ), вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не одобровать тогда гостепріимному персу. Угодить онъ прямо подъ духовный судъ, съ которымъ неразлучны тюрьма, подземелье, пытки и, въ лучшемъ случаѣ, самая совершенная очистка его и безъ того тощихъ кармановъ. Да и самому придется стать притчей во языцѣхъ. Но не пойти къ нему, пожалуй, обидится, да притомъ сочтетъ такой поступокъ за трусость. «Во всякомъ случаѣ, утѣшаю себя,—разъ онъ пригласилъ ференги, то навѣрное принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы все было шито-крыто, а впрочемъ»... Послѣ этого «впрочемъ» уже никакихъ разсужденій не полагалось, а существовало одно только сильное желаніе посмотрѣть пляшущихъ персіанокъ.

Четверть часа спустя я постучалъ въ калитку его дома. Онъ самъ открылъ мнѣ дверь. Сначала по узкой тѣсной лѣсенкѣ мы поднялись вверхъ, затѣмъ спустились внизъ, и я очутился въ большой устланной коврами комнатѣ, которая скорѣе могла бы носить названіе довольно обширной галереи, такъ какъ имѣла только одинъ рядъ большихъ широкихъ оконъ. Въ одномъ углу этой галереи-комнаты на коврѣ сидѣла группа персіанокъ, по восточному сложивъ ноги на крестъ. Однѣ изъ нихъ пили чай и курили папиросы, другія постарше тянули кальянъ. Хотя онѣ вѣроятно и были предупреждены о томъ, что на спектакль приглашенъ ференги, но все же мое появленіе произвело среди нихъ нѣкоторую сенсацію. Меня оглядывали съ ногъ до головы, бросали въ мою сторону то любопытные, то тревожные взоры, переглядывались и перешеп-

тывались. Отчасти въ силу привычки, отчасти, чтобы сгладить впечатлѣніе появленія чужого страннаго для нихъ человѣка, я подошелъ вначалѣ къ хозяйкѣ дома, протянулъ ей руку и послѣ краткаго привѣтствія продолжалъ то же въ отношеніи всѣхъ прочихъ присутствовавшихъ здѣсь женщинъ. Хозяинъ дома улыбался и одобрительно кивалъ головою. Но когда я сказалъ дамамъ, что давно и много слыхалъ объ ихъ несравненномъ искусствѣ и что нынѣ я благодарю судьбу, которая мнѣ, ихъ покорному рабу и жертвѣ (такъ выражаются на Востокѣ), ниспослала возможность видѣть ихъ лично и полюбоваться ихъ танцами, то мой мирза не выдержалъ и счелъ нужнымъ замѣтить: «Вы русскіе всегда умѣете хорошо говорить съ людьми, потому что вы сами сердечные люди».

Говоря съ дамами, я тутъ же преподнесъ имъ большую коробку конфетъ (ширинѣ) и положилъ передъ ними мой портъ-сигаръ.

Исподволь несмѣло протягивались руки къ портъ-сигару и закуривались папиросы.

Хозяинъ дома и насъ трое приглашенныхъ помѣстились у низенькаго столика поодаль у стѣны, чтобы не мѣшать танцамъ. Нѣсколько минутъ спустя, изъ группы женщинъ выдѣлилась молодая дѣвушка, не старше 16 лѣтъ. Она лѣниво отбросила въ сторону свой легкій чадуръ, покрывавшій ее всю съ ногъ до головы, и предстала передъ нами въ балетномъ костюмѣ, который франтихи-персіанки обыкновенно носятъ у себя дома. Бѣлая шелковаго газа легкая юбочка, не доходившая до колѣнъ, рѣдко, но очень красиво затканная золотыми и серебряными цвѣтами на такой же бѣлой подкладкѣ. Такая ненадѣтая юбка имѣетъ видъ очень длинной полосы, шириною въ поларшина, стягивающейся въ верхней части посредствомъ шелковой тесьмы. Перехваченная по срединѣ, юбка эта образуетъ нѣчто въ родѣ очень короткихъ и широ-

чайшихъ шальваръ. Темно-зеленый бархатный лифъ (рахтъ), шитый золотыми шнурами, очень плотно облегал бюстъ танцовщицы. Фельетонная часть ея костюма состояла изъ коротенькихъ бѣлыхъ шелковыхъ панталонъ, не доходившихъ до колѣнъ, и такого же бѣлаго трико. Наша танцовщица, какъ и большинство персіанокъ, была смуглая брюнетка съ красивымъ оваломъ лица, большими черными смѣющимися глазами, маленькимъ ртомъ и правильнымъ носомъ. Ея волосы были зачесаны вверхъ и на затылкѣ разбивались въ нѣсколько десятковъ длинныхъ тоненькихъ косичекъ съ красными бантиками внизу. Остальныя женщины, въ томъ числѣ, какъ впоследствии оказалось, еще двѣ танцовщицы, размѣстились рядомъ у стѣны. Въ рукахъ у нихъ появились маленькіе бубны съ массою побрякушекъ. Одна женщина постарше имѣла предъ собою особый восточный барабанъ въ видѣ очень большой деревянной чаши, обтянутой сверху тонкой прозрачной кожей.

Встряхнувъ слегка головою и приподнявъ вверхъ руки съ полуоткрытыми серебряными кастанъетами на пальцахъ, танцовщица словно замерла въ этой позиціи. Въ то же мгновеніе послышался ударъ въ барабанъ. Этотъ нѣсколько глухой, но подбодряющій звукъ былъ подхваченъ пѣніемъ съ аккомпаниментомъ трехъ маленькихъ бубновъ. Мотивъ получался плясовой, очень живой, съ нѣсколько рѣзкимъ темпомъ и крайне возбуждающій. Нѣсколько легкихъ изящныхъ и въ совершенствѣ законченныхъ пируэтовъ, которымъ позавидовала бы любая балетная фея, дватри медленныхъ сладострастныхъ перегиба всей талии и, вдругъ, закрутившись, танцовщица садится на коверъ, затѣмъ облакачивается, вытягивается и начинается извиваться словно змѣя. Всѣмъ существомъ своимъ она говоритъ лишь о томъ, какія ласки она

можетъ дать мужчинѣ. «Dance du ventre» въ полномъ разгарѣ.

Мой сосѣдъ-персъ начинаетъ стонать, словно его хватили колики.

— Если вамъ нездоровится, проглотите рюмку коньяку, обращаюсь къ нему съ самымъ наивнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Ахъ, не то... не то... возражаетъ онъ слабо, продолжая захлебываться отъ удовольствія.

Мирза, слушая нашъ тихій разговоръ, начинаетъ прыскать со смѣху...

Медленно, все въ тактъ пѣнію, подымается съ ковра танцовщица и съ послѣднимъ сильнымъ ударомъ барабана садится на свое мѣсто. Ее замѣняетъ слѣдующая, маленькая 12-лѣтняя дѣвочка, а затѣмъ и третья постарше. Танцы все въ томъ же родѣ съ небольшими варіаціями.

Послѣ небольшой паузы первая танцовщица, кружась въ тактъ пѣнію, подлетаетъ къ нашему столику, быстро схватываетъ до краевъ налитую рюмку коньяку и, взявъ ее въ зубы за край ножки, продолжаетъ свои танцы; она садится и ложится на коверъ, при чемъ изъ рюмки не проливается ни одна капля. Поднявшись съ ковра, позвякивая своими звучными кастаньетами, она быстро на носкахъ дѣлаетъ туръ за туромъ и, какъ вкопанная, останавливается предо мною, щуритъ глазки, поводитъ бровями и все ближе и ближе нагибается надъ моимъ лицомъ...

— Ференги, откройте вашъ ротъ, заявляетъ мнѣ мой сосѣдъ.— Откройте вашъ ротъ! почти кричитъ мирза.

Я точно исполняю его приказаніе, и танцовщица, не касаясь рюмки руками, дѣлаетъ невѣроятный изгибъ талии, и, приблизивъ свои губы къ моимъ, быстро вливаетъ мнѣ въ ротъ полную рюмку коньяку. Обдавъ меня своимъ горячимъ дыханіемъ и поводя красивыми

бровями, она, улыбаясь, удаляется съ пустой рюмкой въ зубахъ, продолжая все тотъ же танецъ.

Въ полночь я простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и, оставивъ танцовщицамъ нѣсколько тумановъ въ пешкешъ (подарокъ), направился къ выходу.

— Саабъ, обратилась ко мнѣ какая-то женщина въ чадурѣ съ покрытымъ лицомъ, глядѣвшая на улицу сквозь щель въ калиткѣ,—на улицѣ полицейскіе, не выходи за калитку, это опасно.

Я остановился на минуту и сообразивъ, что чѣмъ дольше я буду оставаться въ домѣ мирзы, тѣмъ болѣе можетъ появиться полицейскихъ, и, чего добраго, можетъ собраться толпа, рѣшилъ, что благоразумнѣе идти немедля, а въ случаѣ чего даже слегка прикрикнуть на этихъ гнусныхъ церберовъ.

Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ калитки по направленію къ Топъ-ханѣ, какъ мнѣ загородили дорогу два полицмена. Полиція, которой днемъ въ Тегеранѣ почти не видно, а по ночамъ она странствуетъ съ палками въ рукахъ и небольшими фонарями, на сей разъ оказалась со старыми крынками за плечами. Былъ ли это простой случай или желаніе запугать ференги и сорвать съ него уйму денегъ за откупъ, этого я и по настоящее время не знаю. Впослѣдствіи оказалось, что это были солдаты изъ ближайшей караулки, за спиною которыхъ прятался мѣстный городской.

— Кто идетъ! завопили солдаты.

— Развѣ ты ослѣпъ, хахъ-бо-сэръ-этъ (пепель на твою голову), возразилъ я, подойдя къ нимъ вплотную.

— Мы не можемъ васъ пропустить, саабъ: въ этомъ домѣ были женщины, были танцовщицы. Вы не имѣли права быть въ этомъ домѣ. Пожалуйста съ нами къ приставу.

— Такъ вы, ослы, будете меня, ференги, учить куда мнѣ ходить въ гости! Убирайтесь вонъ!

Я сдѣлалъ шагъ впередъ, но солдаты вновь загордили мнѣ дорогу. Меня это обозлило до такой степени, что я выхватилъ изъ кармана револьверъ и прямо уперъ его дуло въ лобъ стоявшаго передо мною цербера. Я не знаю, чѣмъ кончилась бы вся эта исторія (вѣроятно ничѣмъ: или струсили бы и ушли, или попросили бы анамъ — взятку нѣсколько тумановъ), какъ вдругъ изъ-за тѣневой стороны, словно съ неба слетѣлъ тонкій желѣзный пруть и со свистомъ прилипъ къ спинѣ одного изъ загородившихъ мнѣ дорогу солдатъ. Огорошенный такой внезапной оказіею, онъ бросился назадъ, зацѣпился ногою за камень и во всю длину растянулся на пыльной улицѣ; его старая крынка, побрякивая по камнямъ, покатила по направленію сточной канавы. Второй, объяснявшійся со мною воинъ, видя, что вмѣсто анама онъ можетъ получить такую же непріятность, обнаружилъ необычайную храбрость въ ногахъ и, бросившись въ сосѣдній переулокъ, ментально исчезъ съ поля брани.

Возлѣ меня очутилась высокая фигура въ пробковой англійской каскѣ со стальнымъ гибкимъ хлыстомъ въ рукѣ. Незнакомецъ схватилъ меня за руку и сильно увлекъ въ тѣневую сторону улицы.

— Уйдемъ скорѣе вотъ въ этотъ переулокъ, а то какъ бы не подошли солдаты выручать своихъ. Можетъ быть большой шулукъ, (скандалъ), сказалъ онъ полушопотомъ.

Шагая быстро рядомъ съ нимъ, я пристально взглянулъ ему подъ его англійскую каску и, какъ ни жутко было мое положеніе, я отъ души расхохотался: подъ англійскою каскою былъ мой мирза. Комизмъ его костюма усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ въ нижнихъ бѣлыхъ кальсонахъ и короткомъ свѣтломъ пиджакѣ.

Замѣтивъ мое удивленіе, онъ задыхаясь тутъ же пояснилъ мнѣ: «Этотъ костюмъ, видите ли, я держу

у себя всегда на всякій случай; онъ всегда выручаетъ во всѣхъ походахъ; видятъ сыновья сожженнаго отца (полиція), что идетъ ночью ференги, и не смѣй: совсѣмъ другой почетъ; а то всѣмъ намъ, персамъ, бѣда какъ только въ девять часовъ вечера выйдешь изъ дому, такъ сейчасъ привяжутся и сорвутъ анамъ, либо арестуютъ».

Теперь уже настала наша очередь обнаружить побольше храбрости въ ногахъ, и оба мы поспѣшно огибали главную улицу массою узенькихъ пустынныхъ закоулковъ.

— Послушайте, мирза, спрашиваю съ любопытствомъ,—какъ это вы теперь домой попадете?

— О, у меня на этотъ счетъ давно уже цѣлая система выработана, обо мнѣ не беспокойтесь. А вотъ здѣсь влѣво, за угломъ, вашъ домъ. До свиданія...

XXII.

Спускъ къ морю.

Полдень. Воздухъ нагрѣтъ, земля и трава пахнутъ; пахнетъ субтропическими ароматными травами лѣсъ, пахнетъ свойственнымъ ему запахомъ каждый лапчатый листъ чинара. Тишина абсолютная, повсюду разлита подавляющая нѣга: лѣнь одолѣваетъ окончательно; еле плетешься отъ дерева къ дереву, съ трудомъ передвигаются ноги, и въ истомѣ скорѣе падаешь, чѣмъ садишься въ тѣни у ствола громаднаго дерева.

Воздухъ кажется прозрачнымъ, небо свѣтло-синее и поверхъ нашей поляны впереди, гдѣ разступаются деревья, я вижу цѣлое море лѣса, который волнами понижается къ пребрежной морской полосѣ, но какъ ни всматриваюсь, все же не вижу моря; я чувствую его сравнительную близость (верстъ пятьдесятъ по прямой линіи), но воздухъ до того пресыщенъ парами, что даль скрывается даже на близкомъ разстояніи. Улегшись подъ громаднымъ чинаромъ, я оглядываю окрестность. Какой-то не въ мѣру храбрый кузнецикъ помѣстился на моей ногѣ, и какъ ни въ чемъ не было распѣваетъ свою однообразную пѣсенку.

— Караванъ уже двинулся, садитесь, баринъ, обращается ко мнѣ мой осетинъ.

Только послѣ этого возгласа, я замѣчаю, что вздремнулъ; быстро вскакиваю на ноги, и вмѣстѣ съ осети-

номъ нагоняю двинувшійся уже караванъ. Предъ нами опять зеленая поляна съ замѣтнымъ уклономъ, окруженная лѣсомъ. Впереди, въ сотнѣ сажень, виднѣется цѣлый десятокъ персіанокъ, на красивыхъ богато-осѣдланныхъ мулахъ. Онѣ, вѣроятно, направляются въ гости въ ближайшій отсюда городъ Амоль. Въ качествѣ стража при нихъ состоятъ длинновязый пожилой персъ въ зеленомъ халатѣ и двѣнадцатилѣтній мальчишка.

— Очень интересная компанія тамъ впереди, обращается ко мнѣ осетинъ, и въ его глазахъ я читаю страстное желаніе посмотрѣть поближе эту «интересную компанію».

— Если немного прищпорить, продолжаетъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, — такъ сейчасъ можно идти рядомъ съ ними.

По моей одобрителной улыбкѣ и взмаху нагайки осетинъ видитъ, что его дѣло выгорѣло. Персіанки ѣдутъ вольготно, ихъ черные чадурь раскрыты, а бѣлыя рубандѣ, прикрывающія лицо, откинута и прищиплены булавками къ лѣвому плечу. По всему видно, что это дамы изъ очень зажиточнаго сословія, соблюдающія городской этикетъ, такъ какъ женщины горныхъ племенъ одѣваются больше въ свѣтлыя чадурь и рубандѣ у нихъ совсѣмъ не въ модѣ.

Минутъ черезъ десять подѣвжаемъ къ интересной компаніи, которая оказывается въ дѣйствительности далеко не такой интересной, какъ это предполагалось. Изъ всего десятка дамъ, только двѣ помоложе, и то, какъ выразился впоследствии осетинъ, «физіономіи совсѣмъ неважныя»; остальные — почтенныя матроны съ морщинистыми лицами и крючкообразными носами; хотъ сейчасъ на Лысую Гору.

Къ вящему разочарованію, нашъ жокакъ, превеселый и задорный мулъ, врывается въ середину дамскаго каравана, опрокидываетъ по дорогѣ мальчугана

вмѣстѣ съ осликомъ, и, стараясь познакомиться съ такими же своими спутниками, производить страшную суматоху. Подымаются бабій крикъ и взвизгиванія, при чемъ нѣкоторыя помоложе хохочутъ отъ души. При видѣ смущеннаго лица моего тѣлохранителя, на меня нападаетъ неудержимый хохотъ и желаніе подурачиться: дѣлая видъ, что желаю поймать за узду разбушевавшагося лошака, я толкаюсь между бабимъ караваномъ и здороваюсь съ ними, при чемъ онѣ очень охотно протягиваютъ мнѣ руки. Очумѣвшій длинновязый персъ, сопровождавшій эту «интересную компанію», то стоитъ и разводитъ руками, то кричитъ и мечется, словно угорѣлый. Наконецъ, я подѣзжаю къ нему и предлагаю нѣсколько крановъ въ пешкешъ. Два крана получаетъ пострадавшій мальчуганъ. Въ результатѣ всѣ остаются довольны; длинновязый въ восторгѣ; персіанки одобрительно киваютъ головами, такъ какъ эта мзда закроетъ ротъ и гарантируетъ ихъ отъ сплетенъ; раскланиваюсь и уѣзжаю впередъ; злополучный осетинъ, изловивъ жожака, ждетъ приближенія каравана, чтобы водворить виновнаго на мѣсто.

Темною щелью на зеленомъ фонѣ выглядить издали наша тропа, ведущая въ вѣковой дѣвственный лѣсъ, въ который вступаешь съ чувствомъ очень похожимъ на то, которое испытываешь, вступая въ старинный полутемный храмъ чудной готической архитектуры, съ его потемнѣвшими стройными колоннами и высокими разноцвѣтными окнами. Лѣсъ до того густой, что солнечные лучи только въ рѣдкихъ мѣстахъ круглыми подвижными пятнами золотятъ землю; гдѣ-то очень высоко колеблются вѣтки на вершинахъ деревьевъ и съ легкимъ шумомъ дрожатъ ихъ листва, но сюда вглубь лѣса не долетаетъ ни единый звукъ; здѣсь тихо, словно въ храмѣ; застоявшійся недвижимый влажный воздухъ пахнетъ густыми подавляющими ароматами

какихъ-то лѣсныхъ травъ и одуряетъ до головокруженія; въ иныхъ мѣстахъ чувствуешь, что положительно нечѣмъ дышать. Въ густой влажной почвѣ тропы выбиты копытами проходившихъ каравановъ такія углубленія, что приходится сходить съ сѣдла и долго вести лошадь въ поводу; вьючныя животныя передвигаются по этой тропѣ съ большимъ трудомъ и съ рискомъ переломать себѣ ноги. Иногда такая тропа расходуется во всѣ стороны, и только опытность нашего браваго мула-вожака и его хозяина, караванъ - баши, ручаются за то, что мы не заблудимся, а заблудиться въ такомъ лѣсу очень легко, да, пожалуй, и не совсѣмъ безопасно.

Добрыхъ два часа мы идемъ густымъ лѣсомъ; такой лѣсъ нельзя назвать дремучимъ; дремучіе лѣса бываютъ только на сѣверѣ. Мазандеранскій лѣсъ — темный и густой, но веселый, не дремучій лѣсъ. Десятки породъ деревьевъ, съ ихъ самой разнообразной по цвѣту и формѣ листвою, съ ихъ своеобразными и различно окрашенными стволами веселятъ глазъ и ежеминутно останавливаютъ ваше вниманіе. Преимущественно красивъ этотъ лѣсъ на опушкѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ раздвигается, чтобы пропустить сквозь себя узкую горную тропу. По постепенному уклону лѣсной тропы видно, что мы продолжаемъ спускъ внизъ; высотомѣръ показываетъ всего семьсотъ футъ съ лишнимъ.

Изъ темной чаши лѣса вдали виднѣется тропа, освѣщенная солнцемъ, и слышится неясный шумъ; вначалѣ кажется, что шумятъ верхушки деревьевъ, по которымъ пробѣгаетъ струя вѣтра; но, по мѣрѣ приближенія, убѣждаешься, что это сердитые голоса горной рѣки и, очевидно, не малой. Чѣмъ ближе къ освѣщенной солнцемъ тропѣ, тѣмъ лѣсъ съ правой стороны становится прозрачнѣе, и, наконецъ, сквозь порѣдѣв-

шую чашу ясно замѣтенъ грандіозный чуть ли въ сотню сажень бѣловато-сѣрый обрывъ, весь поросшій лѣсомъ. Внизу бѣшено мчится большая прозрачная горная рѣка. Это все тотъ же Хераспей, усилившійся массою мелкихъ притоковъ.

Тропа идетъ по самому краю обрыва, бѣлесоватый крутой скатъ котораго весь поросъ высокими стройными деревьями. Только при такомъ изобиліи влаги и тепла дерево можетъ расти почти что на отвѣсной скаль, цѣпляясь корнями за выступы и утилизируя каждую расщелинку. Съ лѣвой стороны тропы надвинулся темный лѣсъ со своими могучими деревьями, съ правой— съ обрыва вершины высокихъ съ тонкими стволами деревьевъ подымаются въ уровень съ тропою, а опушка вся поросла красивыми кустарниками, пахучей мимозою и чудной перистою акаціею. Преимущественно красивы молодыя деревца этой акаци съ ихъ тонкими свѣтло-зелеными стволами и вѣтками, на которыхъ симметрично расположена ихъ перистая нѣжная матовая и полупрозрачная листва. Изъ оврага тянетъ свѣжая струя воздуха, охлажденнаго широкою горною рѣкою. Невольно замедляешь шагъ лошади; во многихъ мѣстахъ останавливаешься, словно желая впитать въ себя навѣки эти чарующія впечатлѣнія. Кто знаетъ, быть можетъ, никогда уже болѣе въ жизни не придется посѣтить эти рѣдкія по своей красотѣ мѣста и полюбоваться этою картиною. Наконецъ, здѣсь я чувствую, что я неразрывная составная часть этой грандіозной чудной природы, я дышу ея дыханіемъ, я мыслю общею съ нею мыслію и наслаждаюсь этимъ единеніемъ.

Сзади ѣдетъ мой осетиѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ тропа становится шире, онъ равняется со мною и, окидывая глазами картину, разводитъ руками и торжественно съ разстановкою произноситъ: «однако!»—

«М-да», отвѣчаю я ему столь же торжественно, и этимъ заканчивается весь нашъ разговоръ. Очевидно, ни у меня, ни у него не нашлось на этотъ разъ подходящихъ словъ для выраженія восторга.

У одного изъ поворотовъ обрывъ обнажается отъ всякой растительности, и тропа идетъ по краю совершенно отвѣсной бѣлой известковой скалы; внизу быстрое теченіе рѣки подмыло ея подошву, и часть скалы, по которой мы проходимъ, виситъ на воздухѣ надъ рѣкою. Прогулка по краю висячей надъ водою скалы не можетъ доставить особаго удовольствія; иногда становится жутко, но такое странствованіе продолжается не болѣе четверти часа, затѣмъ обрывъ опять принимаетъ чуть-чуть пологій характеръ и обростаетъ густымъ высокимъ съ тонкими стволами лѣсомъ.

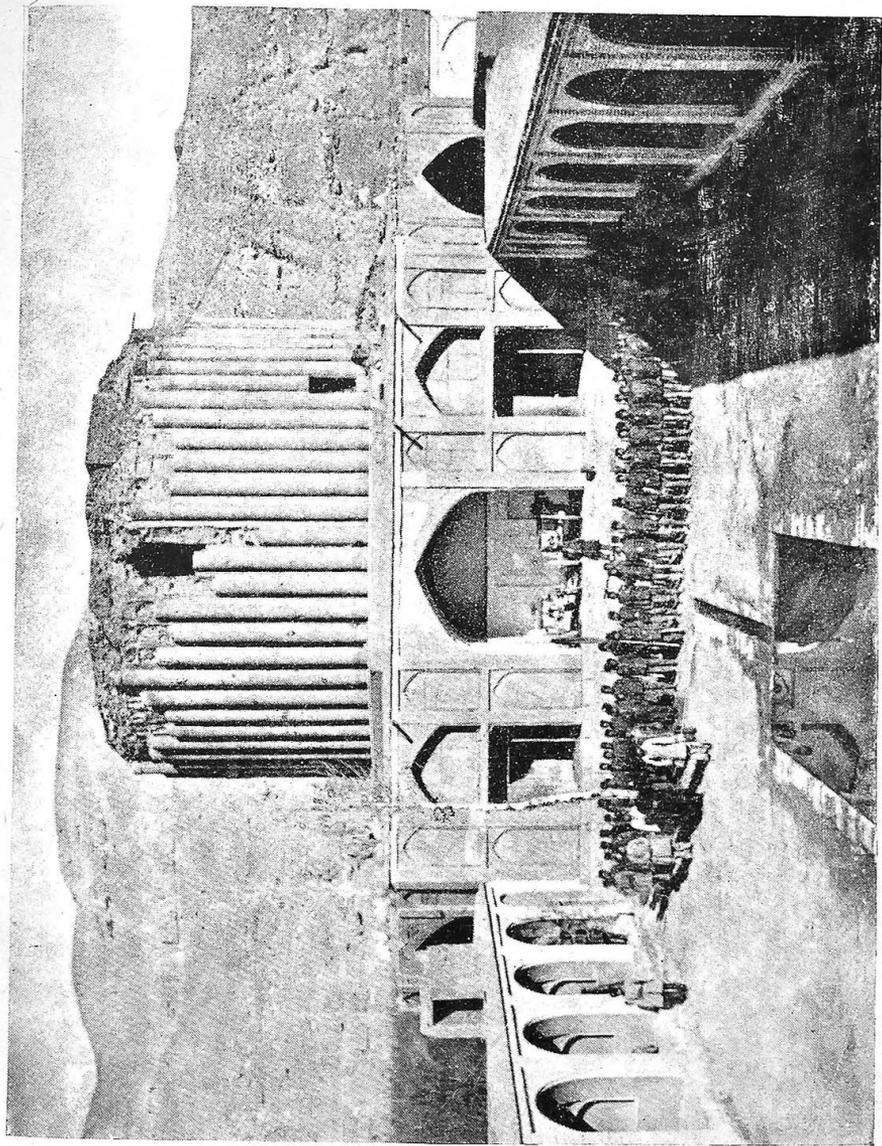
Въ одномъ мѣстѣ лѣсъ вдругъ раздается широко, и мы вступаемъ въ горную деревушку. Ея то каменная, то деревянная хижины, то скучившіяся, то разбросанныя по лѣсу, вымазаны известкою и красиво бѣлѣютъ среди темной зелени лѣса; изъ-за высокой ограды виднѣется второй этажъ обыкновеннаго персидскаго дома, очевидно, принадлежащаго болѣе зажиточному человѣку; по узкой и, кажется, единственной улицѣ деревни движутся люди; здѣсь же въ пыли возится дѣтвора; по всему видно, что это бойкая деревушка съ населеніемъ, еще не вполне ограбленнымъ. Отъ деревушки опять спускъ въ очень широкую ровную долину, на подобіе коробки, окаймленную съ двухъ сторонъ невысокими отрогами горныхъ цѣпей; лѣвая сторона, съ которой мы только что спустились, вся покрыта лѣсомъ. Правая, нѣчто въ родѣ очень высокаго вала, покрыта зеленѣющей сочной блестящей травой. Здѣсь дорога все время вьется по берегу рѣки и имѣетъ видъ настоящаго европейскаго шоссе. Навстрѣчу намъ попадаются все чаще и чаще отдѣльные всадники; всѣ

они большею частью армяне, мѣстные мелкіе торговцы, проживающіе въ сосѣднихъ деревняхъ. Персы въ общемъ относятся къ армянамъ очень толерантно. Многіе армяне занимаютъ въ Персіи очень высокіе посты на государственной службѣ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что сами персы крайніе матеріалисты, они упрекаютъ въ этомъ порокѣ всѣхъ армянъ.

XXIII.

Мазандеранскій берегъ.

Долина, по которой мы ѣдемъ, очень красива и своеобразна; она тянется на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, затѣмъ поворачиваетъ вправо по теченію рѣки; высокій склонъ правой стороны этой долины постепенно понижается и вдали на горизонтѣ сходитъ на нѣтъ. Мы направляемся правѣе, поднимаемся на небольшой холмъ, густо поросшій деревьями дикой гранаты, и затѣмъ спускаемся на зеленую безбрежную равнину, по которой разбросаны въ видѣ оазисовъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга маленькіе хуторки. Темно-зеленымъ пятномъ на свѣтломъ бархатномъ полѣ выглядитъ такой хуторокъ съ его большимъ садомъ, высоко поднимающимися кудрявыми деревьями, заборами, высокими канавами и живыми бамбуковыми изгородями. Въ началѣ равнина покрыта невысокой очень сочной травой, но по мѣрѣ удаленія отъ горъ начинается царство громадныхъ папоротниковъ, очень высокой травы на подобіе нашей осоки и особаго вида растенія, зеленые кусты котораго имѣютъ видъ иглистаго покрова дикообраза (мелкій видъ такого растенія извѣстенъ у насъ на югѣ подъ названіемъ «куга»). Мѣстами идутъ камыши и растетъ особаго рода тростникъ, скорѣе бамбукъ, высотою до трехъ сажень. Но гдѣ только почва чуть-

Мазандеранъ. Внутренний дворъ персидской крѣпости.

чуть приподнята, тамъ уже царство дикой гранаты и ежевики, которая растеть здѣсь большими древовидными кустами, служитъ любимымъ мѣстопробываніемъ фазановъ и даетъ массу превосходныхъ ягодъ. Маленькіе темно-розовые плоды и свѣтло-красные цвѣты, которыми осыпаны деревья и кусты дикой гранаты, разнообразятъ и украшаютъ мѣстность. Плоды дикой гранаты очень кислы, и населеніе совершенно не утилизируетъ ихъ; возлѣ усадебъ попадается много ежевики, вишневыхъ деревьевъ и орѣшника, на подобіе нашего крымскаго, такъ называемаго, фундука.

Мы уже пятый день въ пути; сѣдло начинаетъ надѣдать страшно; приходится часто сходить съ лошади и дѣлать версту-двѣ пѣшкомъ. Поводья лошади обыкновенно я вручалъ одному изъ погонщиковъ. Въ данное время вопросъ о томъ, кому вести мою лошадь, послужилъ предметомъ спора между двумя погонщиками, при чемъ одинъ изъ нихъ попрекнулъ другого казненнымъ родственникомъ; да и ранѣе я слышалъ нѣсколько разъ тотъ же упрекъ.

— Скажи, обратился я къ погонщику, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ,— что это за исторія съ твоимъ родственникомъ?

— Видишь ли, саабъ, было это весною этого (1898) года. Былъ у меня двоюродный братъ въ Рештѣ, сердитый, вспыльчивый человѣкъ, а можетъ быть и безумный (диванэ). Поссорился онъ однажды крѣпко со своею женою и ударилъ ее такъ сильно, что та тутъ же скончалась. Нажилъ онъ себѣ тогда большую бѣду, но успѣлъ откупиться отъ родственниковъ жены, да при томъ все же это баба, не Богъ вѣсть, что такое. Но видно судьба уже его была такая; какъ-то весною затѣяли губернаторскіе ферраши игру въ карты; присосѣдился онъ къ этой игрѣ и сталъ замѣчать, что одинъ изъ феррашей сильно плутуетъ; вспыхнулъ онъ, да какъ хватить ферраша кулакомъ въ високъ,

тотъ такъ и остался на мѣстѣ. Плохое дѣло вышло, но всѣ мы родственники да и деревня наша рѣшили выкупить его; я съ караваномъ былъ въ это время въ Рештѣ, понесъ и я свои послѣдніе краны, но не тутъ-то было. Собрали мы тысячу тумановъ; но родственники убитаго ничего и слышать не хотятъ; жестокіе люди захотѣли казни и губернаторъ долженъ былъ казнить. Привели его на площадь со связанными руками, ноги привязали къ тяжелой колодкѣ; подошелъ палачъ, приложилъ съ боку къ шеѣ свой острый короткій ножъ и ударилъ кулакомъ по рукояткѣ ножа; ножъ прошелъ сквозь шею на другую сторону и палачъ рванулъ его отъ себя въ другую сторону. Упалъ несчастный. У меня въ глазахъ потемнѣло... да что я; была тутъ же его родная мать. Бросилась она къ сыну, развязала ему руки, обмакнула эту веревку въ его кровь, повѣсила ее себѣ на шею и пошла съ плачемъ и крикомъ по всему базару, жалуюсь на жестокосердіе родственниковъ убитаго ферраша. Бросилъ я съ тѣхъ поръ Рештскій путь и вотъ хожу по Мазандеранскому.

Тяжело было мнѣ слушать этотъ рассказъ погонщика, а тѣмъ болѣе, что ранѣе, будучи въ Рештѣ, я уже однажды слышалъ рассказъ объ этой казни отъ одного изъ европейцевъ—очевидца. Мой собесѣдникъ-персъ повторилъ почти дословно его рассказъ.

Способъ казни въ Персіи не установленъ, онъ зависитъ отъ произвола палача. Въ Тегеранѣ палачи обыкновенно вкладываютъ казнимому два пальца въ ноздри, поднимаютъ такимъ образомъ вверхъ голову казнимаго и рѣжутъ его, какъ барана. При отрубаніи рукъ, оставшуюся локтевую часть опускаютъ въ кипящее сало для прекращенія кровотеченія. За болѣе мелкіе проступки отрѣзываютъ уши или прибиваютъ уши гвоздями къ любому дереву на площади. Такому наказан-

нію при мнѣ въ Тегеранѣ были подвергнуты хлѣбопеки, учинившіе стачку для повышенія цѣнъ на хлѣбъ. Приходится однако пожалѣть, что господа члены всякихъ европейскихъ синдикатовъ не проживаютъ въ Персиі.

Нашъ караванъ беретъ направленіе на сѣверо-востокъ; на лѣвой рукѣ за нами остается небольшое озеро, правѣе—идетъ дорога или скорѣе тропа среди двухъ высокихъ стѣнъ папоротника, тростниковъ и другихъ растений. Караванъ тонетъ среди этого моря зелени, и только изрѣдка то тамъ, то здѣсь вынырнетъ бѣлая папаха или англійская каска наѣздника. День знойный, хотя по здѣшнему онъ считается прохладнымъ; настоящій зной здѣсь царитъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, начиная со середины мая. Осенніе и зимніе мѣсяцы считаются сухимъ и безлихорадочнымъ временемъ года. Мазандеранскій берегъ вообще зимы не знаетъ, и если въ концѣ декабря или января случится легкій морозецъ, то онъ производитъ страшное бѣдствіе среди садовладѣльцевъ: мандарины, померанцы, апельсины и лимоны частью погибаютъ, частью теряютъ половину своихъ вѣтокъ, которыя помоложе. Зима, и довольно продолжительная, существуетъ только въ горахъ и то выше, въ царствѣ сосновыхъ лѣсовъ и дальше на обнаженныхъ вершинахъ Эльбурскаго хребта.

Раннею весною, когда въ горахъ начинается таяніе снѣговъ, Мазандеранскій берегъ чуть ли не весь подъ водою. Наводненія здѣсь принимаютъ очень обширный и грозный характеръ. Всѣ дороги и тропинки превращаются въ непроходимыя болота и на время приостанавливается вьючное движеніе. Бѣгущія съ горъ быстрыя весеннія воды наносятъ на прибрежную полосу массу ила, дѣлаютъ землю необыкновенно тучною, но зато даютъ и очень сильныя лихорадки, преимущественно лѣтомъ въ іюньскіе и іюльскіе жары.

Этою тучностью почвы и объясняется произрастаніе такихъ густыхъ и высокихъ папоротниковъ, что среди нихъ совершенно не видно человѣка верхомъ на лошади. Когда въ зимніе мѣсяцы снѣга въ горахъ опускаются ниже, тигры и барсы спускаются съ горъ и поселяются внизу въ камышахъ и папоротникахъ. Прошлогодніе папоротники гніютъ и замѣняются новыми, и такимъ образомъ получаютъ цѣлая наслоенія влажной, рыхлой, не вполнѣ прогнившей почвы, что главнымъ образомъ способствуетъ усиленію лихорадокъ. Владѣльцы дачъ въ окрестностяхъ Багума дошли опытомъ до сознанія того, что папоротникъ—распространитель лихорадки, и ведутъ съ нимъ очень сильную и успѣшную борьбу. Опытъ показалъ, что на дачахъ, гдѣ совершенно истребленъ папоротникъ, лихорадокъ совсѣмъ не бываетъ. Мазандеранскіе папоротники и камыши служатъ любимымъ пребываніемъ дикихъ свиней и тигровъ: послѣдніе никогда не прочь полакомиться свинымъ мясомъ. Дикія свиньи Мазандеранскаго берега—настоящій бичъ всѣхъ огородовъ. Какимъ бы рвомъ вы ни окопали вашъ огородъ и какимъ бы плетнемъ вы его не огородили, дикія свиньи непременно ползутъ туда и произведутъ опустошеніе. Всѣ огороды обыкновенно помѣщаются возлѣ домовъ и жилищъ, но это ничуть не смущаетъ толстокожихъ грабителей: они производятъ свои набѣги ночью, передъ разсвѣтомъ, но зато и достается же имъ, если какая-нибудь изъ нихъ, зазѣвавшись, попадетъ въ руки персовъ, что случается впрочемъ довольно часто. При такой оказіи персъ старается выместить свою злобу вдвойнѣ, и какъ добрый магометанинъ, и какъ пострадавшій отъ злодѣяній животного. Во время моего пребыванія въ Мешедисерѣ персы умудрились поймать двухъ дикихъ свиней, притащили ихъ на городскую площадь и здѣсь предали самой мучительной смерти. Мясо дикой свиньи мазандерскаго

берега не такъ вкусно, какъ мясо тѣхъ, которыя водятся въ нашихъ лѣсахъ; это объясняется обиліемъ болотъ и камышей на мазандеранскомъ берегу и разницей въ пищѣ, которую здѣсь добываютъ себѣ эти животныя.

Однообразіе пути начинается уже немного надоѣдать; въ одномъ мѣстѣ, когда нашъ караванъ нѣсколько выныряетъ изъ папоротниковъ и камышей, мы замѣчаемъ вдали на горизонтѣ большой темно-зеленый оазисъ съ высокою каланчою и бѣлѣющими домиками. «Амуль!» произноситъ обрадовавшийся черводаръ, но до Амуля остается еще добрыхъ десять верстъ, а высоко поднявшееся солнце и нагрѣтая сырая земля производятъ дѣйствіе бани. Весь караванъ тянется вяло, лѣнливо; всѣхъ насъ точно разварило. Каково же здѣсь бываетъ въ іюнѣ и іюлѣ, если въ октябрѣ такая баня?

Не унываетъ только молодой персъ обезьяньего вида, состоящій погонщикомъ у нашего черводара. Всю дорогу отъ Тегерана до Мешедисера онъ прошелъ пѣшкомъ, неустанно напѣвая различныя народныя пѣсни; это былъ настоящій мазандеранецъ по характеру: живой, бойкій и веселый. Въ иныхъ мѣстахъ, когда веселый мотивъ одолѣвалъ его окончательно, парень слегка пускался въ плясъ; но эта страсть къ пѣнію не всегда проходила для него благополучно; случалось не разъ, что, увлекаясь пѣніемъ, онъ не замѣчалъ, какъ та или другая лошадь отставала отъ каравана, уходила въ лѣсъ или исчезала въ папоротникахъ. Замѣтивъ такой безпорядокъ, черводаръ молча подкрадывался къ пѣвцу, и зачастую, посреди самой интересной рулады, длинная гибкая хворостина черводара со свистомъ прилипала къ спинѣ зазѣвавшагося артиста. Ошеломленный, онъ бросался изъ стороны въ сторону, при чемъ черводаръ, пользуясь его замѣшательствомъ, принимался отдѣлывать его, какъ го-

ворится, подъ орѣхъ. Исторія всегда оканчивалась тѣмъ, что я налеталъ на не въ мѣру расходившееся начальство и прекращалъ столь щекотливое административное взысканіе. Полчаса спустя, нѣшъ пѣвецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять затягивалъ новую пѣсню, правда, нѣсколько болѣе умѣреннаго темпа...

Проживая въ Тегеранѣ и странствуя по персидскимъ дорогамъ, я много разъ слышалъ персидскихъ пѣвцовъ; всѣ они пѣвцы народные — тамъ ни оперы, ни «Прекрасной Елены» не знаютъ; не знаютъ также пошлой сентиментально-распутной фабричной пѣсни.

Если въ персидскихъ народныхъ пѣсняхъ и попадаются циничныя мѣста, то цинизмъ этотъ носить первобытный элементарный характеръ. Необходимо замѣтить, что персы въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ крайне циничны; они не менѣе грубы и циничны въ своихъ шуткахъ и разсказахъ о женщинахъ, при чемъ эти черты составляютъ принадлежность всѣхъ классовъ населенія безъ исключенія.

Привожу въ дословномъ переводѣ нѣсколько персидскихъ пѣсенъ.

Гдѣ моя милая и дорогая подруга.
 Я ишу тебя по горамъ, до доламъ.
 Дай наглядѣться на тебя лишь одинъ только разъ,
 Покорми меня твоею грудью.
 Прижмемся другъ къ другу ближе,
 Сольемъ наши сердца и наши дыханія;
 Вѣдь отъ насъ все равно ничего не останется въ жизни.

Одна пѣсня начинается слѣдующими словами: «Лучшая чаша для питья, это пупокъ любимой женщины». Затѣмъ далѣе идутъ такія сравненія, отъ которыхъ уши вянутъ. Каждый народъ имѣетъ свои скабрёзныя пѣсни, но онѣ такъ и считаются неприличными и распѣваются гдѣ-нибудь въ сторонѣ, при закрытыхъ дверяхъ и то подгулявшей компаніей; но приведенныя здѣсь пѣсни распѣваются персами повсюду громогла-

сно, безъ малѣйшихъ стѣсненій, въ качествѣ очень милыхъ романсовъ. Меня очень поразили между прочимъ чисто народныя пѣсни, слышанныя мною изъ устъ народнаго пѣвца, нѣчто въ родѣ нашего мало-россійскаго бандуриста. Пѣсни эти проникнуты довольно глубокимъ юморомъ и скептическимъ отношеніемъ къ магометанской религіи. Между многими другими пѣснями пѣвецъ пѣлъ слѣдующее:

* *
*

«Создавая насъ, о Аллахъ, ты впередъ зналъ, что мы согрѣшимъ,
Такъ зачѣмъ же теперъ Ты пугаешь насъ адомъ.
Не великодушно и недостойно Тебя, если Ты
Не простишь намъ наши прегрѣшенія».
«Если Ты, о Аллахъ, считаешь Себя всемогущимъ,
А въ насъ видишь лишь твоихъ покорныхъ рабовъ,
И если Ты даешь намъ рай лишь за наше поклоненіе,
Тогда довольствуйся этимъ поклоненіемъ
И не запугивай насъ адомъ».

* *
*

«Твои муллы, о Аллахъ, запугиваютъ насъ тѣмъ,
что всѣ мы попадемъ въ адъ; но развѣ кто-либо изъ
смертныхъ знаетъ, гдѣ именно будетъ мѣсто суди-
лица. Я пораженъ и изумленъ поученіями духовен-
ства—вѣдь они, о Аллахъ, изображаютъ Тебя въ видѣ
палача, производящаго казни на площади. Я смѣюсь
надъ ними, такъ какъ я увѣренъ, что тамъ, гдѣ Ты,
тамъ нѣтъ мѣста казнямъ; тамъ, гдѣ Ты пребываешь,
тамъ твоя любовь и милосердіе все покрываютъ. Но
если Тебя нѣтъ (если Ты не существуешь) тогда, ко-
нечно, ничего нѣтъ, и мнѣ тогда совѣмъ нечего бояться.

* *
*

«Когда наступитъ страшный судъ, я буду жало-
ваться, о Аллахъ, что Ты отдалъ нашъ земной шаръ

въ руки тирановъ и ростовщиковъ: что Ты будешь
искать съ насъ—вѣдь мы явимся къ Тебѣ нагими.

* *
*

«Будемъ мы съ тобою, подобно Адаму и Евѣ, и найдемъ рай на землѣ; что мнѣ скрывать, вѣдь Аллахъ создалъ насъ другъ для друга, и вѣрь мнѣ, что мы съ тобой здѣсь на землѣ только гости и не знаемъ часа, когда добрый хозяинъ отзоветъ насъ. (У персовъ хозяинъ дома даетъ гостю разрѣшеніе удалиться). Мы, о Аллахъ только въ гостяхъ у Тебя, Ты пригласилъ насъ сюда, и наша судьба въ твоихъ рукахъ. За твоимъ обширнымъ столомъ, Ты можешь прекрасно накормить насъ, но можешь и отравить. Но другого хозяина мы не можемъ найти и должны покориться тому, который уже существуетъ. Не сознаемъ мы, что мы гости и хозяина не видимъ, но видимъ, что часто бываетъ онъ нашимъ палачомъ, и, несмотря на его тиранію, мы все же поклоняемся Ему, и хотя Онъ даже избиваетъ нашихъ родителей, мы все же приближаемся къ нему.

* *
*

Въ числѣ другихъ пѣсенъ мнѣ удалось записать нѣсколько образцовъ элегій:

«Скажи мнѣ, утренній вѣтерокъ, гдѣ поживаетъ моя бывшая подруга? Тебѣ только я могу пожаловаться на ея жестокость; ты пролетаешь надъ нею, увидишь ее. Ты только одинъ поймешь меня; кому же другому я могу пожаловаться. Господу Богу; но если Онъ ее накажетъ за ея тиранію, то это будетъ и моя смерть. О луна, о звѣзды, къ вамъ я обращаюсь за сочувствіемъ, котораго я не нахожу среди людей. Но если я моимъ человѣческимъ чувствомъ не могъ снискать ея любви, то вы, ангелы, протяните мнѣ руку помощи.

«Какое мнѣ дѣло до пальмъ, цвѣтовъ и красотъ

природы, когда моя красавица измѣнила мнѣ. Брошу я всю красоту природы, удалось въ пески пустыни и стану добычею дикихъ звѣрей. Да послужить это ей вѣчнымъ укоромъ въ томъ, что она загубила жизнь мнѣ, ни въ чемъ неповинному. Она со слезами на глазахъ увѣряла меня въ своей любви. Скажи она мнѣ раньше (о своемъ нерасположеніи ко мнѣ), я посмотрѣлъ бы на мою жизнь, какъ на подарокъ, недостойный такой красавицы: остается мнѣ утѣшать свое сердце тѣмъ, что стану я сидѣть и умру на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сиживала ты. Остаюсь безъ тебя, но вѣкъ буду помнить твои кудри. Ужъ лучше на мою долю выпало бы счастье стоять у твоихъ дверей и иногда любоваться тобою».

Что касается самого способа пѣнія, то онъ крайне своеобразенъ. Уху европейца приходится долго свыкаться, пока онъ найдетъ ритмъ мелодіи. Персидское пѣніе и музыка въ общемъ крайне бѣдны, элементарны и, если возможно такъ выразиться, полудикія. Попадаютъ красивыя мелодіи въ молитвенныхъ пѣсняхъ. Но къ какому бы разряду ни принадлежали мотивы пѣсни, повсюду чувствуется тоскливый просторъ горной пустыни.

Что касается плясовыхъ мотивовъ, то ихъ существуетъ только два-три, да и тѣ крайне однообразны.

Возвращаюсь къ описанію нашего пути.

XXIV.

А м у л ь.

Весь Мазандеранскій берегъ прорѣзанъ по направленію съ юга на сѣверъ множествомъ быстрыхъ и мутныхъ рѣкъ, ихъ притоковъ, рѣченоекъ и ручьевъ, берущихъ начало въ Эльбурсскомъ и Талишскомъ горныхъ хребтахъ. По дорогѣ постоянно приходится то переходить вбродъ рѣчки поменьше, то проходить по безобразнымъ полуразрушеннымъ персидскимъ мостамъ безъ перилъ, съ постоянною опасностью за цѣлость собственной шеи и лошадиныхъ ногъ.

По той сторонѣ Амуля (онъ неправильно названъ на картахъ Амоль—персы произносятъ это названіе—Амуль) мостъ на Хераспеѣ получше: здѣсь когда-то хозяйничалъ очень умный персъ Хаджи-Магометъ-Хасанъ (умершій въ прошломъ году), бывшій арендаторъ монетнаго двора въ Тегеранѣ (въ Персіи даже монетный дворъ въ арендѣ), нажившій громадное состояніе и желавшій создать горнопромышленныя предпріятія и желѣзную дорогу на Мазандеранскомъ берегу. Его мечтамъ, несмотря на сдѣланныя имъ громадныя затраты, не суждено было осуществиться по причинамъ, которыя будутъ ниже указаны мною.

Издали Амуль очень напоминаетъ собою маленькій уѣздный городишко въ Малороссіи: тѣ же разбросанные

въ безпорядкѣ бѣленькіе домики, крытыя гонтами или соломою; невысокая каменная каланча съ деревянною почернѣвшею будкою на верху: вѣроятно, здѣсь она замѣняетъ минаретъ; та же большая улица посреди мѣстечка, составляющая главный центръ его торговой жизни. Одного только недостаетъ для вящаго сходства—это чинно расхаживающихъ по улицамъ града свиней. Но зато два-три видѣнныхъ мною полицейскихъ чина—двѣ капли воды полицейскіе маленькаго уѣзднаго малороссійскаго города: та же неуклюжесть въ движеніяхъ, тѣ же мѣшковатыя четырехгранныя фигуры, сине-богровые, величиною въ хорошую грушу, носы и большіе усища. Любого изъ нихъ пересадите въ какой-нибудь Миргородъ и получится только равница въ формѣ разговорной рѣчи. За сходство же содержанія ея можно поручиться впередъ: рюмка водки, селедка и соленый огурецъ будутъ всегда основной темой всѣхъ административныхъ соображеній и разговоровъ: разницу можетъ составить только колбаса, строжайше воспрещенная кораномъ. Такое отношеніе Магомета къ колбасѣ можетъ, конечно, возмутить всякаго порядочнаго малоросса, по выраженію котораго: «если бы колбаса имѣла крылья, то это была бы самая красивая птица въ мірѣ», но въ утѣшеніе малороссамъ я могу выразить увѣренность въ томъ, что родись только Магометъ въ Миргородѣ, онъ никогда не сочинилъ бы такой ереси.

По типамъ населенія, его образу жизни и по характеру построекъ, Мазандеранскій берегъ скорѣе напоминаетъ собою южную Европу, чѣмъ Азію. Мазандеранъ—это въ своемъ родѣ Азіятская Италія, даже и вулканъ налицо, правда, потухшій, а можетъ быть только дремлющій, но куда болѣе грандіозный, чѣмъ Везувій. Жители сосѣднихъ съ Демавендомъ деревушекъ увѣряютъ, что поближе къ снѣговой шапкѣ, приблизительно на пятнадцати-шестнадцати тысячахъ

футь, изъ многихъ трещинъ вулкана постоянно выдѣляются горячія сѣрнистыя испаренія. Что Демавендъ не совсѣмъ потухъ, объ этомъ говоритъ цѣлая масса горячихъ ключей съ очень высокой температурой на склонахъ и у подошвы этого гиганта.

Свое жилище мазандеранецъ окружаетъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядятъ большія фиговья и гранатовыя деревья, а также масса деревьевъ лимонныхъ, мандариновыхъ и померанцевыхъ. Въ деревьяхъ плетни не выше тѣхъ, какіе строятъ въ Малороссіи, и каждая хижина имѣетъ свою мазанку, т.-е. небольшой выступъ во всю длину хижины, тщательно вымазанный глиною и замѣняющій собою скамейку. Хижина мазандеранца раздѣлена на двѣ части съ отдѣльными входами: одна почище, вся въ коврикахъ и циновкахъ; другая — жилая, гдѣ помѣщается тоже и кухня, хотя все лѣтнее время, а оно длится здѣсь болѣе девяти мѣсяцевъ, варка пищи происходитъ въ саду или во дворѣ.

Въ Амулѣ мы попадаемъ на вокзалъ. Можно смѣло утверждать, что это единственный въ мірѣ вокзалъ, отъ котораго никуда не поѣдешь по желѣзной дорогѣ. Когда-то давно была здѣсь и желѣзная дорога, по которой тоже никто никуда не ѣздилъ, это были попытки и потуги, разрѣшившіяся исключительно только добрыми желаніями и тратою денегъ.

Вокзалъ отдается въ наше распоряженіе, и мы впервые за всю дорогу располагаемся съ нѣкоторымъ удобствомъ. Вокзалъ двухъ-этажный, построенный изъ краснаго кирпича, и хотя по наружному виду похожъ на европейское зданіе, внутри вся постройка носитъ чистое азіатскій характеръ; та же масса отдѣльныхъ клѣтушекъ въ видѣ фонариковъ съ безчисленнымъ количествомъ оконъ и дверей, досчатые просвѣчивающіе полы, отсутствіе на стѣнахъ штукатурки — вездѣ грязь, пыль и запустѣніе. Внутри зданія два малень-

кихъ дворика на подобіе коробокъ, заросшіе высокою травою; два-три апельсинныхъ дерева сиротливо торчатъ у высохшаго бассейна.

Пока мы оглядываемъ наше новое помѣщеніе, догадливые персы успѣли уже сбѣгать на базаръ, купили половину жирнаго барана, и во дворѣ вокзала чувствуется запахъ жаренаго кебаба, довольно противный послѣ хорошаго обѣда и пріятно шекочущій обоняніе послѣ восьмичасового непрерывнаго перехода, какимъ былъ сегодняшній. Нашъ громадный историческій самоваръ, какъ мы его называемъ, уже подаетъ признаки жизни. Самоваръ этотъ раздѣленъ перегородкою такъ, что одна часть его служитъ для кипятку, употребляемаго къ чаю, а въ другой можно варить пищу; онъ побывалъ уже въ столькихъ и, большею частью, трудныхъ экспедиціяхъ, что получилъ названіе историческаго; въ числѣ прочихъ качествъ онъ обладаетъ способностью расчленяться на составныя части, а собранный закипаетъ въ пять минутъ»; «на него довольно только ласково взглянуть», говоритъ нашъ горецъ, «и онъ уже готовъ».

Мы прибыли въ Амуль около пяти часовъ; до вечера осталось довольно времени, чтобы оглядѣться кругомъ. Городъ расположенъ у рѣки Хераспей, версть за сорокъ отъ ея впаденія въ Каспійское море. Самъ собою городъ не представляетъ никакого значенія въ торговомъ, промышленномъ или даже административномъ смыслѣ; въ сущности это небольшой центръ мелкой торговли, снабжающій обыденнымъ товаромъ жителей окрестныхъ деревень и хуторовъ. Амуль не можетъ считаться также складочнымъ пунктомъ—мѣсто складочнаго пункта занимаетъ городъ Барефрушъ, находящійся по дорогѣ къ Мешедисеру въ 35 верстахъ отъ Амуля.

Въ общемъ Амуль, какъ и многіе изъ нашихъ мелкихъ городишекъ, съ трудомъ могъ бы дать отвѣтъ

на вопросъ, зачѣмъ онъ существуетъ. Для Амуля когда-то занималась заря, но онъ «не расцвѣлъ, и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней». Дѣло въ томъ, что Гаджи-Магометъ-Хассанъ-Эминъ-Даръ-Эльзарбъ, какъ величали покойнаго, затѣялъ было громадное промышленное дѣло, которое могло бы перевернуть вверхъ дномъ весь Мазандеранскій берегъ и создать изъ Амуля и его окрестностей самый богатый, бойкій и торговый уголь во всей Персіи. Хаджи-Магометъ-Хассанъ зналъ, что съ незапамятныхъ временъ жители селенія Наиджъ, лежащаго у подножія горъ, нѣсколько южнѣе Амуля, верстахъ въ тридцати отъ послѣдняго, занимаются плавленіемъ чугуна и выдѣлкою желѣза изъ рудъ, добываемыхъ на мѣстѣ. Кромѣ желѣзной руды наиджцы пользовались углемъ, выжигаемымъ въ лѣсахъ, а также и каменнымъ углемъ, который они находили въ видѣ небольшихъ пластовъ на склонахъ горъ, обращенныхъ къ Каспійскому морю. Исполонъ вѣковъ персидское правительство дѣлало заказы наиджцамъ на производство чугунныхъ артиллерійскихъ снарядовъ для своей крайне немногочисленной артиллеріи. Какова была эта артиллерія, можно судить по тому, что нѣсколько простыхъ горновъ въ Наиджѣ удовлетворяли ея нуждамъ.

Взвѣсивъ всѣ эти данныя, Хаджи-Магометъ-Хассанъ рѣшилъ, что разъ имѣется налицо каменный уголь и желѣзная руда, то отчего бы не быть здѣсь большому чугуноплавильному заводу. Не говоря уже о томъ, что Персія все свое желѣзо получаетъ изъ другихъ государствъ, мазандеранское желѣзо могло бы имѣть всегда готовый и превосходный рынокъ въ Баку и на всемъ Кавказѣ, который, кстати сказать, не имѣетъ ни одного чугуноплавильнаго завода.

Такъ какъ вьючный подвозъ къ морю выплавленнаго въ окрестностяхъ Наиджа чугуна и выдѣланнаго въ большихъ количествахъ желѣза стоилъ бы очень

дорого, то Хаджи-Магометъ-Хассанъ построилъ конно-жельзную дорогу отъ с. Наиджъ до Амуля и затѣмъ началъ постройку нормальной жельзной колеи отъ Амуля до деревни Махмудъ-Аббадъ, которая лежитъ у Каспійскаго моря при устьѣ небольшой горной рѣчки и составляетъ собственность Хаджи-Магометъ-Хассана. Но оказалось, что Махмудъ-Аббадъ негоденъ не только для устройства въ немъ порта, но даже и сносной пристани. Несмотря на всѣ неудобства стоянки судовъ у Мешедисера, гдѣ пароходамъ приходится останавливаться въ пяти верстахъ отъ берега, а въ бурную погоду проходить мимо, все же конкуренція Махмудъ-Аббада съ Мешедисеромъ оказалась невысказанной.

Была сдѣлана и другая крупная ошибка въ смыслѣ избранія главныхъ пунктовъ, черезъ которые должна была пройти устраиваемая жельзная дорога. Ни Наиджъ, ни Амуль, а тѣмъ болѣе Махмудъ-Аббадъ, не представляютъ собою ни торговыхъ, ни складочныхъ центровъ; равнымъ образомъ, они не могутъ дать дорогѣ и передаточнаго пассажирскаго движенія, слѣдовательно, кромѣ продуктовъ собственнаго горнаго производства, дорога эта не могла имѣть достаточнаго количества другихъ грузовъ. Все это обнаружилось лишь тогда, когда жельзная дорога и небольшой вокзалъ были уже готовы вчернѣ.

Пришлось бросить всю затѣю, и вотъ почему въ настоящее время осиротѣлый молчаливый вокзалъ въ Амуль могъ сослужить намъ службу лишь въ видѣ своеобразной гостиницы.

Въ нашемъ караванѣ былъ персъ, повѣренный Хаджи-Магометъ-Хассана, направлявшійся вмѣстѣ съ нами въ Мешедисеръ. Персъ этотъ еще до постройки дороги былъ посланъ Хаджи-Магометъ-Хассаномъ на годъ въ Бельгію для обученія на лучшихъ фабрикахъ умѣнью обходиться съ паровыми машинами. По возвращеніи въ Персію онъ былъ правою рукою у своего

хозяина по всѣмъ его затѣямъ; по его плану и подъ его руководствомъ и личнымъ наблюденіямъ строился и Амульскій вокзалъ. Нынѣ бывший строитель глядѣлъ на свое дѣтище съ грустью во взорѣ, вздыхалъ и покачивалъ головою. Между тѣмъ достаточно было провести линію желѣзной дороги отъ Амуля на Барефрушъ и Мешедисеръ, какъ такая линія получила бы достаточно груза и могла бы работать съ изрядною прибылью. Дѣло въ томъ, что Барефрушъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для хлопка, получаемого почти со всѣхъ плантацій Мазандеранскаго берега.

Съ позапрошлаго года здѣсь работаютъ два хлопкоочистительныхъ завода. Изъ Амуля и Барефруша въ теченіе года доставляется въ Мешедисерскій портъ не менѣ двухсотъ тысячъ кипъ хлопка, что составить, считая кипу среднимъ числомъ въ пять съ половиною пудовъ, миллионъ сто тысячъ пудовъ. Кромѣ того, сюда же проходитъ рисъ въ количествѣ около миллиона пудовъ, небольшое количество, около ста тысячъ пудовъ, канаффы (персидская конопля) и столько же всякихъ мелкихъ грузовъ. Та же дорога можетъ имѣть не меньшее количество обратныхъ грузовъ.

Въ настоящее время провозъ кипы хлопка отъ Барефруша до Мешедисера обходится въ два крана (около 40 коп. на наши деньги), въ зимнее время, т. е. во время распутицы, цѣна удваивается; между тѣмъ все разстояніе отъ Барефруша до Мешедисера составляетъ 21 версту. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ, что если бы желѣзная дорога назначила фрахтъ вполонину того, во что обходится нынѣ выючная перевозка, то одна только перевозка хлопка, лѣсныхъ матеріаловъ и риса, дала бы, считая обратные грузы и пассажировъ, валовой доходъ въ 350 тысячъ руб., т. е. около 17 тысячъ на версту. При разумной постройкѣ линіи, принимая во вниманіе совершенно ров-

ную мѣстность, по которой она должна пройти, а также необыкновенную дешевизну рабочихъ рукъ, стоимость версты съ подвижнымъ составомъ обойдется не болѣе 30 тысячъ руб. Часть желѣзной дороги отъ Барефруша до Амуля (разстояніе въ 35 верстѣ) питалась бы главнымъ образомъ грузами, представляющими продукты производительности чугуноплавильныхъ заводовъ каменнымъ углѣмъ, а также грузами по эксплуатаціи мазандеранскихъ лѣсовъ. Кромѣ того, проведеніе желѣзной дороги значительно усилило бы посѣвы хлопка, риса и канаффы въ мѣстностяхъ, по которымъ прошла бы линія. Постройка желѣзнодорожной линіи значительно увеличила бы цѣнность и культуру земли. Климатъ и почва Мазандеранскаго берега даютъ возможность дважды въ году собирать картофель, бобы и многіе другіе овощи; одинъ сборъ бываетъ въ іюнѣ, другой въ сентябрѣ и октябрѣ.

Населеніе горныхъ деревушекъ очень рѣдко культивируетъ овощи. У подошвы горъ имѣются селенія, которыя вовсе не знаютъ употребленія картофеля. Въ общемъ, населеніе мелкихъ горныхъ деревушекъ очень дико; никто, напримѣръ, изъ нихъ никогда въ жизни не былъ еще въ Мешедисерѣ и вообще не видѣлъ моря, хотя все разстояніе до берега 50—60 верстѣ. Появленіе европейца производитъ среди этихъ дикарей полное замѣшательство, такъ какъ никто изъ нихъ никогда еще не видывалъ ференги. Въ началѣ дикари эти встрѣчаютъ незнакомца довольно враждебно, но звонъ серебряныхъ двукранниковъ, которыми ференги распоряжаются довольно свободно, немедленно смягчаетъ души обитателей этихъ медвѣжьихъ угловъ, и первоначальное враждебное отношеніе смѣняется готовностью съ ихъ стороны не только служить, но и выслуживаться. Мужское населеніе здѣсь малорослое и слабосильное, женщины, напротивъ, высокаго роста, крѣпки и красивы. Н. Н. Курмаковъ привезъ съ собою

въ Мешедисеръ чуть ли не десятокъ такихъ субъектовъ; нѣкоторые изъ нихъ были больны лихорадкой. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, съ какимъ любопытствомъ они глядѣли на море и осматривали большія лодки. Появившійся у Мешедисера небольшой грузовой пароходъ былъ для нихъ предметомъ большого изумленія.

Нашъ ночлеги въ Амуль, во всякомъ случаѣ, былъ первымъ сравнительно комфортабельнымъ ночлегомъ. Около 6-ти часовъ, когда, сидя на низкомъ деревянномъ диванчикѣ, мы оканчивали нашъ обѣдъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ кабаба (шашлыкъ), вареныхъ яицъ и арбуза, на Амуль стали ползти низкія оловяннаго цвѣта тучи; сорвался вѣтеръ, потемнѣло небо, блеснула молнія и полился дождь. Это былъ первый дождь, видѣнный мною за четырехмѣсячное пребываніе въ Персіи; но здѣсь, на Мазандеранскомъ берегу, онъ не производитъ никакого эффекта—и безъ него было слишкомъ сыро. Причиной дождя былъ холодный сѣверный вѣтеръ, подувшій изъ необъятныхъ русскихъ степей.

На слѣдующій день утромъ наша экспедиція дѣлится на два лагеря; Н. Н. Курмаковъ, съ частью людей остается въ Амуль для осмотра сосѣднихъ горныхъ кряжей, а я направляюсь въ Мешедисеръ, куда Н. Н. долженъ прибыть по окончаніи своей экскурсіи.

XXV.

Изъ Амуля въ Барефрушъ.

Въ 9 часовъ утра я расстаюсь съ Н. Н. и направляюсь съ караваномъ въ Барефрушъ. Переходъ сравнительно небольшой въ 35 верстъ, но лошади изрядно устали послѣ пятидневнаго непрерывнаго пути; устали и люди, весь караванъ плетется вяло. Выпавшій наканунѣ сильный дождь образовалъ во многихъ мѣстахъ сильную грязь; горныя рѣки вздулись, стали еще мутнѣе, и Хераспей приобрѣлъ видъ грандіозной рѣки съ такимъ сильнымъ теченіемъ, что, глядя съ очень высокаго персидскаго моста внизъ, получаешь минутное легкое головокруженіе: Мостъ черезъ Хераспей у Амуля очень длинный, страшно высокій, узкій и почти безъ перилъ. За мостомъ дорога опять потянулася среди камышей, папоротниковъ и особаго вида высокой болотной травы. Разорванныя тучи—слѣды вчерашняго дожда, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ, въ безпорядкѣ несутся по небу. Это нашъ русскій осенній вѣтеръ; онъ вышелъ изъ необъятныхъ степей Россіи, промчался по Каспійскому морю, охладилъ и сгустилъ его пары и погналъ ихъ на Мазандеранскій берегъ, гдѣ они и разрѣшились дождемъ; онъ погонитъ ихъ и дальше, переброситъ черезъ первый Талипскій горный хребетъ, перенесетъ часть влаги и черезъ первую

Эльбурсскую цѣпь, но достанется ли что-нибудь на долю второй цѣпи и Иранскаго плоскогорія, трудно предположить: тамъ воздухъ еще слишкомъ нагрѣтъ, и набѣжавшія тучи, по обыкновенію, растаютъ въ немъ безслѣдно.

Но вчерашняя гроза, хотя испортившая мѣстами и безъ того плохую дорогу, сегодня намъ на руку: большія стада маленькихъ тучекъ поднялись высоко и, гонимыя подоблачнымъ вѣтромъ, даютъ перемежающуюся тѣнь; въ воздухѣ чувствуется прохлада, и легкій вѣтеръ освѣжаетъ всѣхъ насъ, давно изнывшихъ въ сѣдлѣ.

Кругомъ картина восхитительная: море высокой свѣжей зелени, среди которой шумно бѣгутъ мутные ручьи, въ берегахъ, окаймленныхъ мелкимъ кустарникомъ; на широкомъ горизонтѣ группы раскидистыхъ и въ тоже время высокихъ деревьевъ; мѣстами высокою стѣною подымается персидскій бамбукъ, а на болѣе сухихъ мѣстахъ сплошные кустарники ежевики, покрытые черно-синими сочными ягодами.

Во многихъ мѣстахъ путь представляетъ собою рядъ глубокихъ выбоинъ въ черной липкой землѣ, наполненныхъ дождевою водою. Въ одной изъ такихъ выбоинъ я наблюдалъ цѣлую драму. Обрадовавшаяся возможности поплавать и изловить зазѣвавшагося комара, небольшая лягушка вся распласталась на водѣ, слѣдя внимательно за полетомъ насѣкомыхъ. Въ это время изъ сосѣдней высокой травы стрѣлою скользнула темная тонкая змѣя, и въ одну секунду злополучная лягушка очутилась въ ея широко-раскрытой пасти. Но лягушка оказалась слишкомъ большою, да притомъ змѣя схватила ее поперекъ туловища; началась борьба: испуганная лягушка все норовила нырнуть вглубь, что иногда ей и удавалось, змѣя же старалась вытащить ее изъ выбоины и унести добычу въ траву. Но вотъ въ травѣ опять легкое движеніе, и

вторая такая же змѣя скользнула въ лужу, очевидно, на помощь первой. Вѣроятно, дѣло окончилось плохо для злополучной лягушки; дальнѣйшихъ перипетій этой трагедіи я не могъ наблюдать, опасаясь надолго задержать караванъ.

Чѣмъ ближе къ Барефрушу, тѣмъ мѣстность становится болѣе населенною; то и дѣло по дорогѣ попадаются усадьбы, обведенныя ровомъ съ небольшимъ валомъ, на которомъ растетъ, въ видѣ плетня, гигантскій тростникъ; мѣстами виднѣются цѣлыя деревни, очень напоминающія собою наши малороссійскія. На окраинѣ одной изъ такихъ деревушекъ въ чай-ханѣ мы располагаемся завтракать. Арбузы и дыни, которые намъ предлагаютъ, довольно сносны, но въ шалашѣ хлѣба не достать. Приходится собирать всѣ оставшіяся въ нашемъ запасѣ сухія корки, куски лаваша и т. д. и такимъ образомъ утоляется голодъ. Поворачивая все болѣе и болѣе на юго-востокъ, мы подходимъ къ довольно большой и быстрой рѣкѣ Бабуль, по лѣвому берегу которой направляемся прямо на югъ. Рѣка течетъ по равнинѣ среди моря зелени; оба ея берега опушены очень красивымъ и разнообразнымъ кустарникомъ, который становится все крупнѣе и гуще по мѣрѣ приближенія къ Барефрушу. Почва въ окрестностяхъ Барефруша нѣсколько приподнята, и такой естественный дренажъ вызвалъ къ жизни богатѣйшую растительность. За версту до города подымается едва замѣтный холмъ, покрытый густымъ высокимъ кустарникомъ; ближе рѣка Бабуль, углубившись въ свое ложе, образуетъ очень высокіе, почти отвѣсные берега среди осыпающейся глины. За мостомъ, у самаго города по лѣвой рукѣ виднѣнъ большой оврагъ, весь поросшій вѣковыми чинарами и другими породами чисто субтропической лѣсной растительности; направо громадный заросшій и высыхающій прудъ, во всю длину котораго тянется рядъ полуразрушенныхъ

арокъ—слѣды какого-то древняго моста; дальше за арками зелеными контурами на вечернемъ небѣ вырисовывается темный запущенный садъ, когда-то принадлежавшій одному изъ прежнихъ шаховъ. Мнѣ почти не приходилось встрѣчать болѣе поэтической картины, болѣе красивой по наружному виду и отъ которой вѣяло бы столь тихой ласковой грустью. Этотъ видъ широкой серебряной рѣки, окаймленной двумя очень высокими темно-желтыми берегами, далѣе оврагъ, позолоченный мѣстами косыми лучами заходящаго солнца, дѣлающими листву полупрозрачной, остатки моста, говорящіе вамъ о другихъ лучшихъ временахъ Персіи, и тихія воды заглохшаго соннаго пруда—все это такъ красиво, такъ своеобразно. Въ ста шагахъ вверхъ отъ описываемаго мѣста, на едва замѣтномъ холмѣ, расположенъ Барефрушъ. Семь ли тысячъ жителей въ Барефрушѣ, или цѣлыхъ пятьдесятъ, этого никто не знаетъ, и прежде всего не знаетъ этого персидское правительство и даже самъ Барефрушскій Держиморда. Сей градоправитель знаетъ только болѣе состоятельныхъ гражданъ своего вертограда, коимъ онъ, по мѣрѣ силъ, старается неукоснительно заглядывать въ карманы подъ всяческими предлогами. Городъ весь въ садахъ; преимущественно изобилуютъ померанцевыя и фиговые деревья, хотя всюду попадаетъ много лимонныхъ и мандариновыхъ. Имѣются также чудныя гранаты и сладкіе лимоны; послѣдніе очень пахучи, сладковаты, но въ общемъ не отличаются пріятнымъ вкусомъ. Что касается померанцевъ, то персы употребляютъ ихъ для приготовленія варенья, а также ѣдятъ съ солью. Говорятъ, что если къ гранатовому дереву, приносящему сладкія красныя гранаты, привить апельсинъ, то получаютъ весьма сладкіе, красные внутри и снаружи, апельсины подъ названіемъ корольковъ. Барефрушскіе частные дома и караванъ-сарай чище и опрятнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Персіи;

мечети деревянные, открытыя, населеніе бойкое, живое и, насколько можно судить, менѣе фанатично, чѣмъ въ центральной Персіи.

Въ Барефрушѣ ночевка. Хотя сегодняшній переходъ былъ небольшой—всего въ тридцать пять верстъ, но плохой путь и усталость лошадей не позволили пройти большаго разстоянія. Во всякомъ случаѣ, пріятно лечь спать съ утѣшительною мыслью о томъ, что завтра предстоитъ переходъ только въ двадцать одну версту, а затѣмъ—прощай сѣдло. Признаться, шестидневная верховая ѣзда надоѣла мнѣ до невозможнаго; несмотря на прекрасное арабское сѣдло, все же на шестой день чувствуется сильнѣйшая усталость. Въ Барефрушѣ вечеромъ мой слухъ былъ пріятно пораженъ паровымъ свисткомъ; здѣсь, какъ я сказалъ, работаютъ двахлопкоочистительныхъ завода, одинъ изъ которыхъ принадлежитъ очень крупной и почтениой фирмѣ братьевъ Паньянцъ. Получаемыя ежегодно отъ очистки хлопка сѣмена (до ста тысячъ пудовъ) частью расходуются на топку паровыхъ котловъ, частью продаются персамъ по 3—4 крана за хальваръ, т. е. отъ 60 до 80 коп. за девять пудовъ; случается, что заводъ продаетъ ихъ и дешевле, такъ какъ ограда завода не вмѣщаетъ въ себѣ такого количества отброса. Между тѣмъ изъ хлопкового сѣмени можно добывать превосходное масло, находящее самое разнообразное примѣненіе въ технику, но очевидно, что условія выжимки масла, доставки его въ Мешедисеръ и затѣмъ сбытъ не представляютъ пока достаточно выгодъ для развитія этой отрасли промышленности.

Дивное утро, мягкое, тихое, теплое; кругомъ пахучая, сочная, блестящая зелень померанцевыхъ деревьевъ, среди которыхъ словно притаился чистенькій Барефрушъ. Магометане встаютъ съ разсвѣтомъ, а потому въ шесть часовъ утра весь Барефрушъ уже

на ногахъ; лавки открыты, хлѣбопеки торгуютъ свѣже-испеченымъ теплымъ хлѣбомъ, фруктовики выдвинули цѣлыя батареи арбузовъ, дынь и большихъ красныхъ гранатъ; снуютъ смѣшныя фигуры закрытыхъ персіанокъ; съ крикомъ и гамомъ шныряютъ мальчишки.

— Здравствуй, баринъ, вдругъ раздается сильный пискливый голосъ.

Живой бойкій мальчишка-персъ подбѣгаетъ прямо подъ мою лошадь, вѣжливо снимаетъ свой котелокъ и привѣтствуетъ меня съ улыбкою.

— Здравствуй, мальчикъ, отвѣчаю.—Ты говоришь по-русски?

Мальчуганъ улыбается, хлопаетъ глазами и исчезаетъ въ толпѣ. Черезъ минуту-двѣ повторяется такая же сцена, и пока нашъ караванъ проѣзжаетъ по узкимъ улицамъ Барефруша, я слышу десятки такихъ привѣтствій.

— Это у нихъ мода такая, заявляетъ мнѣ съ улыбкою почтенный, въ зеленомъ халатѣ, персъ, шлепающій туфлями на всю улицу.—У насъ въ Барефрушѣ, продолжаетъ онъ,—миного персы говорятъ по-русски; съ Москва торгуемъ; Москва одинъ годъ, два года живемъ, русски языкъ знаемъ.

— Сколько жителей въ Барефрушѣ?

— Миного... шесть тысячъ... десять тысячъ...

Видя, что статистика хромаетъ, мѣняю тему разговора.

— Какими товарами торгуете съ Москвою?

— Хлопкомъ, сушенымъ сливомъ, сушенымъ фруктомъ, кишмишъ и немножко ковромъ.

— Скажите, на какую сумму приблизительно вывозится товаромъ изъ Барефруша въ Россію?

— Миного... два ста тысячи... триста тысячи... миллионъ... Очень миного... Мешедисеръ Паньянцъ спра-

шивай, онъ хорошо знаетъ; ми нашъ товаръ знаемъ, онъ усе товаръ знаетъ. Прощайте, счастливой дорога, добавляетъ мой собесѣдникъ и. исчезаетъ въ сосѣдней калиткѣ.

Почва между Барефрушемъ и Мешедисеромъ приподнята и, имѣя по уклону естественный дренажъ, сравнительно суше и вполнѣ способна для культуры.

XXVI.

Изъ Барефруша въ Мешедисеръ.

Почти весь нашъ переходъ мы совершаемъ по берегу Бабуля, удаляясь отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣка дѣлаетъ излучину. Мы проходимъ громадными лугами, еще нетронутыми плугомъ, покрытыми ковромъ густой сочной зеленой травы. Какое огромное богатство могла бы составить эта земля въ умѣлыхъ рукахъ и при спокойномъ обеспеченномъ законномъ трудѣ; но здѣсь все это еще не тронуту умѣлою рукою, и такъ и кажется, что почва эта только ждетъ своего трудолюбца. Въдъ эта богатая жирная земля, приносящая ежегодно два сбора, находится въ пятнадцати верстахъ отъ морского берега и портового города.

Чѣмъ ближе къ Мешедисеру, тѣмъ все чаще попадаются деревушки, словно затерявшіяся среди цѣлаго лѣса громадныхъ орѣховыхъ, буковыхъ и чинаровыхъ деревьевъ.

Въ Берефрушѣ мой осетинъ прибрѣлъ для меня цѣлый десятокъ громадныхъ спѣлыхъ гранатъ, кажется не дороже копѣйки за штуку. Въ Персіи гранату ѣдятъ совершенно иначе, чѣмъ у насъ, и по моему, цѣлесообразнѣе. Ее предварительно нажимаютъ со всѣхъ сторонъ, не нарушая цѣлости оболочки,

и когда граната станетъ мягкою, то въ любомъ мѣстѣ дѣлаютъ небольшой проколъ, изъ котораго съ силою брызжетъ струя очень вкуснаго сока. Между моментомъ прокола и прикладываніемъ губъ къ проколотому мѣсту не должно быть ни малѣйшаго промежутка, иначе все ваше платье и лицо будутъ залиты гранатовымъ сокомъ. Мазандеранцы заготовляютъ гранатовый сокъ въ бутылкахъ и затѣмъ употребляютъ его въ качествѣ приправы къ различнымъ кушаньямъ. Изъ гранатъ приготавливаютъ тоже нѣчто въ родѣ пюре, которое подается къ жаркому.

Верстахъ въ семи отъ Мешедисера нашъ черводаръ подѣзжаетъ ко мнѣ на своемъ Россинантѣ и, приподнявъ слегка руку къ своему котелку, держитъ слѣдующую рѣчь:

— Вотъ эта деревня, саабъ, черезъ которую мы сейчасъ пройдемъ, моя родина; здѣсь у меня собственный домъ и семья. Окажи мнѣ честь, съѣшь кусокъ хлѣба въ моемъ домѣ.

— Да не уменьшится твоя тѣнь на землѣ, отвѣчаю я гостепримному черводару и охотно соглашаюсь на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому интересно было посмотреть деревенскій бытъ мазандеранца.

Черезъ четверть часа нашъ караванъ гуськомъ вступалъ въ усадьбу черводара черезъ узкія ворота, продѣланныя въ невысокомъ плетнѣ. Плетневая ограда охватываетъ собою небольшой садикъ, гдѣ въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ перемѣшались Фиговыя, гранатовыя, померанцевыя и всякія другія деревья. Далѣе идетъ дворовое мѣсто съ небольшимъ, очень чистенькимъ, выбѣленнымъ известкою, домикомъ на высокомъ фундаментѣ; двое дверей выходятъ на фасадъ, правая ведетъ въ небольшую комнату, очевидно парадную, лѣвая—представляетъ собою женское отдѣленіе съ очагомъ посреди комнаты для варки пищи.

Комната справа, куда меня ввелъ черводаръ, образецъ чистоты и порядка: весь полъ устланъ тонкими цыновками, покрытыми сверху вымытой и выглаженной парусиною; въ окнахъ чистенькія занавѣски, въ углу низенькій шкафъ; съ лѣвой стороны у входа нѣчто въ родѣ стариннаго комода; въ многочисленныхъ нишахъ масса мѣдной и бронзовой посуды, блестящей словно она только-что вышла изъ магазина. Стульевъ и дивановъ, конечно, въ комнатѣ не имѣется.

Усѣвшись на полу, на коврѣ по восточному, оглядываюсь во всѣ стороны и похваляю черводарю его чистенькую и зажиточную обстановку; въ это время появляется хозяйка дома, съ тихимъ восточнымъ привѣтомъ на устахъ; она несетъ громадное круглое блюдо варенаго риса, которое очень ловко поддерживаетъ снизу одной рукой. Черводаръ принимаетъ блюдо и кладетъ его прямо предо мною на коверъ. Черезъ нѣсколько минутъ на такомъ же блюдѣ приносится арбузъ и нѣсколько громадныхъ гранатъ. Мазандеранскія женщины въ деревняхъ сравнительно рѣдко носятъ рубанды; онѣ въ большинствѣ случаевъ, какъ и женщины горныхъ племенъ, довольствуются небольшимъ платочкомъ, наброшеннымъ на голову и едва прикрывающимъ лобъ. Жена нашего черводара, очевидно, тоже не благоволила къ рубандѣ, и я могъ видѣть ея очень милое и симпатичное лицо; коротенькая, вся въ складочкахъ юбка, не могла скрыть ея стройной талии и красивыхъ маленькихъ ногъ. Исподволь, очень несмѣло, въ хижину черводара начинаютъ собираться сосѣди и сосѣдки; присутствіе ференги, очевидно, задѣло ихъ любопытство. У всѣхъ собравшихся здоровый видъ и умныя симпатичныя лица. Являются предметомъ любопытства цѣлой толпы положеніе, пожалуй, не хуже губернаторскаго. Начинаю чувствовать себя необыкновенно глупо. Черводаръ употребляетъ усилія разогнать любопытную пу-

блику, но безъ успѣха; она появляется во дворѣ, торчитъ у плетней и заглядываетъ въ окна.

Черезъ полчаса караванъ трогается въ путь. На прощанье хозяйка дружески жметъ мнѣ руку со всякими добрыми пожеланіями и мило благодаритъ за маленькій подарокъ, который я счелъ долгомъ вручить ей. Нашъ черводаръ и его жена представляли изъ себя очень красивую чету. «Вотъ бѣда, Господь дѣтей не посылаетъ», жаловался онъ, «будь у меня дѣти, веселѣе жилось бы на свѣтѣ».

Все пространство отъ деревни, гдѣ угощалъ меня черводаръ, до Мешедисера занято лугами, на которыхъ мѣстами пасутся стада очень крупнаго рогатаго скота. Рогатый скотъ здѣсь очень рослый, съ горбомъ на спинѣ ближе къ шеѣ, съ красивою блестящею шерстью и громадными рогами. Рассказываютъ, что такое стадо превосходно противостоитъ тиграмъ и барсамъ, которые при попыткахъ поохотиться на этихъ животныхъ, почти всегда уходятъ не солоно хлебавши; поэтому хищники эти предпочитаютъ тащить овецъ или охотиться на дикихъ свиней.

Послѣ часового перехода вступаемъ въ большую лѣсную деревню, проходимъ ее насквозь и останавливаемся въ сотнѣ шаговъ отъ морского берега, который открывается вдругъ, не будучи ранѣе видѣнъ изъ-за частыхъ деревьевъ. Съ лѣвой стороны устье рѣки Бабуль, противоположный берегъ покрытъ густымъ лѣсомъ; съ правой — двухъ-этажное персидское зданіе—таможня, а ближе къ морю громадный караванъ-сарай съ двухъ-этажной пристройкой, гдѣ помѣщается частная квартира Д. А. Пяньянца. Таковъ Мешедисеръ, насчитывающій около двухъ тысячъ жителей, цифра для портоваго города болѣе чѣмъ скромная.

XXVII.

Мешедисеръ.

Въ субботу, въ одиннадцать часовъ утра, ровно черезъ недѣлю послѣ отъѣзда изъ Тегерана, я подъѣхалъ къ гостепріимному дому Д. А. Паньянца и, признаюсь, не безъ удовольствія разстался съ сѣдломъ.

Домъ г. Паньянца — поистинѣ страннопріимный пріютъ для всѣхъ европейцевъ и главнымъ образомъ для русскихъ; другихъ иностранцевъ здѣсь почти не видно. Каждый христіанинъ, попавшій въ Мешедисеръ, находится въ положеніи человѣка, выброшеннаго кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. Во всемъ городишкѣ не имѣется не только гостиницы, но даже какого-нибудь постоялаго двора или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Здѣсь нѣтъ возможности нанять какое-нибудь помѣщеніе, такъ какъ ни одинъ персъ не осмѣлится сдать вамъ въ наемъ часть своего дома; вѣдь вы вашимъ присутствіемъ оскверняете его жилище. Очевидно, страхъ передъ духовенствомъ такъ великъ, что удерживаетъ паству даже отъ заработка. Если бы кто-нибудь и рѣшился на такой поступокъ, то такого послушника муллы немедленно привлекутъ къ духовному суду, посадятъ въ тюрьму подвергнуть пыткамъ и истязаніямъ и оберутъ, какъ липку. Персъ можетъ сдать въ наемъ только весь

свой домъ, безъ мебели и утвари; но въ Мешедисерѣ и это немислимо, такъ какъ каждый домохозяинъ живетъ въ своемъ домѣ и другого такого въ запасъ не имѣетъ. Наконецъ, что вы станете дѣлать въ домѣ безъ мебели, посуды, безъ повара, въ четырехъ голыхъ стѣнахъ, которыя нужны вамъ всего на нѣсколько дней. Изъ этого болѣе чѣмъ печальнаго положенія выручаетъ всѣхъ Д. А. Паньянцъ; онъ даетъ у себя пріютъ каждому христіанину, кого судьба заброситъ въ Мешедисеръ. Д. А. Паньянцъ и его супруга умѣютъ такъ сердечно отнестись къ каждому, кто вступаетъ въ ихъ гостепріимный домъ, что вскорѣ начинаешь чувствовать себя словно среди близкихъ родныхъ людей; и все это дѣлается отъ души, безкорыстно, и хозяева дома сочли бы для себя большимъ оскорбленіемъ, если бы гость заикнулся даже о какомъ бы то ни было вознагражденіи.

Едва я успѣлъ сойти съ сѣдла, какъ мой осетинъ докладываетъ мнѣ, что таможня не пропускаетъ черезъ свою рогатку нашихъ навьюченныхъ лошадей. Въ Персіи, на удивленіе всему міру, существуетъ пошлина на всѣ вывозимые товары, и въ то время, какъ всѣ европейскія государства стараются облегчить вывозъ своихъ товаровъ и даже выдаютъ премію за экспортъ нѣкоторыхъ продуктовъ, несчастная Персія употребляетъ всѣ усилія въ обратномъ смыслѣ. Мало того, Персія сохранила еще въ первобытномъ видѣ цѣлую систему внутреннихъ пошлинъ, сборовъ и налоговъ на товары — ни дать, ни взять до-петровская Россія.

Благодаря вмѣшательству г. Паньянца, наши выюки были пропущены подъ условіемъ, что ихъ досмотрятъ въ караванъ-сараѣ, въ дѣйствительности въ комнатѣ, отведенной для прислуги.

Едвали возможно назвать преувеличеніемъ, если я скажу, что послѣ такой дороги приходится поло-

жительно выстирать себя; операцію эту я желалъ было совершить въ рѣкѣ или въ морѣ, но меня останавливаютъ, заявляя, что купанье осенью вызываетъ лихорадку.

Какое удовольствіе испытываешь, вымывшись и переодѣвшись послѣ семидневнаго перехода и ночлеговъ въ персидскихъ караванъ-сараяхъ.

Два окна отведенной мнѣ чистенькой съ прекрасною кроватью комнаты выходятъ въ маленькій отдѣльный садикъ, съ клумбами цвѣтушихъ розъ, гвоздики и резеды; посреди двора подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ съ ихъ густой, жирной блестящей листвою помѣщается круглый глубокой колодезь кругомъ по забору вьются виноградныя лозы, подымаясь вверхъ и охватываютъ собою галлерею верхняго этажа. У потолка галлерея вся увѣшана дынями, оплетенными цыновкою: въ такомъ видѣ дыни могутъ просуществовать всю зиму.

— Пожалуйте наверхъ пить кофе.

Оглядываюсь, предо мною чистенько одѣтая горничная, уроженка Саратова. Присутствіе этой горничной говоритъ мнѣ о близости Россіи, близости другой культуры, угрожающей грязному разлагающемуся и дикому Востоку.

На открытой галлерей превосходно сервированъ кофе со сливками, печеніями и т. д. Изъ галлерей дверь ведетъ въ гостинную; вездѣ чистота, порядокъ, комфортъ; на каждомъ шагу такъ и сказывается заботливая рука умѣлой хозяйки дома. Въ моей небольшой комнатѣ чисто и уютно; ея дверь выходитъ въ столовую, куда дважды, въ 12 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера, къ завтраку и обѣду, собирается небольшая семья г. Паньянца и всѣ его служащіе. Помѣщеніе конторы и служебная часть дома выходятъ во дворъ караванъ-сарая, который представляетъ изъ себя очень большую площадь, огра-

жденную со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Въ сущности, это громадный складъ для товаровъ, получаемыхъ изъ Россіи и Персіи.

Русскіе товары доставляются пароходами по Каспійскому морю, персидскіе — выюками извнутри страны. Не проходитъ пяти минутъ, чтобы въ обширныхъ воротахъ караванъ-сарая не появлялся все новый и новый караванъ. Случается, что во дворѣ накапливается до сотни навьюченныхъ животныхъ. Черводары вмѣстѣ съ рабочими быстро развьючиваютъ каждый свой караванъ, складываютъ выюки въ опредѣленные мѣста и, получивъ квитанціи, удаляются. Когда на рейдѣ появляется пароходъ, въ караванъ-сарай идетъ двойная работа; необходимо нагрузить пароходъ товарами, полученными изъ Персіи, и принять товары, доставленные пароходомъ и предназначенные для продажи на персидскихъ рынкахъ. Мазандеранскій караванный путь имѣетъ пока для Персіи и Россіи большое коммерческое значеніе, а съ улучшеніемъ дорогъ онъ рѣшительно уничтожитъ значеніе Рештъ-Тегеранскаго пути, главнымъ образомъ потому, что разстояніе Мешедисера отъ Тегерана вдвое короче разстоянія между Тегераномъ и Рештомъ. Въ Мешедисерѣ, маленькомъ персидскомъ городишкѣ на берегу Каспійскаго моря, образовался европейскій муравейникъ, трудолюбивый, энергичный, трезвый и умно ведущій свое дѣло. И рядомъ съ этимъ персидская таможня на откупѣ; еле грамотный мешедисерскій градоправитель и нѣсколько злосчастныхъ мелкихъ чиновниковъ нищихъ, жадныхъ и голодныхъ.

Въ то время, какъ въ конторѣ г. Паньянца и въ караванъ-сарай идетъ неустанная кипучая дѣятельность, начальникъ таможни, правильнѣе повѣренный откупщика и братъ его, только того и глядитъ, чтобы сорвать что-либо лишнее съ привозимыхъ товаровъ; такого же мнѣнія держится мѣстный мешедисерскій

гоголевскій Держиморда и прочая чиновная братія. Всѣ они пообзавелись массою женъ, проводятъ большую часть времени въ эндерунахъ въ бездѣльи и узаконенномъ развратѣ и, только почувявъ добычу, выползаютъ изъ своихъ норъ. Въ Мешедисерѣ тяжело работаетъ лишь бѣдный персидскій людъ—чернорабочіе при нагрузкѣ и разгрузкѣ пароходовъ. Работаютъ они, бѣдные, слабо и неумѣло, а главное, работаютъ безъ увѣренности, что они смогутъ воспользоваться своимъ трудомъ: вѣдь здѣсь каждый ханъ, каждый Держиморда обираетъ слабого, и послѣдній нигдѣ не найдетъ защиты. Результатомъ этой неуѣренности въ завтрашнемъ днѣ и является печальное экономическое положеніе мазандеранскаго берега, который могъ бы производить въ двадцать разъ болѣе всякихъ продуктовъ вообще и хлопка въ особенности, чѣмъ въ настоящее время.

За караванъ-сараемъ, ближе къ морю, находится небольшое зданіе — агентство общества «Кавказъ и Меркурій», одноэтажный новенькій домикъ европейской постройки; за агентствомъ, ближе къ рѣкѣ, деревянные навѣсы и амбары Ліанозовскаго рыбнаго промысла. Всѣ эти зданія, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ центральную торговую часть города, хотя понятіе «городъ» никакъ не вяжется съ представленіемъ о Мешедисерѣ. Мешедисеръ, въ сущности, большая, очень красивая по своему мѣстоположенію деревня. Она раскинулась по обоимъ лѣсистымъ берегамъ рѣки Бабуль, преимуществебно по лѣвому его берегу, гдѣ она доходитъ до широкаго устья рѣки. Правый берегъ Бабуля вплотную до самаго моря покрытъ красивымъ южнымъ лѣсомъ, который выше по рѣкѣ переходитъ въ сады, окружающіе небольшія персидскія усадьбы. Эти усадьбы, разбросанныя по берегу рѣки и едва виднѣющіяся изъ-за громадныхъ деревьевъ и кустовъ, имѣ-

ютъ очень живописный видъ и могли бы годиться для самаго поэтическаго пейзажа. Прибрежная небольшая, сажень въ 50, полоса представляетъ собою песчаное взморье, усыпанное мѣстами красивою мозаичною галькою. Песчаный берегъ, на довольно большомъ разстояніи, влажный вслѣдствіе частыхъ прибоевъ, въ тихую погоду представляетъ лучшее мѣсто для прогулки; идя по такому берегу, вы оставляете за собою только легкіе влажные слѣды. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ выше поднимаются песчаные холмы, густо поросшіе большими кустами ежевики. По всему видно, что въ отдаленныя времена холмы эти были нанесены морскимъ прибоемъ, который теперь уже не достигаетъ этихъ мѣстъ. Полоса кустарниковъ ежевики тянется вдоль берега на очень далекое разстояніе. За этой полосой идетъ обыкновенный кустарникъ, незамѣтно переходящій въ лѣсъ. Кустарники ежевики, покрытые очень вкусными темносиними ягодами, служатъ излюбленнымъ мѣстопробываніемъ фазановъ, которые находятъ защиту среди перепутавшихся вѣтокъ этого страшно-колючаго растенія. Легавая собака ни за какія блага не ползетъ внутрь такого кустарника, а охотникъ тѣмъ паче. Въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Мешедисера за холмами, покрытыми ежевикой, находится небольшое озеро прѣсной воды, наполовину заросшее камышомъ; здѣсь водятся въ изобиліи дикія утки, а камыши полны дикихъ свиней.

«Какъ не умудрись огородить садъ, онѣ все же проберутся и произведутъ опустошенія; это бичъ нашего огородничества и садоводства», жаловался Д. А. Паннынъ. Персы, не употребляя въ пищу свинину, не охотятся на дикихъ свиней, и тѣ разгуливаютъ на просторѣ, между тѣмъ какъ мѣстное населеніе положительно истребляетъ дикихъ утокъ, которыя къ осени прилетаютъ сюда массами изъ Россіи. Персы обыкновенно ловятъ ихъ въ силки, и мнѣ приходилось видѣть

сотни этихъ птицъ, попадавшихъ въ незамысловатыя сѣти ловцовъ. Въ числѣ многихъ способовъ ловли дикихъ утокъ существуетъ здѣсь одинъ крайне комичный. Высмотрѣвъ мѣсто, гдѣ обыкновенно плаваютъ стада дикихъ утокъ, персъ бросаетъ въ воду нѣсколько большихъ пустыхъ тыквъ, съ нарисованными на нихъ глазами, ртомъ и носомъ. Когда утки достаточно привыкнуть къ такому зрѣлищу и совершенно перестаютъ опасаться такихъ плавающихъ физиономій, тогда персъ прорѣзываетъ въ одной изъ плавающихъ тыквъ отверстія для глазъ и рта и, надѣвъ ее на голову, чуть свѣтъ отправляется въ озеро. Погрузившись въ воду по шею, охотникъ медленно приближается къ стаду и начинаетъ таскать утокъ за ноги подъ воду въ заранѣе приготовленный мѣшокъ; безъ малѣйшаго шума и крика утки одна за другою исчезаютъ подъ водою, въ то время какъ плавающая тыква еле передвигается съ мѣста на мѣсто.

Въ сотнѣ шаговъ отъ дома г. Паньянца имѣется старинная полуразрушенная башенка, очевидно, когда то очень давно построенная персами для наблюденія за крейсированіемъ небольшихъ туркменскихъ кочермъ. Съ покореніемъ нами туркменъ, башенка, и безъ того плохая, потеряла всякое значеніе; нынѣ можно было бы подумать, что зайцы условились занимать поочередно почетный караулъ у этого далеко не грозного укрѣпленія: сколько разъ бывало ни подынешься къ башенкѣ, непременно косою тутъ какъ тутъ. Можно съ увѣренностью утверждать, что эта современная грозная стража является прототипомъ прежней персидской, въ смыслѣ храбрости и прекраснаго характера въ ногахъ. Каждый персъ, завидя туркмена за тридевять верстъ, удиралъ не хуже любого зайца; какой-нибудь десятокъ туркменовъ дѣлалъ ночное нападеніе на деревню, уводилъ въ плѣнъ множество мужчинъ и женщинъ, которые являлись затѣмъ на невольничьихъ

Въ усаибѣ на Маванджанскомъ берегу.

рынкахъ и шли въ продажу. Фактъ не подлежащій сомнѣнію, что каждый разъ при взятіи нашими войсками того или другого туркменскаго укрѣпленія мы освобождали изъ плѣна по нѣскольکو тысячъ персовъ, томившихся въ ожиданіи выкупа или уже обращенныхъ въ рабство. И въ настоящее время въ Персіи еще можно встрѣтить много такихъ субъектовъ, освобожденныхъ нашими войсками; эти бѣдняки всегда вспоминаютъ русскихъ съ чувствомъ самой глубокой благодарности; одинъ изъ такихъ освобожденныхъ и понынѣ проживаетъ въ имѣніи моего знакомаго перса. Мазандеранскій берегъ въ свое время сравнительно менѣе другихъ страдалъ отъ туркменскихъ набѣговъ; болѣе всего доставалось сѣверо-восточной части Персіи и главнымъ образомъ окрестностямъ священнаго города Мешедѣ, куда направляются сотни тысячъ паломниковъ. Караваны этихъ набожныхъ людей зачастую попадали совсѣмъ не по назначенію, по преимуществу же молодыя богомолки; онѣ чрезвычайно быстро появлялись на рынкахъ, гдѣ, смотря по красотѣ, нерѣдко цѣна ихъ доходила до тысячи тумановъ (2,000 р.) и болѣе, при чемъ, какъ утверждаютъ, мазандеранки и гилянки цѣнились всегда очель высоко, благодаря хорошему цвѣту лица и вообще бѣлизнѣ кожи. Дѣйствительно, онѣ не такъ смуглы и типичны, какъ женщины средней и южной Персіи; по типу онѣ напоминаютъ скорѣе гречанокъ и итальянокъ. Посѣщая часто нашъ чумный пунктъ въ Мешедисерѣ, я имѣлъ возможность видѣть очень много мазандеранокъ въ качествѣ пациентокъ этого учрежденія. Между прочимъ я долженъ замѣтить, что, несмотря на всю ихъ миловидность, онѣ большія неряхи.

Какъ-то однажды при мнѣ явилась въ чумный баракъ на пріемъ къ доктору персіанка, съ просьбой полечить ее отъ дурного запаха во рту, чѣмъ она будто бы страдаетъ уже второй мѣсяцъ; особа, оче-

видно, изъ состоятельныхъ, въ шелковомъ чадурѣ, такихъ же шальварахъ и очень тонкомъ рубандѣ.

— Видишь ли, хахимъ, мой мужъ изъ-за этого даже по четвергамъ спитъ отдѣльно.

— Покажи, ханумъ, ротъ.

Ханумъ открываетъ рубандѣ, и изъ черной рамки чадурѣ на насъ глянула сорокалѣтняя дама, съ физиономіей заправской вѣдьмы.

Послѣ самаго тщательнаго осмотра докторъ заявляетъ, что никакой болѣзни у нея не имѣется.

— И всѣ это утверждаютъ, объявляетъ пациентка, — одинъ только мужъ говоритъ, противное.

— У нея мужъ молодой, заявляетъ съ улыбкой сосѣдка, которая ждетъ своей очереди;—видно, хочетъ дать ей разводъ или взять другую жену помоложе.

— А знаешь, ханумъ, пожалуй это правда, прозноситъ задумчиво докторъ и подходитъ къ слѣдующей пациенткѣ.

— Задамъ я ему, сыну сожженнаго отца, разводъ; задамъ я ему другую жену, будетъ онъ у меня собачій сынъ помнить, кричитъ сердито пациентка и, какъ стрѣла, вылетаетъ изъ барака.

Подходитъ словоохотливая персіанка; красивое оживленное лицо, совершенно бѣлое, умные, каріе смѣющиеся глаза; ей по виду не болѣе шестнадцати лѣтъ.

— Что болитъ?

— Иншалла, хахимъ, я вполне здорова.

— Такъ зачѣмъ, ханумъ, пришла сюда?

— У меня мать больна, ты дай ей лекарство.

— Я не могу лечить, не осмотрѣвъ больной.

— А ты, хахимъ, все же дай лекарство, ты все знаешь.

— Не могу, милая ханумъ.

Ханумъ начинаетъ описывать болѣзнь своей матери и, между прочимъ, сообщаетъ, что ея мать самая любимая жена, а она самая любимая дочь у ея отца.

— Сколько же у него женъ?

— Шесть, я отъ самой младшей, отъ шестой жены.

— Недурно, замѣчаетъ докторъ,—а все же заочно лекарства не дамъ, пусть ханумъ приведетъ или привезетъ свою мать сюда.

Дѣлать нечего, ханумъ рѣшила, что шестая любимая жена ея отца, т. е. ея мать, завтра будетъ лично у доктора.

Въ числѣ многихъ пациентовъ появился, между прочимъ, мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати, съ помятой челюстью; изъ разспросовъ оказалось, что онъ пасъ стадо овецъ, на которое набросился барсъ. Выхвативъ одну изъ самыхъ крупныхъ, барсъ сталъ тащить ее въ лѣсъ, но, очевидно, овца была очень тяжелая и хищнику не легко было справиться съ добычею. Увидя такой неурядокъ въ своемъ стадѣ, пастушекъ налетѣлъ на барса и давай съ крикомъ колотить его дубиной, что было мочи. Обозленный барсъ, оставивъ овцу въ покоѣ, набросился на ея храброго защитника и схватилъ его зубами за челюсть. Къ счастью, въ это время послышался звонъ колокольчиковъ проходившаго вблизи каравана, и испугавшійся барсъ бросилъ мальчугана и бѣжалъ въ лѣсъ.

При приемѣ больныхъ доктору помогала сестра милосердія г-жа Васильева; она, что называется, работала не покладая рукъ и переносила много невзгодъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе плохого помѣщенія. Сестра Васильева въ одно и то же время исполняла должность фельдшера, аптекаря и даже прислуги, такъ какъ персидская прислуга въ видѣ единственнаго сторожа, онъ же и переводчикъ, не привыкшая ни къ какой службѣ, не умѣла ни за что взяться.

Страдалъ также баракъ отсутствіемъ посуды для выдачи населенію лекарствъ. Чѣмъ это объясняется, я не знаю, но во всякомъ случаѣ центральное управленіе могло бы распорядиться снабженіемъ своего

чумнаго пункта необходимымъ запасомъ бутылочекъ и банокъ. Эту крайне необходимую принадлежность каждаго такого барака можно было бы пересылать изъ Москвы, такъ какъ выписывать что-либо изъ ближайшаго пункта, какимъ является Тифлисъ, нѣтъ возможности. Такъ называемое «Общество торговли аптекарскими товарами» въ Тифлисъ, будучи единственнымъ на Кавказѣ, беретъ за все неслыханныя цѣны. Въ виду этого единственныя двѣ тегеранскія аптеки предпочитаютъ получать аптекарскіе товары изъ-за границы черезъ Бендеръ-Буширъ, между прочимъ даже такія, которыя производятся у насъ въ Россіи и стоятъ очень дешево. Обращаются тегеранскіе аптекари въ Тифлисъ только за болѣе дешевыми средствами. Я лично имѣлъ случай почувствовать цѣну этого милаго «заведенія».

Центральное управленіе бараками спокойно можетъ дѣлать заказы аптекарскихъ товаровъ въ Одессѣ и они обойдутся вдвое дешевле заказовъ, сдѣланныхъ въ Тифлисъ у пресловутаго общества.

Мѣстное населеніе относится къ дѣятельности нашихъ чумныхъ пунктовъ довольно безучастно, и когда сестра Васильева, окончивъ срокъ своего пребыванія, уѣзжала изъ Мешедисера въ Россію, никто изъ мѣстнаго населенія, для котораго сестра такъ много потрудилась, не явился даже проводить ее. Да и трудно ждать проявленія какихъ бы то ни было чувствъ высшаго порядка отъ этого несчастнаго, забитаго, замореннаго и вѣками приниженнаго извѣстнымъ режимомъ населенія. Я не могу утверждать, что все населеніе Персіи лишено такого чувства, какъ благодарность, но во всякомъ случаѣ проявленіе этого чувства большая рѣдкость среди персовъ. Здѣсь все населеніе вѣчно подвергается такому грабежу и насилію, что ему положительно не кого и не за что благодарить; поѣтому неудивительно, что чувство это почти

что атрофировалось въ людяхъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда персъ попадаетъ въ европейскую семью, на примѣръ, въ качествѣ прислуги, и живетъ очень продолжительное время среди другой обстановки, въ немъ исподволь начинаютъ оживать и развиваться чело-вѣческія чувства. Персы-мужчины имѣютъ болѣе слу-чаевъ попасть въ среду европейцевъ; для женщины такое выступленіе изъ обыденныхъ рамокъ почти что невозможно. У моихъ знакомыхъ молодая персіанка оказалась въ качествѣ мамки, это — едва ли не единственный случай въ Персіи; исподволь персіанка и ея дочь привыкли къ этой семьѣ и остались при ней, несмотря на все гоненіе, поднятое противъ нихъ мѣстными муллами. Доходило до того, что когда по пятницамъ обѣ женщины являлись въ баню, то мѣстныя персидскія дамы встрѣчали и провожали ихъ щипками и пиньками: «какъ ты, мусульманка, смѣешь кормить грудью христіанскаго ребенка! Наконецъ, какъ ты вообще смѣешь служить у христіанъ?» Въ сущности эти фурии повторяли слова своихъ муллъ. Но предложите только муллъ, самому ярому противнику христіанъ, пятьдесятъ тумановъ, и онъ первый приведетъ къ вамъ мамку, а въ крайности его жена или дочь будутъ кормить вашего ребенка; здѣсь даже религиозный фанатизмъ взвѣшивается той или другой суммою тумановъ.

Нашъ чумный баракъ отодвинуть слишкомъ далеко отъ морскаго берега и вообще отъ главнаго центра Мешедисера. Входъ во дворъ, въ которомъ помѣщается баракъ, еле замѣтенъ въ узкомъ грязномъ переулкѣ, словомъ, чтобы попасть сюда, необходимо, какъ говорится, искать его «днемъ съ огнемъ». Въ такомъ расположеніи барака заключается большое неудобство какъ для больныхъ, являющихся изъ окрестностей, такъ и для служебнаго персонала.

Мнѣ кажется, что общее расположеніе нашихъ

чумныхъ пунктовъ едвали удачно. Бараки эти слѣдовало бы выдвинуть глубже внутрь страны: въ Тавризъ, Ардабилъ и Исфаганъ, словомъ въ самые крупные торговые центры Персіи, и такимъ образомъ, кромѣ чисто санитарныхъ цѣлей, баракъ могъ бы знакомить мѣстное населеніе съ благотворительною дѣятельностью Россіи въ смыслѣ снабженія населенія даровой медицинской помощью и лекарствами.

Мазандеранскій, Гилянскій и Гязскій берега и безъ того знаютъ хорошо Россію; слѣдовало бы познакомиться съ нашею благотворительною дѣятельностью жителей центральной и южной Персіи, гдѣ господа англичане распускаютъ противъ насъ всякія небылицы и настраиваютъ противъ насъ мѣстное населеніе; это отчасти и сказалось при недавнемъ учрежденіи нашего консульства въ Исфагани. Настроенное противъ насъ англичанами духовенство и жители города долго косились на наше консульство, пока не пришли къ убѣжденію относительно нашихъ добрыхъ намѣреній и желанія оказать всяческую помощь не только русско-подданнымъ, но и всему вообще мѣстному населенію. Наши чумные пункты уже болѣе трехъ лѣтъ работаютъ въ Персіи, но мнѣ кажется, что они принесли бы болѣе пользы, если бы работали внутри страны, являясь пионерами въ смыслѣ нашего сближенія съ Персіею и взаимнаго пониманія.

Намъ никогда не слѣдуетъ забывать, что Персія покрыта сѣтью миссіонерскихъ англійскихъ учреждений, управляемыхъ образованными и очень энергичными людьми; настроенные крайне враждебно противъ насъ, они воздѣйствуютъ въ этомъ отношеніи на населеніе, что и сказывается по преимуществу въ южной Персіи. О вліяніи англичанъ въ этой части Персіи можно судить уже по тому, что во всѣхъ городахъ, начиная отъ Исфагани и дальше къ югу, очень изрядный процентъ городского населенія говоритъ по-англійски.

Когда англійскій посланникъ уѣзжаетъ на югъ подъ видомъ, на примѣръ, охоты, то персы такъ и говорятъ:-- Поухаль-де осматривать свои владѣнія.

— Правда ли, что въ Персіи существуютъ львы? обратился я однажды за обѣдомъ въ тегеранскомъ клубѣ къ одному французу, который проживаетъ въ Персіи около десяти лѣтъ.

— Единственный левъ, отвѣтилъ французъ съ улыбкой, — котораго я видѣлъ — это на персидскомъ государственномъ гербѣ, да и тотъ за послѣднее время сталъ перерождаться частью въ англійскаго грифа, частью въ двуглаваго орла; не разберешь.

Впрочемъ, такое мнѣніе о перерожденіи льва распространено и среди самихъ персовъ, только высказывается оно, конечно, въ другихъ формахъ.

Десять дней, проведенныхъ въ Мешедисерѣ, были лучшими днями, проведенными въ Персіи. Ложишься часовъ въ одиннадцать, безъ опасенія быть укушеннымъ скорпіономъ или фалангой, встаешь рано и послѣ чаю цѣлыми часами или бродишь то по берегу рѣки, которая протекаетъ тутъ же подъ окнами, или по влажному песчаному берегу моря. Раннее утро въ Мешедисерѣ дивно хорошо: розовато-золотистые лучи южнаго солнца, медленно подымающагося изъ-за горизонта, окрашиваютъ всѣми цвѣтами радуги устье рѣки и спокойную морскую даль. Золотится и быстрая рѣка, оба берега которой опушены богатѣйшею субтропическою растительностью. Громадныя деревья простерли и наклонили къ рѣкѣ свои вѣтви, и ихъ густая блестящая зеленая листва, прикинувъ къ водѣ, купается и отражается въ ней. Далѣе за этою опушкою, сквозь едва замѣтную дымку, виднѣются бѣлѣющія стѣны и камышевыя крыши усадебъ, потонувшихъ въ роскошной зелени. Тишина идеальная, и только изрѣдка на поверхности широкой рѣки всплеснетъ громадная рыба или послышится ударъ весла, быстро

и плавно скользящей душегубки. Далѣе къ устью рыболовная ватага закидываетъ при торжественномъ молчаніи свои громадныя сѣти и вынимаетъ изъ воды опущенныя наканунѣ снасти. У самаго устья тихое море періодически посылаетъ къ берегу легкую, едва замѣтную волну, которая, коснувшись прибрежной гальки, бѣлой кружевной пѣной стелется по влажному темному фону отлогаго берега, и вамъ такъ и кажется, что это теплое южное море живетъ и дышетъ.

Дня три спустя послѣ моего пріѣзда въ Мешедисеръ была очень бурная ночь: сѣверный вѣтеръ нагналъ съ моря тяжелыя свинцовыя тучи, которыя на прибрежной полосѣ, а затѣмъ въ горахъ, разразились сильнѣйшимъ дождемъ. Къ утру дождь прошелъ, вѣтеръ утихъ, но разбушевавшееся море съ гулкимъ шумомъ катило свои волны на мелководный баръ, заграждающій устье Бабуля. Бабуль за ночь сильно вздулся, вода въ рѣкѣ поднялась аршина на два выше ординара, и у бара морскія волны сталкивались съ очень быстрымъ и сильнымъ теченіемъ рѣки. Картина красивая и величественная. Весь баръ пестрѣлъ персами, которые, стоя по колѣна въ водѣ, съ предлинными трезубцами въ рукахъ, съ напряженіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ волны, перекатывающейся черезъ баръ. Другая часть персовъ, находившаяся ближе къ устью, держала въ рукахъ небольшія вѣробразныя сѣти и наблюдала за малѣйшимъ движеніемъ воды.

Осенью, и по преимуществу во время сѣвернаго вѣтра, лососина идетъ обыкновенно изъ Каспійскаго моря въ устья рѣкъ, при чемъ она вмѣстѣ съ волною перекатывается въ рѣку черезъ крайне мелководную отмель (баръ). Стоя на барѣ, персы внимательно слѣдятъ за тѣмъ моментомъ, когда волна, подойдя къ бару, приподымется въ видѣ стѣны; въ большинствѣ случаевъ на темнозеленомъ фонѣ этой водяной стѣнки

вдругъ блеснетъ громадная золотистая рыба, и въ этотъ моментъ острый трезубецъ рыболова вонзается въ нее съ быстротою молнии. Трезубецъ устроенъ такъ, что разъ онъ вонзился въ тѣло рыбы, она уже никакъ не можетъ сорваться съ него и скоро попадаетъ на песчаный берегъ, гдѣ ее добиваютъ колотушкой. Рыба, перекатившаяся черезъ баръ, идетъ нѣкоторое время по мелководному устью рѣки, и здѣсь ее ожидаютъ рыболовы съ своими небольшими сѣтями. Когда по мелкому мѣсту идетъ большая рыба, на поверхности воды образуются особаго рода неровности и маленькіе едва замѣтные водовороты. Замѣтивъ такіе признаки, рыболовъ, держа верхушку сѣти въ лѣвой рукѣ, набрасываетъ сѣть правою рукою въ видѣ вѣера и накрываетъ ею рыбу. Такое набрасываніе сѣти требуетъ особаго умѣнья, и ловко наброшенная, она всегда дастъ добычу. Ежедневно раннимъ утромъ все устье Бабуля и часть рѣки покрыты снующими по разнымъ направленіямъ душегубками, съ которыхъ персы набрасываютъ такія же сѣти.

Въ упоминаемое мною утро послѣ бури часть морского берега, весь баръ и устье рѣки, усѣянные народомъ, представляли собою очень оживленную картину. Полунагіе, мускулистые, оливковаго цвѣта персы со своими трезубцами на длинныхъ шестахъ, другіе съ маленькими сѣтями въ рукахъ, всѣ въ напряженномъ состояніи за работою, освѣщенные южнымъ золотистымъ солнцемъ, напоминали давно минувшую эпоху первобытнаго состоянія человѣка. Всѣ эти персидскіе Посейдоны образовали очень красивую группу, которая такъ и просилась на полотно.

Болѣе удачные рыболовы здѣсь же продавали часть своего улова, при чемъ за полупудовую лососину требовали три крана (55 коп.) и, поторговавшись, отдавали за два.

Лѣтомъ, когда Ліанозовская рыболовная ватага уѣз-

жаеть въ Россію, персы ловять въ Бабулѣ громаднѣхъ осетровъ, и такъ какъ они, въ силу религіознаго предразсудка, не ѣдятъ рыбы, не покрытой чешуею, то стараются сбыть свою добычу за что попало; поэтому лѣтомъ красная цѣна осетру, въ которомъ одной икры 15—16 фунтовъ, три крана (60 коп.),—дешевизна нигдѣ неслыханная, но тѣмъ не менѣе существующая на Мазандеранскомъ берегу.

Странное чувство стыда овладѣваетъ тобою, когда приходится вспомнить, что при Петрѣ Великомъ мы владѣли Мазандеранскимъ, Гязскимъ и Гилянскимъ берегами Каспійскаго моря, которые были уступлены намъ Персіею по мирному трактату и стоили намъ многихъ жертвъ. Но едва великій преобразователь Россіи закрылъ глаза, какъ всѣ эти провинціи безъ боя были возвращены Персіи. Среди персовъ циркулируетъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ ихъ золото сыграло подобающую роль среди тогдашнихъ петербургскихъ вельможъ. Не берусь судить, насколько правиленъ этотъ слухъ, но во всякомъ случаѣ такое возвращеніе завоеванныхъ областей безъ боя не объясняется иначе среди восточнаго населенія, привычнаго оцѣнивать все только деньгами.

Такую же историческую ошибку мы опять повторили, когда на предложеніе Фатали-шаха оставить за нами всю Азарбайджанскую провинцію, пограничную съ Закавказьемъ съ Тавризомъ включительно, мы предпочли удовольствоваться денежной военной контрибуціею. Нынѣ мы платимся за грѣхи предшественниковъ, за ихъ политическую недалковидность. Вообще, начиная съ 1828 года по 1854-ый мы послѣдовательно дѣлали политическія ошибки, начиная съ эвакуаціи Тавриза и спасенія Австріи отъ венгерцевъ и кончая Севастополемъ.

Если въ горахъ, окружающихъ Мазандеранскій берегъ, будутъ найдены достаточныя залежи желѣзной

руды и каменного угля, то часть этой провинции обратится современемъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ на югѣ Каспійскаго моря. Такой промышленный центръ, въ свою очередь, дастъ большой толчокъ металлургической производительности Кавказа, которая не могла развиваться за отсутствіемъ на Кавказѣ такихъ сортовъ каменного угля, который могъ бы спекаться, т. е. давать коксъ. Между тѣмъ имѣются всѣ основанія, предполагать, что каменноугольныя мѣсторожденія Мазандеранскихъ горъ будутъ давать хорошій коксирующий уголь. Близость Кавказа и дешевизна доставки такого угля неминуемо вызовутъ постройку на Кавказѣ чугуно-плавильныхъ заводовъ, при чемъ при такихъ условіяхъ могутъ быть переплавляемы даже небогатыя кавказскія желѣзныя руды, которыя тамъ находятся въ изобиліи.

Дайте Кавказу дешевый коксующій уголь, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Кавказъ станетъ очень крупнымъ промышленнымъ центромъ.

Мазандеранскій берегъ, имѣя свой каменный уголь и желѣзныя руды, при мѣстной дешевизнѣ рабочихъ рукъ, можетъ поставлять на рынки Россіи и Персіи дешевые чугуны, желѣзо и сталь.

Но пока, несмотря на всѣ широкія перспективы, богатѣйшая въ мірѣ страна находится въ полномъ запустѣніи. Здѣсь культура еще не коснулась ни единой отрасли народнаго труда; здѣсь все дико: дикіе арбузы, дикія дыни, дикіе померанцы и дикіе персы. Единственнымъ, на примѣръ, культурнымъ садомъ на всемъ побережьи является садъ, разведенный Д. А. Паньянцемъ въ Мешедисерѣ. Хотя садъ еще молодой, но онъ полонъ прекрасныхъ фруктовъ: вѣтви большихъ гранатовыхъ деревьевъ гнутся отъ тяжести плодовъ; многія изъ гранатъ уже поспѣли и, лопнувъ, пораскрыли свои розовыя сочныя зерна, похожія на сотовыя ячейки; большинство аллей обсажены апельсиновыми, померанце-

выми и лимонными деревьями; нѣкоторыя молодые померанцы слегка пострадали въ прошлую зиму и только къ октябрю успѣли дать сильныя сочныя побѣги; всѣ молодыя вѣтки усыпаны бѣлыми цвѣтами, словно опущены снѣгомъ, и наполняютъ садъ острымъ тонкимъ ароматомъ; тутъ же, у цвѣтущихъ померанцевыхъ деревьевъ, приютились кусты махровыхъ розъ; они тоже всѣ въ цвѣту и ихъ запахъ смѣшивается съ запахомъ цвѣтовъ померанца. Правѣе слѣдуетъ отдѣль другихъ фруктовыхъ деревьевъ. При входѣ въ садъ по лѣвой рукѣ—длинная бесѣдка, вся покрытая розовыми гроздьями поздняго сорта винограда, который поспѣваетъ только въ концѣ октября; затѣмъ идутъ мандарины, груши и яблони. Садъ окопанъ ровомъ и обсаженъ десятками деревьевъ различныхъ породъ. Далѣе за садомъ большая долина, покрытая густымъ высокимъ кустарникомъ, оканчивающаяся съ восточной стороны небольшимъ озеромъ прѣсной воды. Такъ и кажется, что весь этотъ Мазандеранскій берегъ проситъ приложить къ нему хоть немного сознательнаго, разумнаго человѣческаго труда, и онъ во всѣхъ отношеніяхъ станетъ выше Черноморскаго побережья и даже Батума.

При естественномъ скатѣ къ морю и дешевизнѣ рабочихъ рукъ, дренажъ почвы и уничтоженіе папоротниковъ обойдется очень недорого, и пресловутая мазандеранская лихорадка, какъ и батумская, отойдетъ въ область преданій. Между тѣмъ растительность Мазандеранскаго берега куда разнообразнѣе и носитъ болѣе субтропическій характеръ, чѣмъ батумская, что и доказывается плантаціями сахарнаго тростника, который не можетъ расти даже въ самой южной части Закавказья. Вслѣдствіе дешевизны русскаго премированнаго сахара, плантаціи сахарнаго тростника сильно пали и въ настоящее время онъ разводится, только какъ предметъ лакомства.

Говорятъ, что англичане стали откармливать сви-

ней нашимъ русскимъ сахаромъ. Персы навѣрное дѣлали бы такое же употребленіе изъ нашего сахара, если бы Магометъ не запретилъ имъ употребленіе свинины въ пищу. Не странно ли, напримѣръ, что нашъ рабочій въ Баку платитъ за свой же русскій сахаръ семью копѣйками дороже энзелійскаго перса. Мало того, вслѣдствіе контрабанды одна и та же голова сахару обладаетъ магическимъ свойствомъ десятки разъ появляться на нашей таможенѣ и каждый разъ получать возвратъ акциза и премію. Да и сама контрабанда носитъ крайне комическій характеръ: въ наши предѣлы тайно ввозится сахаръ нашего же производства, неправда ли курьезно? Таковы послѣдствія узаконенной стачки сахарозаводчиковъ. Узаконенное безобразіе повлекло за собою цѣлую массу самыхъ неожиданныхъ послѣдствій. Результаты этого экономическаго курбета во всякомъ случаѣ печальны: главный потребитель сахара—нашъ мужикъ, долженъ переплачивать лишнія деньги, дабы господа акціонеры могли получать не менѣе 35 проц. въ дивидентъ на принадлежащія имъ акціи. Въ то же время Персія не можетъ создать у себя сахарнаго производства, такъ какъ нашъ сахаръ, получающій премію при ввозѣ въ Персію, уничтожаетъ всякую конкуренцію персидскаго мѣстнаго производства. Персы уже испытали печальныя послѣдствія такой конкуренціи. Они вмѣстѣ съ бельгійцами основали сахарный заводъ возлѣ Тегерана и черезъ четыре года заводъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность: нашъ сахаръ побѣдилъ. Все это имѣло бы хоть какой-нибудь смыслъ, если бы, при такомъ положеніи вещей, русскій народъ или казна оставались въ барышахъ. Но на дѣлѣ оказывается, что при вывозѣ сахара казна возвращаетъ полученный ею акцизъ, а каждый потребитель въ Россіи платитъ, какъ я уже сказалъ, почти вдвое больше за потребляемый

сахаръ, чѣмъ персь. Въ дѣйствительности, въ барышахъ остаются только стакнувшіеся сахарозаводчики.

Во всѣхъ государствахъ Европы и Азіи существуютъ города, пріобрѣвшіе ту или другую извѣстность въ промышленномъ, торговомъ или историческомъ отношеніи. Въ Персіи такіе города обладаютъ, такъ сказать, двойною извѣстностью, смотря по характеру населенія; такъ, напримѣръ, кошанцы отвратительнѣйшіе трусы, жители Кума — священнаго города, первѣйшіе мошенники, Луры — грабители и т. д. Что же касается мазандеранцевъ, то про нихъ сложилось мнѣніе, что всѣ они первосортные лгуны (среди нихъ очень много охотниковъ). Къ этому нелестному опредѣленію я прибавилъ бы специально въ отношеніи Мешедисера, что это городъ мелкихъ чиновниковъ-взяточниковъ.

Мешедисерская идиллія прошла бы, какъ говорится, безъ сучка и задоринки, если бы ее не омрачило поползновеніе агента арендатора таможни сорвать съ меня изрядный кушъ, такъ, «здорово живешь».

Черезъ день послѣ моего появленія въ Мешедисерѣ ко мнѣ является какой-то субъектъ въ сопровожденіи четырехъ халатниковъ и заявляетъ, что онъ, начальникъ мѣстной таможни, при чемъ довольно нагло объявляетъ, что вмѣстѣ съ чиновниками будетъ досматривать нашъ багажъ, за вывозъ котораго изъ Мешедисера должна быть уплочена вывозная пошлина.

Согласно Туркманчайскому договору, всѣ товары, ввозимые въ Персію, оплачиваются 5 проц. съ ихъ дѣйствительной стоимости, такой же оплатѣ принадлежатъ и всѣ товары, ввозимые изъ Персіи въ Россію, и ни о какихъ другихъ платежахъ ничего не упоминается. Но персы, какъ я ранѣ замѣтилъ, умудрились создать пошлину еще и съ тѣхъ товаровъ, которые вывозятся изъ ихъ страны, при чемъ здѣсь существуетъ полнѣйшій произволъ: ни закона, ни таксы не существуетъ; да кромѣ того, если эти халатники

станутъ рыться въ вашемъ багажѣ, вы можете быть вполне увѣрены, что часть вашихъ вещей, по преимуществу мелочь, исчезнетъ безслѣдно. Положеніе крайне незавидное, но какъ бы то ни было, все же необходимо найти какой-нибудь выходъ.

— Позвольте спросить, по какой таксѣ вы будете взимать съ меня пошлину? обращаюсь къ агенту откупщика.

— Это смотря по товарамъ и по ихъ количеству, отвѣчаетъ мнѣ, съ позволенія сказать, начальникъ таможи.

— Багажъ я покажу вамъ, но предварительно заявляю, что вотъ эти чемоданы—это все вещи европейскаго происхожденія, составляющія багажъ г. Курмакова и мой, а вотъ тюки, въ которыхъ имѣется нѣсколко ковровъ, за которые я охотно заплачу, что слѣдуетъ.

— Я долженъ досмотрѣть все, до послѣдней нитки, высококомѣрно заявляетъ начальникъ таможи.

— Отчего же? Мои казаки покажутъ вамъ и мой багажъ, продолжаю, едва сдерживая негодованіе,—но никому изъ васъ я не позволю рыться въ моихъ чемоданахъ; вамъ все будетъ показано.

— Нѣтъ, мы сами посмотримъ, продолжаетъ тотъ, язвительно улыбаясь.

Чаша терпѣнія оказалась переполненной неумѣстная улыбка перса была послѣднею каплей.

— Еналукъ! кричу со злобой въ голосъ. На мой зовъ является молодцеватый осетинъ въ черкескѣ, бѣлой папахѣ и вооруженный съ ногъ до головы. При его появленіи халатники начинаютъ коситься на него и ерзать на мѣстѣ. Импровизированный начальникъ таможи блѣднѣетъ и глазами ищетъ открытую дверь. Минуту длится молчаніе, и зеленые халаты начинаютъ исчезать изъ комнаты.

— Покажите имъ нашъ багажъ, обращаюсь къ осетину.

Смѣтливый осетинъ подходитъ къ чемодану, при чемъ по дорогѣ толкаетъ одного изъ «чиновниковъ» и, какъ бы нечаянно, задѣваетъ его за носъ.

— У меня сегодня нѣтъ времени, я приду завтра, произноситъ скороговоркой задѣтый Еналукомъ персъ и юркаетъ въ открытую дверь; за нимъ съ поспѣшностью вылетаетъ и начальникъ таможни.

На слѣдующій день появляется мирза (секретарь) таможеннаго агента и черезъ третье лицо передаетъ, что управляющій таможенею тогда только откажется досматривать наши чемоданы, когда получить въ пешкешъ (взятку) сто тумановъ.

— Передайте ему, отвѣчаю,— что онъ получитъ столько, сколько ему будетъ слѣдовать по закону, и что я ни подъ какимъ видомъ не допущу разграбленія нашихъ чемодановъ и буду сопротивляться даже силою.

Часа два спустя новое посѣщеніе: на порогѣ моей комнаты появляется субъектъ неопредѣленнаго званія, національности и лѣтъ; мѣсяца два назадъ я видѣлъ эту личность въ Тегеранѣ. Тамъ онъ выдавалъ себя за медика, но когда персидскія власти потребовали отъ него предъявленія докторскаго диплома, то такового у него вовсе не оказалось.

Самозванный докторъ говоритъ по-русски съ особымъ акцентомъ и увѣряетъ, что онъ австрійскій подданный. Мѣсяцъ тому назадъ, по его словамъ, онъ прибылъ въ Мешедисеръ и поселился у своего пріятеля управляющаго таможеней, и теперь, узнавъ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между мною и имъ, онъ готовъ принять на себя посредничество и устроить все это дѣло.

— Улаживать тутъ нечего, отвѣчаю, — онъ получитъ то, что ему слѣдуетъ, и всему дѣлу конецъ; но повто-

рию, что лазить въ наши чемоданы я никому не позволю. Наши горцы откроютъ чемоданы и покажутъ ему всѣ наши вещи...

— Развѣ у васъ есть еще черкесы? спрашиваетъ непрощенный посредникъ съ нескрываемымъ страхомъ.

— Да, вотъ завтра еще прибудетъ одинъ съ горнымъ инженеромъ г. Курмаковымъ, отвѣчаю серьезно и даже хмуро, между тѣмъ какъ въ душѣ на меня нападаетъ хохотъ.

— Скажите, и зачѣмъ вы возите съ собою черкесовъ; они люди ненадежные и страшные; по дорогѣ могутъ васъ убить, зарѣзать; я не знаю, что могутъ сдѣлать.

— Напротивъ, когда съ нами въ дорогѣ наши черкесы, мы тогда только и спимъ спокойно; люди они очень хорошіе, не выдадутъ, да при всякомъ удобномъ случаѣ и носъ утрутъ каждому, кто сунется некстати.

Доброволецъ-посредникъ принимаетъ мои слова въ буквальномъ смыслѣ и, скорчивъ ужасную гримасу, очень серьезно спрашиваетъ меня:

— Такъ это онъ вчера утиралъ ему носъ?

— Кто?

— Вашъ черкесь.

— Кому? спрашиваю, дѣлая самый невинный видъ.

— А помощнику начальника таможни.

— Я васъ не понимаю.

— Видите... видите... когда онъ вернулся отъ васъ, онъ говорилъ, что черкесь сломалъ ему носъ, но я, какъ докторъ, хорошенько осмотрѣлъ его—ничего... носъ цѣлый, только покраснѣлъ сильно, но я далъ ему хорошую примочку; завтра будетъ здоровъ.

— Вы персу не вѣрьте; у него носъ покраснѣлъ давно уже отъ пьянства. Да вы меня не понимаете, продолжаю, едва сдерживая хохотъ:—на нашемъ до-

рожномъ языкѣ «утереть кому-либо носъ» значить: всыпать штукъ пятьдесятъ хорошихъ нагаекъ.

— Ну, это еще хуже, заявляетъ мой собесѣдникъ, серьезно покачавъ головою.

— Вотъ видите ли, тотъ черкесь, который вчера показывалъ вещи...

— Хорошо показывалъ, прерываетъ меня посредникъ,—такъ показывалъ, что помощникъ начальника таможи послѣ этого мнѣ носъ показывалъ.

— Такъ видите ли, этотъ сравнительно человекъ мягкій, а вотъ тотъ, что прибудетъ завтра—просто бѣда.

— А что? спрашиваетъ тотъ съ вытянутымъ лицомъ.

— Тотъ имѣетъ привычку потрошить.

— Какъ это потрошить?

— А видѣли, какъ на охотѣ потрошатъ зайца: вспорютъ животъ, да и выпустятъ кишки.

— Ну что это за привычка... и совѣмъ скверная привычка, сокрушенно говоритъ посредникъ, быстро поднимается и, раскланявшись, уходитъ.

Оставшись одинъ, начинаю хохотать, словно школьникъ. Воображаю удивленіе добродушнѣйшаго Джемаль-аддина, если бы онъ слышалъ, какимъ страшнымъ лицомъ я изобразилъ его ради желанія сошкольничать съ храбрымъ посредникомъ и не менѣе храбрымъ его пріятелемъ.

Очевидно, что совѣщаніе друзей привело ихъ къ заключеніямъ, далеко не радостнымъ, такъ какъ въ тотъ же день къ пяти часамъ дня къ г. Паньянцу явился таможенный чиновникъ и заявилъ, что управляющій таможеню извиняется за случайное недоразумѣніе по досмотру багажа, а что касается платежа, то онъ вполне полагается на мою добросовѣстность.

— Передайте вашему агѣ, что со всѣхъ покупокъ, сдѣланныхъ нами въ Персіи, въ пользу откупщика

таможни причтется 25 рублей. Получите деньги и передайте, что я тоже крайне сожалею о случившемся.

— Все это надфлалль докторъ, добавляетъ съгрустью мирза.

— Какой докторъ?

— А вотъ тотъ, что приходилъ, чтобы помирить васъ съ агою.

— Какой онъ докторъ? Шарлатанъ? прерываю мирзу.—Ну?

— Видите ли, какъ началъ онъ говорить моему агъ, что онъ васъ хорошо знаетъ, что вы очень богатые купцы, везете на сто тысячъ дорогихъ товаровъ и очень много бирюзы, ну, нашъ ага повѣрилъ ему и думалъ получить съ васъ очень много денегъ, а послѣ, какъ узналъ, что вы ученые люди и только осматриваете наши горы, такъ «онъ много грязи съѣлъ» (персидское выраженіе соотвѣтствуетъ нашему слову стыдиться),—извините, саабъ.

— До свиданія, мирза, кланяйтесь вашему агъ, да передайте ему, чтобы онъ въ другой разъ не слушалъ всякихъ проходимцевъ.

Около семи часовъ вечера того же дня ко мнѣ явился тотъ же мирза съ самымъ любезнымъ приглашеніемъ отъ имени управляющаго таможнею отобѣдать у него сегодня, по персидскому обычаю, около девяти часовъ вечера.

За обѣдомъ, скорѣе за ужиномъ, состоявшимъ изъ десятка европейскихъ и азіатскихъ блюдъ, хозяйинъ началъ съ русской водки. На столѣ одновременно находилась свѣжая и паюсная икра мѣстнаго улова, жареная лососина, жаркое изъ дикихъ утокъ, циплята на вертелѣ и цѣлая масса закусокъ. Затѣмъ подали густой кисловатый супъ, отварную осетрину и превосходнѣйшій пловъ и члоу; въ качествѣ фруктовъ—виноградъ, арбузы, дыни, апельсины и сладкіе лимоны; послѣдніе представляютъ нѣчто среднее между лимономъ и апельсиномъ и, обладая превосходнымъ тон-

кимъ запахомъ, не имѣютъ сколько-нибудь сноснаго вкуса. Они напоминаютъ собою вкусъ свѣжихъ фигъ. Взаимнымъ извиненіямъ и любезностямъ, конечно, не было конца. Случайно вопросъ коснулся условій общественной жизни въ Персіи.

— Тяжела, скучна и крайне однообразна наша жизнь, жаловался хозяинъ дома,—а главное, ни у кого изъ насъ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; нѣтъ у насъ твердыхъ законовъ — вотъ въ чемъ бѣда, гнѣемъ мы, а не живемъ. Вотъ вы, европейцы, упрекаете насъ въ много-женствѣ, но вы не хотите принять во вниманіе того обстоятельства, что у васъ имѣется общественная дѣятельность, ученые, литературныя и художественныя общества, театры клубы, и вся ваша дѣятельность, такъ или иначе, носить осмысленный характеръ. Что касается насъ, то вы лучше всякаго другого знаете, что, мы, персы, лишены всего того, что скрашиваетъ вашу жизнь; мало того, мы даже лишены интеллигентнаго общества, поэтому мы и стараемся найти развлеченіе среди женщинъ, и наши женщины такъ и воспитаны, чтобы служить намъ забавою. «Цвѣты передо мною, бокалъ вина искрится въ моей рукѣ и моя подруга подлѣ меня», процитировалъ онъ строфу изъ Саади.—Что касается женщинъ, продолжалъ онъ, то, насколько мнѣ извѣстно, и вы, европейцы, тоже не мало грѣшите въ этомъ отношеніи; но въ данномъ случаѣ вы такіе же фарисеи въ отношеніи женщинъ, какъ и мы, относительно употребленія вина. Почти всѣ мы пьемъ; изрядно пьютъ и наши муллы; всѣмъ и каждому, конечно, это извѣстно, но официально это считается очень важнымъ проступкомъ противъ религіи, и никто въ этомъ никогда не признается.

Около часу ночи цѣлая толпа прислуги съ громаднѣйшими бумажными фанарями въ рукахъ проводила меня тѣ сорокъ шаговъ, которые отдѣляли домъ Д. А. Панъянца отъ зданія таможни.

Одинъ изъ старожиловъ Тегерана старался увѣрить меня въ томъ, что персы пьютъ почти поголовно. Онъ не советмъ правъ; мнѣ кажется, что если раздѣлить Персію на три пояса: сѣверный, средній и южный, и взять приблизительный процентъ пьющихъ, то окажется, что въ сѣверной Персіи гиляки, мазандеранцы и жители Гязскаго берега дадутъ 80⁰/о населенія пьющаго; средняя полоса съ Тегераномъ — 70⁰/о и южная часть Персіи—40⁰/о. Запрещеніе пить вино и вообще употреблять алкоголь привело лишь къ тому, что магометане не пьютъ, а напиваются. Мы, европейцы, за обѣдомъ, обыкновенно выпиваемъ стаканъ вина или рюмку водки, и только въ рѣдкихъ случаяхъ кто-нибудь позволить себѣ больше. Между тѣмъ персы, разъ онъ добрался до бутылки, напьется непременно. Я не говорю здѣсь о тѣхъ отдѣльныхъ персидскихъ семьяхъ, которыя или причастны европейской культурѣ, или вообще извѣстны своею скромною патріархальною жизнью, въ этихъ семьяхъ или вовсе не пьютъ вина, или если и пьютъ, то какъ мы, европейцы.

Въ Рештѣ проживалъ одно время очень богатый и знатный персъ—любитель кутнуть. Къ четыремъ часамъ дня къ нему обыкновенно собиралось человекъ сорокъ знакомыхъ поболтать, послушать всякія новости, сплетни, обмѣняться мыслями. Обыкновенно чинные, важные муллы въ бѣлыхъ чалмахъ составляли чуть ли не половину присутствовавшихъ. Лакеи разносили шербетъ, черный кофе и кальянъ. Но чѣмъ ближе время подвигалось къ шести часамъ, тѣмъ число гостей все болѣе болѣе и рѣдѣло. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію мусульманскаго духовенства, вечерняя молитва — намазъ, творимая передъ закатомъ солнца, тогда только дѣйствительна, когда молящійся приноситъ ее въ собственномъ домѣ, за исключеніемъ, конечно, путешественныхъ. Поэтому съ наступленіемъ вечера всѣ спѣшатъ по домамъ. Но персы умудрились

найти выходъ даже изъ такого безапелляціоннаго требованія религіи. Достаточно только хозяину дома подойти къ гостю и заявить ему, что онъ можетъ считать его домъ своею собственностью, какъ гость вынимаетъ изъ бокового кармана терракотовую плитку и, повернувшись лицомъ по направленію Мекки, становится на колѣна, бьетъ земные поклоны и произноситъ множество арабскихъ фразъ, ни смысла, ни значенія которыхъ онъ не понимаетъ; только рѣдкіе ученые муллы, какъ я ранѣе замѣтилъ, знаютъ арабскій языкъ. Приглашеніе совершить намазъ въ своемъ домѣ считается вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніемъ отобѣдать. Хлѣбосоль-хозяинъ, о которомъ идетъ рѣчь, обыкновенно подходилъ къ своимъ болѣе близкимъ знакомымъ и просилъ каждаго изъ нихъ принять въ даръ его домъ. Такихъ приглашенныхъ оставалось обыкновенно человѣкъ десять-пятнадцать, и черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ прочихъ гостей во всѣхъ комнатахъ раздавались тихія слова молитвы, вздохи и земные поклоны. По окончаніи намаза, хозяинъ всегда отдавалъ лакеямъ стереотипное приказаніе: «принесите игры (т.-е. шашки, шахматы, трикъ-тракъ и т. д.), сладкое и еще «кое-что», «да не забудьте шапки». Но шапки являлись первыми; ихъ приносили на подносѣ по количеству приглашенныхъ муллъ, и немедленно каждый мулла снималъ свой бѣлый тюрбанъ и пробовалъ, какая шапка придется ему по головѣ. Отыскавъ шапку по мѣркѣ, онъ совершенно успокаивался: «Теперь я больше не мулла, а частное лицо», и со спокойной совѣстью принимался за игру и еще за «кое-что».

Это кое-что состояло изъ цѣлой батареи бутылокъ: здѣсь можно было найти превосходный коньякъ, водку, вино, ликеры и всякую всячину; это была предварительная выпивка, послѣ которой наступалъ обѣдъ съ такою массою возліяній Бахусу, что никто не могъ уже мечтать попасть къ себѣ домой въ тотъ же ве-

черъ: вѣдь писать мыслете по улицамъ города Решта совсѣмъ не дозволяется, а для муллы такое предпріятіе было бы даже совсѣмъ губительно; поэтому послѣ объѣда лакеи приносили легкіе матрацы и валики, и вся присутствующая публика располагалась тутъ же на ночь.

Богатые персы въ Тегеранѣ обыкновенно пьютъ старое ширазское вино; оно напоминаетъ собою самыя лучшіе сорта хереса, но далеко превосходитъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

Все винодѣліе Персіи находится въ неумѣлыхъ рукахъ армянъ и халдеевъ. Европа по своимъ климатическимъ условіямъ никогда не въ состояніи производить такихъ винъ, какія могла бы производить Персія, но никто здѣсь не умѣетъ ни воздѣлывать винограда, ни выдѣлывать вина. Персія по преимуществу могла бы производить крѣпкія и сладкія вина въ родѣ портвейна, хереса, малаги и т. п. Мнѣ кажется, что на известковыхъ склонахъ горъ и на такихъ же равнинахъ могли бы расти лозы, дающія шампанское вино.

Имѣется еще одна отрасль народнаго хозяйства, которая могла бы процвѣтать въ Персіи—это выдѣлка оливковаго маsla. Масличное дерево растетъ здѣсь въ изобиліи; между деревнею Рудъ-баръ и Менджилемъ имѣются цѣлыя масличныя рощи. Мѣстные жители производятъ очень плохое оливковое масло, но зато мѣстные власти не замедлили обложить податью каждое масличное дерево. Въ настоящее время рощи эти состоятъ изъ очень старыхъ деревьевъ, наполовину пересохшихъ, и никто не заботится о новыхъ насажденіяхъ, потому, вѣроятно, что каждая новая посадка представляетъ собою новую доходную статью для мѣстнаго чиновничества, да кромѣ того, плохое оливковое масло едвали можетъ рассчитывать на хорошій сбытъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка какимъ-то грекомъ основать возлѣ Рудъ-бара заводъ

для выдѣлки оливковаго масла, но затѣя эта почему-то была въ послѣдствіи заброшена.

Приходится съ сожалѣніемъ констатировать несомнѣнный фактъ, что всѣ отрасли народнаго хозяйства въ Персіи влчатъ крайне жалкое существованіе. Современное земледѣліе въ Персіи до того пало, что вотъ уже два года подъ-рядъ Тегеранъ получаетъ пшеничную муку изъ Россіи. Собственнаго хлѣба для прокормленія столицы не хватаетъ, и правительство приплачиваетъ ежегодно громадныя деньги за покупку и доставку хлѣба изъ Россіи. Между тѣмъ въблизи Тегерана имѣется мѣстность, подъ названіемъ Вераминъ, состоящая изъ многихъ деревень и составляющая собственность государства. Мѣстность эта, благодаря превосходному орошенію и условіямъ почвы, ежегодно снабжала Тегеранъ хлѣбомъ отъ урожая до урожая. Крестьяне, поселившіеся на этихъ государственныхъ земляхъ, уплачивали въ казну шаха подати натурой, въ видѣ извѣстной части снятаго урожая; остальной хлѣбъ они привозили въ Тегеранъ для продажи; такъ было заведено вѣками; хлѣбъ въ Тегеранѣ всегда былъ дешевъ и о голодовкѣ въ столицѣ не могло быть рѣчи.

Къ величайшему несчастію всѣхъ благомыслящихъ людей Персіи, при шахскомъ дворѣ образовалась неразборчивая въ средствахъ, жадная и невѣжественная партія азарбайджанцевъ, прибывшихъ въ Тегеранъ изъ Тавриза вслѣдъ за воцареніемъ нынѣшняго шаха. Слишкомъ добрый и великодушный шахъ желалъ отблагодарить азарбайджанцевъ, служившихъ у него еще въ то время, когда онъ, будучи наслѣдникомъ престола, проживалъ въ Тавризѣ. Вступивъ на престолъ, онъ назначилъ ихъ на различныя государственныя должности. Въ числѣ такихъ лицъ былъ сынъ того тавризскаго муштаида, котораго даже азарбайджанцы прогнали изъ города и разорили его домъ. Этотъ не-

вѣжественный туineaдецъ былъ назначенъ управляющимъ вераминскими государственными имѣніями, и черезъ три года его хозяйственныхъ экспериментовъ получились весьма печальные результаты: угнетенное и ограбленное населеніе бросило поля и стало искать заработка въ другихъ мѣстахъ; искусственное орошеніе было запущено, каналы засорены и необработанныя поля запустѣли; Вераминъ пересталъ производить половину того, что производилъ ранѣе, но зато управляющій Вераминомъ построилъ домъ въ лучшей части Тегерана и роскошно меблировалъ его, что обошлось ему не менѣе двухсотъ тысячъ руб.

Въ Мешедисерѣ не всегда возможно попасть на почтовый пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій»; достаточно небольшого вѣтра, небольшого волненія въ морѣ, какъ сообщеніе парохода съ берегомъ является невозможнымъ. Весьма часто случается, что появившійся на рейдѣ пароходъ простоятъ часъ-два, посвиститъ, погудитъ и уходитъ обратно къ Гязской факторіи, не сдавъ на берегъ ни груза, ни почты. Никто, даже при небольшомъ волненіи, не рискуетъ выйти въ море на кержимѣ. Сообщеніе, конечно, можно было бы установить, но для этого необходимо имѣть небольшой паровой катеръ, а общество «Кавказъ и Меркурій» предпочитаетъ, конечно, рисковать чужой жизнью, лишь бы только выдавать побольше дивиденда гг. акціонерамъ. Двѣ слишкомъ еще свѣжія могилы знакомыхъ мнѣ людей: г. Могилина, агента общества, и доктора Гайдука, должны лечь всей своею тяжестью на слаженность общества, такъ какъ, имѣя только мешедисерское агенство паровой катеръ, подобная катастрофа была бы невысказима; оба эти труженика не погибли бы въ виду берега при возвращеніи съ парохода, который они должны были посѣтить, исполняя долгъ службы. Не желая играть роли каркающаго ворона, я все же долженъ сказать, что это суб-

сидируемое общество доиграется когда-нибудь до крупной трагедіи на Каспійскомъ морѣ. Не нужно быть специалистомъ въ морскомъ дѣлѣ, а надо лишь обрѣтаться въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, чтобы ясно помнить, что нельзя пускать въ море такой, наприкладъ, дрянной старой посудинки, какою является пароходъ «Тамара». Можно только удивляться, какъ начальство Бакинскаго порта (вѣдь, вѣроятно, тамъ какое-нибудь начальство все же имѣется) допускаетъ рейсы знаменитой «Тамары» между Баку и Энзели.

Субсидируемое общество смотритъ на свои рейсы къ персидскимъ берегамъ, какъ на необходимое зло. Не говоря уже о томъ, что для совершенія этихъ рейсовъ назначаются пароходы-инвалиды, не имѣющіе даже паровыхъ крановъ для подъема груза, общество твердо рѣшило не обращать ни малѣйшаго вниманія на срочную доставку и цѣлость грузовъ, и въ этомъ отношеніи оно обнаруживаетъ ничѣмъ непоколебимую настойчивость. Странствуя по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ различныхъ обществъ, я вдоволь наглядѣлся на всякое обращеніе съ грузами, но такого варварскаго отношенія къ грузамъ, идущимъ въ Персію и обратно, какое обнаруживаетъ общество «Кавказъ и Меркурій» я, признаюсь, еще никогда въ жизни не видѣлъ. Громадные плетеные ящики со стекломъ и посудой на моихъ глазахъ бросались съ борта парохода внизъ на баржи, и все содержимое ящиковъ превращалось въ мелкіе осколки; то же было съ ящиками, въ которыхъ заключалось мелкое желѣзо и гвозди; ящикъ въ такихъ случаяхъ разлетался въ дребезги и гвозди усыпали собою дно баржи; и все это продѣлывается въ полномъ расчетѣ на безнаказанность; вѣдь, купецъ-персъ—тварь безсловесная, надъ нимъ можно продѣлывать всякіе эксперименты. А между тѣмъ субсидію общество получаетъ, главнымъ

образомъ, за поддержаніе нашихъ торговыхъ сношеній съ Персією.

Въ настоящее время на Каспійскомъ морѣ развили свою дѣятельность различныя общества и частныя лица, владѣющія прекрасными пароходами; онѣ давно уже предлагали нашему правительству срочную даровую перевозку почты во всѣ персидскіе порта Каспійскаго моря. Но ихъ предложеніе почему-то не было принято во вниманіе. Быть можетъ, такая передача перевозки почты другимъ пароходамъ лишила бы общество «Кавказъ и Меркурій» послѣдней зацѣпки для полученія субсидіи. Тѣмъ лучше, такъ какъ если 30 лѣтъ тому назадъ, когда на Каспійскомъ морѣ не существовало никакого пароходства, такая субсидія могла имѣть какой-нибудь смыслъ, то нынѣ дальнѣйшая выдача ея обществу оказывается совершенно неумѣстной.

XXVIII.

На пути къ факторіи Гязь.

Кто не желаетъ сидѣть въ Мешедисерѣ и, въ буквальномъ смыслѣ, «ждать у моря погоды», тотъ долженъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и направиться къ Гязскому берегу, гдѣ, въ силу прекраснаго, природой защищеннаго порта, состояніе погоды почти не вліяетъ какъ на стоянку пароходовъ, такъ и на сообщеніе съ берегомъ. Судьба послала намъ случай пройти къ Гязскому берегу на небольшомъ грузовомъ пароходѣ, принадлежавшемъ бакинскому купцу-персу. Пароходъ зашелъ изъ Баку въ Мешедисеръ и затѣмъ направлялся на Гязскій берегъ.

Сборы были недолги. Простившись съ милой и гостепріимной семьей Д. А. Паньянца и маленькой русской колоніею, которая вмѣстѣ со служебнымъ персоналомъ барака, составляла всего лишь три человѣка, мы очутились на кормѣ маленькаго сѣраго парохода, который, кажется, даже не имѣлъ никакого названія, а можетъ быть когда-нибудь и имѣлъ таковое, да, за давностью времени, потерялъ его.

Пасажирскихъ билетовъ, конечно, на такомъ пароходѣ не полагается, а гуртомъ за перевозку всѣхъ насъ вмѣстѣ съ багажемъ капитанъ запросилъ 15 или 20 рублей, которые я тутъ же вручилъ ему безпре-

кословно. О буфетъ тоже нѣтъ и рѣчи; переходъ предстоитъ не свыше сутокъ, и мы утѣшаемся тѣмъ, что кое-какая провизія все же имѣется съ нами. Спать можно на палубѣ или въ крошечныхъ грязныхъ каютахъ. По рассказамъ машиниста, онъ же и помощникъ капитана, пароходъ этотъ во времена Ноя былъ яхтой, а затѣмъ его постигла судьба каждой хорошей лошади: на старости лѣтъ онъ сталъ возить грузы. Но самой замѣчательной принадлежностью парохода былъ его капитанъ—пожилой персъ съ огурцеобразнымъ синимъ носомъ и выкрашенной въ огненный цвѣтъ бородою. Подпоясанный зеленый халатъ и шлепающія туфли придавали капитану видъ маститой салопницы. Если добавить, что капитанъ ни звука не понималъ по-русски (хотя пароходъ приписанъ къ Бакинскому порту) и вмѣсто команды сопѣлъ себѣ подъ носъ невнятные турецко-персидскія фразы, которыя всегда возбуждали дружный смѣхъ команды, то хотя приблизительно обрисуется комическая сторона нашего «странствованія съ берега Мазандеранскаго на берегъ Гязскій».

Погода задалась превосходная; море тихое, не шелхнетъ; пароходъ, словно задорный осликъ, бѣжитъ, слегка переваливаясь съ боку на бокъ; капитанъ, сидя на рубкѣ, пьетъ, десятый стаканъ чаю и сопить не хуже испорченнаго насоса. Составъ нашей экспедиціи тоже угощается чаемъ и арбузами; изъ хурджинъ добывается хлѣбъ, голандскій сыръ и бутылка коньяку; оканчиваемъ импровизированный обѣдъ при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. У самаго края горизонта оно становится все больше и больше; его огненные лучи тянутся параллельно морской глади, скользятъ по ней, играютъ въ верхушкахъ едва замѣтныхъ длинныхъ тупыхъ волнъ и затѣмъ угасають при полномъ погруженіи огромнаго мѣдно-краснаго диска за край горизонта. Ночь наступаетъ быстро и

такъ же быстро на пароходѣ воцаряется тишина: всѣ спятъ, не исключая и капитана, растянувшася во всю длину на той же скамейкѣ, гдѣ ранѣе пилъ чай.

Не спится... Выхожу на палубу и, закуривъ сигару; усаживаюсь на одномъ изъ нашихъ багажныхъ ящиковъ—другой болѣе комфортабельной мебели на пароходѣ не имѣется. Нѣсколько минутъ спустя, ко мнѣ подсаживается юный помощникъ капитана; завязывается разговоръ.

— Вы давно служите на этомъ пароходѣ?

— Мѣсяцевъ десять; ранѣе того я плавалъ на большомъ коммерческомъ; повздорилъ съ капитаномъ и пошелъ; болтался этакъ мѣсяца три, нигдѣ ничего не могъ найти, ну, и пошелъ въ помощники къ персюку.

— Кажется, онъ у васъ ничего, человѣкъ хорошій?

— Ничего противъ него сказать не могу, только ужъ больно смѣшной; сами изволите видѣть: вѣдь вотъ всю свою жизнь плаваетъ, а хоть бы слово по-русски.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать второй пошелъ.

— А давно вы въ морѣ?

— Да уже лѣтъ пять будетъ; глупость совершилъ, и большую; поступилъ было въ мореходное училище, а тамъ задурилъ и не окончилъ — карьеру испортилъ.

— Скажите, почему вашъ пароходъ по типу совсемъ не похожъ на грузовика?

— Это, видите ли, ранѣе была яхта, а состарился, куда же его дѣвать? Ну, и пошелъ таскать грузы; а все же я долженъ вамъ сказать, что это замѣчательный пароходъ.

— Въ какомъ отношеніи?

— Вѣдь вотъ если я скажу, вы этому не повѣрите, побожиться готовъ...

— Отчего же мнѣ вамъ не вѣрить, а тѣмъ болѣе,

что невѣроятныхъ качествъ, насколько это мнѣ извѣстно, пароходы вообще не имѣютъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что качества въ немъ невѣроятныя. Повѣрите ли, онъ самъ дорогу знаетъ; вотъ такъ знаетъ ее, какъ хорошая почтовая лошадь.

— То есть...

— А вотъ, изволите видѣть; команда у насъ маленькая: капитанъ, да насъ двое помощниковъ; мы же и машинисты, да матросовъ, считая вмѣстѣ съ рулевыми, человѣкъ шесть. При нагрузкѣ и выгрузкѣ намаешься и устанешь, какъ собака; порядки наши извѣстны: днемъ грузишься, а по ночамъ ходишь; такъ случается на вахтѣ всѣ мы и заснемъ, т. е. я да рулевой; иногда бываетъ цѣлый часъ проспидь, а пароходъ ничего, идетъ себѣ да идетъ; ей же ей, самъ дорогу знаетъ; вѣдь другой пароходъ за это время куда-нибудь къ чорту въ зубы вѣхалъ бы и давнымъ-давно пошелъ бы раковъ ловить, а этотъ ничего — самъ себѣ курсъ держитъ, да еще какъ, съ румба, что называется, ни на волосъ не сойдетъ. Иногда проснешься и прямо къ рулевому, а тотъ, согнувшись въ три погибели, спитъ надъ колесомъ—не растолкаешь; я къ компасу, хотъ бы пустяки съ румба. Вотъ какой это пароходъ! торжественно заключилъ потѣшный морякъ.

— Да, удивительный, цѣжу сквозь зубы, чтобы скрыть охватившее меня чувство смѣха.—Однако я не совѣтывалъ бы вамъ слишкомъ увлекаться этимъ удивительнымъ качествомъ вашего парохода, а то часъ на часъ не похожъ; два-три раза сошло, а на четвертый влопаешься такъ, что бѣда будетъ.

— Вотъ вы и не повѣрили мнѣ, а я могъ бы даже убѣдить васъ въ этомъ; жаль только, что сегодня съ двухъ часовъ ночи самъ капитанъ на вахтѣ будетъ, а то вы и убѣдились бы... Однако нужно посмотрѣть, что въ машинномъ дѣлается, пока до свиданія.

— Слава Богу, думаю про себя,—что сегодня капи-

тань станетъ на вахту, и этотъ мудрецъ не будетъ производить опытовъ, чтобы доказать мнѣ, что «пароходъ самъ дорогу знаетъ».

Спускаюсь внизъ съ твердымъ намѣреніемъ уснуть, но изъ этого ровно ничего не выходитъ. Въ крошечной каютѣ душно, кромѣ того вся она пропитана какимъ-то нестерпимымъ запахомъ. Ворочаюсь съ-боку на-бокъ; сонъ не идетъ на глаза и является непреодолимое желаніе опять выйти наверхъ; поднимаюсь на рубку, бьютъ стклянки два часа ночи. Юный помощникъ капитана окончилъ вахту и, сидя въ своей каютѣ, опоражниваетъ бутылку вина; капитанъ дремлетъ, забившись въ уголъ скамейки; пароходъ идетъ уменьшеннымъ ходомъ. Въ морѣ свѣтло, но постепенно становится темнѣе: луна на исходѣ и быстро близится къ горизонту. Десять минутъ спустя дверь каюты помощника капитана закрывается, и вскорѣ оттуда раздается богатырскій храпъ. Проходитъ еще полчаса и такой же храпъ раздается съ рубки—это спитъ капитанъ на вахтѣ. Меня начинаетъ интересовать вопросъ о томъ, что теперь дѣлается въ машинномъ отдѣленіи; спускаюсь внизъ и нагибаюсь къ открытымъ люковымъ огнамъ. Старая разбитая машина стучитъ, словно мельница; форсунка работаетъ подъ котломъ исправно, при чемъ массою своего пламени освѣщаетъ все небольшое машинное отдѣленіе, но оно пусто, ни живой души.

— Помощникъ машиниста, пожалуй, правъ, разсуждаю про себя,—пароходъ дѣйствительно самъ дорогу знаетъ. Простоявъ минутъ десять у машиннаго отдѣленія, перехожу на корму; здѣсь просторнѣе, воздуху больше и менѣе чувствителенъ угаръ отъ машины.

— Вамъ, видно, не спится? слышу голосъ изъ груди тюковъ.

Приглядываюсь, второй помощникъ капитана, человѣкъ лѣтъ около тридцати, очевидно, изъ болѣе спо-

собныхъ матросиковъ. Онъ забрался среди тюковъ, гдѣ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ гнѣзда.

— Да и то, правду сказать, никакихъ у насъ удобствъ не полагается, продолжаетъ онъ, закуривая папироску.

— Не удивительно; вѣдь вашъ пароходъ грузовой; отъ него никакихъ удобствъ и требовать нельзя. Скажите, сколько лѣтъ вашей машинѣ?

— Старуха она уже, этакъ лѣтъ двадцать работаетъ; поди совсѣмъ размололась, а все же машина хорошая, а главное совсѣмъ безъ капризовъ. Вотъ какъ изволите видѣть, выйдешь этакъ посидѣть да подышать воздухомъ, оставишь ее одну—и вѣдь никогда ничего; случалось, что и вздремнешь полчаса вотъ въ такомъ уютномъ мѣстечкѣ; проснешься, бѣжишь къ ней, а она какъ ни въ чемъ не бывало, знай себѣ тарахотитъ, да тарахотитъ; машина она славная! закончилъ своеобразный машинистъ и принялся сворачивать другую папироску. Черезъ полчаса спорить будемъ, проговорилъ онъ словно про себя.

— Почему?

— Косу огибать нужно, а тамъ проходитъ между косою и Ашуръ-Адэ, а нашъ капитанъ не умѣетъ огибать ее ночью; будемъ стоять въ морѣ до разсвѣта, а съ разсвѣтомъ двинемся.

— Значитъ, капитанъ не вѣритъ въ то, что вашъ пароходъ самъ дорогу знаетъ?

— Это вамъ, вѣрно, долговязый сказалъ?

— А что?

— Будетъ ему когда-нибудь бѣда; вѣчно спитъ, лѣнтяй, на вахтѣ и увѣряетъ, что пароходъ самъ дорогу знаетъ.

— Всѣ мы грѣшны, возражаю, вѣдь вотъ вы только-что сказали, что иногда и вамъ приходится вздремнуть.

— Вздремнуть—это дѣло другое, ну и вздремнешь разика два на вахтѣ и то, Боже упаси, больше, чѣмъ

на полчаса — ни-ни, а вѣдь долговязый-то набулды-хается водкою, да и всю вахту безпросыпно спить.

— Отчего же ему и не спать, вѣдь вотъ вашъ капитанъ теперъ на вахтѣ, и тѣмъ не менѣ храпитъ на весь пароходъ.

— Ну и сравнили! Дѣло другое—капитанъ и другое дѣло—долговязый; капитану это можно, на то онъ, значитъ, и капитанъ, а долговязому—не смѣй. Однако нужно посмотрѣть, что дѣлается въ машинномъ, добавилъ курьезный машинистъ и медленно поплелся вдоль палубы.

Черезъ четверть часа машина была застопорена; на пароходѣ воцарилась полнѣйшая тишина — все спало, да и самъ пароходъ, словно сонный, едва замѣтно покачивался на темной тихой пустынной поверхности моря. Я сошелъ въ каюту и заснулъ крѣпкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Когда на утро я вышелъ на палубу, нашъ пароходъ, обогнувъ косу, проходилъ мимо острова Ашуръ-Адэ; вдали, напротивъ, виднѣлась цѣпь горъ, идущихъ параллельно Гязскому берегу—продолженіе той же цѣпи Мазандеранскихъ кряжей.

Ашуръ-Адэ—низменный, едва выступающій изъ воды пустынный островъ съ жидкой растительностью и полнѣйшимъ отсутствіемъ прѣсной воды.

На юго-восточной сторонѣ острова имѣется нѣчто въ родѣ небольшого селенія—это наша морская станція. Когда-то давно станція эта имѣла смыслъ своего существованія: она наблюдала за безпокойными туркменами, грабившими и наши, и персидскіе берега Каспійскаго моря. Ради охраны и защиты отъ туркменскихъ набѣговъ островъ этотъ и былъ переданъ намъ въ собственность персидскимъ правительствомъ. Среди нашихъ моряковъ Ашуръ-Адэ, былъ, впрочемъ, болѣе извѣстенъ тѣмъ, что многіе посылаемые туда на службу моряки быстро спивались и погибали. Болѣе скучной, тяжелой обстановки и выдумать нельзя; поэтому не-

удивительно, что люди, да притомъ еще невысокой культуры, принимались за рюмку отъ тоски. Каковы нынѣ порядки и образъ жизни моряковъ нашихъ на Ашуръ-Адэ, судить не берусь, такъ какъ не пришлось побывать тамъ ни разу. Когда мы проходили мимо острова, отъ него отдѣлилась какая-то старая колесная посудина подъ военнымъ флагомъ; флагъ былъ приспущенъ, что означало, что на пароходѣ имѣется тѣло умершаго; оказалось, что покойный—русскій мучичекъ чернорабочій. Пароходъ везъ останки, чтобы предать ихъ землѣ на Гязскомъ берегу. Тѣло сопровождалъ военный священникъ.

Естественный портъ у Гязскаго берега, такъ называемая «факторія Гязъ» — единственный обширный и удобный портъ на Каспійскомъ морѣ, защищенный съ сѣверо-запада громаднѣйшей косою, а съ сѣвера — островомъ Ашуръ-Адэ. Островъ этотъ командуетъ всею гаванью, а вмѣстѣ и дорогою въ Астрабадъ, который находится въ разстояніи шестидесяти верстъ отъ порта.

XXIX.

Факторія Гязь.

Приютившаяся у берега факторія Гязь представляет собою маленькое мѣстечко въ населеніемъ не болѣе двухъ тысячъ жителей. Берегъ Каспійскаго моря у самой факторіи не глубокъ, поэтому отъ берега въ море протянуто нѣсколько очень длинныхъ пристаней; по нимъ то-и-дѣло снуютъ стройные высокіе туркмены въ своихъ громадныхъ конусообразныхъ папахахъ. Туркмены здѣсь исполняютъ работы по выгрузкѣ пароходовъ; они же являются владѣльцами небольшихъ лодокъ.

Какая разница между мѣстными персами и туркменами! Какъ бы ни былъ оборванъ туркмень, у него все же гордый и молодцеватый видъ, открытое лицо и увѣренная походка; во всей фигурѣ туркмена такъ и проглядываетъ любовь къ свободѣ, самоувѣренность, отсутствіе всякаго страха и большое самоуваженіе. При сравненіи туркменовъ съ мѣстнымъ населеніемъ становится обидно за перса, за его древнюю культуру, за его умное и выразительное лицо. Персъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ видъ пришибленнаго, забитаго чловѣка, готоваго повиноваться всѣмъ и каждому. Да какъ же быть иначе, когда этого злосчастнаго перса вѣками давилъ и обиралъ кто только хотѣлъ и даже тотъ самый туркмень, съ которымъ онъ мирно нынѣ работаетъ рядомъ. Замѣчательно то, что

при всѣхъ поборахъ, производимыхъ властями съ населенія, оно никогда не находило защиты у тѣхъ же властей противъ туркменскихъ набѣговъ. Двѣ-три крѣпости со стороны туркменской границы носили за послѣднее столѣтіе характеръ полного разрушенія и не внушали туркменамъ ни малѣйшаго страха. Дерзость туркменовъ, ихъ храбрость и ловкость наводили паническій страхъ на мѣстное персидское населеніе. Случилось, что два десятка туркменовъ дѣлали ночное нападеніе на персидскую деревню, насчитывавшую двѣсти-триста человѣкъ населенія, и уводили въ плѣнъ женщинъ и мужчинъ, какъ стадо барановъ. Бывали случаи и похуже. Бывало и такъ, что мѣстное начальство вступало въ сдѣлку съ туркменами, указывая имъ деревню побогаче и получая за это долю добычи.

Гязскій берегъ—въ сущности продолженіе Мазандеранскаго, съ тою лишь разницею, что здѣсь береговая полоса на половину уже, при чемъ горы Гязскаго берега выше и менѣе отлоги. Растительность здѣсь та же и тѣ же вѣковые лѣса покрываютъ горные хребты. Наблюдая съ парохода, можно положительно залюбоваться многими уголками Гязскаго берега—такъ они хороши: это субтропическая Малороссія да еще съ морскимъ берегомъ.

Когда нашъ пароходикъ бросалъ якорь, съ казеннаго парохода, который опередилъ насъ, былъ снятъ гробъ и немногочисленная процессія двинулась черезъ факторію для преданія тѣла землѣ. Видъ этихъ похоронъ возбуждалъ въ душѣ чувство сердечной жалости; «Господи, ты убо единъ вѣси», гдѣ только не тлѣютъ кости нашего русскаго мужика!

Сойдя съ парохода, мы направляемся къ агенту общества «Кавказъ и Меркурій» узнать, будетъ ли сегодня «срочный пароходъ», согласно росписанію. Агентъ даетъ лаконическій отвѣтъ, что по этому во-

просу онъ столько же знаетъ, сколько и мы. Отъ агента странствуемъ въ чумный баракъ съ твердымъ намѣреніемъ получить тамъ стаканъ чаю. Достигнутые нами въ этомъ отношеніи результаты превысили самыя смѣлыя ожиданія; двѣ сестры милосердія, изъ которыхъ одна — отъѣзжающая, угощаютъ военнаго священника; по настоянію добрыхъ сестричекъ, мы соединяемся къ общему столу; закуска пришлась очень кстати. Уѣзжая изъ Мешедисера, мы думали найти срочный пароходъ у Гязскаго берега и пообѣдать въ каютъ-компаніи, почему и не захватили съ собою достаточно провизіи, но оказалось, что распisanіе—своимъ порядкомъ, а срочные рейсы—своимъ, и такимъ образомъ мы невольно очутились на пишѣ св. Антонія.

— Если вашъ срочный пароходъ не придетъ сегодня, ночуйте у меня, обратился къ намъ персъ, капитанъ нашего парохода.

— Развѣ вы не успѣете сегодня разгрузиться и уйти въ море?

— Для разгрузки мнѣ нужно всего-то три часа, а вѣдь три дня приходится простоять даромъ изъ-за консульскихъ формальностей.

— Какъ это?

— Просто несчастье, что и говорить. Эти порядки заѣдаютъ насъ. По закону пароходъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ уйти отсюда, не получивъ такъ называемаго «удостоверенія о благополучіи», т. е., что на Гязскомъ берегу нѣтъ никакой эпидеміи. Для этого необходимо, чтобы консулъ сдѣлалъ соответствующую надпись въ три строки на судовыхъ документахъ, на такъ называемомъ «валовомъ» документѣ. Каждый изъ приходящихъ сюда пароходовъ долженъ нанимать посыльнаго въ Астрабадъ и ждать его возвращенія. Теперь считайте: туда день, обратно—тоже, да пока разыщешь посыльнаго, тоже день пропадетъ. А вѣдь содержаніе парохода и суточный простой далеко не

шутка. Даже моему маленькому пароходу это обходится около ста рублей въ сутки, а большому пароходу и въ 500 рублей влетитъ; и вѣдь всѣ эти потери мы несемъ только изъ-за того, что министерство иностранныхъ дѣлъ никакъ не собирается имѣть въ факторіи Гязь консульскаго агента для исполненія этой пустой формальности. Я указалъ вамъ на непосредственные убытки, которые мы несемъ вслѣдствіе полнаго небреженія нашими интересами, но имѣются еще и косвенные, которыхъ и не перечтешь.

— Вы жаловались?

— Помилуйте, еще въ 1886 году по нашимъ жалобамъ астрабадскій консулъ писалъ объ этомъ въ Петербургъ, и никто и не повѣритъ тому, что въ теченіе девяти лѣтъ онъ не получилъ никакого отвѣта. Затѣмъ черезъ девять лѣтъ въ 1895 году онъ вторично возбудилъ этотъ вопросъ, и вотъ уже три года, какъ Петербургъ все отмалчивается. Вы, господа, пеняете на персидскіе порядки, но ручаюсь вамъ, что персы не допустили бы ничего подобнаго.

Нашъ капитанъ былъ вполне правъ. Дѣйствительно, какъ-то не вѣрится даже, чтобы Петербургъ могъ допустить существованіе подобнаго порядка вещей, при которомъ наша торговля на Каспійскомъ морѣ несетъ громадные убытки изъ-за того только, что нежелателенъ расходъ въ двѣ тысячи рублей на содержаніе консульскаго агента въ факторіи Гязь. Единственной излюбленной оговоркою для Петербурга можетъ служить, что «по штатамъ такого консульскаго агента не полагается». Но по какимъ же, спрашивается, штатамъ полагается, чтобы наше торговое мореходство на Каспійскомъ морѣ несло миллионные убытки, да притомъ, то самое мореходство, которое мы стараемся поощрять? Признаться, довольно своеобразный способъ поощренія, при которомъ совершенно теряется изъ виду, что всѣ тѣ сотни тысячъ, которыя ежегодно расхо-

дуются пароходовладельцами на непроизводительную стоянку у факторіи, ложатся тяжелымъ бременемъ на грузовые фрахты. И если раздаются жалобы на дороговизну перевозки грузовъ по Каспійскому морю, то одной изъ главныхъ причинъ этому служатъ существующіе тамъ порядки¹⁾.

Здѣсь, кстати, вспоминаются и другіе тормазы нашей мореходной торговли съ Персією. Несмотря на обиліе и богатство лѣсовъ Мазандеранскаго и Гязскаго береговъ, нигдѣ на мѣстѣ не имѣется хорошаго (да вообще, кажется, никакого) лѣсопильнаго завода, поэтому населеніе этихъ мѣстностей терпитъ большую нужду въ обработанномъ деревѣ и охотно выписывало бы его изъ Россіи въ видѣ готовыхъ сосновыхъ и еловыхъ досокъ, и такимъ образомъ, наша лѣсная торговля получила бы новый рынокъ. Лѣсъ могъ бы идти по Волгѣ и направляться на Гязь и Мешѣдисеръ. Но оказывается, что вывозъ изъ Россіи въ Персію всякихъ досокъ и вообще строевого лѣса строжайше воспрещенъ. Какъ ни странно звучитъ подобное воспрещеніе, но по справкѣ оказывается, что оно дѣйствительно существуетъ, и если не ошибаюсь, еще со временъ Петра Великаго, который, желая развитъ на югѣ судостроительство и затѣмъ не желая поощрять развитіе его въ Персіи на Каспійскомъ морѣ, издалъ законъ, воспрещающій вывозъ изъ Россіи въ Персію строевого лѣса. И, конечно, только наша рутинная могла хранить этотъ законъ во всей его неприкосновенности до нашихъ дней. Цѣлая отрасль торговли гибнетъ для насъ изъ-за нашей же рутины. Какъ это напоминаетъ собою охрану часовымъ апельсиннаго дерева въ Царскосельскомъ паркѣ. Десятки лѣтъ дерева уже не существовало, а часовой все же продолжалъ охранять его, пока случайно не догадались снять эту охрану.

¹⁾ Кажется, въ прошломъ году, т. е. черезъ 12 лѣтъ послѣ возбужденнаго вопроса, такой агентъ назначенъ.

— Вы знаете, обратился однажды ко мнѣ Д. А. Паньянцъ,—что и въ Баку, и его окрестностяхъ держать молочный скотъ немыслимо; кругомъ все солончаки или каменистая, лишенная всякой растительности мѣстность. Всѣ молочные скопы получаются въ Баку изъ отдаленныхъ мѣстностей Кавказа, а вѣдь не секретъ, что эта отрасль хозяйства на Кавказѣ не развита, да и въ силу естественныхъ причинъ никогда не разовьется въ широкихъ размѣрахъ. Все населеніе Баку сильно терпитъ, какъ отъ неимовѣрной дороговизны, такъ и плохого качества доставляемыхъ туда молочныхъ продуктовъ. Какъ по дорогѣ, такъ и здѣсь вы могли наблюдать превосходныя породы скота, какихъ никогда не было и не будетъ на Кавказѣ; могли видѣть громадныя сочныя пастбища, и, наконецъ, у меня въ домѣ вы могли убѣдиться въ превосходныхъ качествахъ нашихъ мѣстныхъ молочныхъ продуктовъ. Нѣсколько времени назадъ, подѣ Рождество, я послалъ брату въ Баку съ пароходомъ небольшой запасъ творогу, масла и т. д. Спустя мѣсяцъ, я получилъ все это обратно, я уже не говорю, въ какомъ видѣ все это возвратилось—это пустяки, но оказалось, что бакинская таможня въ силу какого-то закона не пропускаетъ въ Баку ни капли молочныхъ продуктовъ. Я не говорю въ данномъ случаѣ о себѣ, но развѣ можно лишать населеніе такого громаднаго и торговаго города, какимъ нынѣ является Баку, возможности пользоваться дешевыми молочными продуктами.

— Вы не знаете закона, въ силу котораго молочные продукты подвергаются остракизму со стороны бакинской таможни?

— Не знаю, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, чуть ли не столѣтъ назадъ, была какая-нибудь эпидемія на скотѣ въ Мазандеранѣ; ввозъ молочныхъ продуктовъ былъ воспрещенъ и это запрещеніе продолжаетъ пребывать благополучно и по днесь. Но если подобное запреще-

ніе мотивируется тѣмъ, что въ Персіи не имѣется ветеринарнаго надзора за скотомъ, то я думаю, что наше правительство въ интересахъ бакинскаго населенія могло бы командировать туда своего ветеринара, при чемъ я увѣренъ, что расходъ на его содержаніе охотно принялъ бы на себя Баку или даже Мешедисеръ—выгода для обѣихъ сторонъ очевидна: первые получали бы хорошіе дешевые молочные продукты, вторые имѣли бы хорошій сбытъ этихъ продуктовъ. Но такъ какъ такой ветеринаръ по «штату» вѣроятно тоже не полагается, то можно быть увѣреннымъ, что даже отдаленные потомки бакинцевъ не будутъ пользоваться дешевымъ и хорошимъ масломъ и творогомъ. Мало того, никто изъ европейцевъ, при самой баснословной дешевизнѣ производства молочныхъ скоповъ на Мазандеранскомъ берегу, не рискнетъ заняться этой отраслью промышленности въ виду невозможности, искусственно созданной нами же.

Мнѣ приходится постоянно удаляться отъ прямой нити разсказа, но да проститъ мнѣ читатель эту погрѣшность. Я не претендую предложить его вниманію серьезный послѣдовательный трудъ, но при видѣ того, какъ мало у насъ въ Россіи знаютъ о Персіи, нашей пограничной сосѣдкѣ, я не безъ робости рѣшился написать эти бѣглыя замѣтки, и утѣшаю себя мыслью, что, быть можетъ, онѣ дадутъ читателю кое-какія пригодныя свѣдѣнія.

Возвращаюсь къ нашему чумному бараку на Гязскомъ берегу. Баракъ этотъ обставленъ лучше мешедисерскаго, какъ по численности своего состава, такъ и въ отношеніи матеріальной части. Медицинскій персоналъ здѣсь состоитъ изъ двухъ врачей (въ томъ числѣ женщина-врачъ). Для приѣма и помѣщенія больныхъ имѣются два большіе удобные барака (почему въ одномъ баракѣ помѣщался агентъ общества «Кавказъ и Меркурій» со всѣми чадами и домочадцами,

этого я никакъ не пойму). Аптека барака значительно полнѣе. Судя по всему, количество лицъ, нуждающихся въ медицинской помощи, здѣсь больше, чѣмъ въ Мазандеранѣ. Вообще факторія Гязь представляетъ собою довольно оживленный уголокъ Каспійскаго моря, съ бойкимъ торговымъ населеніемъ, базаромъ и массою отдѣльныхъ лавочекъ. Недавно пожаромъ была уничтожена добрая половина мѣстечка, и факторія вновь отстраивается, хотя трудно предположить, чтобы пожаръ могъ здѣсь послужить «къ украшенію» города. Азіатскій городъ никогда и ничѣмъ не украсишь: персъ непременно обнесетъ свой домъ высокими глинобитными стѣнами и превратитъ улицы въ узкіе вонючіе коридоры, куда онъ станетъ выливать всѣ помои и выбрасывать всякій соръ.

При большемъ развитіи нашей торговли съ Персіею, факторія Гязь можетъ получить значеніе складочнаго пункта, откуда наши товары будутъ направляться въ сѣверо-восточную часть страны. Мнѣ кажется, что имѣются всѣ задатки къ развитію факторіи въ такомъ направленіи.

По наблюденіямъ геологовъ и старожилловъ, Каспійское море все болѣе и болѣе заливаетъ Гязскій берегъ, въ то время какъ Гилянскій и Мазандеранскій берега сильно мелѣютъ. Мнѣ кажется, что причину этого явленія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельстве, что по Гилянскому и Мазандеранскому берегамъ протекаетъ сравнительно много большихъ и малыхъ рѣкъ, которыя несутъ и отлагаютъ въ морѣ громадное количество ила, вслѣдствіе чего оно отступаетъ отъ берега и уровень воды въ немъ въ общемъ повышается. Не менѣе ила даютъ Кура, Волга и Уралъ, что тоже не мало способствуетъ къ обмелѣнію сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря. Между тѣмъ факторія Гязь находится въ такомъ углу этого моря, который почти не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ

рѣкъ. Если еще принять во вниманіе, что Гязскій заливъ защищенъ на протяженіи многихъ верстъ косою со стороны Мазандеранскаго берега, т. е. отъ возможности наноса ила, то станетъ понятнымъ, что малѣйшее общее повышеніе уровня моря будетъ очень чувствительно отзываться у Гязскаго берега. Не знаю, почему данный вопросъ никѣмъ не былъ подробно разработанъ. Въ общемъ, Каспійское море у юго-восточныхъ береговъ очень глубоко и берега его, хотя ровные степные, но тѣмъ не менѣе обрывисты.

Проходя мимо этихъ береговъ, я, по крайней мѣрѣ, вынесъ впечатлѣніе, что море дѣйствуетъ здѣсь наступательнымъ образомъ.

Осмотрѣвъ факторію, мы направляемся на нашъ гостепріимный пароходъ съ массою закупленной провизіи, въ твердомъ упованіи имѣть къ обѣду шашлыкъ, который превосходно жарили наши горцы. А разъ имѣется шашлыкъ и рюмка водки, то для полного блаженства на Гязскомъ берегу, кажется, остается желать весьма немногаго.

Но въ то время, какъ мы направляемся къ пристани, къ намъ подходитъ какой-то вполне прилично, но въ тоже время скромно одѣтый молодой человекъ, блондинъ съ очень мягкимъ скучающимъ выраженіемъ лица, и, безо всякихъ прелюдій, прямо приглашаетъ къ себѣ отобѣдать. На его лицѣ такъ и написано: «Вижу де, что вы люди бездомные, странствующие; мое славянское сердце не можетъ успокоиться, пока не накормлю и не напою васъ до-сыта».

При болѣе близкомъ знакомствѣ оказалось, что ниспосланный намъ судьбою новый знакомый состоитъ агентомъ одного изъ нашихъ страховыхъ и транспортныхъ обществъ.

— Если позволите, мы сначала съѣдимъ на нашъ пароходъ, а затѣмъ уже къ вамъ, а пока, вы будьте любезны, укажите намъ вашъ домъ.

— А вотъ онъ, говоритъ добрая душа, указывая на громадную баржу на мертвыхъ якоряхъ въ полуверстѣ отъ берега.

— Очень будемъ рады.

— А какъ вы думаете, Николай Николаевичъ, обращаюсь къ Н. Н. Курмакову,— не принимаетъ ли онъ насъ за странствующихъ актеровъ?

— Ну, что вы, улыбается тотъ.

— Вотъ увидите, накормитъ насъ обѣдомъ, а послѣ дастъ по три рубля, въ видѣ вспомошествованія на дорогу.

Часъ спустя, мы подходили на лодкѣ къ трапу громаднѣйшей баржи, какую мнѣ когда-либо приходилось видѣть. На кормѣ баржи построены небольшой домикъ о двухъ комнатахъ въ видѣ сруба; другое такое же помѣщеніе для кухни и прислуги находилось въ носовой ея части. Громаднѣйшій трюмъ служилъ складомъ для товаровъ, адресуемыхъ на имя страховаго общества.

Добрый хлѣбосоль-хозяинъ угостилъ насъ обѣдомъ на славу. Только поздно ночью мы переѣхали на нашъ пароходъ. Тамъ царили сонъ и тишина, и только высоко поднятый круглый фонарь на фокъ-мачтѣ, словно глазъ циклопа, глядѣлъ въ темное безбрежное пространство. Когда, зажегши спичку, я сталъ приманиваться, какъ бы удобнѣе расположиться на двухъ доскахъ, замѣнявшихъ кровать въ моей крохотной каютѣ, первымъ мнѣ бросился въ глаза букетъ еще свѣжихъ пахучихъ розъ со свѣжими цвѣтущими и пахучими вѣтками fleur d'orange, который мнѣ принесла на пароходъ почтенная сестра милосердія Васильева.

Съ кротостью и спокойствіемъ несла она свой тяжелый и неблагодарный трудъ, за который, вѣроятно, никто не сказалъ ей даже спасибо. Въ Петербургѣ оцѣнить этотъ трудъ и невзгоды никто не сумѣетъ;

вѣдь никто не былъ на мѣстѣ; никто ничего не видѣлъ. «А персы?» спросите вы меня. Персы не сумѣютъ и не смогутъ сказать ей сердечное спасибо. Вѣдь ихъ муллы учатъ, что одно прикосновеніе къ иностранцу оскверняетъ каждаго перса. Правда, сердечные порывы часто проскальзываютъ сквозь всякую искусственно сотканную сѣть, опутывающую этотъ народъ; но суть-то въ томъ, что персидскіе чиновники, ханы и бузургуны, жадные и развращенные, высосали, словно пиявки, всю кровь изъ сердца персидскаго народа; такъ откуда же здѣсь вѣзаться этимъ сердечнымъ порывамъ...

Еще одна ночь на маленькомъ грузовомъ пароходѣ, тяжелая ночь въ грязной крохотной душной каютѣ.

Утромъ чуть свѣтъ отправляемъ одного изъ нашихъ горцевъ къ агенту общества «Кавказъ и Меркурій» справиться о прибытіи срочнаго парохода, который, по росписанію, еще вчера ожидался у Гязскаго берега. Отвѣтъ получается все тотъ же: «Онъ, агентъ, ничего не знаетъ, да его объ этомъ даже не извѣщаютъ телеграммами. Это особаго рода грошевая экономія со стороны общества.

Положеніе становится критическимъ. Нашъ пароходъ долженъ, наконецъ, получить двухстрочную надпись «о благополучіи», какъ принято здѣсь выражаться, и сегодня ночью снимется и уйдетъ въ море. Куда же мы дѣнемся съ нашими горцами, багажомъ, чадами и домочадцами? На третій чумный баракъ мы рассчитывать не можемъ, ибо такового въ запасъ не имѣется; никакихъ гостинницъ въ факторіи отъ сотворенія міра никто еще не заводилъ, а персъ въ свой домъ не пустить; положеніе далеко незавидное. Сидя на палубѣ, устремляемъ наши печальные недоумѣвающие взоры въ морскую даль, но пока тщетно— «въ волнахъ ничего не видно».

Вдругъ «среди сихъ печальныхъ думъ» мы замѣ-

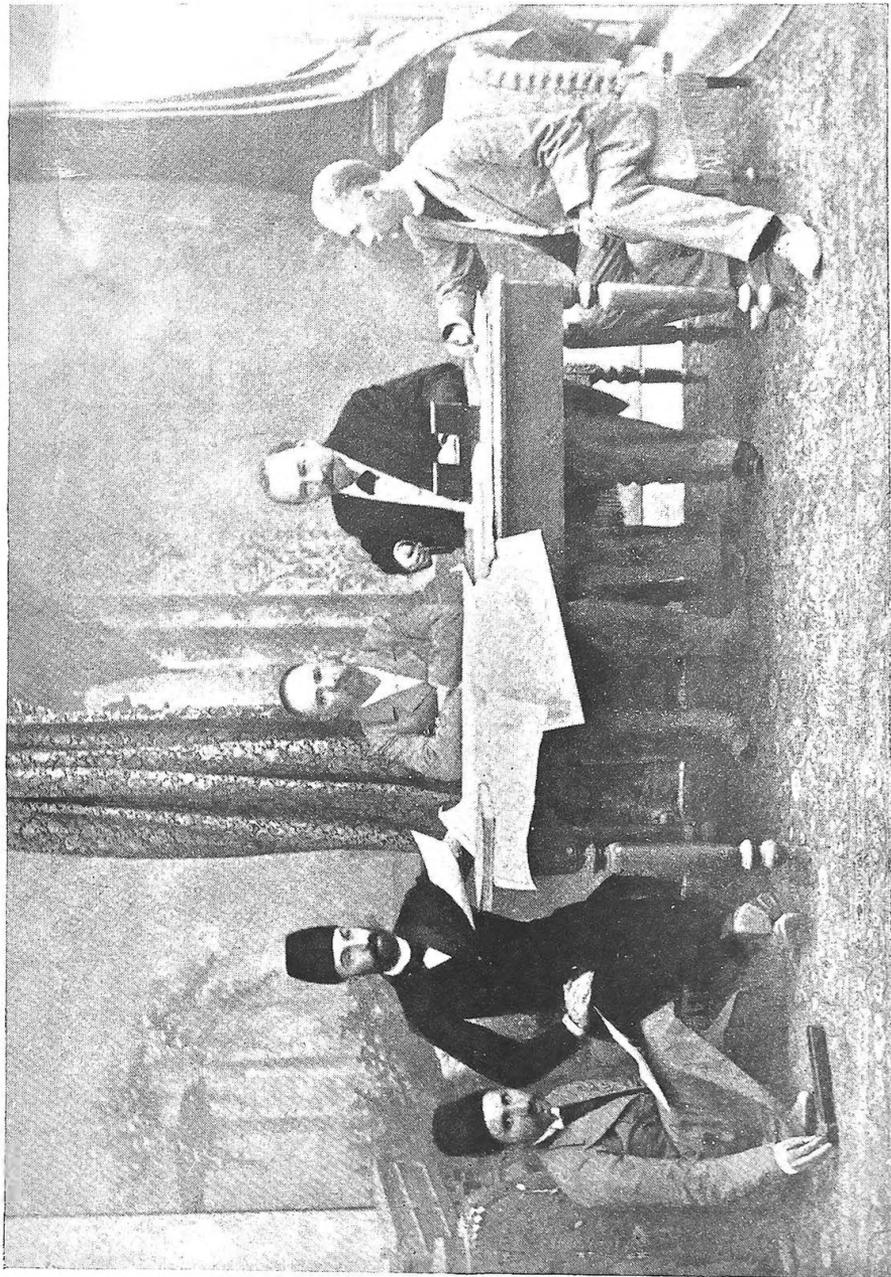
чаемъ, что на горизонтѣ обрисовывается силуэтъ парохода.

— Это меркуріевскій, заявляетъ помощникъ капитана.

— Куда те меркуріевскій, возражаетъ боцманъ,— это «Казбекъ» Мартиросіанца.

Въ спорахъ проходитъ цѣлыхъ полчаса, пока, наконецъ, пароходъ не вырисовывается настолько, что не остается ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что онъ дѣйствительно «меркуріевскій».

Черезъ часъ мы на бортъ русскаго парохода, на русской территоріи.

Заключеніе договора съ перенденнымъ правительствомъ.

Представитель
мин. иностр. дѣлъ
Москва-въ-съ-судачиъ.

Писецъ.

Н. Н. Курмасовъ.

Госуд. контролеръ Наусъ.

С. Лошицкий.

